

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.В. Шевцов

**«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
(1857–1917 гг.) В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
И ИНФОРМАЦИОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ**

Томск
2012

УДК 94(571.16).081/.083+070

ББК 63.3(253.3)522+63.3(253.3)53+76.12

ШЗ7

Научный редактор:

доктор исторических наук В.П. Зиновьев

Рецензенты:

доктор исторических наук А.Н. Жеравина,

доктор исторических наук П.Ф. Никулин

Шевцов В.В.

ШЗ7 «Томские губернские ведомости» (1857–1917 гг.)
в социокультурном и информационном пространстве
Сибири. – Томск : Томский государственный университет,
2012. – 414 с. + 4 вклейки.

ISBN 978-5-94621-350-9

Монография посвящена истории одной из первых газет Сибири – «Томским губернским ведомостям». Рассмотрены законодательные основания издания газеты, роль администрации и представителей местной общественности в ее организации и развитии, приведены сведения о редакторах и авторах неофициальной части, охарактеризовано состояние томской губернской типографии, дана оценка значения «Томских губернских ведомостей» в системе периодической печати и социокультурной жизни региона, проведен анализ публикаций неофициальной части, показаны причины изменения их тематики. Делается попытка преодоления и уточнения сформировавшихся в сибирской печати оценок и суждений относительно истории первой томской газеты.

Содержание неофициальной части «Томских губернских ведомостей» представлено в электронном указателе.

Для историков, этнографов, филологов, журналистов и всех интересующихся историей России, Сибири и периодической печати.

УДК 94(571.16).081/.083+070

ББК 63.3(253.3)522+63.3(253.3)53+76.12

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (гранты 2006–2008, № 06–01–00317а; 2007, № 7–01–94680 м/М; 2008, № 08–01–94700 м/М; РГНФ-регион, 2012, № 12–11–70001), а также с использованием средств гранта Президента РФ 2007–2008 гг. № МК–3080.2007.6

ISBN 978-5-94621-350-9 © В.В. Шевцов, 2012

© Томский государственный университет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Правительственный проект правительственной печати (1830–1857 гг.)	20
Глава 2. Подготовка проекта и начало издания «Томских губернских ведомостей» в 1854–1857 гг.	42
Глава 3. «Томские губернские ведомости» в 1858–1865 гг.	61
3.1. Неофициальная часть (1858–1862 гг.): в поисках авторов и читателей	61
3.2. Орган «сибирских сепаратистов», или Как неофициальная часть губернской газеты выступила против официального правительства (1863–1865 гг.)	95
Глава 4. «Томские губернские ведомости» в 1866–1881 гг.	143
4.1. Н.А. Костров и неофициальная часть «Томских губернских ведомостей»	143
4.2. Местные, общероссийские и международные события на страницах неофициальной части газеты	174
4.3. Томская губернская типография как материально-техническая база издания губернских ведомостей	206
Глава 5. «Томские губернские ведомости» в 1882–1904 гг.	238
5.1. Газета в период редакторства Е.В. Корша (1882–1883 гг.) и конфликт с «Восточным обозрением»	238
5.2. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» как справочно-рекламное приложение к официальной части (1884–1904 гг.)	284
5.3. Деятельность Комиссии по пересмотру правил об издании губернских и областных ведомостей (1901 г.)	291
Глава 6. «Томские губернские ведомости» в 1905–1917 гг.	307

6.1. Реорганизация сектора правительственной печати в ходе Первой русской революции	307
6.2. Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» как местное правительственное общественно-политическое издание (конец 1905 – 1907 гг.)	321
6.3. От губернских ведомостей к «Известиям Томской губернии» и «Голосу свободы»	349
Заключение	377
Приложение 1. Редакторы неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (1857–1917 гг.)	389
Приложение 2. «Томские губернские ведомости» (1857–1917): библиографические сведения о газете	394
Приложение 3. Газетные публикации о предполагаемой реформе губернских ведомостей (апрель – июль 1901 г.)	407

ВВЕДЕНИЕ

Газетная периодика является наиболее распространенной формой чтения, во многом и по сей день образующей информационное социальное пространство. После публикации и тиражирования событие становится фактом социального сознания и бытия, принимаемым к сведению и оценке как читателями-современниками, так и читателями-историками. Газета без физического наличного собрания может дистанционно оформить аудиторию и обеспечить концентрацию масс, духовное объединение или дифференциацию групп общества. На новом уровне воспроизводства и оформления устной речи газетный текст обращается к каждому и ко многим. При долгом отсутствии народного представительства литература и периодическая печать в России являлись средоточием общественно-политической мысли, средством выражения и формирования как официальной идеологии, так и взглядов, ей альтернативных. Изучение газетной периодики способствует пониманию и восприятию тех знаний, образов и представлений, которыми на уровне повседневного сознания оперировали читатели прошлого, определяя возможность или невозможность более масштабных исторических изменений (модернизация, реформы, революция, территориальная экспансия и войны, научно-технический прогресс, формирование гражданского общества и правового государства).

Томск, благодаря таким масштабным частным изданиям, как «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Сибирская жизнь», располагает обилием уникального фактического материала и множеством интересных и квалифицированных исследований в

этой области¹. В сравнении с частными газетами номера «Томских губернских ведомостей», отпечатанные на тонкой серой бумаге мелким, зачастую «слепым» шрифтом, по характеру материала, обилию пресловутого «официоза» производят впечатление «гадкого утенка» сибирской периодики. Однако именно они открывают историю регулярной газетной печати Сибири. Подшивки ведомостей, зачастую неполные и поврежденные, связаны с конкретными людьми прошлого (сотрудники, авторы, читатели), хранят в себе информацию, способную расширить и детализировать наши представления об истории Сибири.

Среди дореволюционных газет, губернские ведомости были единственными, просуществовавшими восемьдесят лет в Европейской России и шесть десятилетий в Сибири, не прерывавшимися цензурными приостановками, сменой редакторов, финансовыми затруднениями или изменениями во внутренней политике. Этот правительственный проект по времени существования может сравниться только с пришедшим ему на смену новым советским проектом официальной партийной печати.

Место и значение губернских ведомостей в истории сибирской печати определялось с позиций различных общественно-политических группировок как начальный этап возникновения независимых частных изданий, как возможность высказывания областнических и демократических взглядов, как орган местной реакционной администрации и инструмент борьбы с оппозици-

¹ Жилкова Н.В. Сибирская газета // Российская провинциальная частная газета. Тюмень, 2004. С. 207–235; Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007; Доманский В.А. Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 146–166; Серебrenников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2004; Воробьев В.В. Либеральная периодическая печать Сибири в общественно-политической жизни края (1907–1914 гг.). Омск, 2003; Андреева Е.А. Ментальность городского населения Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009 и др. авторы.

онными власти газетами («подлинной местной печатью»). В «освободительном движении» роль губернских ведомостей была незначительной, поэтому в обзорах сибирской периодики таких общественных деятелей и журналистов, как В.М. Крутовский и А.В. Адрианов, для них нашлось лишь несколько слов². В формировании такой точки зрения решающая роль принадлежала мэтрам сибиреведения – областникам Г.Н. Потанину и Н.М. Ядринцеву, принимавшим участие в издании неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1864–1865 гг.

Потанин писал, что «настоящая сибирская пресса начинается только с Ядринцева»³, подразумевая под «настоящей прессой» сибирскую областническую. Ядринцев, в свою очередь, отмечал факт участия в газете Потанина и самого себя: «...в 1858 г. появляется статья в ведомостях даже Г.Н. Потанина... В 1865 г., во время редакции Д.Л. Кузнецова, на смену прежних литераторов являются в губернских ведомостях первые силы сибирской университетской молодежи и пробуют сделать газету литературной, но попытка эта является кратковременной; вообще 1865 год отразил то умственное напряжение и потребность литературы, которая тогда чувствовалась. “Томские губернские ведомости” тогда производили сильное впечатление»⁴.

Предшествующие годы существования неофициальной части газеты, как и последующие после «дела областников», оценивались с точки зрения ее соответствия (вернее, несоответствия) задачам местного печатного органа: «...неофициальная часть [томских] ведомостей всегда представлялась мне губернаторской

² Крутовский В.М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 280; Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. С. 2–3.

³ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 279.

⁴ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 670.

прихожей, где литературничали угодливые чиновники» (Ядринцев)⁵; «Временами губернские ведомости печатали акты из местных архивов и памятники старины и в этом случае, так сказать, были полезным складом вспомогательного материала. Зато они вовсе не могли удовлетворять требованиям литературного органа и оказывались ниже принятой роли, когда пускались характеризовать общественную жизнь, прибегали к приемам фельетона или помещали официальные корреспонденции с целью угодить местному администратору» (Ядринцев); «С 1866 г. губернские ведомости падают до прежнего своего уровня, наполняются одним сырым этнографическим и историческим материалом» (Ядринцев)⁶; «...мы с Ядринцевым на столбцах “Томских ведомостей” помещали статьи по университетскому вопросу в Сибири, о равновесии областного бюджета с государственным, о вредном влиянии ссылки на сибирские нравы и т.п. Конечно, такой литературе не место в официальных органах» (Потанин)⁷.

Более высокой оценки удостоились «Иркутские губернские ведомости», для издания неофициальной части которых генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым были привлечены политические ссыльные: «В “Иркутских губернских ведомостях” стали появляться публицистические статьи. В первых же номерах, которые редактировал петрашевец Спешнев, появилась статья о виновных

⁵ Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев. СПб., 1904. С. 56.

⁶ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 670, 673; В «пилотное» описание Ядринцевым истории «Томских губернских ведомостей» вкралась одна фактическая ошибка, не влияющая на содержание и логику изложения, однако, видимо, в силу авторитета автора повторяемая в некоторых современных исследованиях (см.: Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать: спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. С. 18). Н.А. Костров хотя и был главным сотрудником неофициальной части, но не был ее редактором. Эту должность в больший период работы в газете Кострова занимал Н.И. Стефанов (с № 12–13 1866 г. по № 30 1873 г. и с № 20 1877 г. по № 25 1880 г.)

⁷ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 280.

откупам. Она тотчас же была отмечена в петроградских газетах и перепечатана. Это был первый удар, нанесенный системе печатью, вероятно, с благословения иркутского генерал-губернатора Муравьева-Амурского» (Потанин)⁸; «Газетка [“Иркутские губернские ведомости”] приняла обличительный характер и притом до такой степени живой и смелый, что в этом отношении едва ли могло равняться с ней какое-нибудь другое издание того времени в России... Публика скоро поняла дух губернских ведомостей, и в редакцию посыпались обличительные корреспонденции не только из всех мест Восточной, но и из Западной Сибири. Газетка сделалась грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков... По выходу из редакции губернских ведомостей Спешнева и Загоскина направление, данное ими этому изданию, в первые годы изменилось только отчасти, хотя достоинство издания порядочно ослабло» (Ядринцев, со слов В.И. Вагина)⁹.

Областническая либерально-народническая оценка губернских ведомостей как бюрократического официоза, чуждого «обличительности» и «идейности», сформировавшаяся в период развития в Сибири частной прессы, ориентированной на возможность наносить «удары» по «системе», перешла в советскую историографию¹⁰. Принцип партийности печати стал ос-

⁸ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 280.

⁹ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 671–672.

¹⁰ В отношении европейских первенцев российской провинциальной печати еще в период их существования также сформировались аналогичные оценки. Так, писатель и публицист В.А. Слепцов писал о «мертворожденных детищах разных губернских правлений», которые пишут «не публицисты, а канцелярские служители, сшивают сторожа и печать наклеивают они же». С иронией пройдясь по содержанию также и «прогрессивных органов провинциальной журналистики», автор заключал свою статью выводом, что «чего-нибудь особенно нового в пределах провинциальной журналистики и совсем никогда не бывает» (Слепцов В.А. Губернская пресса // Современник. 1865. № 9. С. 43–44, 53). Спустя 30 лет в журнале «Новое слово» была воспроизведена аналогичная оценка: «...губернские ведомости, за малым исключением, не в силах идти в уровень с ростом нашей

новополагающим, и губернские ведомости в этом отношении рассматривались как прецедент, «стартовая площадка» для будущего развития «передовой» печати в сторону повышения градуса борьбы с самодержавием до окончательного его свержения¹¹. Так, в «Сибирской советской энциклопедии» (1929) об «Иркутских губернских ведомостях» упоминалось лишь в связи с работой в них ссыльных петрашевцев, о «Томских» – в связи с деятельностью областников и деятельностью губернатора В.И. Мерцалова по расширению неофициальной части ведомостей в противовес «Сибирской газете». В «Энциклопедии» отмечались ценность краеведческих статей, публикаций архивных документов, экспедиционных, статистических и археологических материалов. Отдельную статью о ведомостях заключали вывод: «Позднее, с появлением частных газет, “Т.В.” владели жалкое существование, печатая официальный материал; все попытки оживления этих изданий успеха не имели»¹².

В масштабном справочном издании 1959 г. более чем двух-вековая история русской периодической печати была рассмотрена с точки зрения ее «магистрального направления» – революционно-демократических изданий, прошедших в своем развитии дворянский, разночинный и пролетарский этапы. Во главу угла ставилась возможность будировать общественное

общественной жизни... Песенка их спета, если только они когда-либо пели ее. Они не могут заменить местных частных органов, что и доказали своей полувековой дремотой и жалким бесцветным прозябанием» (*М. К-ий*. Провинциальная печать. Губернская пресса // Новое слово. СПб., 1896. № 12. С. 168).

¹¹ В этом отношении кажутся уместными слова Л.А. Тихомирова: «Либерал только и мечтает, как бы не додумать до конца. Революционер все спасение ищет в том, чтобы дойти до самого последнего предела» (*Тихомиров Л.А.* Начала и концы. Либералы и террористы // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 109).

¹² *Турунов А.* Газеты // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. С. 591–592; *А.Т. [Турунов А.]* Губернские и областные ведомости // Там же. С. 755–756. В последней статье ошибочно указана дата выхода первого номера «Томских губернских ведомостей» – 16 августа вместо 15 августа 1857 г.

негодование и протестовать против «деспотического гнета самодержавия». Значение губернских ведомостей оценивалось лишь с точки зрения опубликованных в них историко-этнографических и статистических материалов или в случае руководства ими «прогрессивно настроенными деятелями». Упадок и угасание являлись преобладающими чертами при характеристике истории российских и сибирских ведомостей¹³.

В более поздней работе Л.С. Любимова, вышедшей в 1982 г., также подробно освещены лишь наиболее яркие, политически окрашенные страницы истории иркутских и томских ведомостей. Относительно последних автор делает вывод, что после разгрома сибирских областников газета «уже никогда не смогла оправиться, и вся ее последующая история развивалась под знаком непрерывного угасания»¹⁴.

В 1978 г. была опубликована источниковедческая работа Г.М. Дейча, посвященная губернским ведомостям России, в которой отмечалось: несмотря на то, что ведомости «освещали события весьма односторонне, с позиций господствующего класса», они «давно уже стали привлекаться в качестве источника историками, филологами, литературоведами, однако специальных исследований о них до сих пор крайне мало»¹⁵. Многогранность, разнообразие региональных вариантов, широкие хронологические рамки существования – такими чертами охарактеризованы губернские ведомости в статье Г.М. Дейча. Автор одним из первых подошел к этому источнику как самостоятельному, охарактеризовав некоторые стороны развития законодательной базы ведомостей, обстоятельства и причины их

¹³ *Русская периодическая печать (1702–1894)* : Справочник / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черпакова. М., 1959. С. 255–263.

¹⁴ *Любимов Л.С.* История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 39.

¹⁵ *Дейч Г.М.* Губернские ведомости как исторический источник // Вспомогательные исторические дисциплины. М., 1978. Т. 9. С. 237.

появления, возможные проблемы изучения газеты. Отметим, что такой «реабилитирующий» губернские ведомости подход, как и отказывающий «зародышам сибирской прессы» в жизнеспособности, сформировался в период издания самих губернских газет. Например, на необходимость сохранения и изучения губернских ведомостей Сибири «для пользы науки и в видах содействия местным исследователям» указывал И.В. Щеглов. По мнению создателя первой сибирской хроники, ведомости сохранили на своих страницах множество любопытных материалов для местной истории, этнографии, статистики, лингвистики, метеорологии и пр. Как внимательный к каждому факту и событию прошлого, историк И.В. Щеглов отмечал, что «эти издания уже сделались библиографическою редкостью» и необходимо издавать указатели содержащихся в них статей, а наиболее ценные и интересные из них обобщить в сборнике¹⁶.

В настоящее время история печати и ее взаимоотношений с властью перестали рассматриваться в рамках преимущественно конфликтной парадигмы, в категориях прогрессивности / реакционности, идейности / безыдейности, в соответствии с которыми выстраивался источниковый материал и определялись исследовательские предпочтения. Конечно, «пользоваться периодикой как источником можно лишь с учетом общественно-политического лица издания»¹⁷. В классификации, предложен-

¹⁶ *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032–1882). Сургут, 1993. Репринт. воспр. изд. 1883, под ред. А.А. Преображенского. С. 348; В отношении ведомостей Европейской России этнограф и историк Н.Ф. Сумцов также отмечал, что «в общей громадной массе областных ведомостей встречаются весьма ценные номера», и пятидесятилетний юбилей их издания должен ознаменоваться составлением подробного указателя содержания (*Сумцов Н.Ф.* Губернские ведомости как пособие при изучении русской истории и этнографии. Киев, 1888. С. 2, 8).

¹⁷ *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.). Указатель газет и журналов : учеб. пособие. Томск, 2001. С. 3.

ной Е.Н. Косых, частные сибирские газеты выражали три пропагандистские системы: пролетарско-большевистскую, буржуазно-кадетскую и социалистическую (мелкобуржуазную). Казенные губернские ведомости в этом отношении можно определить как официально-административное, консервативно-охранительное издание, формировавшее информационно-правовое пространство и транслировавшее идеи самодержавия, православия и народности.

Однако газетный текст несет в себе информацию не только общественно-политического характера, с его помощью формируется определенное социальное, культурное и этническое пространство, имеющее региональные особенности. Исследовательский интерес также представляют и отражение на страницах провинциальных газет событий «большого» мира – общероссийских и зарубежных, и реконструкция жизненных обстоятельств и деятельностных мотивов авторов, редакторов и цензоров газеты. Так делается шаг к изучению частного, «малого» измерения истории. У голоса эпохи есть и свои интонации. «Торжество исторической критики – из того, что говорят люди известного времени, подслушать то, о чем они умалчивали» – так образно определял задачу источниковедческого анализа В.О. Ключевский¹⁸.

Тематическое разнообразие работ последних двух постсоветских десятилетий, посвященных истории возникновения и развития губернских ведомостей и использующих их материалы в качестве источника, требует отдельного историографического обзора. В сносках упомянуты лишь ряд статей, монографий и авторефератов диссертаций авторов, представляющих

¹⁸ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1993. С. 36.

университеты и научные учреждения Европейской России¹⁹ и Сибири²⁰. Соответствие, главным образом, «места прописки» ав-

¹⁹ Павлов В.А. Оренбургские и Пермские губернские ведомости // Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Екатеринбург, 1992. Т. 1. С. 162–210; Михайлова М.Е. Литературная критика газеты «Пермские губернские ведомости» (1890–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006; Волгирева Г.Л., Корниенко С.И., Пигалева С.В. Источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (XIX – начало XX в.) как основа для проектирования и создания информационной системы // Вестник Перм. гос. ун-та. 2007. № 3. С. 79–88; Питерова А.Ю. Пензенская губернская печать о деятельности земства в период с 1864 по 1917 г. (на примере «Пензенских губернских ведомостей» и «Вестника Пензенского земства») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005; Смирнова М.А. Отражение связей северных стран с Российским севером на страницах «Архангельских губернских ведомостей» (1839–1859) // Архангельск и северные страны конца XIV – начала XX века. Архангельск, 1999. С. 125–128; Шурупова Е.Е. «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005; Верещагин А.С. История края в газете «Уфимские губернские ведомости». Уфа, 2003; Пугачев В.В. Уфимская книжность. Эволюция газетного, журнального, типографского и книжного дела : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004; Выжмивов Е.Д. «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–1856 гг. // Вестник Тамбов. гос. ун-та. Тамбов, 2007. Вып. 2 (46). С. 129–131; Болтуц О.А. Провинциальный газетный фельетон: от отдела к жанру (на материале кубанской периодики рубежа XIX–XX вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006; Лепиликина О.И. Губернские ведомости как тип издания XIX века // Вестник Ставропольского гос. ун-та. Ставрополь, 2005. № 41. С. 175–183; Клец Ю.А. «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917 гг.): история издания и трансформация типологических признаков : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2009; Летенков Э.В. Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости 1837–1917. СПб., 2005.

²⁰ Мандрика Ю.Л. Тобольские губернские ведомости: Редакторский корпус: Антология тобольской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004; Он же. Первые издания Сибири: генезис провинциальной прессы, ее региональная идентичность и стратегия развития // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. Воронеж, 2005. № 1. С. 187–196; Он же. Экономическое положение провинциальной казенной прессы (на материале «Томских губернских ведомостей» // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика.

тора губернскому городу или краю, где издавались ведомости²¹, рождает еще одну задачу – преодоление такого разделения и объединение исследовательских усилий для целостного осмысления истории официальной губернской печати и использования ее источникового потенциала. У «провинциальных братьев»²² много общего не только по форме, но и по содержанию, направленному на самоидентификацию провинции в культурном, этническом, экономическом и иных смыслах. Особенности и возможности такой самоидентификации в различных вариантах губернских газет имели как свою специфику, так и общие тенденции, связанные с развитием частной прессы. Существующая сеть центральных и

Воронеж, 2007. № 1. С. 168–175; *Гольдфарб С.И.* Газетное дело в Сибири. Первая половина XIX – начало XX в. Иркутск, 2002; *Бобков А.К.* Публицистика петрашевцев в газетах «Иркутские губернские ведомости» и «Амур» // Литера: вестник факультета филологии и журналистики ИГУ. 2008. Вып. 3. С. 97–105; *Матханова Н.П.* Авторы и читатели сибирских губернских ведомостей в первые годы их издания // Книжное дело в Сибири (конец XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1991. С. 49–58; *Она же.* Сотрудничество политических ссыльных и общественных деятелей Восточной Сибири в «Иркутских губернских ведомостях» в 1857–1860 гг. // Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 205–223; *Морозова Н.Н.* Администрация Западной Сибири и местная пресса (1857–1866) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2009; *Кандаурова Т.Н., Мохначева М.П.* По страницам «губернских ведомостей». Динамика социокультурных процессов в городах Сибири // Урбанизация и культурная жизнь Сибири : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1995. С. 112–114; *Миханев А.П.* Периодическая печать Красноярск в общественно-политической жизни Енисейской губернии второй половины XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1998.

²¹ За изучение губернских ведомостей как особого типа провинциальных изданий Российской империи взялись и иностранные исследователи. См.: *Susan Smith-Peter.* The Russian Provincial Newspaper and its Public, 1788–1864. Pittsburgh, 2008.

²² Так редактор начавших издаваться с 1863 г. «Кубанских областных ведомостей» Г.Я. Есаулов обратился к уже выходившим в России губернским ведомостям (*Лучинский Ю.В.* «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст : сборник статей и материалов. Краснодар, 2003. Вып. 2. С. 13).

местных официальных изданий позволила правительству использовать их материальную и кадровую базу для проведения контрпропаганды в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии в период потрясения государственных устоев. И в этом случае реформирование сектора правительственной печати демонстрировало как общие, так и особенные формы и результаты в конкретных губерниях.

На прошедшей в 2007 г. научной конференции, посвященной юбилею сибирской печати, в которой приняли участие историки, журналисты, культурологи, сотрудники библиотек и архивов, из 65 докладов 20 были прямо или косвенно посвящены истории и содержанию сибирских губернских ведомостей. Исследовательский интерес к этому источнику не только сохраняется, но и расширяется за счет молодых исследователей²³. Дальнейший перевод библиотечных коллекций дореволюционной периодики в электронную форму будет способствовать выявлению региональной специфики и общих тенденций развития губернских ведомостей в системе российской провинциальной печати²⁴.

²³ *150 лет* периодической печати в Сибири : материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.) / под ред. В.П. Зиновьева, С.А. Красильникова, А.Н. Жеравиной, В.В. Шевцова. Томск, 2007.

²⁴ «Томские губернские ведомости» доступны в электронных ресурсах Научной библиотеки Томского государственного университета (<http://www.lib.tsu.ru>) и Новосибирской государственной областной научной библиотеки (<http://www.ngonb.ru>). «Иркутские губернские ведомости» представлены на сайте Иркутской областной государственной универсальной научной библиотеки им. И.И. Молчанова-Сибирского (<http://irabis.irklib.ru:8080>). Принято решение о переводе в оцифрованную форму «Енисейских губернских ведомостей» в Красноярском крае. Выпуски «Пермских губернских ведомостей» можно посмотреть на сайте Государственного архива Пермского края (<http://www.archive.perm.ru>), а «Вологодских» – на сайте Вологодской универсальной научной библиотеки (<http://www.booksi-te.ru/vgv/index.htm>). «Эстляндские губернские ведомости» есть на сайте Национальной библиотеки Эстонии (<http://digar.nlib.ee>). Действует самостоятельный интернет-ресурс «Олонецкие губернские ведомости» (<http://ogv.ka-relia.ru>). Работа по подготовке и размещению электрон-

Накопление материала и его анализ позволили посвятить отдельную работу «Томским губернским ведомостям» в качестве первого шага в комплексном сравнительно-историческом исследовании официальных газет Сибири. В настоящей монографии рассмотрены законодательные основания для издания ведомостей в Томской губернии и правовые условия их существования, выявлены роль губернской администрации и представителей томской общественности в процессе возникновения и развития газеты, выделены и охарактеризованы основные этапы истории первой томской газеты, дана характеристика места и значения неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в системе периодических изданий и социокультурной жизни региона, приведены сведения о ее редакторах и авторах, результаты количественного и качественного анализа публикаций неофициальной части издания, показаны причины изменения их тематики. Отдельный раздел посвящен томской губернской типографии как материально-технической базе издания местной официальной газеты.

Автор делает попытку преодолеть и уточнить сформировавшиеся в историографии сибирской печати оценки и суждения относительно истории и содержания первой томской газеты. О том, чего не было в неофициальной части «Томских губернских ведомостей», написано уже достаточно и определенно, но представляется до конца не выясненным вопрос, а что же в ней было? Объективный ответ на него возможен при полном просмотре всего массива текстов неофициальной части и их анализе в контексте исторической эпохи и социокультурной принадлежности авторов.

Содержание неофициальной части «Томских губернских ведомостей» за весь период их существования отражено в элек-

ных вариантов «Архангельских» и «Ярославских» губернских ведомостей ведется сотрудниками электронной краеведческой библиотеки «Русский север» (<http://www.aonb.ru/ekb>) и Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н.А. Некрасова (<http://www.rlib.yar.ru>).

тронном указателе (в формате Excel) с распределением публикаций по годам выхода и по тематическим рубрикам: «История», «Этнография», «Экономика», «География и природа Сибири», «Духовная, общественная и повседневная жизнь», «Образование и просвещение», «Здравоохранение и медицина», «Домоводство», «Революция 1905–07 гг.», «По России», «За рубежом», «Приложения к “Томским губернским ведомостям”»²⁵.

Источниковую базу работы составили публикации неофициальной части «Томских губернских ведомостей»; законодательные акты о порядке издания и цензурирования, об изменениях в программе губернских ведомостей; источники личного происхождения (воспоминания и письма Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева, неопубликованные статьи и письма Н.А. Кострова, воспоминания Е.В. Корша и В.И. Мерцалова, записки и письма С.С. Татищева); введенные в научный оборот следственные документы по делу «о сибирских сепаратистах»; статьи, связанные с «Томскими губернскими ведомостями», в «Восточном обозрении» и «Сибирской газете»; адрес-календари и памятные книжки Томской губернии, а также формулярные списки чиновников, содержащие сведения о редакторах и авторах томской официальной газеты.

Подготовка издания «Томских губернских ведомостей», участие в газете местной общественности, состояние томской губернской типографии отражены главным образом в архивных делах

²⁵ В указатель не вошли рекламные и частные объявления; объявления о подписке на центральные и местные издания и о выходе книг; метеорологии таблицы; балансовые отчеты и объявления Сибирского банка; тиражи выигрышей внутреннего займа; ведомости о ходе эпизоотий; сообщения от городской управы; сообщения о слушании дел в томском губернском суде; сведения о приехавших и выехавших; сообщения под заголовками «Телеграммы “Сибирской газеты”», «Телеграммы “Томских губернских ведомостей”», «Телеграммы Северного телеграфного агентства» и «Телеграммы Российского телеграфного агентства».

Томского губернского правления, а также в делах дирекции училищ Томской губернии и Томского губернского статистического комитета. Характеристика губернских ведомостей как в целом по Российской империи, так и отдельных изданий, отчеты по итогам наблюдения за их выходом, циркуляры и особые распоряжения по делам цензуры, меры правительства к усилению губернских типографий представлены в делах Главного управления цензуры министерства народного просвещения, Главного управления по делам печати, Департамента полиции исполнительной власти министерства внутренних дел, Петербургского комитета по делам печати. Материалы Комиссии по пересмотру правил об издании губернских и областных ведомостей содержатся в фондах редакции газеты «Правительственный вестник». Краткий период выхода «Известий Томской губернии» и сменившего их «Голоса свободы» можно осветить по делам, сохранившимся от деятельности Томского временного комитета общественного порядка и безопасности и Томского губернского народного собрания.

Автор выражает глубочайшую признательность своим коллегам по кафедре отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета за поддержку, всегда понимающее и дружественное отношение, советы и предложения по тексту книги. Неоценимую помощь в работе с источниковым материалом оказали сотрудники основного фонда, электронной библиотеки, отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ, сотрудники отделов и читальных залов Государственного архива Томской области, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации. Работа не могла бы состояться без обращения к проекту «Электронный архив газет» Новосибирской областной научной библиотеки, использования газетных фондов Библиотеки Российской академии наук и Российской национальной библиотеки.

ГЛАВА 1

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ (1830–1857 гг.)

Периодическая печать в России изначально возникла как печать официальная и в целях обеспечения интересов государственного управления страной. В конце 1702 г. в период неудач в Северной войне Петр I начал издавать «Ведомости о военных и новых делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и в иных окрестных странах»¹. Известия с театра военных действий и «внутренних фронтов» небывалых преобразований, размещаемые под контролем самого царя, должны были уверить жителей России и Европы в скором поражении шведской армии, в успехах русской торговли и промышленности, в мощи возводимого флота. Невыгодная для чести и славы страны деморализующая информация не публиковалась.

С легкой руки Петра слово, переведенное с голландского («...Куранты, по-нашему Ведомости...»), стало употребляться в смысле «газета», что тоже очень показательно. Не понятия «куранты» (фр. *courant* – текущий или *courantes* – слухи), «газета» (ит. *gazza* – сорока или *gazzetta* – мелкая монета), употреблявшиеся в значении «торговый листок», присутствие занимательного содержания, и даже не вполне русские слова «вести» или «известия», а именно «ведомости» (древнерусск. *ведать* – знать, управлять) стали обозначать первое печатное периодическое издание. Тем самым Петр подчеркивал, что читателю будут сообщаться открыто (а не тайно, как в случае с «Курантами» московских царей) и от лица

¹ Заголовок с 1704 г. См.: *Русская периодическая печать (1702–1894)* / под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М., 1959. С. 13; О выходе первого номера петровской газеты не с 1703 г, а с декабря 1702 г. см.: *Громова Л.* У истоков российской журналистики (из опыта изучения «Ведомостей») // *Невский наблюдатель.* СПб., 2002. № 1. С. 90–94.

государства самые правдивые и непогрешимые факты, знания, серьезная, а не развлекательная информация.

В 1728 г. издание «Ведомостей» было передано Академии наук, и они начали выходить под названием «Санкт-Петербургские ведомости», продолжая информировать о правительственных распоряжениях и внешнеполитических событиях. В качестве приложения к ним издавались «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях», целью которых было объяснение терминов и имен, встречавшихся в основной газете. «Примечания» считаются первым отечественным журналом, но, как отмечала Э.А. Лазаревич, по своему облику, объему (восемь страниц), периодичности (два раза в неделю) и содержанию «Примечания» первых лет оставались близки газете и только позднее стали научно-популярным «журнальным изданием»². С 1756 г. при Московском университете стали издаваться «Московские ведомости», в которых наряду с освещением внутренней жизни страны значительное место уделялось деятельности университета и академических учреждений³.

С 50-х гг. XVIII в. в России появились научные и литературные журналы. В соответствии с политикой просвещенного абсолютизма Екатерина II ликвидировала государственную монополию на типографский станок и способствовала возникновению частной журналистики, надеясь на поддержку своих преобразований и увещивание их в печатном слове. Однако неожиданно для себя императрица получила не вспомогательную, а оппозиционную силу. Группа оппозиционных журналов начала полемику со своей «прабабкой». Как в итоге сложилась судьба одного из главных участников этой полемики известно, как известна и судьба книги, изданной в одной из «вольных типографий». Верховная власть, встав на путь допущения свободы печатного слова, сама же стала контролировать и регулировать ее, чтобы ограничить поток крити-

² См.: Лазаревич Э.А. Как началась российская журналистика // Природа. Ежемесячный популярный естественнонаучный журнал АН СССР. М., 1974. № 4. С. 56–63.

³ См.: Берков П.Н. История русской журналистики XVIII в. М.; Л., 1952. С. 108–115.

ки в свой адрес. Так появилась цензура, которая обрела законодательные и организационные формы в 1804 г.

В первой половине XIX в. столичные ведомости продолжали оставаться ведущими официальными изданиями. Как установил А.П. Киселев, формы подачи материала и тематический состав в обеих газетах были схожи – рубрики «Внутренние известия», «Иностранные известия», «Смесь», казенные и частные объявления. В «Московских ведомостях», в отличие от «Санкт-Петербургских», также печатались уездные новости, научные статьи, отчеты московского университета⁴.

В 1809–1819 гг. почтовым департаментом министерства внутренних дел выпускалась «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» как официальное общероссийское издание, ориентированное преимущественно на сообщение «внутренних известий и происшествий, до нашего отечества касающихся», включая известия из провинциальных губернских и уездных городов⁵. С 1809 г. для принятия к исполнению именных указов и постановлений Сената стали издаваться «Санкт-Петербургские сенатские ведомости», адресованные главным образом обязательным подписчикам – чиновникам присутственных мест. Влиятельной частной газетой, проводившей официальную идеологию, стала «Северная пчела» (1825–1864). Ее основатель Ф.В. Булгарин очень ясно сформулировал необходимость проправительственной печати как для проведения определенного политического курса, так и для получения субсидий для своей газеты. В 1826 г. в записке на имя начальника Главного штаба И.И. Дибича он писал: «Чтобы управлять общим мнением, надо знать его стихии и элементы. Совершенное безмолвие порождает недоверчивость и заставляет предполагать слабость; неограниченная глас-

⁴ Киселев А.П. История оформления русской газеты (1702–1917). М., 1990. С. 46–53.

⁵ Там же. С. 45; Выпуск «Северной почты» прекратился со смертью в 1819 г. ее основателя и руководителя О.П. Козодавлева, занимавшего с 1808 г. должность заместителя, а с 1811 г. – министра внутренних дел (В.Н. Правительственная периодическая печать в России. Исторический очерк (1702–1894) // Всемирный вестник. СПб., 1903. Февраль. С. 70).

ность производит своеволие; гласность же, вдохновленная самим правительством, примиряет обе стороны и для обеих полезна. Составив общее мнение, весьма легко управлять им, как собственным делом, которого мы знаем все тайные пружины»⁶.

В российской провинции первая газета появилась в Тамбовской губернии в 1788 г. по инициативе Г.Р. Державина – одного из самых образованных губернаторов екатерининской эпохи, зарекомендовавшего себя ревностным служителем закона⁷. «Тамбовские ведомости», не сохранившиеся до нашего времени, не несли в себе какого-либо литературного содержания, а были призваны лишь сократить бумажную переписку и ускорить донесение до чиновников и заинтересованных лиц центральных и местных распоряжений. Ведомости сообщали также информацию экономического и административного характера (о подрядах и откупах, об урожае, торговых ценах, проезжающих, беглых рекрутах и «о прочем, к сведению обывателей нужном»). Для издания газеты был учрежден отдельный стол со столоначальником и двумя писцами, которые готовили номер газеты («еженедельный реестр»), утверждаемый советником губернского правления резолюцией «публиковать». Отпечатанные в субботу и воскресенье листы в понедельник рассылались городничим, которые распространяли их по присутственным местам и в нижний земский суд, далее газета расходилась по всему уезду⁸.

⁶ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III Отделение. М., 1998. С. 46.

⁷ Екатерининский «Наказ» Уложенной комиссии Державин воспринял как политическую программу самой императрицы, его статьи стали для него руководством к действию, правилами в борьбе с несправедливой и нескладной чиновной системой. «Простое слово *Закон* в русском тогдашнем воздухе прозвучало как откровение. Для Державина оно сделалось источником самых высоких и чистых чувств, предметом сердечного умиления. *Закон* стал как бы новой его религией, в его поэзии слово *Закон*, как Бог, стало окружено любовью и страхом» (Ходасевич В.С. Державин. М., 1989. С. 102).

⁸ Державин Г.Р. Записки 1743–1812 гг. М., 1860. С. 269, 284–285.

После отъезда Державина из Тамбова «Ведомости» перестали выпускаться, не найдя поддержки ни среди местного чиновничества, ни у вышестоящего начальства – генерал-губернатору и наместнику Рязанской и Тамбовской губерний И.В. Гудовичу не понравились статьи о грабежах разбойничьей шайки и об упущениях по службе чиновников. Он потребовал, чтобы к нему «в копиях для сведения» доставлялись бы «все известия, какие печататься будут». Как писал исследователь жизни и творчества Державина Я.К. Грот, «Гудович желал видеть в печати только известия о том, что все по губернии обстоит благополучно, и присваивал себе право цензуры над публикациями губернатора»⁹.

Первыми провинциальными газетами с более длительной историей и региональной спецификой стали «Казанские известия», издаваемые в 1811–1820 гг. при Казанском университете, и «Восточные известия», выходившие в 1813–1816 гг. в Астрахани. В них публиковались официальная информация, касающаяся губернии, и статьи местных авторов по этнографии, экономике, общественной жизни. Газеты обращались не только к русскоязычным читателям – «Восточные известия» в 1816 г. печатались с переводом на армянский язык, а «Казанские известия» помещали объявления на татарском языке. Подражая структуре столичных изданий, «Казанские известия» имели и свои отличительные черты – некоторые номера открывались передовой статьей на местную тему с заголовком «Казань, дата»¹⁰. Так, «специфическое, областное все заметнее брало верх над подражательским, общим, формируя тип местной газеты»¹¹.

История периодической печати Сибири открывается литературными журналами, издаваемыми в Тобольске в 1789–1791 гг. В первой четверти XIX в. об истории, этнографии и географии сво-

⁹ Грот Я.К. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам. СПб., 1880. С. 477.

¹⁰ Русская периодическая печать (1702–1894)... С. 136–137, 145; Киселев А.П. История оформления русской газеты... С. 71–72.

¹¹ Там же. С. 72.

его края сибиряки писали в газетах и журналах Европейской России – «Казанских известиях», «Сибирском вестнике», «Азиатском вестнике», «Московском телеграфе». В 1827 г. в Иркутске приезжим литератором М.А. Александровым и купцами В.Н. Басниным и С.С. Дудоровским была предпринята попытка основать литературную газету «Ангарский вестник»¹². Вопрос об открытии местной газеты трижды поднимали в 1828, 1833, 1849 гг. и сами иркутские власти, но ходатайства перед министерством внутренних дел так и остались без последствий¹³. В последнем случае восточно-сибирский губернатор Н.Н. Муравьев представил от имени иркутского губернатора В.Н. Зарина подробную записку о необходимости издания в Иркутске губернских ведомостей для обеспечения обширных пространств губернии правительственными и местными распоряжениями, развития в Восточной Сибири золотопромышленности, распространения «общепользовных сведений по разным предметам» и известий «о здешнем крае, столько интересном во многих отношениях и так мало еще известном». Источниками для обеспечения выпуска газеты должны были стать обязательные подписчики среди присутственных мест, церковных приходов, волостных правлений, казенных и частных заводов. Однако вопрос об открытии губернской газеты был отложен министром внутренних дел Л.А. Перовским до утверждения новых штатов по сибирским губерниям¹⁴.

С конца 20-х гг. XIX в. делом развития местной периодической печати озаботилась верховная власть, преследуя прежде всего ад-

¹² Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 675–676; Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 28; Он же. Российская журналистика прирастала Сибирью // 150 лет периодической печати в Сибири : материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). Томск, 2007. С. 7.

¹³ Русский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 11. Д. 645. 1849 г. Л. 2 об.; По поводу 35-летия издания Иркутских губернских ведомостей // Иркутские губернские ведомости. Иркутск, 1892. № 21. С. 5.

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 11. Д. 645. 1849 г. Л. 3–4 об., 13–14 об., 17–17 об.

министративные и экономические цели. Инициатива исходила от министерства финансов: при помощи создания сети местных официальных изданий предполагалось сократить расходы по делопроизводственной части и содействовать развитию местной торговли и промышленности (что сулило дополнительные сборы в казну). 31 декабря 1828 г. министр финансов Е.Ф. Канкрин обратился в Комитет министров с предложением издавать официальные газеты при каждом губернском правлении с оказанием пособий для улучшения положения губернских типографий¹⁵. 5 января 1829 г. Комитет министров одобрил предложение Канкрин, и 19 января при министерстве внутренних дел был образован комитет для разработки законопроекта о местных официальных изданиях¹⁶. Так Николай I, который во всем пытался подражать первому российскому императору, расширил проект издания официальной газеты до масштабов всей страны.

Параллельно с разработкой этого проекта были предприняты шаги по расширению сектора центральных правительственных изданий, которые должны были доводить до сведения мест и лиц свои распоряжения. 12 ноября 1828 г. Николай I «признал полезным» издание «Журнала Министерства внутренних дел» и утвердил его программу¹⁷.

¹⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 1–2.

¹⁶ Там же. Л. 3.

¹⁷ Редактор нового издания Н.И. Греч, так же как Ф.В. Булгарин, намеревался не выходить за рамки «видов» правительства и следовать курсу регулируемой гласности. Он сообщал читателям, что издание будет стараться «содействовать исполнению благих намерений высшего начальства, имевшего в виду ускорить распространение общепользных сведений и дать своим соображениям возможную гласность, способствующую к исполнению мер государственных и к удостоверению подданных, что их безопасность, спокойствие, благоденствие и нравственность составляют главный предмет попечения монарха» (*В.Н. Правительственная периодическая печать в России...* С. 75, 77). В 1862 г. «Журнал МВД» был реорганизован в газету «Северная почта», принадлежавшую тому же министерству (*Анон М.Е. Государственная служба в России и газета «Правительственный вестник» (1869–1881 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 12).*

27 октября 1830 г. вышло «Положение об издании губернских ведомостей», состоявшее из 7 разделов и 65 параграфов. В нем регламентировались процесс издания, содержание и структура ведомостей, условия подписки на газету, порядок исполнения по опубликованным в ней распоряжениям. Издание ведомостей предполагалось только в шести губерниях Европейской России: Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской, с тем чтобы если «успех оправдывает ожидание правительства», тогда вводить издание губернских ведомостей постепенно и в других губерниях.

Основные цели официальной местной газеты состояли в том, чтобы «облегчить канцелярии в производстве дел сокращением переписки и вместе с тем доставить средство как присутственным местам, так и частным людям получать сведения, к исполнению и соображению их относящихся». Публикация статей на политические темы запрещалась. Очевидно, Николай I считал достаточным направление столичных газет как общероссийских, отвечающих за информационное обеспечение и поддержку правительственной политики.

На высшем уровне руководство губернскими ведомостями осуществлял министр внутренних дел, на местном – губернатор и чиновник губернского правления – «управляющий редакцией». Он определял редактора газеты и других ее сотрудников. В штатном отношении газета планировалась как «довесок» к уже имеющейся номенклатуре – новые должности для обеспечения выхода ведомостей не образовывались, их занимали чиновники губернского правления или служащие по «части ученой», получая прибавку к жалованью по основному месту работы. Издание ведомостей осуществлялось губернской типографией, возможно было также рассчитывать на пособие из казначейства.

По «Положению» губернские ведомости разделялись на 4 отделения: «1) Постановления и предписания, 2) Объявления казенные, 3) Известия, 4) Объявления частные». Структура и содержание

отделов имели своими образцами «Санкт-Петербургские» и «Московские» ведомости¹⁸.

В первом отделении должно было помещаться общегосударственное и местное законодательство: императорские манифесты и указы; сенатские указы и предписания министерств, касающиеся данной губернии; распоряжения губернаторов, губернского правления и казенной палаты. Местные постановления и предписания могли касаться самых разнообразных предметов административной, общественной и хозяйственной жизни губернии: учреждение новых присутственных мест; определение и вызов к должностям чиновников; сроки и участники дворянских выборов; производство в чины; награждение, увольнение или удаление с должности; штрафы и выговоры начальства; предание суду; опека имений; раскладка податей, земских повинностей и недоимки по ним; предписания к исполнению или сведению полиции и казенной палаты; таксы сборов за переезд через мосты и переправы; отправление рекрутской повинности; приглашения к каким-либо пожертвованиям или участию в дозволенных обществах; повреждение посевов саранчой и средства к ее истреблению; сведения об эпидемиях и эпизоотиях с изложением способов их предотвращения.

Второе отделение было предназначено для размещения казенных объявлений следующего содержания: запрещение и разрешение имений, вызов кредиторов и должников государственных учреждений, вызов к слушанию решений суда, решения присутственных мест по прошениям, продажа с публичного торга, вызовы на откупа и подряды, затраты на поставку рекрутов, сыск пропавших людей и вещей, ссылка на поселение, о нищих и бродягах, о банкротстве и выбытии из гильдии, вызовы наследников, о ябедниках и лишении чести, о потере паспортов и актов, о найденных убитых или умерших, почтовые объявления, объявления и вызовы различных учреждений (врачебной управы, училищ, казенных и частных хозяйственных заведений). Эти объявления размещались в ведомостях бесплатно (вызовы к торгам и откупам публиковались три

¹⁸ В.Н. Правительственная периодическая печать в России... С. 62–63.

раза). Однако же казенная палата должна была предоставить ведомостям из своей канцелярской суммы 300 или более рублей в год в зависимости от количества публикаций своих объявлений.

Третье отделение предназначалось для известий, способствующих торговле, промышленности и вообще «достойных внимания жителей губерний»: проезд высочайших и знатных особ, происшествия, некрологи известных людей, публичные акты и испытания в учебных заведениях, состояние и открытие казенных и частных предприятий, открытия в сфере промышленности, патенты на изобретения, способы к повышению производительности сельского хозяйства, время открытия и закрытия ярмарок, цены на товары, порядок судоходства, курс золота и серебра, метеорологические данные, статистические и исторические известия (об основании городов, постройке зданий, найденных древностях, числе жителей и их приросте, количестве браков, состоянии заведений приказа общественного призрения, сравнительные ведомости о посеве и урожае). Статьи третьего отделения могли печататься только с разрешения губернатора.

В четвертом отделении публиковались частные объявления, обязательно подписанные автором: о купле-продаже недвижимой и движимой собственности, о сдаче в наем домов и крепостных людей, об услугах, о побегех крепостных, о потерянных и украденных вещах, об уничтожении доверенностей и актов, о вызовах частными лицами кредиторов и должников, «вообще известия и объявления, не клонящиеся ни к какому вреду, и обо всех тех предметах, о коих дозволяется печатать в ведомостях обеих столиц». За частные объявления устанавливалась плата от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ коп. за букву.

Порядок следования «отделений» расставлял приоритеты в пользу первых двух – «постановления и предписания» и «казенные объявления». «Информационно-развлекательный» третий отдел и отдел частных объявлений печатались на оставшихся листах. Согласно «Положению» подписная плата и частные объявления должны были покрывать все издержки на издание ведомостей, оп-

лату труда управляющего редакцией, редактора и писцов. В случае недостаточности доходов предусматривалась финансовая помощь губернского правления.

Официальная газета должна была выходить один или два раза в неделю «на стольких листах, сколько каждый раз потребно», печататься хорошим шрифтом, на бумаге «лучшего качества», «в четверку в два столбца». В заглавии обязательно должен был размещаться губернский герб. Стоимость годового комплекта ведомостей предполагалась не выше 10 руб. Подписка могла приниматься как в самой редакции, так и по почте. Для должностных и частных лиц, не связанных с губернским управлением, устанавливалась плата за пересылку в размере 2 руб.

Подписчики разделялись на две категории – обязательные и не обязательные. Все присутственные места и должностные лица губернии были обязаны выписывать газету, стоимость которой удерживалась казенной палатой из отпускаемых им на содержание канцелярских сумм. Обязательными подписчиками ведомостей являлись также городские думы, магистраты и ратуши, внося за нее деньги из городских сборов. Газета должна была доставляться всем волостям казенных крестьян, входя в счет волостных повинностей. Лица и места, не принадлежавшие к губернскому аппарату, но принадлежавшие к министерствам и управлениям (внутренних дел, финансов, военному, морскому, духовному, управлению путей сообщения, удельному ведомству), обязывались получать газету по распоряжению своего начальства. Бесплатно ведомости отсылались в министерства, почтовую губернскую контору и должностным лицам, которым не было назначено денег на канцелярские расходы. После исполнения предписаний ведомости в переплетенном виде передавались в губернское правление, составляя архив законодательству, касающемуся губернии. Не обязательными подписчиками могли быть частные лица, проживающие в данной или любой другой губернии.

Газету должны были наполнять не только официальные материалы, возникающие «сами собой», исходящие сверху или снизу,

но и «информационно-развлекательные» (в перспективе «информационно-художественные») статьи, которые должны были быть кем-то написаны или составлены, что доставляло дополнительные заботы редактору издания. Новая нагрузка предполагалась для губернской типографии. Чтобы технически дать жизнь не одному экземпляру губернских ведомостей, да еще и на бумаге «лучшего качества», типография должна была «поделиться» доходами от частных заказов. Материальные затраты на подписку ложились на местные властные учреждения, которые должны были оплачивать ее из бюджетных сумм или местных сборов. Из этих же средств, кстати, осуществлялась подписка на еще одно обязательное издание – «Санкт-Петербургские сенатские ведомости»¹⁹.

Таким образом, губернские ведомости учреждались как главным образом административно-информационное издание под контролем губернатора. Организационно, юридически и финансово газета входила в систему губернского управления и была призвана способствовать ее совершенствованию. Открытая и доступная публикация распоряжений центральных и местных властей означала принятие их к сведению или исполнению: «никакое из мест и лиц не может отговариваться неведением того, что объявлено было официально через губернские ведомости». Кроме того, гласной и открытой становилась некоторая часть внутреннего чиновного делопроизводства. До появления официальной газеты указы и распоряжения печатались в местных типографиях и «обнародывались» или устно, путем их прочтения полицейскими чинами, или путем вывешивания на столбе их копий (которые могли быть сняты или закрыты другими объявлениями)²⁰.

¹⁹ *Правила* об издании губернских ведомостей. 27.10.1830 // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 2-е. СПб., 1830. Т. 5. Отд. 2. № 4036.

²⁰ *Устав* благочиния или полицейский. 8 апреля 1782 г. Ст. 51–52, 143, 192, 233 // Российское законодательство X–XX веков. М., 1987. Т. 5.

Как уже упоминалось, проект издания одготипной правительственной газеты должен был быть апробирован в шести губерниях. Обращает на себя внимание, что это были многонаселенные и развитые в экономическом отношении территории, имевшие длительную, в том числе и национальную историю. Кроме того, в Казани и Астрахани уже имелся опыт издания газет.

Министерство финансов поручило экспедиции заготовления государственных бумаг (предшественнику современного Госзнака) изготовить к 1 января 1831 г. необходимое количество шрифтов (цицero и корпуса), орлов и гербов губерний. В течение двух недель заказ был выполнен, и ящики весом почти в 41 пуд своевременно получены местными властями. Однако в 1831 г. увидели свет только «Ярославские губернские ведомости», которые с апреля 1831 г. стали высылаться министру финансов²¹. В остальных пяти губерниях выходу газеты помешали организационные, административные и технические трудности²². Так, в Астрахани, куда по ошибке были отправлены гербы Слободско-Украинской губернии и недополучены часть литер, губернская типография могла обеспечить печать только трех страниц газеты, а при большем их количестве прежний набор необходимо было разбирать для повторного использования²³.

Некоторые губернаторы по собственной инициативе стремились расширить ограниченную правительством «экспериментальную площадку» по изданию губернских ведомостей. Так, будущий руководитель крестьянской реформы, костромской губернатор С.С. Ланской в декабре 1831 г. просил у Е.Ф. Канкринa разрешения издавать «Костромские губернские ведомости» и ходатайствовал о снабжении местной типографии новыми шрифтами. Однако

²¹ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 9, 19, 30, 44–46, 60–61, 83.

²² Дементьева В.В. Из истории возникновения «Ярославских губернских ведомостей» // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 43–45; Курбакова Е.В. История казанской и нижегородской прессы 1811–1917 гг.: власть и общественные настроения российской провинции. Нижний Новгород, 2008. С. 14–16.

²³ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 84, 91, 94 об.

в этом ему было отказано с объяснением, что к «общей мере» будет приступлено «не прежде, как по убеждению на самом опыте в пользу оной и удобства»²⁴.

Образцы с идентичным текстом были напечатаны для Астраханской, Казанской, Киевской, Нижегородской и Слободско-Украинской губерний²⁵.

«Положением о порядке производства дел в губернских правлениях» 3 июня 1837 г. ведомости обязывались печатать все губернии и области Российской империи. Издание по-прежнему предполагалась «для облегчения и сокращения сношений губернского правления и доставления как присутственным местам и должностным лицам, так и вообще всем и каждому удобнейшего средства получать в надлежащее время сведения о постановлениях и распоряжениях губернского начальства, а равно и о других предметах, следующих к общему сведению»²⁶.

В целом программа и содержание газеты оставались прежними, с небольшими структурными изменениями и уточнениями характера публикуемой информации. Так, газеты разделялись на две части: официальную, вместившую два первых отделения, и неофициальную («прибавления»), вместившую третье и четвертое. Предполагалось, что они будут издаваться отдельно, с самостоятельной нумерацией листов и возможностью раздельной подписки. Оплата газеты осуществлялась из канцелярских сумм, земских сборов, городских и волостных повинностей.

Официальная часть утверждалась подписью вице-губернатора и рассылалась должностным лицам, в министерство внутренних дел, а также в другие губернии. Таким образом, ведомости приобретали черты обязательного регионально-циркулярного издания. Выговоры, распоряжения об удалении с должности и предании суду, объ-

²⁴ РГИА. Ф. 560. Оп. 14. Д. 36. Л. 53–54, 58–58 об., 62–71 об., 78.

²⁵ Там же. Л. 47–50, 52.

²⁶ Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в губернских правлениях. 3.06.1837 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. № 10304. § 86–96.

явления об эпидемиях и эпизоотиях могли появиться на страницах газеты, только если губернское начальство сочтет это необходимым. Разрешалось публиковать объявления «об отличных действиях кого-либо из чиновников или обывателей, на пользу службы и для блага общего». Ни в коем случае не разрешалось перепечатывать постановления и объявления из «Санкт-Петербургских сенатских ведомостей». Неофициальная часть по-прежнему содержала торгово-промышленные, сельскохозяйственные и историко-географические сведения, а также частные объявления²⁷. Пункт о высочайших и знатных особах исчез из перечня возможных тем, о чем еще в 1831 г. вышло особое узаконение²⁸.

В конце 1838 г. олонеким и подольским губернаторами была увеличена цена на годовое издание местных ведомостей больше определенных «Положением» 10 руб. Комитет министров постановил, что цена за ведомости должна быть «самая умеренная», чтобы «посредством сего споспешествовать распространению тех ведомостей и дать лицам всех сословий возможность получать оные». Комитет не допускал повышения стоимости газеты для частных подписчиков. Для присутственных мест и должностных лиц стоимость могла быть повышена до 20 руб. ввиду «недавнего усиления сумм присутственных мест на канцелярские расходы» и «для покрытия издержек губернских типографий»²⁹.

С 1838 г. губернские ведомости стали издаваться в 42 губерниях и областях Европейской России. В этом же году они были увязаны с «Санкт-Петербургскими сенатскими ведомостями» и становились их продолжением как местного источника официальной

²⁷ Высочайше утвержденное положение о порядке производства дел в губернских правлениях. 3.06.1837 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1838. Т. 12. Отд. 1. № 10304. §. 86–96.

²⁸ О запрещении печатать в публичных ведомостях известия, касающиеся до особы государя императора и членов императорской фамилии, без особого на то высочайшего разрешения. 2.01.1831 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. 6. Отд. 2. № 4236.

²⁹ Об установлении цены за годовое издание губернских ведомостей. 27.12.1838 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1839. Т. 13. Отд. 2. № 11889.

информации³⁰. «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» от 3 июня 1838 г. и «Правила для издания сенатских ведомостей» были продублированы в «Своде законов Российской империи» 1842 г.³¹ Однако эти законы не распространялись «на Сибирский и Остзейский край и области Кавказскую и Бессарабскую», а также на Грузию и Закавказье как имеющие «свои особые учреждения»³². В то же время с 1838 г. в Тифлисе стал выходить «Закавказский вестник» (в 1836 г. в городе открылась губернская типография и принято решение об издании правительственной газеты для всего Кавказа). В Варшаве началось издание «Официальной газеты Царства Польского»³³.

Таким образом, правительство пошло по пути большей регламентации тех официальных и неофициальных сюжетов, которых могла касаться газета, исключая распространение ненужных толков и слухов, на основании прочитанного. Государство стремилось

³⁰ Правила для издания сенатских ведомостей. 16.02.1838. § 22 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1839. Т. 13. Отд. 1. № 10978. Сложно согласиться с попыткой рассмотрения губернских ведомостей как «системы сенатской периодики» (*Мандрика Ю.Л.* Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: на материале «Тобольских губернских ведомостей»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. С. 9). Для издания губернских ведомостей были разработаны отдельные узаконения, касавшиеся их организации, содержания и структуры («Сенатские ведомости» не предусматривали неофициальной части). В них печатались распоряжения центрального правительства и губернского начальства, касавшиеся только данной губернии. В указанном параграфе «Правил для издания сенатских ведомостей» губернские ведомости становились их продолжением только в том смысле, что публикации в них узаконений и распоряжений, как и в «издании Сенатском», приобретали характер обнародования и вхождения в законную силу при решении различных дел в масштабах губернии. Наконец, не следует забывать, что в условиях различных губерний ведомости как в официальной, так и в неофициальной части получили свои особенности.

³¹ *Свод законов Российской империи*. Издание 1842 года. СПб., 1842. Т. 1. Ч. 2. Ст. 742–763; Т. 1. Ч. 1. Ст. 493. Прил. 1–22.

³² *Высочайше* утвержденный общий наказ губернаторам. 3.06.1837 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., Т. 12. Отд. 1. № 10303. П. 2.

³³ *Дейч Г.М.* Указ. соч. С. 238; *Русская периодическая печать (1702–1894)*... С. 263–270.

обеспечить широкое распространение своего издания и усилить его материальную базу за счет оплаты казенных объявлений и обязательных подписчиков (фактически это можно рассматривать как косвенное финансирование, ведь подписка осуществлялась на государственные же средства).

Следующие изменения в программе губернских ведомостей произошли в 1845 г. в связи с изданием нового учреждения губернских правлений. Структура издания вновь менялась – газета разделялась на два отдела: общий, являвшийся полностью официальным, и местный, состоящий из официальной и неофициальной частей. Оба отдела должны были печататься вместе и составляли полный номер газеты. Объявления о сысках от имени правительства могли публиковаться в прибавлении к официальной части. Экземпляры, предназначенные для рассылки по другим губерниям, не включали в себя неофициальной части и высылались бесплатно. Число обязательных подписчиков увеличивалось путем добавления к ним городских и сельских церковных приходов, которые выписывали газету за счет городских и земских сборов.

Официальная часть местного отдела должна была содержать в себе предписания местной власти и казенные объявления: распоряжения губернского правления и губернатора; ежемесячные сведения о состоянии делопроизводства в присутственных местах; сроки созыва дворянства и городских обществ на выборы и чрезвычайные собрания; частные предписания и разрешения, которые в подобных случаях могли служить к руководству полиции других уездов; объявления о вакантных местах; об отказе в удовлетворении прошений; о решениях по прошениям, если место жительства просителей неизвестно; об учреждении новых мест и должностей; об определении, перемещении, увольнении и о наградах чиновников; об отличных действиях чиновников или обывателей; о различных таксах; о штрафах за обмер, обвес и другие торговые преступления; вызовы людей, место жительства которых неизвестно; объявления о пойманных и объявившихся бродягах, не помнящих родства; о найденных мертвых те-

лах с описанием их примет; о потере паспортов и актов; объявления от полиции о найденных вещах и т.п.; объявления о вызове к торгам, поставкам, откупам и подрядам; о результатах торгов; о смете городских доходов и расходов; объявления о публичной продаже имуществ; вызовы к торгам на исправление земских повинностей; «предохранительные объявления» городским и сельским обывателям о повальных болезнях и скотских падежах, с наставлениями от врачебной управы; «предостерегательные объявления» о появлении саранчи или других вредных насекомых или животных; вызовы, уведомления и объявления от всех прочих казенных мест; объявления о переходе населенных имений от одного лица к другому; объявления солдатам о смерти их мужей; объявления о вызове к выслушиванию решений и к рукоприкладству (но только опубликованные в «Санкт-Петербургских сенатских ведомостях»); о вызове кредиторов, должников и наследников; о несостоятельности купцов; об открытии и прекращении конкурсов; о неплатеже апелляционных денег.

В неофициальной части могли быть помещены: «известия и статьи всякого рода, относящиеся, более или менее, до местности; о явлениях метеорологических; статьи и сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве, о рыночных и справочных ценах, состоявшихся торговых и других обществах; о выданных привилегиях на изобретения; некрологи известных в губернии лиц». Кроме того, частные объявления о продаже и покупке; о предложении услуг или о спросе на них; о бежавших и без вести пропавших; о потерях, кражах, уничтожении доверенностей и других актов; о вызове частными людьми кредиторов и должников, и «вообще все приличные и уместные объявления частных людей»³⁴.

Ответственность за содержание официального отдела возлагалась на вице-губернатора, которому начальник газетного стола должен был предоставить полный отпечатанный экземпляр веде-

³⁴ *Высочайшее* утвержденное учреждение губернских правлений. 2.01.1845. Ст. 142–175 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1846. Т. 20. Отд. 1. № 18580.

мостей для внесения изменений и утверждения. Только после того как вице-губернатор напишет в заголовке «напечатать» и скрепит своей подписью номер по листам, он выходил в свет. По неофициальной части функции цензора выполнял губернатор. Стоимость ведомостей была установлена для должностных лиц в 3 руб. сер. на простой бумаге (эта сумма возникла при пересчете прежних 10 руб. ассигнациями на серебро³⁵).

Так ведомости приобрели законченную структуру в соответствии с разделением материала, исходящего из центра и касающегося жизни региона. Создавалась специализированная штатная структура для подготовки газеты – газетный стол. Содержание издания регламентировалось и находилось под контролем местной администрации. Вероятно, на эти изменения повлиял и семилетний опыт подготовки и издания ведомостей. Важно отметить, что «Положение» 1845 г. в отличие от «Положения» 1837 г. не содержало в себе ограничительных пунктов относительно издания ведомостей на национальных окраинах и в Сибири.

В первой половине 1850-х гг. вышел ряд постановлений, способствовавших демократизации губернских ведомостей. Разрешалось публиковать известия о перемещениях по стране членов императорской фамилии без «особого высочайшего разрешения» (1850)³⁶. Просмотр неофициальной части губернских ведомостей передавался от вице-губернатора местному цензурному комитету, а за его отсутствием – профессору или чиновнику училища (1851)³⁷. Прибавления к ведомостям расширялись путем включения в них медицинских наставлений о предотвращении распространения эпидемий и эпизоотий (1851)³⁸ и объявлений о вызове к торгам по казенным подрядам (1852)³⁹.

³⁵ *О переложении* на серебро разных сборов по сенатской типографии. 21.02.1840 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1841. Т. 15. Отд. 1. № 13198.

³⁶ Там же. СПб., 1850. Т. 25. № 24460.

³⁷ Там же. СПб., 1851. Т. 26. № 24979.

³⁸ Там же. № 25500.

³⁹ Там же. СПб., 1852. Т. 27. № 25944.

В Лифляндии учреждались «простонародные ведомости» на эстонском и латышском языках, содержащие административно-хозяйственные сведения, касающиеся крестьян (1849)⁴⁰. «Учреждение губернских правлений» 1845 г. распространялось на Прибалтику, где разрешалось издание ведомостей на немецком, латышском, эстонском языках (1852)⁴¹. В ведомостях западных губерний разрешалось публиковать сообщения об удалении с должностей и неопределении впредь управляющих поместьями, превысивших свои полномочия (1853)⁴².

Александр II на четвертый день после вступления на престол существенным образом расширил программу неофициальной части для всех губернских ведомостей, издаваемых в Российской империи. Расплывчатая рекомендация помещать в ней «известия и статьи всякого рода, относящиеся, более или менее, до местности» была заменена на четкое предписание публиковать «относящиеся до местности сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и проч.; о чрезвычайных явлениях и происшествиях в губернии».

В то же время власть по-прежнему стремилась ограничить газету рамками документального повествования, запретив представлять на ее страницах художественные произведения: «сообщаемые в неофициальной части известия, сведения и материалы не должны облекаться в формы таких литературных статей, в которых обыкновенно имеют место вымысел или не принадлежащая к предмету обстановка, каковы повести, рассказы и т.п.»⁴³. Эти изменения вошли в новый «Свод законов Российской империи» 1857 г.⁴⁴

⁴⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1849. Т. 24. № 23385. § 805.

⁴¹ Там же. СПб., 1852. Т. 27. № 26269. Ст. 140.

⁴² Там же. СПб., 1853. Т. 28. № 27405. Ст. 5.

⁴³ Там же. СПб., 1855. Т. 30. № 29059.

⁴⁴ *Свод законов Российской империи*. Издание 1857 г. СПб., 1857. Т. 2. Ч. 1. Ст. 853–889.

Итак, газетная и журнальная периодика возникли в России по инициативе государства для идеологического и информационного обеспечения проводимой им политики. Дальнейшее ее развитие шло по пути расширения круга правительственных, ведомственных и частных изданий, которые освещали и разрабатывали различные темы, составлявшие круг государственного управления и общественной жизни (политика, экономика, наука, история, литература, образование, развлечение читающей публики). В первой половине XIX в. основными официальными газетами, печатавшими узаконения высшего правительства, хроники текущих событий и тематические статьи, являлись «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости». Сектор крупных газет дополняли частные и ведомственные столичные издания – «Северная пчела», «Коммерческая газета», «Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции», «Русский инвалид». Содержание этих газет также в той или иной степени контролировалось государством, что обеспечивало их «благонамеренный» и полуофициальный характер.

Прообразом губернских ведомостей по структуре, содержанию и порядку подготовки можно считать «Тамбовские ведомости». Их необходимость была подтверждена самой жизнью – обнародование касающихся губернии распоряжений, сокращение бумажного и письменного делопроизводства, пресечение завышения цен при казенных поставках. История этого первенца провинциальной казенной печати была очень недолгой. Для того чтобы местное чиновничество поддержало и обеспечило новую печатную практику информационного обмена, необходимо было или «высочайшее повеление», или наличие достаточной прослойки образованных и заинтересованных людей (как при издании в 1811 г. «Казанских известий», поддержанных Казанским университетом).

Идея организации периодических изданий в провинциальных губерниях Европейской России и Сибири имела своих сторонников и участников, но преобладающими по информационной наполненности и значению продолжали оставаться центральные

правительственные и проправительственные печатные органы. Преодолеть доминирование в информационном пространстве столичных газет не удавалось в силу многих обстоятельств (отношение верховной власти к подобным инициативам, состояние типографского дела, круг потенциальных читателей, наличие местных журналистских сил).

Появление в 30-х гг. XIX в. сети официальных правительственных изданий было определено курсом Николая I на упрочение законности в управлении, упорядочивание документооборота в губерниях, создание унифицированной информационной системы в различных регионах и усиление государственной опеки над общественно-политической жизнью страны. Преследуя эти цели, государство под контролем местных властей и в рамках официальной программы предоставило возможность провинциальной общественности принять участие в наполнении неофициальной части, в содержании и характере которой большую роль сыграли местные обстоятельства – разнообразие и степень разработанности «относящихся до местности сведений», отношение к газете губернской власти, личность редактора⁴⁵. С выходом губернских ведомостей постепенно формировались восприятие местной газеты как необходимого явления, а также мысль о возможности заведения частного печатного органа⁴⁶.

⁴⁵ Например, в прибавлениях к «Владимирским губернским ведомостям» в конце 1830-х гг. работал А.И. Герцен, редактором «Саратовских губернских ведомостей» в 1848–1850 гг. был Н.И. Костомаров, «Нижегородские губернские ведомости» в 1840-е гг. редактировал П.И. Мельников-Печерский (см.: *Дергачева Л.Д.* Эволюция прессы в XIX веке // *Очерки русской культуры XIX века.* М., 2001. Т. 3. С. 453, 480).

⁴⁶ Так было в Иркутске, где после трех лет существования «Иркутских губернских ведомостей» те же сотрудники приняли участие в открытии газеты «Амур». Оба издания цензурировались генерал-губернатором.

ГЛАВА 2

ПОДГОТОВКА ПРОЕКТА И НАЧАЛО ИЗДАНИЯ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» В 1854–1857 гг.

До появления в Сибири правительственная периодика прошла путь становления в Европейской России (почти два десятилетия), накопила солидную законодательную базу и опыт организации. Сформировались отношение и требования государства к своей региональной газете.

Подготовка проекта издания губернских ведомостей в Томске началась уже в конце николаевского царствования, в 1854 г., т.е. за два года до официального решения по этому поводу Сибирского Комитета. Дело об издании газеты было открыто в 1847 г. томским губернатором генерал-майором П.П. Аносовым при вступлении его в должность. Руководствуясь ст. 753 «Свода законов» 1842 г., предусматривавшей издание ведомостей в каждой губернии, он запрашивал губернское правление «поставить к нему сведения, как удобнее полагалось бы привести в надлежащее исполнение означенное узаконение с объяснением, на кого полагалось возлагаемым возможное составление официальных и неофициальных губернских ведомостей, а равно и соображение о том, достаточно ли для издания их суммы, ассигнованной для типографии».

Губернское правление тактично указало на отсутствие юридического основания для открытия газеты, поскольку «Положение о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г., которое было источником для «Свода законов», не распространялось на Сибирь. На отпавшие сами собой вопросы о возможных составителях газеты и ассигнованиях на ее тиражирование правление все же отвечало, что средств для учреждения в Томске газеты недостаточно (даже с учетом получения подписной платы) ни для

покупки бумаги и нового оборудования, ни для печатания 250 обязательных экземпляров, ни для содержания сотрудников газеты (редактора, двух наборщиков и двух «тараторщиков»¹). Сумма, отпускаемая из томского казначейства губернской типографии, работавшей с 1819 г. (1342 руб. 50 коп.), была более чем в 1,5 раза ниже типографских расходов в 1846 г. (2 219 руб. 65 ½ коп.), которые возмещались средствами от частных заказов. Типография размещалась в трех тесных и темных комнатах нижнего этажа здания губернского правления. Три механических печатных станка (два деревянных и один чугунный), проработавших почти три десятка лет, были не готовы к новой нагрузке² (тем не менее в 1848 г. в помещении, где размещалась типография, был начат ремонт³).

При новом томском губернаторе – генерал-майоре В.А. Бекмане – дело об издании ведомостей было вновь открыто. «Закавказский вестник», выходивший с 1838 г., и издававшиеся с 1853 г. на немецком языке «Лифляндские губернские ведомости» и «Курляндские губернские ведомости», а с 1854 г. «Бессарабские губернские ведомости» начали поступать в томское губернское правление. Это означало, что ограничения «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г. не действуют и можно руково-

¹ Видимо, в тексте имеется в виду *тередорщик* – тискальщик, печатник.

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 1–3. Неудовлетворительное состояние губернской типографии отмечал и тобольский губернатор В.А. Арцимович. В 1857 г. в ней находилось всего 4 печатных станка, из которых только один «порядочный», а остальные «старые, небольшие и давнишней конструкции, так что на всех их сразу можно печатать лишь 5 страниц»; литер было достаточно для набора только 13 страниц (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 815. Оп. 1. Д. 44. Л. 38). В центральных губерниях положение было не лучшим – так, в 1837 г. в распоряжении саратовской губернской типографии находилось три устаревших станка и только 30 пудов годного к употреблению шрифта, потребовалось 5 тыс. руб. правительственного пособия, чтобы начать выпуск «Саратовских губернских ведомостей» (*Хороманский В.М.* Столетие типографии Саратовского губернского правления. 1794–1894 гг. Саратов, 1895. С. 18–19).

³ ГАТО. Ф. 6. Д. 562. Оп. 1. Д. 752. Л. 146–150.

дствоваться «Учреждением губернских правлений» 1845 г., которое обязывало все губернские правления издавать свою газету.

По поручению губернатора подготовкой к открытию газеты в конце 1854 г. занялся директор томской мужской гимназии и директор училищ Томской губернии Федор Семенович Мещерин. По окончании Московской духовной академии со степенью магистра богословия Мещерин работал учителем Рязанского училища для канцелярских служителей, чиновником в министерстве путей сообщения, а затем юстиции. В 1846 г. он переехал в Томск, где занял должность директора томских училищ, пробыв в ней 13 лет, до 1859 г. (дольше всех последующих директоров). Мещерину уже приходилось выполнять поручения губернского начальства – в 1849 г. он собрал статистические сведения о состоянии частной промышленности и торговли в Томской губернии⁴.

15 декабря 1854 г. Ф.С. Мещерин запросил губернское правление о юридических, материальных и технических основаниях к открытию издания. Через месяц, 18 января 1855 г., был получен ответ в виде справки, подписанной председателем губернского правления А.В. Виноградским и секретарем правления А.И. Лалетиным. В ней в соответствии с ведомостями российских губерний был представлен макет будущей газеты. Таким образом, первая газета в Томске представляла собой рукописный макет, подготовленный директором гимназии и чиновниками губернского правления. Она была разбита на рубрики с гипотетическими текстами и датировалась 12 февраля 1855 г.

«Томские губернские ведомости» сообразно законодательству содержали два отдела: общий, «коего статьи предназначаются для всеобщего по государству сведения», и местный, «в коем печатаются статьи к сведению по одной только своей губернии». Общий отдел был официальным, местный состоял из официальной и неофициальной частей. Прибавления содержали статьи о сысках,

⁴ Мисюрев А.А. Томская губернская гимназия в первое пятидесятилетие его существования (1838–1888). Приложения. Томск, 1894. С. 14, 18, 20.

объявления о торгах и подрядах. Первый отдел и прибавления должны были рассылаться по другим губерниям. Полный экземпляр предназначался для распространения внутри губернии. Выходить газета должна была один раз в неделю, по субботам.

В предисловии-обосновании к проекту сообщалось следующее: «Необходимость и польза издания губернских ведомостей признана уже правительством. Не распространяясь об этом, довольно только сказать, что и в Томской губернии, составляющей, так сказать, средоточие обеих частей Сибири, совершенно ощутительна потребность в издании губернских ведомостей, тем более что этим самым достигается цель правительства к сокращению канцелярского делопроизводства. Обнародование распоряжений высшего и местного начальства на огромном пространстве губернии, в различных слоях общества при значительности населения и при развитии золотопромышленности так необходимо чрез губернские ведомости, что польза от них незаменима и неисчислима. Не менее этого и неофициальная часть ведомостей, возбуждая к трудам по части просвещения доставлением сведений по губернии географических, статистических, этнографических и т.п., будет иметь влияние на интерес ведомостей и на общее сореживание»⁵.

Губернское правление бодро сообщало, что ожидается прибытие из Москвы 40 пудов новых шрифтов и литер, а типография может обеспечить одним из трех станков печатание газеты в 3–4 листа требуемого формата («в четверку») в количестве 500 экземпляров в день. Оплата бумаги должна была обеспечиваться доходами от частных заказов и продажи самих ведомостей. Срок выхода первой томской газеты в свет определялся вторым полугодием 1855 г. или началом 1856 г. Обязательным условием была

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 5–7. Эта цитата демонстрирует одну из отличительных черт российского чиновничества – его гибкость и чувствительность к настроению вышестоящего начальства. Когда таковое давало позволение высказывать реформистские прогрессивные мысли, то всегда находились и реформаторы, и соответствующие мысли.

организация новой структуры губернского правления – газетного стола: чиновники опасались, что новые обязанности могут переложить на старые штаты.

Коммерческий успех издания должны были обеспечить обязательные подписчики. Присутственных мест и должностных лиц в губернии набиралось 125; церкви, также обязанные получать газету, и пожелавшие ее выписывать частные лица могли увеличить число экземпляров до 300. Подписка для частных лиц принималась на год или полгода в почтовых конторах или должностными лицами (губернским правлением, полицмейстером, городничими, исправниками, заседателями, волостными правлениями). Для жителей уездов крайним сроком внесения подписной суммы было 1 декабря, для томичей – 15 декабря.

Относительно подписной суммы приложение 172 к ст. 648 «Положения» 1845 г. было нарушено. Вместо положенных 3 руб. сер., «по уважению местных обстоятельств и по новости этого дела в Сибири, а также по интересу статей, относящихся до малоизвестной еще для многих Сибири», годовая стоимость полного варианта ведомостей устанавливалась в 4 руб. сер. и 3 руб. сер. за одну официальную часть. Пересылка и доставка на дом удорожала подписную цену на 1 руб. При средней стоимости 1 экз. газеты 4 руб. сер. за тираж 300 экз. губернское правление предполагало выручить 1 200 руб. Эта сумма должна была покрыть расходы на бумагу (600 руб.) и другие издержки (400 руб.). Получалось, что даже при 300 подписчиках (а выпускать можно было и 500 экз.) газета могла приносить неплохую прибыль, учитывая, что содержание типографии в год (по данным 1846 г.) обходилось городскому казначейству в 1 342 руб. 50 коп.

В качестве важной статьи дохода рассматривались частные объявления, за которые предполагалось взимать плату по $\frac{1}{4}$ коп. сер. с десяти букв, цифр и знаков препинания. Вероятно, эта цифра появилась путем пересчета на серебро, с учетом инфляции, тарифа

от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ коп. за букву, установленного «Положением об издании губернских ведомостей» 1830 г.

Оплата литературных трудов по наполнению неофициальной части не предусматривалась. Более того, полагалось, что будущие авторы будут исходить из «соревновательности» и их статьи «в видах поощрения, впредь до времени печатаются бесплатно». Получалось, как в анекдоте, который в ходу у современных телевизионщиков:

«— Уважаемые зрители, присылайте нам ваши интересные сюжеты.

— Уважаемые редакторы, присылайте нам ваши гонорары за наши сюжеты».

Вопрос о создании профессионального коллектива «по новости этого дела» мыслился в соответствии с формальными положениями законодательства. При губернском правлении открывался газетный стол и вводилась должность корректора, который заведовал сортировкой поступающих статей, их размещением по рубрикам, порядком набора и печатания. Редакцию неофициальной части должен был осуществлять один из учителей томской гимназии под контролем ее директора.

Подготовленный экземпляр просматривался и утверждался к печати вышестоящим советником губернского правления. После набора и оттиска корректурного листа он поступал для правок и утверждения редактору неофициальной части. Последнюю визу «Печатать дозволяется» накладывали председатель губернского правления и директор гимназии. Наконец, советник правления вновь получал завизированный экземпляр и заключал: «Набрать и отпечатать». Все корректурные листы хранились под надзором корректора⁶.

Однако издание «Томских губернских ведомостей» в 1855–1856 гг. так и не началось. Открытие газетного стола требовало увеличения штатов. Подсчеты издержек и доходов оказались чрез-

⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 8–16.

мерно оптимистичными. На заседании общего губернского управления 21 июля 1855 г. был сделан вывод, что «средства к изданию ведомостей и потребные на них издержки исчислены примерно, без точного объяснения оснований этих расчетов, потому нельзя определить положительно, может ли издание ведомостей осуществиться, какая должна быть назначена плата как за них, так и за печатание частных объявлений и известий, которая должна быть умеренна, но во всяком случае покрывать издержки с некоторым избытком».

Резкой критике были подвергнуты макет и содержание газеты, поскольку выявились нарушения 28 из 36 статей порядка обнаружения распоряжений высшего и местного начальства через губернские ведомости. В самой разработке такой «заготовки» для «Томских губернских ведомостей» на основе российских аналогов не было необходимости, поскольку форма была утверждена министерством внутренних дел еще в 1837 г., а содержание и темы четко прописаны в законе⁷. Шрифты, выписанные и уже оплаченные, из Москвы так и не прибыли. Новый типографский станок и 5 касс шрифтов (в дополнение к уже истершимся 10) были приобретены только в 1857 г.⁸ Дело, вероятно, приостановилось и в связи со сменой верховной власти.

6 декабря 1856 г. по представлению западно-сибирского и восточно-сибирского генерал-губернаторов и рассмотрению Сибирского Комитета был принят закон «О некоторых изменениях по управлению в Восточной Сибири и Западной Сибири», изменявший территориальное устройство внутри сибирских губерний, увеличивавший содержание чиновников и вводивший новые штаты. В системе губернского управления появлялась новая должность – «редактор губернских ведомостей, он же начальник газетного стола и начальник типографии», – с годовым окладом в

⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 25–26.

⁸ Там же. Д. 1916. Л. 36.

400 руб.⁹ Таким образом, законодательно было разрешено приступить к изданию губернских ведомостей в Сибири¹⁰.

К исполнению этого постановления приступил новый губернатор Томской губернии генерал-майор А.Д. Озерский, вступивший в должность в марте 1858 г. Он вновь прибегнул к помощи Ф.С. Мещерина. Двое учителей томской гимназии – Я.Г. Андреев и Ф.В. Рудаков – изъявили желание принять на себя должность главного редактора неофициальной части, однако не безвозмездно, а с выплатой ежегодного жалования; первый потребовал 200, второй – 300 руб. сер. Эти суммы были соотносимы с жалованьем учителей – по штатному расписанию 1828 г. старшему учителю оно устанавливалось в 536 руб. 2 коп. сер., младшему – 343 руб. 10 коп. сер. в год¹¹.

Губернское правление было ограничено в средствах. С открытием губернской газеты параллельно шла кадровая и организационная подготовка работы томского статистического комитета, основанного в 1835 г., но фактически начавшего действовать с 1854 г. Согласно положению о статистических комитетах и рекомендациям министерства внутренних дел финансирование этого учреждения предполагалось из средств губернской типографии¹². Министерство финансов, в свою очередь, предписывало местным властям по возможности сокращать штат чиновников и «реши-тельно не допускать расходов сверхсметных и вообще превышения против высочайше утвержденных смет, под каким бы предлогом не было», о чем и было напечатано в самом первом номере «Томских губернских ведомостей»¹³. Правление настаивало на безвозмездном характере редакторской должности, соглашаясь выделить гимназии сумму в 200 руб., однако не в качестве жало-

⁹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2-е. СПб., 1856. Т. 31. № 31222.

¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 27.

¹¹ Мисюрев А.А. Указ. соч. С. 4.

¹² ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 69, 178–180.

¹³ Томские губернские ведомости. 1857. № 1. С. 2.

ванья, а для обеспечения одного или двух учителей, вышедших на пенсию, или установления пособия младшему учителю немецкого языка гимназии С.И. Эльснеру, «находящемуся в крайне бедном и болезненном положении»¹⁴.

В начале мая 1857 г. Ф.С. Мещерин провел собрание чиновников и учителей томской гимназии с целью обсуждения вопроса об их участии в безвозмездной подготовке неофициальной части. Судя по обсуждавшимся вопросам и принятым решениям, собрание проходило бурно и совсем не так, как этого хотелось губернской власти. Большинство голосов коллектив гимназии заявил о своей «готовности содействовать осуществлению благотворительных целей», настаивая на направлении именно 300 руб. в кредитные учреждения для составления пенсионного капитала. Учителя же Эльснера, «лишившегося на службе рассудка», рекомендовали поместить в богадельню или искать для него пособие через комитет заслуженных чиновников. В то же время подчеркивалось, что собрание «не дает ручательства за образ мыслей и за намерения» учителей, которые будут приняты на службу и в дальнейшем могут пересмотреть решение о безвозмездном труде.

Когда дело дошло до определения конкретной степени участия каждого, то выяснилось, что из двенадцати присутствовавших членов коллектива двое полностью отказались от всякого участия в издании газеты, шестеро заняли неопределенную позицию, двое изъявили готовность участвовать в издании только в первый год и лишь двое обязались снабжать газету статьями постоянно. Таким образом обеспечился выпуск 47 номеров неофициальной части, в дальнейшем же, по словам Мещерина, мог возникнуть «недочет в статьях, если постоянные участники не найдут возможности удвоить своих трудов в пользу издания».

Кроме того, коллектив гимназии выдвинул 8 условий своего возможного участия в организации газеты:

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 27–30.

«1-е, цензура статей не должна выходить из пределов, определенных правилами цензуры вообще, так, что она не отвечает за достоинство статей по содержанию их и изложению.

2-е, публика есть единственный судья редакторов в литературном отношении, и потому имя составителя статьи должно быть отпечатываемо в конце оной. Этим способом определится мера участия каждого из чиновников в издании ведомостей.

3-е, фамилии сторонних сотрудников, которые доставят статьи, стройно обработанные и не требующие новой редакции, также должны быть отпечатываемы...

4-е, если, по прошествии первого года, издание перейдет к одному лицу, то за достоинство статей отвечает это лицо как официальный редактор...

5-е, издание этой части ведомостей начинать не ранее 1-го января 1858 г., дабы сотрудникам иметь время на собрание материалов и заготовление запасных статей...

6-е, необходимо начальственное распоряжение и дозволение редакторам беспрепятственно пользоваться: а) Полным Собранием Законов, в котором по историческому отделу содержатся самые верные данные о переменах в устройстве администрации края и о постепенном покорении его аборигенов; б) губернским архивом; в) по части статистики – отчетами всех присутственных мест для извлечения тех сведений, в которых, по программе издания, встретится необходимость, и по части географии и топографии – делами и планами губернской чертежной. Без этих пособий и без искреннего содействия этих мест означенные отделы газеты почти неосуществимы, тем более что редакторы сами лично не путешествовали по губернии и средств к тому не имеют.

7-е, чтобы известные местному начальству по своей любознательности и усердию к общепользным трудам священники и чиновники приглашены были чрез свои начальства доставлению в дирекцию училищ описаний тех достопримечательностей по части физической географии и метеорологии...

8-е, корректура неофициальной части должна быть возложена на корректора губернского правления...»¹⁵.

Наиболее активным участником собрания был старший учитель законоведения Ф.В. Рудаков, который в 1855 г. на аналогичное предложение о безвозмездном сотрудничестве со статистическим комитетом лично обратился к директору томской гимназии с пунктами своеобразного юридического контракта, первым из которых был годовой оклад в 300 руб. сер. Рудаков требовал единоличного права редактировать неофициальную часть, корректора из штата типографии, доступа к материалам канцелярий и архивов, ограничение цензуры только лишь правилами цензурного устава, возможности отклонять присылаемые в ведомости статьи, возможности покинуть пост редактора в течение трех месяцев после объявления об этом решении (а в случае представления статей на 12 номеров газеты вперед, то немедленно; «разумеется, вознаграждение за эти три месяца должно поступить в мою пользу»). В случае же безвозмездного характера должности редактора он, «вполне сознавая обязанность каждого гражданина по мере возможности содействовать всякому доброму делу», обещал безвозмездно доставить редакции 10 статей, не принимая на себя обязанностей редактора¹⁶. Мещерин, исходя из переписки, понимал и разделял прагматический подход Рудакова, но губернское начальство к выстраиванию отношений на таком уровне было не готово. Высокая сумма оплаты (300 руб. сер.) и множество требований привели к тому, что решением губернского правления 31 мая 1857 г. должность редактора неофициальной части ведомостей была предоставлена учителю латинского языка Я.Г. Андрееву с вознаграждением в 200 руб.

Окончательное же решение вопроса ожидалось, как и полагается, от вышестоящего начальства – генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда. 5 июля 1857 г. он постановил, что «к выда-

¹⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 30–33.

¹⁶ Там же. Л. 24–24, 36–36 об.

че одному из учителей гимназии, за составление для неофициального отдела литературных статей, особого вознаграждения в виде постоянной обязательной платы, не представляется никакого основания, с одной стороны, по неимению на подобный расход разрешения законом, а с другой – и потому, что в случае затруднения в безвозмездном приобретении для томских губернских ведомостей статей литературных и ученого содержания, по недостатку имеющих участвовать в оных своими трудами из одного лишь соревнования к успехам просвещения и общей пользе, неофициальный отдел сих ведомостей может быть пополняем статьями, заимствуемыми из других периодических изданий»¹⁷.

Согласно указу 1851 г. о передаче цензуры неофициальной части от вице-губернатора к одному из училищных чиновников, вошедшему в «Свод законов» 1842 г. как примечание к прил. 167 к ст. 648¹⁸, и запросу, сделанному Гасфордом в министерство народного просвещения¹⁹, цензурировать неофициальную часть ведомостей было поручено наиболее активному и деятельному участнику их организации – директору училищ Ф.С. Мещерину. Аналогичное распоряжение было отдано по Тобольской губернии, где цензором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей» стал директор гимназии П.П. Ершов²⁰. В 1828–1862 гг. цензурой в России ведало Главное управление цензуры при министерстве народного просвещения, поэтому новый объем работ мог вполне осуществляться одним из его чиновников без дополнительных расходов.

Кроме того, Гасфорд пресек самостоятельность относительно стоимости ведомостей – она была установлена в 3 руб. сер. в точном соответствии с прил. 172 к ст. 648 «Учреждения губернских правлений» 1845 г. Небольшое увеличение этой суммы могло быть только

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 43.

¹⁸ *Высочайше* утвержденное положение Комитета министров о подчинении неофициальной части губернских ведомостей общей цензуре. 27.02.1851 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1852. Т. 26. Отд. 1. № 24979.

¹⁹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Д. 4149. Л. 1.

²⁰ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 3950. Л. 270.

для частных подписчиков, пожелавших получать ведомости на бумаге лучшего качества (цена установлена в 3 руб. 50 коп.). Стоимость частных объявлений, также согласно букве закона, предоставлялось установить губернатору (установлена в 1 руб. сер.).

15 августа 1857 г. первый номер «Томских губернских ведомостей» увидел свет; они стали издаваться последними в ряду сибирских газет (ведомости в Тобольске начали выходить с 27 апреля, в Иркутске – с 16 мая, в Красноярске – со 2 июля 1857 г.).

Газета печаталась еженедельно (кроме пасхальной недели), но не по субботам, как планировалось первоначально, а по пятницам, что давало чиновникам больше времени для ознакомления с распоряжениями начальства. Принятие их к сведению или исполнению осуществлялось с начала следующей недели.

Первым начальником газетного стола, смотрителем губернской типографии и редактором официальной части губернских ведомостей стал 26-летний столоначальник уголовного стола томского губернского правления, губернский секретарь Михаил Степанович Праволамский, занимавший эти должности с 1 августа по 12 ноября 1857 г. Он окончил тамбовскую семинарию со званием студента и в 1849 г. вступил в службу в Тобольском губернном правлении, а в 1852 г. перевелся в Томск²¹. В ведении Праволамского находились составление официального отдела, а также техническая сторона дела – рассылка ведомостей, регистрация входящих статей и объявлений, учет расходов и доходов издания. За ведение, редактирование и цензурирование неофициальной части отвечал Ф.С. Мещерин²².

В фондах Научной библиотеки Томского государственного университета сохранился редакторский вариант «Томских губерн-

²¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 964. Л. 304–309.

²² В отличие от редактора официальной части, должность редактора части неофициальной не предоставляла прав государственной службы и поэтому не указывалась в адрес-календарях. В Томской губернии общим редактором как официальной, так и неофициальной частей стал, начиная с № 12–13 1866 г., Н.И. Стефанов.

ских ведомостей» за 1857 г. – в рукописном виде, с многочисленными правками различными почерками и резолюциями «печатать» и «набрать» в конце номера. Советник губернского правления О.Г. Павлов накладывал резолюцию: «По докладу начальника газетного стола набрать». С № 5 в качестве редактора официальной части указывался Праволамский. № 6 вышел с неофициальной частью и с резолюцией редактора неофициальной части: «Печатать дозволяется. Томск. 21 сентября 1857 г. Директор училищ Ф. Мещерин».

Вопреки мнению о том, что в 1857 г. «Томские губернские ведомости» выходили без неофициальной части, сложившемуся в исследовательской литературе под влиянием объявления, помещенного в самой газете²³, неофициальная часть все-таки выходила в виде нескольких разрозненных номеров; она хранится в подшивке «Томских губернских ведомостей» за 1857 г. в Российской национальной библиотеке (С.-Петербург)²⁴.

Через 2,5 месяца издания с газетой произошел неприятный инцидент. В № 12 от 1 ноября сообщалось об очередном пожертвовании золотопромышленника И.Д. Асташева в размере 3 тыс. руб. на открытие в Омске детского приюта и школы для девочек. По

²³ «В 1857 г. ведомости выходили, как известно публике, с одной официальной частью, по недостатку времени и средств на приготовление статей для части неофициальной» (*Томские губернские ведомости*. 1857. № 1).

²⁴ *Необычайное* явление [Об Онуфриевском прииске барона Мершейд фон Гильзена и разливе р. Чалы] // *Томские губернские ведомости*. Томск, 1857. № 6; *О необыкновенных* происшествиях в губернии; *О средстве* против веснушек // Там же. № 6; *Письмо* из Омска [О балах в доме генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда] // Там же. № 13. Любопытно, что первая статья в неофициальной части газеты была посвящена родственнику Г.Н. Потанина, на помощь которого в проезде до столицы он рассчитывал в 1858 г. Однако прииск Онуфриевский оказался убыточным, и Потанин, по его словам, тоже «почувствовал себя банкротом». В этом же году барон фон Гильзен умер. Впечатления о прииске вошли в статью-очерк Потанина «О рабочем классе в ближней тайге» (*Русское слово*. 1861. № 6. С. 1–20). См.: *Потанин Г.Н.* Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 99–102.

этому поводу было опубликовано следующее: «Господин генерал-губернатор Западной Сибири... изволил выразить г. Асташеву, за таковое его пожертвование на пользу общую, искреннейшую признательность. О чем, в исполнение предложения г. исправляющего должность томского гражданского губернатора, от 23 октября сего 1857 г., за № 4418, и публикуется повсеместно»²⁵. Последнее предложение оказалось неверным, и губернатор А.Д. Озерский в резкой записке обращал внимание губернского правления на нарушение субординации и недопущение на будущее время таких неточностей: «...означенное опубликование предложено было отнюдь не по моему распоряжению, а по воле г. генерал-губернатора, — о чем ясно было сказано и в предложении моем за № 4418»²⁶. Возможно, это привело к тому, что М.С. Праволамский 12 ноября был переведен на должность частного пристава Юрточной части г. Томска²⁷. Вместо него с № 15 от 22 ноября весь номер газеты стал подписывать Ф.С. Мещерин.

В конечном итоге, во избежание дальнейших противоречий и упущений в подготовке губернской газеты, 8 августа 1858 г. Сибирский Комитет постановил: «...цензуру неофициальной части губернских ведомостей, издаваемых в Сибири, предоставить местным начальникам губерний»²⁸. В случае же возникающих «сомнений» необходимо было обращаться к местным генерал-губернаторам²⁹. В качестве юридического основания для этого решения Комитет избрал то же самое прил. 167 к ст. 648 «Свода законов»,

²⁵ *Томские губернские ведомости*. 1857. № 12. С. 1.

²⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 65 об.–66.

²⁷ Там же. Д. 964. Л. 908.

²⁸ *Высочайше* утвержденное положение Сибирского комитета о предоставлении местным начальникам губерний цензуры неофициальной части губернских ведомостей, издаваемых в Сибири. 8.08.1858 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1860. Т. 33. Отд. 2. № 33459.

²⁹ *По Высочайше* утвержденному положению Сибирского комитета. Распоряжение 2 сентября 1858 г. // Сборник распоряжений по цензуре с 1828 по 1862 г. СПб., б.г. С. 64.

но без либеральной поправки, введенной указом 1851 г. о возможности цензурирования неофициальной части профессором или чиновником училища. 24 октября 1858 г. томский губернатор уведомил об этом решении губернское правление и уже с 31 октября стал лично подписывать номера газеты, хотя фактически обязанности редактора неофициальной части до 1859 г. продолжал исполнять Ф.С. Мещерин³⁰. В «Адрес-календаре» в штате чиновников губернии с 28 ноября 1858 г. редактором официальной части значился титулярный советник Анатолий Иванович Лалетин, принимавший участие в подготовке проекта газеты³¹.

Итак, для издания в Томске губернских ведомостей были подготовлены четыре основания: формально-юридическое, материально-техническое, коммерческо-финансовое и организационно-информационное. Возникновение периодики в Сибири стало возможным благодаря «александровской оттепели», общим модернизационным процессам, усилившимся в России со второй половины 1850-х гг.

Длительное «исключительное положение» Сибири можно объяснить как объективными (малонаселенность, недостаточное развитие экономических связей, невысокий уровень образования, малочисленность сибирской интеллигенции, ограниченность местной администрации в средствах, наконец, неважное состояние типографского дела), так и субъективными обстоятельствами – представлениями власти о русской социокультурной окраине как полуколонии, находящейся на особом административно-правовом положении, приближающемся к общероссийскому с некоторой задержкой.

Смена верховной власти привела к логическому перенесению правительственного проекта по изданию ведомостей на сибирские губернии. Сибирские губернские ведомости, по своему замыслу,

³⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 67–70.

³¹ *Адрес-календарь*. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. СПб. Ч. 2. С. 451.

структуре и содержанию являлись продолжением ведомостей российских, тенденции к некоторой демократизации которых также заметили еще в конце николаевского царствования.

Издание губернских ведомостей в Сибири стало возможным и благодаря николаевскому законодательству, опыту создания и функционирования ведомостей в европейских губерниях конца 1830-х – начала 1850-х гг., самой политике государства по расширению информационно-правового пространства на местном уровне, замене устного слова власти печатным. Без Николая не было бы Александра – в этом можно убедиться, анализируя Великие реформы 1860–1870-х гг. Действуя по принципу акселератора и тормоза, реформ и контрреформ, самодержавное государство стремилось не отстать от ведущих европейских стран, сохранив при этом себя.

Администрация Сибири осознавала необходимость издания ведомостей, исходя как из их социально-экономической и общественной значимости, так и из необходимости улучшения течения производства дел в губерниях. Важное место следует отвести и региональным процессам развития общественной и культурной жизни Сибири, ведь властную инициативу должен был кто-то поддерживать и воплотить (прежде всего это касалось неофициальной части издания).

Газета создавалась правительством, для нужд правительства и предназначалась прежде всего для присутственных мест. Она была важна для развивающегося города, его торгово-промышленной жизни (объявления о торгах и подрядах), усиления законности и порядка (публикации общегосударственных и местных узаконений, объявления о сысках). Для успеха «Томских губернских ведомостей» власть пыталась использовать коммерческий потенциал газеты (плата за частные объявления, расширение круга подписчиков) и помощь учителей томской гимназии. В отличие от Иркутска, где для организации ведомостей властями была задействована политическая ссылка, получившая определенную свободу в выборе тем и изложении материала, в Томске этот ресурс использован

не был³². Причина этого, видимо, заключалась в личностных качествах генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, который планировал использовать литературные таланты не совсем благонадежных сотрудников в целях гласной борьбы с различными злоупотреблениями чиновников и купечества.

В Томске круг заинтересованных в журналистской деятельности лиц показался генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду ненадежным ресурсом для обеспечения выхода неофициальной части. Составление неофициальной части «при помощи ножниц» на основе материалов из других изданий казалось ему достаточным для успехов просвещения в Сибири. Следует также учитывать, что правительственные учреждения должны были действовать наверняка, не рассчитывая на общественную помощь, к тому же тридцатилетнее николаевское царствование не характеризовалось возможностью свободно высказываться в прессе частным лицам.

Некоторые учителя томской гимназии были готовы проявить себя в новом деле, но на чрезмерно льготных условиях: регулярным жалованьем, доступом к информации по делам в губернии, возможностью обязывать к содействию администрацию и использовать труд «любопытных и усердных» священников и чиновников. На примере Ф.В. Рудакова можно сказать, что работу в газете он понимал не как службу или служение, а как прагматическую деятельность, сотрудничество, с определенными условиями и гарантиями. Требование учительского коллектива о законных пределах цензуры и необходимости общественной оценки авторов и их статей свидетельствует о достаточном уровне правосознания и гражданственности. Очевидно, что в случае реализации условий, предложенных учителями томской гимназии, возникала возможность создания на договорных с властью началах самостоятельной

³² Интересен факт, что живший в 1857–1859 гг. в Томске М.А. Бакунин, нашедший здесь свое семейное счастье, никак не отреагировал и не прокомментировал выход в Томске первой газеты, хотя очевидно, что в провинциальном городе, не настолько богатом на события, это обстоятельство не могло пройти мимо него.

общественной силы, имеющей доступ к деятельности (а следовательно, и критике) чиновного аппарата.

В Томске ответственность по подготовке неофициального отдела была возложена Г.Х. Гасфордом на директора училищ Ф.С. Мещерина – высшее должностное лицо по учебной части, отвечающее как интеллектуальным, так и административным требованиям. В конечном итоге, цензура как официальной, так и неофициальной частей стала осуществляться самим губернским начальством. В губерниях Европейской России властный контроль был в большей степени опосредован и не так прямолинеен (цензуру неофициальной части осуществлял цензурный комитет, профессор или учитель). Особенности же Сибири продолжали оставаться высокий уровень централизации управления и недоверие к местному обществу, воспринимаемому властью как недостаточно образованное и благонадежное в организации нового дела.

Чиновники, участвовавшие в подготовке «Томских губернских ведомостей», также уделяли основное внимание прежде всего не содержанию, а отношениям подчинения и контроля за текстовым материалом как в корректурном, так и цензурном отношениях. Отсутствие опыта в этом очень важном вопросе должно было восполнить точное воспроизводство законодательно утвержденной многоступенчатой системы проверок и распределения ответственности. Обращает на себя внимание, что необходимость и сложность в организации какого-либо нового дела в сибирской провинции всегда уравнивались и необходимым формально-юридическим обоснованием, и наличием образованных и ответственных людей, способных исполнить властные инициативы.

ГЛАВА 3 «ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1858–1865 гг.

3.1. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ (1858–1862 гг.): В ПОИСКАХ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

В 1858 г. подготовленные и присланные сообщения, заметки и статьи позволили сформировать уже полноценную неофициальную часть и выполнить данное редакцией в 1857 г. обещание «употребить все от нее зависящее сделать губернские ведомости, сколько возможно, не скучными и небесполезными для любознательных читателей»¹. Даже авторские стихи, пусть и далекие от литературного совершенства, украсили страницы первой томской газеты².

Всего в «Томских губернских ведомостях» 1858 г. было размещено 110 публикаций (из них 17 продолжающиеся). Свои подписи и псевдонимы оставили 29 авторов. Появились постоянные рубрики – метеорологические наблюдения за погодой в Томске (с № 16 от 25 апреля 1858 г.) и «Ведомости о происшествиях в Томской губернии» (с № 13 от 27 марта 1859 г.). Если сведения о состоянии неба, температуре и направлении ветра за прошедшую неделю представляли интерес только с научной точки зрения, то криминальная хроника хотя и отличалась малопривлекательной документальностью, свойственной полицейским сообщениям, но могла занять

¹ *Томские губернские ведомости*. 1857. № 1.

² *Пашинька Я.* Чары // *Томские губернские ведомости*. 1857. № 15. С. 120; *Он же.* Жизнь // Там же. 1857. № 28. С. 226. Под этим псевдонимом публиковался учитель словесности томской гимназии Я.С. Сергиев (*Наумов Н.И.* Н.М. Ядринцев в томской гимназии // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 333; *Ядринцев Н.М.* Воспоминания о томской гимназии // *Литературное наследство Сибири*. Новосибирск, 1979. С. 272).

внимание обывателя, в особенности, когда возникала проблема с наполнением неофициальной части.

С первого года выхода «Томских губернских ведомостей» в них стали сообщаться информационные известия, постепенно становящиеся все более оперативными, применительными к практической жизни и приближающимися по форме и содержанию к новостям (что отличает именно газетный текст от всех прочих). Так, в № 4 неофициальной части за 6 сентября 1857 г. сообщалось о разливе реки Чалы на Онуфриевском прииске барона Мершейд фон Гильзена, происшедшем 9 июля. В № 35 от 5 сентября 1858 г. в отдельной рубрике «Местные известия» говорилось о частичном затмении Луны 12 августа, грозе в Томске 25 августа и праздновании в городе 26 августа коронации Александра II. В № 22 от 8 июня 1862 г. рубрика «Местные известия» впервые выносилась в начало неофициальной части и содержала краткие, в один абзац, отделенные друг от друга знаками-маркерами сообщения о посещении Томска 5 июня 1862 г. генерал-губернатором Западной Сибири А.О. Дюгамелем, об открытии навигации на р. Томи, о движении через Томск арестантских партий, о ходе работ по городскому благоустройству.

Добровольные корреспонденты также отправляли в редакцию свои впечатления от новых мест. Так, переведенный в начале октября 1858 г. из кузнецкого в семипалатинское приходское училище учитель Н.Б. Вергунов буквально сразу же написал заметку «Кое-что о Семипалатинске», вышедшую в № 42 от 24 октября 1858 г. «Не всякий может побывать везде, видеть все иному не дозволяют обстоятельства, а многим и самые средства. Если вы, читатель мой, человек любознательный, любите ходить, – удостойте прогулкой вашей и наш городок» – так начинал Вергунов свое описание Семипалатинска, его жителей и немногих достопримечательностей³.

³ Вергунов Н. Кое-что о Семипалатинске // Томские губернские ведомости. 1858. № 42. С. 337–339. Николай Борисович Вергунов, опубликовавший в «Томских губернских ведомостях» только одну эту заметку, вошел в историю как соперник

В 1858–1859 гг. наиболее деятельными авторами неофициальной части были Николай Ильич Виноградский⁴, опубликовавший под псевдонимом «За Ангарский Сибиряк» и с инициалами «Н.В.» 41 статью, и Олимпан Гаврилович Павлов – автор 21 статьи, подписанных инициалами «О.П.»⁵. Скоропостижная кончина от «горловой чахотки» в начале 1859 г. прервала журналистскую и литературную деятельность Н.И. Виноградского, который очень трепетно относился к томской газете. Коренной сибиряк, окончивший иркутскую гимназию, в 1831 г., он поступил на службу и находил время писать статьи и стихи, некоторые из которых отсылал для печати в центральные периодические издания. В 1830–1834 гг. он выпускал в Иркутске рукописный литературный журнал «Домашний собеседник»⁶. В некрологе, автором которого был хорошо знавший его по службе О.Г. Павлов, говорилось о «потере незаменимого сотрудника Томской губернской газеты, не уставшего дарить её с самого начала издания многими более или менее дельными и интересными статьями». С переходом на службу в Томскую казенную палату Н.И. Виноградский принял в издании губернских ведомостей «теплое участие и с полной охотой составил из своего домашнего архива и из памяти разные статьи», не требуя за это вознаграждения, «из одного со-

Ф.М. Достоевского (отбывавшего ссылку в Семипалатинске) в получении руки М.Д. Исасовой. Перевод в Семипалатинск Вергунов выхлопотал, чтобы последовать за обрученной четой Достоевских (см.: Кушникова М., Тоголев В. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. Книга вторая. Кемерово, 2007).

⁴ Н.И. Виноградский в чине надворного советника служил в отделении питейных сборов казенной палаты. Умер 14 января 1859 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 814. Л. 71).

⁵ О.Г. Павлов – коллежский советник, занимавший должность советника томского губернского правления (*Адрес-календарь*. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1859–1860 гг. СПб. Ч. 2. С. 451). Он же визировал, допуская в тираж, первые номера «Томских губернских ведомостей».

⁶ Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 29.

вершения к успехам просвещения»⁷. Это были публикации об истории города Томска, городских праздниках, коренном населении края, самих губернских ведомостях, стихи «На новый 1858 год», воспоминания и заметки о П.А. Словцове, А.В. Шидловском, М.М. Сперанском.

В рубрике «Современные заметки» Н.И. Виноградский организовал обзор общероссийских и международных новостей, чтобы держать в курсе тех читателей, «которые не в состоянии жертвовать на выписку столичных ведомостей». Этот обзор представлял собой не просто извлечения из столичных газет, а избирательный рассказ с авторскими комментариями. Так, например, в первом обзоре сообщалось о предстоящей крестьянской реформе, о ходе Парижского конгресса и об открытии судоходства на Амуре⁸. Однако в 1858 г. вышло всего три выпуска обзора⁹, и только в 1870 г. отдел иностранных известий вновь появился в «Томских губернских ведомостях» – в связи с начавшейся франко-прусской войной газета перепечатывала телеграммы «Правительственного Вестника», а затем Русского телеграфного агентства.

Публикацией исторических документов и наблюдений за природными явлениями занимался с первых номеров газеты учитель русской словесности, а затем латинского языка Яков Гаврилович Андреев, который еще в период организации газеты по решению губернского правления должен был занять должность редактора неофициальной части с вознаграждением в 200 руб. (решение отменено генерал-губернатором Западной Сибири). В конце 1860 г. он по состоянию здоровья вышел в отставку, продолжая, однако, направлять статьи в газету вплоть до 1862 г.

⁷ О.П. Некролог // Томские губернские ведомости. 1859. № 6. С. 54–55; *Вазин В.И.* Сороковые годы в Иркутске // Литературный сборник. 1885. С. 262–263; *Записки В.Н. Виноградского* // Русская старина. Пг., 1916. № 9. С. 441–474; № 10. С. 123–131.

⁸ *Н.В. Современные заметки* // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. С. 275–276.

⁹ Там же. 1858. № 34. С. 275–276; № 38. С. 305; № 39. С. 315–316.

Этнографическую линию в «Томских губернских ведомостях» начал со второй половины 1858 г. священник Кузнецкого отделения Алтайской православной миссии Василий Иванович Вербицкий (1827–1890), из-под пера которого вышла целая серия продолжавшихся публикаций о языке, хозяйстве, быте, мифологии алтайцев и сибирских татар. В общей сложности В.И. Вербицким было опубликовано в 1858–1883 гг. 57 статей и сообщений.

Сбором и публикацией исторических сведений о коренных народах Сибири, в особенности киргизов Акмолинской и Семипалатинской областей, занимался Илья Федорович Русанов – уроженец Воронежской губернии, происходивший из семьи священника, служивший в 1859–1860 гг. чиновником Баян-Аульского окружного приказа¹⁰. С 1861 г. Русанов стал столоначальником томской экспедиции о ссыльных¹¹, а с 1862 г. взял на себя обязанности редактора неофициальной части газеты¹². Автором первой газетной публикации о Томской писанице – памятнике наскального первобытного искусства – был коллежский асессор, чиновник особых поручений при томском губернаторе (по данным на 1866 г.) Автоном Лукич Юрченко¹³.

¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 814. Л. 1414–1420.

¹¹ *Адрес-календарь*. Общая роспись всех начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по Главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1862–1863 г. СПб. Ч. 2. С. 404.

¹² Обязанности редактора неофициальной части не подразумевали дополнительного вознаграждения и были трудом вне основной должности. Три статьи в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1862 г. подписаны им как «Редактор И. Русанов» (№ 28, 37, 44). Согласно «Адрес-календарю на 1861–62 гг.» редактором официальной части был титулярный советник Александр Фадеевич Мещерин, сменивший на этом посту А.И. Лалетина (*Адрес-календарь*. Общая роспись всех начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Империи, и по Главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1861–1862 гг. СПб. Ч. 2. С. 387).

¹³ *Юрченко Ав.* Об иероглифах по реке Томи // Томские губернские ведомости. 1858. № 18. С. 142–143; *Памятная книжка лицам, служащим по разным ведомствам Томской губернии*. Томск, 1866. С. 3.

Об одном из авторов газеты – отставном смотрителе томского училища, секретаре томского статистического комитета¹⁴ Николае Ивановиче Ананьине, опубликовавшем в 1859–1860 гг. статьи о фольклоре сибирских татар, исторические документы, статью о сибирских кедре и липе, оставил воспоминания Г.Н. Потанин: «Он был старый холостяк, страдал запоем, тучный человек, в свободное от служебных занятий время немного занимавшийся наукой. Писал статьи, между прочим, он первый познакомил ученых с фактом существования липы в Кузнецком уезде... Записывал сказания алтайских инородцев, это был ученик Словцова, автора книги «Историческое обозрение Сибири», хотя сам научными изысканиями не занимался, но оказывал содействие разным ученым-путешественникам... Он жил в нижнем этаже училища, так что окно, у которого он обыкновенно сидел, очень мало возвышалось над тротуаром, проходившие мимо нищие прямо протягивали руку в открытое окно. Ананьин отрывался от работы и, не торопясь, отыскивал сначала табакерку, нюхал табак, потом искал в кошельке, доставал пятак и, с притворным презрением к лохмотьям, отвернув лицо от окна, подавал деньги рукою наотмашь и произносил: “Отыди, чернь непросвещенна”»¹⁵.

По поводу опубликованных этнографических зарисовок на страницах губернских ведомостей развертывалась дискуссия относительно их точности. Например, В.И. Вербицкий выступил с «Замечаниями на статью об Алтае» в № 13 за 1859 г. по поводу статьи Н.И. Ананьина «Татарские песни», помещенной в № 2 за 1859 г., которая, в свою очередь, также была ответом на статью Я. Попова из Барнаула «Алтай», помещенную в № 41 за 1858 г.

В соответствии с программой отдельными темами на страницах «Томских губернских ведомостей» стали здравоохранение и обра-

¹⁴ Должность секретаря губернского статистического комитета Н.И. Ананьин занял с октября 1860 г. (ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 289, 303 об., 305).

¹⁵ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 103–104.

зование края. Местными авторами, среди которых выделялся врач Алтайских казенных золотых промыслов Иван Феокистов, публиковались медико-топографические описания алтайских рудников, результаты проверок их госпиталей и лазаретов, меры к сохранению здоровья рабочих, сведения о порядке и ходе оспопрививания, отчеты открывшейся в 1862 г. в Томске благотворительной лечебницы для приходящих больных. Личный опыт, а также статьи из других губернских ведомостей и центральных газет («Блюститель здравия и хозяйства», «Сельский листок», «Военно-медицинский журнал» и др.) доставляли материал для публикаций по народной и общедоступной медицине, которые имели вид практических рекомендаций читателям (в 1862 г. было особенно много таких публикаций – 24).

Экономическое развитие Томской губернии, Сибири и всей России было постоянной темой газеты. Затрагивались история золотопромышленности и новшества в этой области. Отдельные номера содержали информацию о количестве добытых драгоценных металлов. В.И. Вагин целой серией статей поднял актуальную для Сибири тему путей сообщения и строительства железной дороги от Нижнего Новгорода до Иркутска¹⁶. «Облегчение сообщений – дело первой важности для Сибири. Все мы, кому дорого благосостояние нашей родины, должны подать голос в этом деле»¹⁷. Отдельные публикации посвящались состоянию земледелия, ценам на хлеб, развитию овцеводства и коневодства, традиционным промыслам коренных народов.

Участие в подготовке губернских ведомостей учителей и два крупных события в сфере образования – 20-летие томской гимназии в 1858 г. и открытие в Томске в 1860 г. женского училища –

¹⁶ Вагин В. О сибирских дорогах // Томские губернские ведомости. 1858. № 19. С. 148–151; № 20. С. 153–159; № 21. С. 161–167; *Он же*. По поводу статьи о сибирской железной дороге // Там же. 1859. № 16. С. 132–137.

¹⁷ Вагин В. О сибирских дорогах // Томские губернские ведомости. 1858. № 21. С. 167.

предоставили разнообразный материал для развития и обсуждения в газете соответствующей темы. Уже в № 29 от 25 июля 1858 г. была поднята тема расширения сферы образования. Читателя информировали, что «о крестьянской грамотности началось прение в ученом свете по вопросу: нужно ли русскому земледельцу быть грамотным? Иные говорят не нужно; другие опровергают это возражение целыми диссертациями. Это слова. Станем ожидать конца, на чьей стороне будет победа»¹⁸. Победа оказалась на стороне правительства, которое распорядилось открывать на благотворительные средства воскресные школы и женские училища. Об исполнении этих распоряжений оперативно сообщала первая томская газета.

В № 46 от 18 ноября 1860 г. учащиеся и учителя приглашались прийти 27 ноября в дом надворной советницы Ф.М. Гуляевой, где размещались классы томской гимназии и открывалась для желающих всех возрастов воскресная школа.

В начале статьи неизвестный автор высказывал довольно очевидную, но опасную в прежние времена мысль: «А что у нас между простым народом мало грамотеев, в том он не виноват, как не виноват в своей бедности при огромных средствах своего раздольного отечества»¹⁹. Однако предложение по начальному образованию, как и во многих городах России, не нашло спроса.

О круглой дате в истории томской гимназии сообщали директор училищ Томской губернии Ф.С. Мещерин²⁰ и пришедший ему на смену после выхода на пенсию в апреле 1859 г. старший учи-

¹⁸ *О грамотности и нравственном образовании* (перепечатано: Экон. Зап. 1858 г. № 3) // Томские губернские ведомости. 1858. № 29. С. 236.

¹⁹ *О томской воскресной школе* // Томские губернские ведомости. 1860. № 46. С. 343–344.

²⁰ *Мещерин Ф.С.* Историческая записка о состоянии народных учебных заведений Томской губернии, читанная на торжественном акте в томской губернской гимназии 10 декабря 1858 г. // Томские губернские ведомости. 1859. № 7. С. 57–64; № 8. С. 65–67.

тель тобольской гимназии М.Л. Попов²¹. Возможно, он сменил Мещерина и на посту редактора неофициальной части газеты. Именно с 1860 г. Попов начал публиковаться в ведомостях. Однако подтвердить это предположение какими-либо источниками не представляется возможным ввиду их отсутствия.

Теме женского образования в 1858–1860 гг. были посвящены четыре публикации: об открытии женской гимназии в Тобольске, статьи О.Г. Павлова и В.И. Вагина о необходимости женского учебного заведения в Томске и, наконец, статья М.Л. Попова о подготовке и открытии в Томске 1 марта 1860 г. женского училища²².

По поручению М.Л. Попова старший учитель законоведения Ф.В. Рудаков подготовил отчет о состоянии образования в 1858/59 учебном году, прочитанный 12 декабря 1859 г. во время торжественного акта в Томской губернской гимназии. Этот отчет содержал не только сведения о числе и успеваемости учащихся, о подготовке к открытию новых учебных заведений, их материальном и финансовом положении, но и рассуждения о причинах, препятствующих лучшему состоянию сферы образования в губернии. «Мы были бы слишком неискренни и слишком надменны, если бы сказали, что сделано все, чего можно было бы требовать; но мы были бы и несправедливы, если бы скрыли и от себя и от вас те причины, какие препятствовали лучшему состоянию учебных заведений», – писал Ф.В. Рудаков²³. По его мнению, такими причинами являлись недостаточная первоначальная подготовка учени-

²¹ *Попов М.Л.* О публичном акте в Томской гимназии, бывшем 12 декабря 1859 года // Томские губернские ведомости. 1860. № 13. С. 88–89.

²² *Несколько слов о Тобольской Мариинской женской школе* // Томские губернские ведомости. 1858. № 26. С. 206–211; *Н.В.* О женской гимназии в Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 45. С. 364–366; *Вагин В.* Еще о женской гимназии // Там же. 1859. № 4. С. 36–38; *Попов М.Л.* Томск. Мая 5 дня 1860 г. // Там же. 1860. № 25. С. 179–183.

²³ *Рудаков Ф.В.* Отчет о состоянии учебных заведений Томской Дирекции училищ с 1 августа 1858 по 1 августа 1859 года // Томские губернские ведомости. 1860. № 16. С. 112.

ков гимназии (упоминались случаи, что поступающие не знали даже кратких повседневных молитв, названий дней недели и названия своей страны), отсутствие домашнего надзора за детьми, бесполезное препровождение ими свободного от учебы времени и, наконец, неперспективность карьеры учителя и недостаточное жалование²⁴.

Следует отметить, что сам Филолог Васильевич Рудаков, который еще при организации томского статистического комитета и «Томских губернских ведомостей» был готов исполнить должность секретаря комитета или редактора газеты (но не безвозмездно, а за вознаграждение), являл собой пример быстрого продвижения по службе. В числе первых шести выпускников томской гимназии он продолжил свое образование на «казенный кошт» в Казанском университете, после чего, согласно положению о возвращении студентов-сибиряков на родину для службы по учебному ведомству, вернулся в Томск, заняв в 1848 г. в гимназии должность учителя законоведения. В 1852 г. Рудаков в дополнение к своим учительским обязанностям стал секретарем губернского тюремного комитета. Женитьба обязывала к поиску дополнительного заработка, поэтому так настойчиво было требование об оплате своих трудов. В 1857 г. Рудаков получил чин коллежского асессора, а в 1860 г. – надворного советника. В 1862 г. он был переведен в Тобольск на должность директора гимназии и училищ губернии и, наконец, стал главным инспектором училищ Восточной Сибири²⁵.

Отчет за 1859/60 учебный год, подготовленный уже самим М.Л. Поповым, также был опубликован на страницах губернских ведомостей. Наряду с прочей информацией читателям предлагался

²⁴ Рудаков Ф.В. Отчет о состоянии учебных заведений Томской Дирекции училищ с 1 августа 1858 по 1 августа 1859 года // Томские губернские ведомости. 1860. № 16. С. 112–117.

²⁵ Мисюрев А.А. Указ. соч. С. 13–14; Прил. С. 20; ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 156–159.

анализ мер по улучшению и расширению сферы образования. Например, относительно распространения грамотности среди простого народа Попов высказывался в пользу женских училищ: «Образуйте вы грамотного отца – в семействе его не прибавится грамотных; образуйте грамотную мать – у такой матери ни одно дитя не останется безграмотным»²⁶. Приводилось критическое мнение главного инспектора училищ Западной Сибири А.В. Попова, ревизия которого «обнаружила много недостатков не только в уездных и приходских училищах, но и в самой нашей гимназии»²⁷. В продолжение этой темы и для демонстрации, что педагогический совет гимназии работает над исправлением отмеченных недостатков, в последующих шести номерах ведомостей была размещена записка Ф.В. Рудакова «О результатах наблюдений его за поведением учеников и о мерах к исправлению их»²⁸.

М.Л. Попов отмечал, что средние и низшие учебные заведения переживают самое трудное для них время: «Со всех сторон слышатся жалобы на недостатки их, с каким-то особенным удовольствием малейшую их закулисную нечистоту и малейший сор выметают наружу. И если бы все статьи, в которых обличались средние и высшие учебные заведения, собрать в одно целое, у нас составил бы роман не хуже “Парижских тайн” – “Тайны училищные”»²⁹. Место для такой статьи, представлявшей собой критику извне, нашлось в № 42 от 26 октября 1862 г. Священник И. Федоров писал, что дело не в недостатке первоначальной подготовки учеников и слабом финансировании школы, а в том, что она раз-

²⁶ Попов М.Л. Отчет за академический 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. № 16. С. 120.

²⁷ Там же. № 19. С. 141.

²⁸ Записка старшего учителя гимназии Рудакова о результатах наблюдений его за поведением учеников и о мерах к исправлению их // Томские губернские ведомости. 1861. № 20. С. 149–155; № 21. С. 157–163; № 22. С. 164–167; № 23. С. 172–174; № 24. С. 180–183; № 25. С. 188–189.

²⁹ Попов М.Л. Отчет за академический 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. № 16. С. 119.

живается старым и неудобным путем. Все предлагаемые и обсуждаемые в печати проекты реформы образования не содержат в себе ничего нового и приносят пользу только типографиям и журналам. Ученик по-прежнему идет в класс «с такою же охотой, как невольник негр на работу: у него иногда 5 уроков, каждый по 2 листа, часто содержащих в себе одни сухие формулы, смысл которых он большею частью не понимает». Учителя стремятся преподавать так, как им удобно, по строгой форме, а «каждый ученик занят в это время прошлым уроком, думая “авось либо спросит учитель”, и потому боится развлечь себя слушанием объяснения нового урока». «Наши гимназии – это цейхгауз для склада вещей; дом, куда родители стараются сбыть своих детей, чтобы избавить их от домашних сцен» – такой суровый приговор выносил Федоров гимназическому образованию. Являясь сторонником педагогики Л.Н. Толстого (Федоров выписывал издававшийся в 1862 г. журнал «Ясная Поляна»), он предлагал предоставить ученику свободу выбора в проявлении своих способностей: «Дело педагога – только поощрить это направление и таким образом развить в воспитанниках уважение к науке»³⁰.

Необходимо отметить, что некоторые известные воспитанники томской гимназии оставили совсем нелестные воспоминания о своих учителях. Так, например, Н.И. Наумов писал: «Это было что-то невозможное, состоящее из грязных, вечно пьяных драчунов, которые, как я думаю, и сами-то ничего не знали... ни один воспитанник, кончивший курс Томской гимназии в те времена, не имел никакого понятия о правописании, о составлении речи, о знаках препинания и т.п.»³¹. Аналогичного мнения придерживался Н.М. Ядринцев: «...одна часть опускалась и пила горькую, некоторые, как Э. [С.И. Эльснер], сходили с ума; оставались люди, примирившиеся

³⁰ (О.В.) *Ив. Федоров*. Несколько слов о воспитании // Томские губернские ведомости. 1862. № 42. С. 321–322.

³¹ *Наумов Н.И.* Н.М. Ядринцев в томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. Т. 5. С. 327.

с обыденной обстановкой, они переженились на кухарках или простых бабах и погрузились в довольно прозаическую жизнь»³².

Действительно, в условиях провинциального города не каждый мог противостоять «опрощению» и поддерживать в себе качества, соответствующие званию педагога (ведь далеко не все призваны и способны идти к великим целям). Повседневная жизнь и пристрастия учителей дореформенной гимназии не раз становились предметом для сатиры (например, фигуры Медузина и Капернаумова в романе «Кто виноват?» А.И. Герцена), тем важнее была возможность литературного труда в местной газете, как своеобразная «отдушина», не средство получения гонорара, но средство, поддерживающее от окончательного поглощения интересов и потребностей рутинной и невзыскательной средой. Об учителе гимназии Я.Г. Андрееве Наумов и Ядринцев писали, что он «периодически предавался страшным запоям»³³, был «горький пьяница»³⁴, что и стало причиной его смерти. Однако именно Андреева Потанин рекомендовал Наумову как «человека благородного и занимающегося наукой»³⁵. В своих воспоминаниях он писал, что Андреев был самый лучший из учителей гимназии, единственный среди них уроженец Сибири и «человек с сибирскими инстинктами»³⁶. Еще одного из авторов неофициальной части, бывшего зрителя Томского уездного училища Н.И. Ананьина, страдавшего аналогичным пороком, Потанин называл «единственным либералом в целом Томске»³⁷. Именно Ананьин помог Потанину выехать из Сибири для учебы в Петербургском университете.

Высшая губернская власть также выступала в качестве инициатора и автора публикаций. Так, например, в № 49 от 12 декабря

³² Ядринцев Н.М. Воспоминания о томской гимназии // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979. Т. 4. С. 275.

³³ Ядринцев Н.М. Воспоминания о томской гимназии... С. 275.

³⁴ Наумов Н.И. Н.М. Ядринцев в томской гимназии... С. 328.

³⁵ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 1. С. 38.

³⁶ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 86.

³⁷ Письма Г.Н. Потанина. С. 38.

1858 г. было помещено распоряжение губернатора А.Д. Озерского о мерах по благоустройству Томска, найденного им при вступлении в должность «относительно внешнего устройства и чистоты в состоянии недостаточно удовлетворительном»³⁸. Для этой цели создавался специальный комитет, отчеты о деятельности которого также публиковались на страницах губернской газеты³⁹. В № 10 от 4 марта 1860 г. в заметке к статье «Медико-топографическое описание киргизской степи» было представлено разъяснение от Главного Управления Западной Сибири по поводу судьбы построенных на казенные средства дома и мечети вдовы хана средней орды Валия, о чем губернские ведомости писали 11 сентября 1859 г. в № 36⁴⁰.

Через губернские ведомости ответ давался и центральным газетам: в № 19 за 1859 г. по поручению главного начальника Алтайских горных заводов и томского губернатора А.Д. Озерского аудитором Алтайского горного правления П.Д. Тихобаевым на основании следственных документов была подготовлена статья о пожарах, бывших в 1858 г. в Алтайском округе, как реакция на статью, помещенную в № 33 за 1859 г. «Санкт-Петербургских ведомостей» и содержащую неверное описание происшествия⁴¹.

В 1861 г. в трех номерах губернских ведомостей томским полицмейстером Я.А. Мануйловым на основании действующих законов была подготовлена и опубликована подробная «Инструкция

³⁸ *Об устройстве* города Томска // Томские губернские ведомости. 1858. № 49. С. 393–396.

³⁹ *О работах* по устройству города Томска в 1859 году // Томские губернские ведомости. 1860. № 10; *Отчет* Комитета по устройству города Томска – о работах, произведенных в 1860 году, и об употребленных на оные денежных суммах // Там же. 1861. № 43; *Извлечение* из отчета Комитета по устройству г. Томска за 1861 год // Там же. 1862. № 16.

⁴⁰ *Заметка* к статье «Медико-топографическое описание киргизской степи» // Томские губернские ведомости. 1860. № 10. С. 69–70.

⁴¹ *О пожарах*, бывших в 1858 году в Алтайском округе, в заводах: Локтевском и Змеевском и в селении Саламского рудника // Томские губернские ведомости. 1859. № 19. С. 157–161.

приставам и вообще чиновникам Томской градской полиции». Так этот по сути внутренний документ стал известен не только полиции, чтобы «удерживать от неправильных распоряжений или незаконных действий», но и рядовым горожанам, чтобы служить к «устранению и ослаблению тех несправедливых жалоб на полицию, которые нередко возникают по одному незнанию частными лицами обязанностей, возлагаемых на чиновников ее законом и правительственными распоряжениями»⁴².

В № 24 от 22 июня 1862 г. была размещена статья о незаконных поборах, взимаемых с крестьян и ссыльнопоселенцев, нанимающихся на золотые промыслы. В статье содержалось распоряжение А.Д. Озерского напечатать крупным шрифтом и разместить на видных местах объявления о законных размерах оплаты паспортного бланка⁴³.

На всеобщее обозрение также были вынесены проблемы организации и деятельности томского губернского статистического комитета, который со страниц газеты обратился ко всем образованным людям с просьбой о сотрудничестве в деле всестороннего исследования Томской губернии⁴⁴. Содержание нового учреждения, которое с 1835 г. существовало лишь номинально, с 1859 г. было возложено на томскую губернскую типографию, выделявшую из своих средств по 700 руб. ежегодно⁴⁵. Необходимые для деятельности комитета бланки также должны были печататься бесплатно. Однако написание и публикация статей для неофициальной части губернской газеты членами-корреспондентами комитета так-

⁴² Инструкция приставам и вообще чиновникам Томской градской полиции // Томские губернские ведомости. 1861. № 25. С. 187–191. № 26. С. 196–201. № 27. С. 205–207.

⁴³ О злоупотреблениях при найме на золотые промыслы // Томские губернские ведомости. 1862. № 24. С. 179–180.

⁴⁴ Список с протокола томского губернского статистического комитета. 24 августа 1861 года // Томские губернские ведомости. 1861. № 44. С. 340–343; № 45. С. 340–343.

⁴⁵ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 302 об.

же не предусматривали никакого вознаграждения. С ведомостями сотрудничали секретарь статистического комитета Н.И. Ананьин, окружной начальник г. Каинска В.И. Вагин, священник В.И. Вербицкий и учитель русской словесности томской гимназии Д.Л. Кузнецов, сменивший в 1863 г. И.Ф. Русанова в должности редактора неофициальной части.

Гласность, используемая центральным правительством для совершенствования государственного аппарата, освещения различных злоупотреблений и их последующего исправления, была допущена и при введении суда волостных расправ в Западной Сибири. В.И. Вагин, имевший практический опыт в этой сфере, доказывал преимущества существовавшего мирского крестьянского суда, обеспечивавшего скорое и понятное крестьянину судопроизводство, в отличие от суда волостных расправ, который удорожал и усложнял его по причине своей удаленности и формализма чиновников. В.И. Вагин предлагал наделить мирской суд полномочиями сельской расправы (введенной для государственных крестьян Европейской России) с сохранением его общинного начала: «Один – публичный суд всего селения, а правильность решения этого суда обеспечивается его коллективностью и гласностью; другой – суд трех лиц, притом негласный, и потому в нем не всегда можно ожидать полного беспристрастия. Сверх того, для сельской расправы нужно учреждение новых должностных лиц (добросовестных), а для крестьян всякая служба обременительна. В мирском суде этого не нужно»⁴⁶.

Возражая М.В. Загоскину, который в «Иркутских губернских ведомостях» высказывал сходные мысли, но обращал внимание, что на мирском суде в определении правого и виноватого большую роль играют «подношения», оставляя в соборной избе одних «записных пьяниц»⁴⁷, В.И. Вагин писал, что «нужно уничтожить

⁴⁶ Вагин В. Мирской суд // Томские губернские ведомости. 1858. № 48. С. 386.

⁴⁷ Загоскин М.В.. О суде крестьян между собой // Иркутские губернские ведомости. 1858. № 46. С. 5.

причины, разрушающие народную нравственность, и особенно причины и поводы к пьянству». Оставить за крестьянами возможность выбора присяжных судей из своей среды по жребию (как предлагал М.В. Загоскин), В.И. Вагин считал менее целесообразным, чем существование открытого суда всей мирской сходкой, при которой, по мнению автора, был менее вероятен подкуп и более возможностей к достижению равновесия мнений⁴⁸.

Не вступая в дискуссию по поводу крестьянского самоуправления, отметим сам ее факт, выходявший за рамки программы официальной газеты и цензурных ограничений, поскольку допускались открытое обсуждение устройства местных государственных учреждений, оценка их целесообразности и специфики введения в Сибири и, наконец, «снизу» предлагались отличные от мысли правительства проекты их реформирования (еще при существующей николаевской системе управления и крепостном праве). Выходя на более высокий уровень обобщений, В.И. Вагин обращал внимание на общее несоответствие существовавшей в России судебной системы «коренному юридическому началу», поскольку в ней нарушался принцип разделения судебных и полицейских обязанностей, совмещение которых «существует еще в нашем законодательстве единственно потому, что наше судопроизводство не достигло еще полного развития»⁴⁹.

Суждения В.И. Вагина и М.В. Загоскина можно расценивать как искреннее желание высказать свое заинтересованное и компетентное мнение относительно улучшения положения крестьянского населения в Сибири («Ныне не то время, чтобы прятаться за угол», – заключал Н.И. Виноградский одну из своих статей⁵⁰). Возможность публикации таких суждений в провинциальных гу-

⁴⁸ В. Еще о крестьянском суде // Томские губернские ведомости. 1859. № 17. С. 142–145.

⁴⁹ Там же. С. 143.

⁵⁰ За Ангарский Сибиряк. Воспоминания о Шидловском // Томские губернские ведомости. 1858. № 30. С. 244.

бернских газетах обнаруживает знакомство и авторов и редакторов с направлением центральной прессы, которое можно было применить к местной сибирской жизни.

Г.Н. Потанин, находясь на службе в Омске, писал, что после поражения России в Крымской войне «в воздухе веяло “новым духом”»; журналы заговорили смелее, запрещение говорить о крепостном праве было снято; разоблачение злоупотреблений сыпалось как из рога изобилия; каждая новая месячная книжка производила переворот в наших взглядах»⁵¹.

Н.И. Виноградский в статье «Современные заметки» отмечал, что «если есть что в направлении нашей литературы важного, то это весьма серьезные статьи в разных журналах по поводу крестьянского вопроса, о гласности судопроизводства, о полицейской власти, об устройстве путей сообщения, о женском воспитании и т.п. В таком губернском городе, как Томск, много людей и ученых, и любознательных, и просвещенных, и образованных. Все они следят за современными событиями и литературой. Быть может, некоторые и мало читают, но многое знают»⁵². Священник И. Федоров, рассуждая о человеческом прогрессе, писал: «Весьма отраднo видеть, слышать и читать, как в настоящее время, в нашем отечестве все встрепенулось, ожило, закипело жизнью и деятельностью». И в то же время возмущался задержкой на почте выписываемых им книг, журналов и газет, вынося свое впечатление от работы почтмейстера на суд читателей: «Остается одно: во имя гласности предать гласности, на суд публики вынести весьма неутешительные факты, лишаящие меня многого...»⁵³.

Если выделить в публикациях первых лет «Томских губернских ведомостей» образ губернаторской власти, то он будет исключительно положительным как единственно правомочная сила, от ко-

⁵¹ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 80.

⁵² Н.В. Современные заметки // Томские губернские ведомости. 1858. № 37. С. 297.

⁵³ Федоров И. Заметка // Томские губернские ведомости. 1861. № 10. С. 76.

торой исходят всяческие блага. Так, например, в стихах Н.И. Ананьина, посвященных бывшему томскому гражданскому губернатору и начальнику Алтайских заводов П.П. Аносову, речь шла о кузнеце, искусно ковавшем не только сталь и булат, но и людей, «да не простых, а чиновных, – начальников». Намек становился понятным, когда автор упоминал, что кузнец «сам лишь над всем надзирает, и где что разладится, – то поправляет»⁵⁴.

О.Г. Павлов перевозил супругу другого губернатора – С.С. Озерскую, которая, «движимая чувствами милосердия к страждущим», организовала в начале 1859 г. благотворительную лотерею: «С каким непрерывным радушием главная виновница этого христианского торжества, её превосходительство Софья Семёновна, приветствовала всех участников оного!.. На лице её проглядывала живая радость о том, что в руках у неё находится порядочная возможность успокоить на некоторое время не одно бедное и беспомощное семейство... Чтобы не уменьшать достоинства этого дела, говорящего само за себя, мы не позволяем себе распространяться здесь в похвалах виновнице такого человеколюбивого поступка. Представим лучше это свидетельством облагодетельствованным»⁵⁵. В последующих выпусках газеты также размещались статьи, приглашающие к участию в лотерее, но уже без славословия в пользу высокопоставленной покровительницы⁵⁶.

Н.И. Виноградский в статье о необходимости женской гимназии в Томске в качестве аргумента приводил слова «Государя Отца нашего» в Манифесте 19 марта 1855 г.: «Да развивается повсюду и с новой силой стремление к просвещению и всякой полезной дея-

⁵⁴ *Ананьин Н.* Разговор деревенского старика со внучатами // Томские губернские ведомости. 1859. № 1. С. 7–8.

⁵⁵ *О.П.* Дело благотворения // Томские губернские ведомости. 1859. № 7. С. 56–57.

⁵⁶ *Отчет* о лотерее, разыгранной 3 февраля 1859 г., в пользу бедных города Томска // Томские губернские ведомости. 1859. С. 89–91; *Местное известие* // Там же. 1862. № 9. С. 66; *Отчет* о лотерее в пользу бедных города Томска, разыгранной 2 февраля 1862 г., в доме Томского благородного собрания // Там же. 1862. № 13. С. 93–94.

тельности»⁵⁷. Службу Г.Х. Гасфорда в должности генерал-губернатора Западной Сибири Н.И. Виноградский характеризовал с точки зрения «мирного и благотельного управления и разных преобразований ко благу Западной Сибири совершенных и совершаемых». «Прозорливый» и «попечительный» начальник края «водворил порядок и на окраинах Киргизских степей юга и в снегах и тундрах Березовско-Обдорского неприступного севера»⁵⁸. И. Федоров обращал внимание, что российская администрация, содействуя прогрессу, «старается во всем завести порядок, точность, совершенство; быстро раскидываются железные дороги от моря до моря, проводятся телеграфы, заводятся всевозможные школы и училища и проч., и проч.»⁵⁹.

В отчете о 1858/59 учебный год Ф.В. Рудаков писал, что учреждение в 1860 г. должности главного инспектора учебных заведений (к которому от губернатора перешли все обязанности по учебной части) «обещает много полезного для учебных заведений Западной Сибири». Однако перед этим счел необходимым упомянуть, что только «особенная привязанность и любовь к делу образования» позволяли находить время для содействия учебным заведениям «при тех многосложных, важных и безотлагательных делах, какие поступают на рассмотрение начальника губернии»⁶⁰. М.Л. Попов в отчете за следующий учебный год сравнивал Сибирь с Америкой: «Там поселится на каком-нибудь месте 50 семейств – усердием жителей строится сперва церковь, потом школа. До того в этом народе развита потребность образования! У нас новые училища открывают-

⁵⁷ Н.В. О женской гимназии в Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 45. С. 366.

⁵⁸ За Ангарский Сибиряк. Статейка для немногих // Томские губернские ведомости. 1858. № 13. С. 103.

⁵⁹ Федоров И. Заметка // Томские губернские ведомости. 1861. № 10. С. 75.

⁶⁰ Рудаков Ф. Отчет о состоянии учебных заведений Томской Дирекции училищ, с 1 августа 1858 по 1 августа 1859 года // Томские губернские ведомости. 1860. № 16. С. 116–117.

ся по ходатайству просвещенного местного начальства – самим правительством»⁶¹.

Эти примеры можно множить, но вряд ли авторы заслуживают упрека в угодничестве и в расчете на какие-то выгоды по службе. С одной стороны, это дань чиновному и литературному этикету эпохи (Ч. Диккенс писал, что русские обладают особым «органом почитания» власти). С другой стороны, таково было настроение конца 1850-х гг., когда страну охватил ветер перемен и началась открытая подготовка к масштабным социальным и экономическим преобразованиям. От местной администрации и направлений ее деятельности ожидалось нечто новое и отличное в сравнении с предшествующим николаевским временем, когда запрещалось не только критиковать государственный аппарат, но даже и высказывать похвалу в его адрес.

Согласно программе губернских ведомостей все присутственные места и должностные лица должны были обязательно выписывать газету и представляли собой стабильный круг читателей по определению. Стоимость подписки удерживалась казенной палатой из отпускаемых на содержание чиновникам канцелярских сумм. Через официальную газету публиковались распоряжения центральной и местной властей, и никакое из мест и лиц не могло «отговариваться неведением того, что объявлено было официально через губернские ведомости». В отношении же неофициальной части редакторы и авторы статей отмечали пассивность томской общественности. Ф.С. Мещерин в объявлении, размещенном в последнем номере 1858 г., сетовал на «равнодушные публики», которая «несмотря на малозначительность определенной за ведомости годовой платы, столь мало обратила на них внимание, что по всей губернии оказалось *не более ста подписчиков*» (курсив *В.Ш.*). В результате сумма, вырученная от подписки, «далеко не покрывала расходов, какие требуются на

⁶¹ Попов М. Отчет за академический 1859–1860 год // Томские губернские ведомости. 1861. № 16. С. 120.

содержание типографии, принужденной все материалы, припасы и другие принадлежности выписывать из Москвы»⁶².

Н.И. Виноградский также сожалел, что «мало охотников и любителей чтения местной газеты»⁶³ и находил причину недостатка интересных статей в «нежелании и лени» ее возможных авторов. «Слышишь иногда, с грустью, отзыв некоторых, что в ведомостях следовало бы поместить и *то*, и *это*, что есть у них подготовленные вчерне тетрадки, да лучше послать в столичные ведомости или в какой-нибудь специальный периодический журнал, или вот такое то известие в губернских ведомостях, или очерк, или описание не совсем грамотно и даже бестолково. Просили и молили бы мы этих гг. указателей для общей пользы исправлять ошибки и пополнять недостатки сообщением интересных статей. От общего лишь соревнования и стремления поделиться сведениями в какой бы отрасли науки ни было зависит успех неофициальной части. Ждем по крайней мере от этих критико-указателе-писателей, в других газетах и журналах, превосходных их статей, да и там не находишь. Они сочиняют на словах, а не на бумаге», – писал Н.И. Виноградский в «Статьке для немногих», что также указывало на немногочисленность заинтересованных в местной газете лиц⁶⁴.

М.Л. Попов, говоря о своих и учителя Я.Г. Андреева статьях в губернских ведомостях, писал: «О последних трудах совестно было бы и упоминать, если бы в нашем городе были достаточны средства для солидных литературных занятий. В нашей провинции, настолько удаленной от ученых центров, и то было бы хорошо, если бы все, кому только литературные вопросы не пустая забава, могли серьезно следить за ними». Для этой цели в 1860 г. был организован литературный кружок, однако «все, что говорилось и читалось в наших собраниях, оставалось без следа для публики». Для того чтобы ин-

⁶² Томские губернские ведомости. 1858. № 51.

⁶³ Н.В. Корреспонденция // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. С. 275.

⁶⁴ За Ангарский Сибиряк. Статья для немногих // Томские губернские ведомости. 1858. № 13. С. 102.

формировать публику об этих беседах и в соответствии с ее мнением изменять их ход и направление, предполагалось публиковать отчеты о деятельности литературного кружка в губернских ведомостях⁶⁵. Однако это так и не было осуществлено – не только по причине несоответствия таких отчетов программе официальной газеты, но и по недостаточности в Томске такой заинтересованной общественности, способной развлекать себя не только карточными и танцевальными вечерами, но и мыслью и словом.

Композиционно-графическая модель «Томских губернских ведомостей» соответствовала типу ведомостей других губерний и средствам томской типографии. Все материалы имели прямоугольную форму и располагались в двух вертикальных колонках, разделенных жирными линиями. Публикации переходили из одной колонки в другую, с одной страницы на другую. Тем самым газета напоминала собой книжный разворот, что соответствовало распространенной практике газетного оформления, сближая газету с книгой и «толстым» журналом. Нумерация газеты также первоначально была «книжной» – сквозной для всех номеров, что облегчало поиск информации в годовых подшивках. С 1862 г. официальная и неофициальная части стали нумероваться раздельно. Однако губернские ведомости, безусловно, являлись газетой и не были бюллетенем, альманахом или изданием журнального типа⁶⁶.

⁶⁵ *Томские губернские ведомости*. 1861. № 17. С. 130–131.

⁶⁶ Ю.Л. Мандрика на основе исследовательских подходов В.Г. Березиной и А.И. Станько определяет тип каждой из частей ведомостей отдельно: официальную часть и прибавления – как бюллетень, неофициальную часть как эволюционировавшую от альманаха до издания журнального типа (*Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: на материале «Тобольских губернских ведомостей»* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004). Такой эклектичный подход представляется не свободным от замечаний. Бюллетень может иметь как периодический, так и продолжающийся (нерегулярный) характер и печатается в виде самостоятельного издания. По положению же о губернских правлениях 1845 г. официальная и неофициальная части выходили совместно, составляя полный номер ведомостей (*Высочайшее* утвержденное учреждение губернских правлений. 2.01.1845. Ст. 151 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб.,

Верхняя часть полосы номера представляла собой горизонтальный заголовок – название газеты, герб Томской губернии (что подчеркивало официальный характер издания) и редакционная информация – номер газеты (от 1 до 50–52), день, месяц и число ее выхода, подписная цена (3 руб. сер.), место приема подписных сумм (редакция газеты и почтовые конторы). Неофициальная часть начиналась с нового листа и имела собственный заголовок – название газеты (но без герба), ее номер, день и число выхода, подзаголовок «Часть неофициальная» и анонс содержания, в котором приводились заголовки статей, пронумерованные цифрами. В начале неофициальной части, как правило, печаталась самая большая по объему статья.

«Часть официальная» разделялась на «Отдел первый» и «Отдел второй». В первом отделе публиковались местные постановления и предписания, касающиеся административной, общественной и хозяйственной жизни губернии. Отдел второй содержал постановления и предписания центрального правительства, а также мест-

1846. Т. 20. Отд. 1. № 18580). С № 17 от 6 мая 1866 г. неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» перестала начинаться с нового листа и была вписана в общую композицию номера с общей нумерацией. К тому же публикация официальных материалов входит в задачи не только бюллетеня, но и газетного издания. Альманах подразумевает объединение по какому-либо признаку литературно-художественных произведений (или их фрагментов), публикуемых впервые. В отличие от газеты или журнала, выходящих через определенные промежутки времени с постоянным числом номеров, альманах имеет неперIODический характер и продается без предварительной подписки. Журналы в России второй половины XIX в., как правило, имели ежемесячную периодичность, в то время как ведомости – еженедельную или два раза в неделю. Публикуемые на страницах журналов статьи литературного и политического характера не должны были печататься в ведомостях согласно их первоначальной программе. По форме журнал имеет вид издания, скрепленного в корешке, ведомости же были листовым изданием, приобретающим форму книжки только в случае сшивки годового комплекта. В неофициальной части «Томских губернских ведомостей» печатались новости, корреспонденции, передовые статьи, рекламные объявления, относящиеся к газетным жанрам. Наконец, газетой называли ведомости современники – авторы, читатели, а также редакторы и чиновники, работавшие в газетном столе.

ные казенные объявления. Такое расположение материала несколько нарушало структуру издания, утвержденную положением о губернских правлениях 1845 г., сохраняя ее по сути.

Количественное, тематическое и авторское разнообразие публикаций неофициальной части «Томских губернских ведомостей» представлено в табл. 1. Публикации неофициальной части можно условно разделить на восемь тематических групп, каждая из которых состоит из подгрупп:

- «История»⁶⁷;
- «Этнография»⁶⁸;
- «Экономика»⁶⁹;
- «География и природа Сибири»;
- «Духовная, общественная и повседневная жизнь»⁷⁰;

⁶⁷ История Томска, городов и местностей Томской губернии, других городов Сибири; присоединение и освоение Сибири и Дальнего Востока; архивные исторические документы; управление, самоуправление и судопроизводство в Сибири; городское самоуправление; выдающиеся личности в истории Сибири; сибирская библиография; воинская повинность.

⁶⁸ Коренное и русское население Сибири; о сборе этнографических сведений.

⁶⁹ Золотопромышленность, полезные ископаемые и горнорудная промышленность; водные и сухопутные пути сообщения; железные дороги; земледелие; переселение в Сибирь и на Дальний Восток; животноводство; маслоделие; лесные уголья; винокурение; табачное производство; сахарная промышленность; солеварение; охота; рыболовство; пчеловодство; собирательство; торговля; финансы; экономические выставки; сфера услуг; подати и сборы; статистика и деятельность томского статистического комитета; государственные доходы и расходы по сибирским губерниям; томская губернская типография; средства связи; страховые общества; потребительские кооперативы.

⁷⁰ Периодическая печать; письма в редакцию газеты и ответы редакции; праздники, развлечения, нравы; поздравления; о пребывании в Томске и Томской губернии лиц императорской фамилии; о проезде через Томск примечательных лиц; некрологи, панихиды, биографии выдающихся деятелей; обращения духовных лиц к прихожанам; положение духовенства; прибытие и отбытие духовных лиц в Томск и из Томска; православные святыни; церковные праздники; строительство и освещение православных храмов и духовных учебных заведений; духовные учебные заведения; пожертвования в пользу православных церквей, монастырей и общин; пожертвования в пользу пострадавших от пожаров, наводнений и зем-

- «Образование и просвещение»⁷¹;
- «Здравоохранение и медицина»⁷²;
- «Домоводство».

Многие публикации характеризуются смешением сведений по истории, этнографии, географии, медицине. Это вызвано стремлением к многостороннему и целостному описанию предмета, проявлением энциклопедического интереса к малоизученному в научном отношении региону. Возникшая проблема классификации может быть решена путем выделения основной предметной направленности статьи, цели ее написания, профессиональных знаний автора и ценности содержащихся в ней сведений для изучения отдельного сюжета региональной истории. При определении ко-

летрясений; оказание помощи пострадавшим от неурожая; пожертвования и пособия в пользу бедных, больных и нуждающихся; пожертвования и пособия в пользу солдат и раненых; отчеты, собрания и ревизии отделений Красного Креста; приюты для престарелых и инвалидов; детские приюты; детские сады; томский губернский попечительный о тюрьмах комитет; пожертвования и помощь заключенным и их детям; содержание и положение полиции; пожертвования в пользу учебных заведений и учащихся; пожертвования в пользу первого сибирского университета; пожертвования для строительства памятников; распространение христианства среди коренного населения Сибири; старообрядчество; выражение верноподданнических чувств; о покушениях на Александра II; ссылка, преступность и тюрьмы в Сибири; о прибытии, назначениях, перемещениях, командировках, награждениях и выездах; положение Сибири в составе России; литературные вечера; стихи; занимательные и познавательные сообщения; благородные и общественные собрания; театр; городское благоустройство; происшествия; эпизоотии; о повреждении посевов; пожары и борьба с ними.

⁷¹ Начальное и среднее образование; высшее образование; строительство сибирского университета; женское образование; средние специальные учебные заведения и курсы; о распространении грамотности и чтения в народе; народные чтения; библиотеки; музеи; книжные магазины; публичные лекции.

⁷² Медицинские описания, отчеты и сообщения; аптеки; положение врачей; благотворительные лечебные учреждения в Томске; медицинская помощь бедным; деятельность Томского приказа общественного призрения; родовспоможение; борьба с инфекционными заболеваниями; медицинское образование; лечебные воды и грязи; борьба с пьянством; народная и общедоступная медицина; ветеринария; здоровое питание; о вредных для здоровья веществах.

личества публикаций по темам каждая из них (включая продолжающиеся) принималась за единицу счета.

Т а б л и ц а 1

Тематика публикаций в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1870 гг. (в скобках указаны продолжающиеся публикации)

Тематика публикаций		1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865	1866	1867	1868	1869	1870	Итого
История	Город Томск	5 (2)	2 (1)	1		3	2	3 (1)	1 (1)	2 (2)	4 (1)				23 (8)
	Томская губерния	4 (4)	1 (1)	1	2 (1)		1		3 (1)	4 (3)	7 (4)	12 (1)	3		38 (15)
	Другое	10 (3)	2 (1)	2	1 (1)	3	3	2	20 (1)					6 (2)	49 (8)
Этнография	Коренное население	13 (1)	14 (2)	3	7 (2)	6 (3)	4 (1)	4	7 (1)	1	4 (3)	2 (1)	4 (2)	3 (3)	72 (19)
	Русское население	3	1 (1)			2 (1)	5 (1)		3 (2)				1 (1)		15 (6)
Экономика		19 (1)	13 (3)	8 (2)	8 (1)	22 (5)	12 (2)	14 (5)	14 (5)	1 (1)	2 (1)	5 (1)	4 (2)	5 (2)	127 (31)
География и природа		12 (1)	9	7	2	4 (1)	2 (1)	8 (3)	4 (1)	6 (1)	2	1	7 (3)	2	66 (11)
Духовная, общественная и повседневная жизнь		22 (1)	12 (2)	12 (3)	5 (1)	27 (3)	24 (2)	23 (4)	36 (6)	14 (3)	10	26 (6)	14 (4)	20 (5)	245 (40)
Образование и просвещение		3	4 (1)	5 (1)	5 (2)	5	5 (2)	7	26 (4)	1	1	2	1	2	67 (10)
Здравоохранение и медицина		12 (4)	9 (3)	7 (1)	3	24 (2)	3 (2)	5 (2)	2 (2)	2 (1)	3 (1)	2	7 (2)	6 (1)	85 (21)
Домоводство		7				19									26
Итого		110 (17)	67 (15)	46 (7)	33 (8)	115 (15)	61 (11)	66 (15)	116 (24)	31 (11)	33 (10)	50 (9)	41 (14)	44 (13)	813 (169)

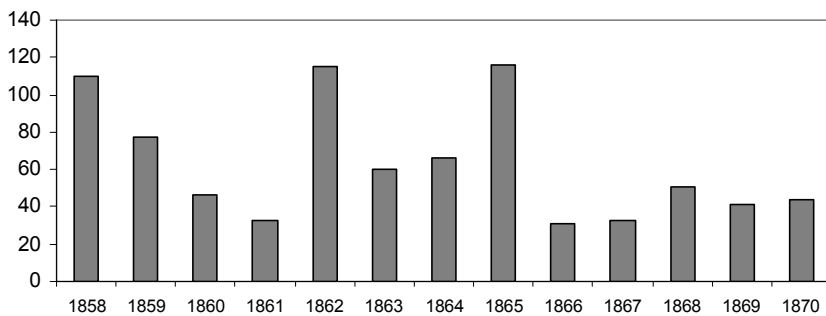


Рис. 1. Распределение публикаций по годам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1870 гг.

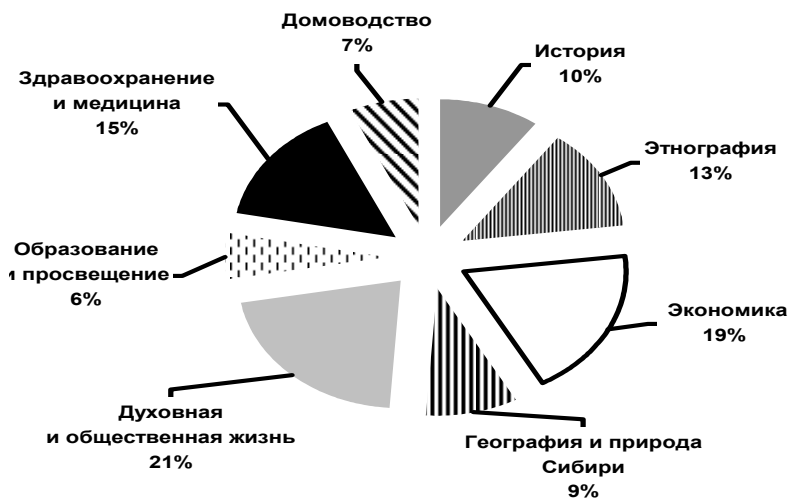


Рис. 2. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1862 гг.

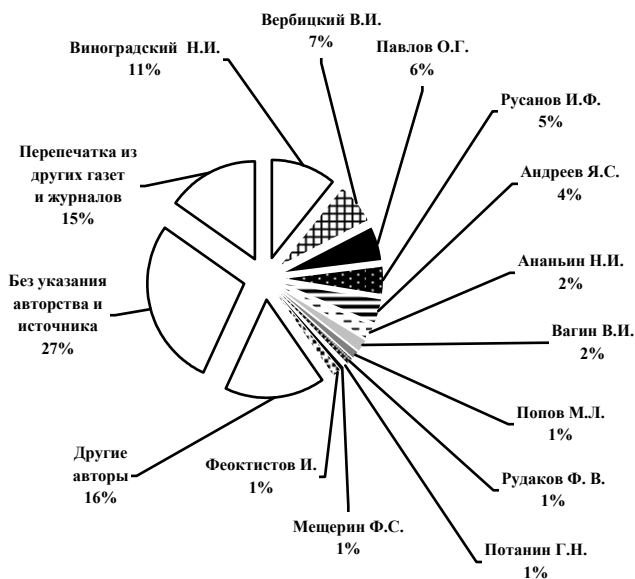


Рис. 3. Авторы и корреспонденты неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1862 гг.

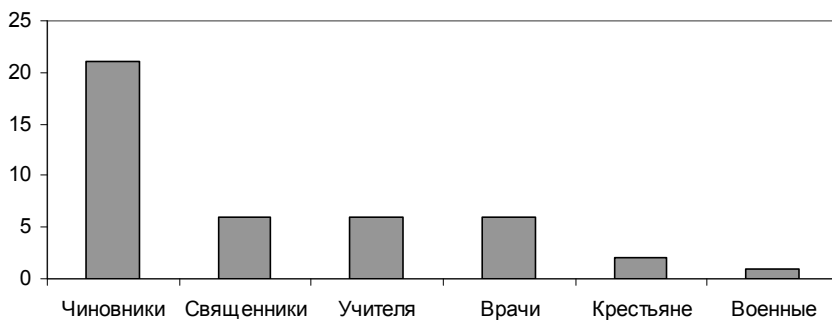


Рис. 4. Социальное положение авторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1858–1862 гг.⁷³

⁷³ В данной и последующих диаграммах представлены только те авторы, чью социальную принадлежность удалось установить точно – по собственным подпи-

Итак, мы видим, что редакция газеты в соответствии с разрешенной программой и в опоре на местные интеллектуальные силы (чиновники, священники, врачи), прибегая к перепечаткам из других изданий лишь по необходимости, стремилась сделать «Томские губернские ведомости» газетой, освещающей различные стороны прошлой и современной жизни, по преимуществу Томска и Томской губернии. Число публикаций в номере составляло от 2 до 6. Материалы характеризовались жанровым разнообразием: историко-краеведческие очерки, историко-статистические описания, архивные документы, отчеты, этнографические очерки, воспоминания, некрологи, новости, стихи. При всем уважении к авторитету Н.М. Ядринцева как сибирского историка и публициста никак нельзя согласиться с его оценкой, что издание «Томских губернских ведомостей», в сравнении с ведомостями Тобольска, «зародилось при еще более скудных силах»⁷⁴ (см. рис. 1–4).

Архивные дела, рассказы старожилов, официальные статистические сведения, центральные газеты и журналы, личные впечатления и воспоминания, наблюдения за текущей городской жизнью и наблюдения, сделанные в результате служебных командировок, – вот те источники, на основании которых подготавливались статьи. Многое в этом отношении зависело от автора – его осведомленности, любознательности, стремления поднять тот или иной вопрос, владения для этого литературным словом и, наконец, самого главного – наличия времени и желания написать и направить статью в губернскую газету.

Этими обстоятельствами объясняется распределение публикаций в долевом отношении и их абсолютное количественное уменьшение после 1858 г. Для подготовки исторических статей требовались соответствующие знания по истории России и Сибири, разбор архив-

сям, формулярным спискам ГАТО и адрес-календарям. К категории военных отнесен Г.Н. Потанин, служивший в 1858 г. в чине хорунжего в Сибирском казачьем войске, к категории крестьян – представители сельской волостной администрации С. Екимбаров и П. Школдин.

⁷⁴ *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 669.

ных источников, обращение к местным жителям. Этнографические и географические описания, как правило, возникали на основании поездок в описываемый край. Работа над такими статьями была более трудоемкой и тщательной. Материал для статей об общественной и духовной жизни томичей давали сами текущие события – светские и церковные праздники, благотворительные акции, благоустройство города. Сведения об экономической жизни можно было почерпнуть из официальных отчетов, ведомостей и табелей. Размещение медицинских описаний и отчетов, а также стремление к практической пользе от различных советов народной и общедоступной медицины определили отнесение значительной части публикаций к сфере здравоохранения. Статьи об образовании и просвещении в Томской губернии хотя и занимали в процентном отношении последнее место, но характеризовались значительным объемом и широким кругом затрагиваемых вопросов.

Необходимо отметить, что перепечатка статей из центральных изданий по домоводству, сельскому хозяйству, общедоступной медицине способствовала распространению этих сведений среди подписчиков и читателей церковных приходов и волостных правлений, не имевших средств на выпуск других изданий, кроме губернских ведомостей.

С уходом в 1859 г. таких плодovitых и равнодушных к судьбе газеты авторов, как Н.И. Виноградский и О.Г. Павлов (с этими инициалами только в 1863 г. появилась статья о винокурении), история Томска и Томской губернии, городские известия, полемичный и публицистический характер статей уступили место этнографическим и историко-статистическим материалам, разделяемым при этом на части (например, первые 12 номеров 1861 г. содержали «План историко-статистического описания Томской епархии»). С занятием в 1862 г. должности редактора неофициальной части И.Ф. Русановым число публикаций по экономике, духовной и общественной жизни, здравоохранению увеличилось. Заполнить страницы неофициальной части помогали и советы по домоводству. Изменилась и нумерация отделов

газеты – она стала отдельной для официальной и неофициальной частей. И.Ф. Русанов, начав сотрудничество с газетой в 1861 г., как и Ф.С. Мещерин и впоследствии Д.Л. Кузнецов, был пишущий редактор. В 1862 г. он опубликовал 14 статей, заметок и обращений к читателям.

В газете можно наблюдать плюрализм мнений и дискуссию относительно крестьянского самоуправления, извечного вопроса о первичной роли семьи или учителей в образовании ребенка. В основном же материалы носили выдержанный и описательный характер.

Для властных структур газета стала средством открытого и публичного обращения к своим подчиненным по разрешению некоторых вопросов, что соответствовало программе и назначению официального издания (впоследствии такая практика направленной гласности была прекращена). Печатно затрагивались некоторые внутренние ведомственные дела – деятельность томской полиции, работа томской гимназии. Образ мудрого и благодетельного губернатора, рисуемый на страницах неофициальной части, был адресован не только читателям, но и самой администрации, которой тем самым выдавался своеобразный кредит общественного доверия, обязывавший ему соответствовать⁷⁵. Кроме того, статьи неофициальной части также могли представлять интерес для губернских чиновников как источник информации об истории, этнографии и общественной жизни того обширного края, которым они управляли.

⁷⁵ В действительности ситуация в Томской губернии была далека от благополучия. Генерал-губернатор Западной Сибири А.О. Дюгамель в своих воспоминаниях писал, что томский губернатор А.Д. Озерский «не мог иметь никакого нравственного влияния на своих подчиненных, так как всем было известно, что он участвовал вместе с другими в обирании казны, предоставляя себе, – само собою разумеется, – львиную долю. Оттого-то мне редко случалось встречать человека, который внушал бы такое общее презрение даже и в среде тех, кто действовал с ним сообща» (*Дюгамель А.О. Автобиография* // Русский архив. М., 1885. № 7. С. 423). Об узаконенных взятках, которые золотопромышленники должны были давать чиновникам горного правления для отвода золотоносных площадей, писал С.И. Гуляев (*Голубева И. С.И. Гуляев Биографический очерк* // Алтай : историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 21).

Несмотря на то, что газета организовывалась, чтобы удовлетворить практические и познавательные интересы всех образованных жителей губернии, она не нашла массового читателя (насколько это было возможным в условиях середины XIX в.). Незначительный круг частных подписчиков, высказывания по поводу пассивности томской общественности, отсутствие писем в газету по поводу вопросов, затронутых в ее статьях, позволяют утверждать, что круг основных читателей не намного превышал круг основных авторов⁷⁶. Гимназические учителя, преподаватели семинарии, чиновники, врачи и священники получили с помощью «Томских губернских ведомостей» возможность высказывать свои соображения в сфере профессиональных интересов, публиковать материалы по истории, экономике, здравоохранению и этнографии края. Газета сделала возможным объединение этих сил и их расширение за счет не только томских авторов, но и корреспондентов из других городов и сел гу-

⁷⁶ Уральский историк и краевед Р.Г. Игнатьев в № 146 «Иллюстрации» от 24 ноября 1860 г. выносил суровый приговор губернским ведомостям, увлекающимся перепечатками и отсутствием интереса к местной жизни. Он предлагал допустить на страницы неофициальной части беллетристику и издавать ее отдельно под руководством частного лица «вне всякого влияния губернских властей» (*Игнатьев Р.Г.* Вопрос о преобразовании губернских ведомостей // Иллюстрация. СПб., 1860. № 146. 24 ноября 1860. С. 326–327). Статья вызвала выговор цензуре и предупреждение редактору журнала, поскольку была опубликована без предварительного согласования с министерством внутренних дел, в ведении которого находились губернские ведомости (РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 5510. 1860 г. Л. 11–12). О равнодушии русской читающей публики к вопросам современности писал Н.В. Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Он сетовал, что «Мертвые души» писались с целью услышать, «что скажет вообще русский человек, если его попотчевашь его же собственной пошлостью». Роман был адресован «практическим людям» – чиновникам, купцам, помещикам, но откликнулись одни коллеги-литераторы. «По поводу «Мертвых душ» могла бы написаться всей толпой читателей другая книга, несравненно любопытнейшая «Мертвых душ», которая могла бы научить не только меня, но и самих читателей, потому что – нечего таить греха – все мы очень плохо знаем Россию. И хоть бы одна душа заговорила во всеуслышанье! Точно как бы вымерло все, как бы в самом деле обитают в России не живые, а какие-то мертвые души».

бернии⁷⁷. Так, неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» приобретала просветительскую функцию, формируя общественный интерес к истории Сибири и проведению самостоятельных изысканий в этой области. Интересный пример находим в воспоминаниях товарища Н.М. Ядринцева по томской гимназии Д.А. Пони-каровского: «...зимой этого года [1858] батюшка принес мне из губернского правления номер «Томских губернских ведомостей», в котором была помещена статья о каменщиках, т.е. крестьянах-раскольниках, поселившихся в Алтае, потом бежавших в китайские пределы и оттуда китайским правительством возвращенных нашему правительству. Эта статья произвела, на меня впечатление, я дал ее Н.М. [Ядринцеву], он пришел в восторг от нее и от каменщиков и все мечтал об них и желал их увидеть...»⁷⁸.

Вознаграждения за статьи и редакторский труд не предполагалось, и наполнение неофициальной части воспринималось как добровольная общественно значимая деятельность. На газету смотрели как на «младенца», «новорожденного»⁷⁹, который должен со време-

⁷⁷ Люди, приславшие свои материалы в «Томские губернские ведомости», могли быть самого разного социального положения. Например, в № 25–27 за 1862 г. в качестве корреспондента из Омска (не имевшего своей газеты) выступил жан-дармский полковник В.П. Рыкачев, который в 1865 г. вел следствие по делу областников. Им были представлены сведения об образовании омского благотворительного общества, в котором состояли все крупные чиновники и их супруги, а сам Рыкачев был секретарем.

⁷⁸ *Поникаровский Д.А.* Воспоминания о Николае Михайловиче Ядринцеве // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1980. С. 310. Речь шла о статье Даниловского «Описание Бухтарминского края» (*Томские губернские ведомости*. 1858. № 23. С. 177–183; № 24. С. 188–193).

⁷⁹ «С истинным удовольствием встретили мы появление в прошедшем году Томских губернских ведомостей... Первее всего поздравляем с наступившим новым годом и пожелаем нашему новорожденному всех благ и утех на поприще литературном» (*За Ангарский Сибиряк*. Очерки г. Томска // *Томские губернские ведомости*. 1858. № 1. С. 2); «От нашей газеты, от наших губернских ведомостей, пожалуй что многие, но вернее всего не многие, будут требовать Бог знает чего, будут смотреть свысока на помещаемые статьи, судить рядить и вкривь и вкось. Но газета не должна этого пугаться. Она еще младенец: а младенец умный и бывает

нем расти и развиваться. Немалую роль играл интерес к культурам коренных народов и русских-сибиряков, особенности и своеобразие которых вызывали необходимость их письменного фиксирования (любопытно, что одним из наиболее деятельных авторов в этом отношении был священник-миссионер В.И. Вербицкий, выступавший по сути как исследователь-тюрколог, очень мало писавший, собственно, о своей миссионерской работе). Этнографические и исторические очерки были своеобразным способом самоидентификации и проявления самосознания томской интеллигенции, для которой возможность писательской работы и печатного изложения своих мыслей была жизненно необходимой. Это обращение в века обрело своего благодарного читателя. Если не современники, то потомки – историки и этнографы – по достоинству оценили «долгий текст» неофициальной части первой томской газеты как источника по истории Томска и Сибири. Н.И. Виноградский, предвидя это обстоятельство, сожалел, что «мало охотников и любителей чтения местной газеты, которая должна служить зеркалом прошедшей и современной жизни Томской губернии. Созерцательный труженик соберет когда-нибудь, за несколько лет, неофициальную часть как единственный материал для создания истории Томской губернии, любопытной во всех отношениях»⁸⁰.

3.2. ОРГАН «СИБИРСКИХ СЕПАРАТИСТОВ», ИЛИ КАК НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ ГУБЕРНСКОЙ ГАЗЕТЫ ВЫСТУПИЛА ПРОТИВ ОФИЦИАЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА (1863–1865 гг.)

Как известно, дело об «отделении Сибири от России» во многом возникло и развилось случайно. Найденное в 1865 г. у одного из воспитанников Омского кадетского корпуса рукописное воззва-

труслив» (*За Ангарский Сибиряк*. Статейка для немногих // Томские губернские ведомости. 1858. № 13. С. 101).

⁸⁰ Н.В. Корреспонденция // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. С. 275.

ние «Патриотам Сибири» повлекло за собой обыски, выяснившие причастность к делу бывших студентов Санкт-Петербургского университета, составлявших в столице сибирское землячество. Так полицейскими чиновниками в единое дело были связаны содержание анонимной прокламации и деятельность столоначальника по крестьянскому и инородческому вопросам Г.Н. Потанина и частнопрактикующих учителей Н.М. Ядринцева и Е.Я. Колосова. Нить следствия из Томска повела в Иркутск, где у учителя приходского училища Н.С. Шукина было обнаружено воззвание «Сибирским патриотам», и в Красноярск, где аресту подвергся учитель женского училища С.С. Шашков, автор «возмутительных лекций», прочитанных в Красноярске и Томске. Всего же по делу было арестовано 59 человек⁸¹.

Главный вопрос следствия о происхождении прокламации раскрыт не был. Предположительно ее автором мог быть иркутский купец С.С. Попов (являвшийся одновременно секретным агентом III Отделения⁸²), который живя в Петербурге и «увлекшись тогдашним движением, составил, может быть, самую циничную прокламацию в свете»⁸³. Н.М. Ядринцев и С.С. Шашков, также находившиеся в это время в столице, были знакомы с текстом прокламации и выступили в качестве ее редакторов, Потанин же до своего ареста ничего о ней не знал⁸⁴.

По ходу следствия вскрылось, что наиболее злонамеренные участники заговора – Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – использовали местную официальную газету «Томские губернские ведомо-

⁸¹ *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Вып. 1 : Областники. Новосибирск, 1995. С. 32.

⁸² См.: *Шиловский М.В.* Об авторстве и времени написания прокламаций «Сибирским патриотам» и «Патриотам Сибири» // Социально-экономические отношения и классовая борьба в Сибири дооктябрьского периода. Новосибирск, 1987. С. 98–110; *Литературное наследство*, М., 1959. Т. 67. С. 748.

⁸³ *Потанин Г.Н.* Воспоминания (отрывки) // Дело об отделении Сибири от России / публ. А.Т. Топчия, Р.А. Топчия ; сост. Н.В. Серебренников. Томск, 2002. С. 45.

⁸⁴ *Шиловский М.В.* Указ. соч. С. 105–108.

сти» для пропаганды взглядов, признанных следствием революционными, сепаратистскими и схожими с обнаруженной прокламацией. Между тем эти статьи и мелкие заметки прошли цензурный контроль со стороны губернской власти. В 1864 г. газета имела 469 подписчиков среди присутственных и казенных мест (80 из них представляли учреждения Европейской России). Добровольных подписчиков было 55 (6 – в Европейской России, 2 – в других сибирских губерниях и 47 – в Томской)⁸⁵. Надо полагать, читатели, в том числе и на самом высоком уровне, также не заподозрили какой-либо крамолы в статьях об общественной жизни Сибири, ее людях и климате, о необходимости открытия сибирского университета.

Каким же образом правительственное издание оказалось замешанным в деле о распространении антиправительственных революционных взглядов?

В 1863 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» по назначению вице-губернатора и председателя губернского правления П.И. Фризеля стал 28-летний учитель томской гимназии Д.Л. Кузнецов. О нем мы знаем очень немного⁸⁶. Годы жизни – предположительно 1835–1900. Выпускник Казанской духовной академии со степенью кандидата. С 19 августа 1858 г. служил в томской духовной семинарии. С 1859 г. – помощник ее ректора архимандрита о. Вениамина, который порекомендовал его томскому губернатору в качестве члена-корреспондента томского статистического комитета. Кузнецов с готовностью отозвался на это предложение, имея опыт подготовки статистических сведений по томской епархии⁸⁷. С 30 марта 1861 г. – старший учитель русской словесности томской гимназии в

⁸⁵ *Томские губернские ведомости*. 1865. № 6. С. 7.

⁸⁶ Вероятно, формулярный список Кузнецова и аттестат об окончании им курса наук в Казанской академии были затребованы следственной комиссией и поэтому, несмотря на четырехлетнюю работу в томской гимназии учителем, не представлены в ее архивных делах.

⁸⁷ ГАТО. Ф. 234. Оп 1. Д. 2. Л. 279–280.

чине титулярного советника⁸⁸. Проходивший по делу областников Кузнецов 11 августа 1866 г. был уволен с должности⁸⁹; по итогам дела в 1868 г. «оставлен в сильнейшем подозрении»⁹⁰.

Г.Н. Потанин так писал о новом редакторе: «...приехав в Томск, Кузнецов выделился из среды других учителей; он не ограничился своей педагогической деятельностью, а принялся за розыски сибирской старины. Он сделал большие выписки из архива томского Алексеевского монастыря, которые потом были напечатаны в московском журнале «Чтение в обществе истории и древностей российских», собирал старинные акты на базаре и печатал их в «Томских губернских ведомостях». Нужно о нем сказать, что это не был сухой археолог, это был живой человек, интересовавшийся общественными делами. По его ходатайству библиотека гимназии была открыта для пользования публики; это была первая публичная библиотека в Томске. Вице-губернатор председатель губернского правления П.И. Фризель предложил ему место редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей», вернее, может быть, сам Кузнецов, побуждаемый литературным зудом, навязался в редакторы. Газета сделалась предметом особенных его симпатий»⁹¹.

Действительно, при Кузнецове неофициальная часть томских ведомостей претерпела изменения. Она стала открываться передовой статьей с названием «Томск, дата», соответствующим дате выхода газеты⁹². Первая такая публикация появилась 13 сентября 1863 г. и в

⁸⁸ ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 288. Л. 2 об.; Ф. 99. Оп. 1. Д. 350. Л. 16 об.; Ф. 99. Оп. 1. Д. 371. Л. 10.

⁸⁹ ГАТО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 450. Л. 122.

⁹⁰ *Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь* / сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухов. М., 1928. Т. 1, ч. 2. С. 194.

⁹¹ *Потанин Г.Н. Воспоминания* // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 184.

⁹² Обращение к читателю и затрагивание проблем общественной жизни в «передовых статьях» Д.Л. Кузнецова наделяет их чертами фельетонного жанра (см.: *Мандрика Ю.Л. Фельетон как разговор с читателем: провинциальная версия* // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 1 (71). С. 85–93).

жанре репортажа с места событий рассказывала об открытии в Томске Мариинской женской гимназии⁹³. Для того чтобы дать место передовым статьям, все объемные объявления (о подписке, о пожертвованиях и т.д.) с № 37 от 20 сентября 1863 г. стали печататься в приложении к газете. Следующие передовые были посвящены благоустройству Томска⁹⁴, воскресным школам и необходимости наполнять губернские ведомости статьями о крестьянском населении⁹⁵, об открытии в Томске телеграфной связи⁹⁶. Все сколько-нибудь значимые события прошедшей недели, накопившиеся за это время впечатления и размышления автора облекались в повествовательную форму: открытие справочного стола, празднование нового года, пожар, сбор средств на благоустройство, появление в городе бешеного волка, покусавшего 60 человек, с подробным перечислением нанесенных им ран. Прогулка по грязным томским улицам или посещение мясных рядов заканчивались написанием соответствующей критической статьи с предложениями об улучшении ситуации. Иногда автор даже начинал с высказывания, что очень сложно в провинциальном городе найти достойную тему для передовой, но она рождалась и развивалась по ходу размышлений и письма. Поэтому статьи Кузнецова выходили такими объемными и многословными, с пространственными вступлениями, метафорами, переходами от одного предмета к другому, от бесхитростного бытового языка к замысловатым конструкциям языка «литературного». Автор мог начать с описания скромности провинциальной жизни, ограниченной «геркулесовыми столпами» губернского города, затем пройтись по мелочным пересудам и пустякам, занимающим досуг необразованной публики, и закончить характеристикой лиц, которые «лучше и чище других могут понимать уровень нравственного развития своего общества»

⁹³ Кузнецов Д. Томск. 13 сентября 1863 г. Об открытии в г. Томске Мариинской женской гимназии // Томские губернские ведомости. 1863. № 36. С. 224–233.

⁹⁴ Кузнецов Д. Томск. 20 сентября 1863 г. // Там же. № 37. С. 234–236.

⁹⁵ Кузнецов Д. Томск. 27 сентября 1863 г. // Там же. 1863. № 38. С. 242–246.

⁹⁶ Кузнецов Д. Томск. 4 октября 1863 г. // Там же. 1863. № 39. С. 251–252.

(под которыми, как выясняется через несколько предложений, имелись в виду торговцы, промышленники и люди с образованием), и обращением к ним с предложением излагать свой практический опыт и наблюдения на страницах губернской газеты⁹⁷.

Однако читать Кузнецова все-таки интересно. Течение и причудливые повороты мысли, эмоциональный неравнодушный тон и самое подробное внимание к жизни города и его жителей составляют авторское своеобразие его материалов, что позволяет рассматривать Кузнецова как самобытного сибирского журналиста, а его статьи – как ценный источник сведений о бытовой повседневной жизни города Томска.

Как и его предшественникам, молодому гимназическому учителю не доставало читателя, вернее, своего читателя – заинтересованного, способного к обратной связи с редакцией, отвечающего и пишущего. Так, в № 37 от 18 сентября 1864 г., после двух лет работы в должности редактора, Кузнецов с горькой иронией писал: «...нам уже хорошо известно то внимание, которым пользуются губернские ведомости среди местного общества, равно как и то положение, которое занимают они вообще перед судом всего русского читающего люда». Четырехмесячный летний перерыв в публикации передовых в 1864 г. Кузнецов объяснял возникшим у него впечатлением, что он впустую тратит время. Как и любой начинающий автор, Кузнецов рассчитывал на определенную известность и заметность, жаждал дискуссии с аудиторией, затрагивая, может быть, и не столь масштабные, но действительно актуальные для города темы: «Говорить без всяких последствий, без всякого отзыва со стороны общества о лучшем устройстве пожарной части, о необходимости уездной корреспонденции, о лучших порядках в торговле мясом, говорить как будто шутя, для собственного удовольствия, для нескучного препровождения времени, говорить, положим, и не всегда строго-обдуманное, не всегда практически-

⁹⁷ Кузнецов Д. Томск 11 октября // Томские губернские ведомости. 1863. № 40. С. 259–260.

верные предположения и мысли, но все-таки говорить голосом вопиющего в пустыне и не встретить ни одного замечания, ни одного отклика, в котором бы кто-нибудь выразил свое сочувствие к поднятым общественным вопросам: – воля ваша! – это такое дело, после которого невольно посмотришь на себя, как на человека, “толкущего воду” или усердно “переливающего из пустого в порожнее”»⁹⁸. Не скрывая своего раздражения, Кузнецов продолжал свою филиппику против равнодушной публики: «Может быть, вы думаете, господа, что губернские ведомости не стоят того, чтобы в них заявлять свои серьезные убеждения и стремления: ошибаетесь! В этом-то ложном взгляде и кроется причина того, что наши ведомости, при недостатке в них разнородных статей, мало расходятся и мало читаются. Стало быть, ведомости не виноваты только тем, что они губернские, а виноваты те, кто смотрит на них с пренебрежением...»⁹⁹.

В этом же номере было опубликовано письмо в редакцию алтайского крестьянина С. Екимбарова о введении волостного суда и уменьшении податей. В верноподданническом стиле выражалось благодарение государю императору за эту милость¹⁰⁰. Статья нашла долгожданный для редактора отклик. В № 1 от 8 января 1865 г. Е.Ф. Щепоткин, принимавший участие в организации палат и окружных управлений в Пермской губернии, писал, что в силу больших расстояний между населенными пунктами в Сибири волостной суд затягивает и усложняет судопроизводство, что выгодно только писарям, к числу которых, по его мнению, и принадлежал написавший статью «крестьянин»¹⁰¹.

Таким образом, дискуссия о волостном суде по типу европейских губерний и мирском судопроизводстве, начатая В.И. Ваги-

⁹⁸ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. С. 236.

⁹⁹ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Там же. С. 237, 239.

¹⁰⁰ Екимбаров С. Письмо в редакцию // Там же. С. 240.

¹⁰¹ Щепоткин Е. Голос из деревни // Там же. 1865. № 1. С. 4–7.

ным в 1858 г., получила продолжение. В № 10 от 12 марта 1865 г. появился «Отзыв из города» (в противовес «Голосу из деревни» Е.Ф. Щепоткина), подписанный псевдонимом «Житель», в котором автор, опираясь на официальную статистику, усомнился в том, что алтайские приписные крестьяне платили до реформы податей и оброка до 30 руб. с души. В ответ на это Д.Л. Кузнецов в № 12 от 28 марта поместил заметку «От редакции», в которой написал, что не разделяет взглядов «Жителя» на значение введения в Алтайском горном округе мировых учреждений. В защиту Екимбарова в № 39 от 8 октября выступил А. Меркульев, который обращал внимание, что «суд, расправы и налоги» и в дореформенное время и в настоящее зависят от «личностей, которым вверено управление» и для прекращения спора предлагал «сделать первому попавшемуся заводскому крестьянину вопрос: не желает ли он опять исполнять прежние повинности и быть под прежним управлением?»¹⁰².

Целая переписка развернулась и по поводу Устьянцевского озера, находящегося в 25 верстах от Каинска. О его водах, исцеляющих от золотухи, написал статью 17-летний канцелярист Каинского окружного суда В. Нестеровский¹⁰³. Н. Пестреченко указал на вкравшиеся, по его мнению, ошибки в описании площади и берегов озера¹⁰⁴, на что Нестеровский возражал, что произошла путаница в понятиях «у берега» и «на берегу», а лошади все же пьют соленую озерную воду, в чем он не раз имел возможность убедиться¹⁰⁵. Статьи о целебном озере привлекли внимание Русского географического общества, в «Известиях» которого в

¹⁰² Что лучше для крестьян: оброк или заводские работы? // Томские губернские ведомости. 1865. № 39. С. 1–4.

¹⁰³ Нестеровский В. Устьянцевское целительное озеро // Томские губернские ведомости. 1864. № 42–43. С. 287; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 964. Л. 690–691.

¹⁰⁴ Пестреченко Н. Письмо в редакцию. По поводу статьи «Устьянцевское целительное озеро» // Томские губернские ведомости. 1864. № 45. С. 307–308.

¹⁰⁵ Нестеровский В. Ответ г. Пестреченко на его замечания // Там же. № 50. С. 344–345.

1865 г. была опубликована о нем небольшая заметка¹⁰⁶. Одним словом, призывы редактора неофициальной части возымели некоторое действие как относительно обсуждения действительных социальных проблем, так и совсем по малозначительным поводам. Важно было, что страницы газеты были открыты для всех, кто готов был высказать свое мнение, вступить в дискуссию, поделиться впечатлениями. В примечании к статье «Пожары в городе Барнауле» Кузнецов высказывал благодарность ее автору за «доставленные сведения» и просил его «принять на себя обязанности постоянного корреспондента»¹⁰⁷.

Д.Л. Кузнецов был автором 47 статей и передовых, жил и работал в Томске с 1858 г. и, безусловно, проникся местными сибирскими интересами, не выходя, однако, за рамки хозяйственных, бытовых и культурных вопросов. В то же время его статьи иногда затрагивали темы или содержали суждения более широкого свойства. Статья «Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги (Из подлинных записок бродяги)»¹⁰⁸ представляла собой рассказ ссыльнопоселенца о «горьких страданиях приисковой работы». В «Мыслях об устройстве в Томске ремесленной школы» доказывалась необходимость ее открытия для повышения качества ремесленных изделий и нравственного развития детей городских обывателей, а купечество упрекалось в погоне только за прибылью в ущерб остальным жителям Сибири¹⁰⁹. В публикации, по примеру «Тобольских губернских ведомостей», постановлений педагогического совета томской гимназии Кузне-

¹⁰⁶ *Озера с минеральными водами в Томской губернии* // Известия Русского географического общества. СПб., 1865. Т. 1. Отд. 2. С. 142.

¹⁰⁷ *Н.Л. Пожары в городе Барнауле* // Томские губернские ведомости. 1864. № 45. С. 308–311.

¹⁰⁸ *Кузнецов Д. Положение беглого рабочего с золотых приисков среди сибирской тайги* // Томские губернские ведомости. 1863. № 45. С. 315–319; № 47. С. 330–335; № 48. С. 339–342.

¹⁰⁹ *Кузнецов Д. Мысли об устройстве в Томске ремесленной школы* // Томские губернские ведомости. 1865. № 14. С. 2–6; № 15. С. 5–12.

цов видел необходимость сделать гласными и доступными для обсуждения сведения об обучении детей, развитии их способностей, повышении дисциплины и успеваемости¹¹⁰.

В передовой с эпиграфом «На безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома дворянин» Кузнецов высмеял афишу заезжего пианиста Э.Н. Цуханова, в которой среди прочего упоминалось, что музыкант – «потомственный дворянин»: «достоинство импровизатора нисколько ни уменьшается, ни увеличивается от того, будет ли он плебей или аристократ по своему происхождению, будет ли крестьянин или из обер-офицерских детей, просто из почтенных или из сиятельных. Точно так же и наоборот: дар импровизации ничего не говорит ни в пользу, ни не в пользу дворянства... Быть может, подобные заявления в нашем далеком крае делаются “для внушения кому следует надлежащего уважения”, но едва ли мы такие дикири, чтобы можно было играть с нами в наивные детские игры – побрякушками»¹¹¹.

Кузнецов ратовал за развитие в Томске самостоятельного печатного слова, критикуя тех, кто игнорировал первую местную газету, предпочитая ей столичную прессу, которой только и предоставлялось «право разбирать наши домашние дела», в противовес стремлению «развивать областную жизнь и не поддерживать одной исключительной централизации»¹¹². Кузнецов неоднократно выступал с просьбой присылать статьи в ведомости, чтобы «поддерживать местный, возможный по условиям провинциальной жизни орган гласности». Именно гласность, по его мнению, могла бы способствовать равномерному распределению налогов с мещанского населения Томска¹¹³.

¹¹⁰ Кузнецов Д. Несколько слов о постановлениях педагогического совета томской гимназии, имеющих отношение к обществу // Томские губернские ведомости. 1864. № 40. С. 269–276.

¹¹¹ Кузнецов Д. Томск. 20 декабря // Там же. 1863. № 50. С. 350–352.

¹¹² Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Там же. 1864. № 37. С. 237.

¹¹³ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Там же. № 37. С. 237–238.

В статье о сборе пожертвований для благоустройства томских улиц Кузнецов сравнил назначение губернских ведомостей с обзорами В.Г. Белинского, разъяснявшими значение и сущность литературных произведений, имея в виду читателей газеты при приходских церквях и правлениях, «знакомых только с двумя–тремя книгами церковной печати и таким же количеством грошовых произведений лубочного изделия»¹¹⁴.

Таким образом, несмотря на то, что Кузнецов не отделял интересы Сибири от интересов России и сосредоточивал свое внимание на частностях, не делая серьезных обобщений, его публикации о современном Томске можно рассматривать как своеобразное «предобластничество», как начало разработки вопросов культурного и экономического развития края, расширения здесь сферы образования и, самое главное, на чем позже сосредоточат свое внимание областники, – это развитие самостоятельного местного печатного органа.

В сентябре 1864 г. из Омска в Томск выехал Г.Н. Потанин, чтобы воплотить свою мечту об общественной деятельности в Сибири. В начале 1864 г. в Томске сменился губернатор – на место ушедшего в отставку А.Д. Озерского заступил молодой (по разным данным, 21 или 26 лет) Г.Г. Лерхе. Он назначил Потанина на должность столоначальника по крестьянскому и инородческому вопросам.

Новому томскому губернатору Потанин был рекомендован генерал-губернатором Западной Сибири А.О. Дюгамелем, а тот в свою очередь исполнял просьбу К.В. Струве, в экспедиции которого Потанин участвовал в качестве переводчика и натуралиста¹¹⁵. Директор училищ Томской губернии М.Л. Попов предложил Потанину преподавать естественную историю в мужской и женской

¹¹⁴ Кузнецов Д. Томск. 27 ноября // Томские губернские ведомости. 1864. № 46–47. С. 313.

¹¹⁵ Адрианов А.В. Томская старина // Труды Музея археологии и этнографии Сибири ТГУ. Томск, 2002. Т. 1. С. 340.

гимназиях. В начале 1865 г. по приглашению Потанина, также с идеей журналистской работы, из Омска приехал Н.М. Ядринцев. Оба товарища уже имели соответствующий опыт. Ядринцев, находясь в Петербурге, в 1863 г. опубликовал три сатирических фельетона в газете «Искра»¹¹⁶. Потанин во время службы в Омске под влиянием возникшего интереса к зоологии напечатал несколько статей в «Тобольских губернских ведомостях» 1857–1858 гг.¹¹⁷, а затем стал отправлять результаты своих путевых и жизненных наблюдений в центральные издания – «Вестник Русского географического общества»¹¹⁸, «Русское слово»¹¹⁹, «Военный сборник»¹²⁰. В «Томских губернских ведомостях» Потанин впервые опубликовал еще в 1858 г. статью «Заметки к статье миссионера Вербицкого»¹²¹, а Ядринцев – в начале 1864 г. статью «По поводу Сибирского университета»¹²². У более опытного и старшего по возрасту По-

¹¹⁶ Ядринцев Н.М. Наша любовь к народу // Искра. СПб., 1863. № 2, 4, 9.

¹¹⁷ Потанин Г.Н. Слон в Сибири // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9; Он же. О куланах // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 21; Он же. Нашествие мышей на степные округа Тобольской губернии в 1857 г. // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 13 и др.

¹¹⁸ Потанин Г.Н. Привоз и вывоз товаров из г. Томска в половине XVII столетия // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Ч. 27. С. 125–144.

¹¹⁹ Потанин Г.Н. Полгода на Алтае // Русское слово. 1859. № 9. С. 61–134; № 12. С. 245–302; Он же. Отрывок из истории провинциального кадетского корпуса // Русское слово. 1859. № 10; Он же. Заметка о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. Отд. 1. С. 189–214; Он же. О рабочем классе в ближней тайге // Русское слово. 1861. № 6. Отд. 3. С. 1–20.

¹²⁰ Потанин Г.Н. Заметки о Сибирском казачьем войске // Военный сборник. 1861. Т. 19. С. 3–32

¹²¹ Потанин Г.Н. Заметки к статье миссионера Вербицкого // Томские губернские ведомости. 1858. № 38. С. 303–305. В № 49 1860 г. Я.Г. Андреев в статье «Песни обитателей Томской губернии» разместил этнографический материал, присланный Потаниным.

¹²² Ядринцев Н.М. По поводу Сибирского университета // Томские губернские ведомости. 1864. № 5. С. 28–31.

танина имела и неподцензурная публикация в «Колоколе»¹²³, в которой, по его позднейшим воспоминаниям, «было больше мальчишеского задора, чем знания действительной жизни»¹²⁴. Кстати сказать, эта статья, в которой на основе подбора отдельных происшествий и частных случаев создавались сатирическо-критические типы сибирских администраторов, назначаемых петербургским правительством, не попала в поле зрения следователей по делу о сибирских сепаратистах.

Мысль об основании печатного органа, формулирующего и отстаивающего региональные интересы Сибири, возникла у сибирских студентов еще в Петербурге. В своих письмах из столицы Потанин писал о возможностях издания такой газеты в Омске на средства сибирского казачьего войска или в Иркутске на пожертвования от местного купечества¹²⁵. При этом газета должна быть именно острополемиической и касаться сибирской проблематики, что должно обеспечить и коммерческий успех издания. «Мы ехали на родину, окрыленные надеждами, горя нетерпением поскорее засесть за культурную работу. Мы мечтали, что будем устраивать публичные библиотеки, читать публичные лекции, собирать пожертвования для вспомоществования молодым сибирякам, учащимся в столицах, совершать ученые поездки по роди-

¹²³ Потанин Г.Н. К характеристике Сибири // Колокол. 1860. 1 июня. № 131. С. 604–606 (см. также: Грум-Гржимайло А.Г. Кто был автором статьи «К характеристике Сибири», напечатанной в «Колоколе» за 1860 г. // Известия Всесоюзного географического общества. 1963. Т. 95. Вып. 5. С. 458–459). Барнаульский исследователь сибирского периода в биографии М.А. Бакунина В.А. Должиков считает, что статья Потанина «К характеристике Сибири» была написана под идейным влиянием и редакцией Бакунина. В своей работе автор также доказывает, что во время томской ссылки идеолог русского анархизма оказал заметное влияние на формирование программных установок раннего сибирского областничества (Должиков В.А. М.А. Бакунин в национально-региональном политическом процессе эпохи «оттепели» (рубеж 1850–1860-х гг.). Барнаул, 2000. С. 55, 108–109).

¹²⁴ Потанин Г.Н. Воспоминания... С. 111.

¹²⁵ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2, № 4. С. 43; № 6. С. 49.

не и собирать коллекции, наконец, писать в местных газетах о нуждах Сибири»¹²⁶.

Отсутствие организационного опыта и средств сделали невозможным реализацию этой идеи¹²⁷. К тому же для этого требовалось содействие местной власти (как было с частной газетой «Амур» в Иркутске). Верховная власть поощряла умеренную гласность для повышения эффективности деятельности госаппарата. В 1858 г. МВД распорядилось публиковать статистические сведения в официальных и частных газетах с целью «возбудить критический разбор, особенно ближайший местный, и тем значительно способствовать как к исправлению, пополнению и усовершенствованию означенных списков и статей, так и к предварительному ознакомлению с ними местных жителей и публики вообще»¹²⁸. В 1859 г. циркулярным распоряжением правительство объявляло «благонамеренную гласность союзницей и помощницей» с целью освещения в печати различных злоупотреблений и беспорядков¹²⁹. В 1863 г. в губернских ведомостях было разрешено перепечатывать «политические известия», «правительственные распоряжения» и «руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления»¹³⁰.

¹²⁶ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 162.

¹²⁷ Оставшийся у Ядринцева после смерти матери капитал в 8 тыс. руб., который он планировал использовать на издание сибирского журнала, был неудачно размещен и пропал (Потанин Н.М. Воспоминания... С. 113–114).

¹²⁸ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 2. Л. 38.

¹²⁹ Коновченко С.В., Киселев А.Г. Информационная политика в России. М., 2004. С. 346.

¹³⁰ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38. № 40271. Расширение программы губернских ведомостей «для большего распространения их в народе и для возмещения издержек на их издание» осуществлялось «в виде опыта» и касалось только Костромской, Саратовской, Тамбовской, Курской и Черниговской губерний, но есть основания предполагать, что это узаконение коснулось и других ведомостей. По ходатайствам губернаторов в 1864 г. это положение было распространено на Вятскую, Пермскую, Олонецкую, Саратовскую, Тверскую, а в августе 1865 г. и на

Новый правительственный курс и общественные настроения видоизменяли программу официальных газет Сибири (и это не могло не быть известным сибирскому землячеству в Петербурге). В 1863 г., несмотря на формальное недопущение министерством внутренних дел рубрики «Фельетон» в неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей»¹³¹, в ней размещали полемические статьи купца Н.М. Чукмалдина, что придавало газете черты общественно-политического издания¹³². В 1859 г., в ответ на публикацию «Иркутских губернских ведомостей» о запрещении енисейским губернатором В.К. Падалкой (названным «жалким мандарином», закатывающимся «тупоумно-злым смехом»)¹³³ статьи по поводу воспитания детей сибирских казаков «Енисейские губернские ведомости» ответили целой серией статей – минусинского окружного начальника, войскового старшины и казачьих офицеров против «гнусной клеветы» (сам автор не прошедшей цензуры статьи определялся как человек «прогрессивно дурноопасного поведения»¹³⁴). Через «Иркутские губернские ведомости» ответил и сам губернатор, объясняя запрещение статьи резкостью и непри-

Томскую губернию (РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г. Л. 38–39 об., 40–42, 43–44 об., 45–49 об., 59–60, 73–74 об.). В 1870 г. министерством внутренних дел было дано согласие на печатание в одиннадцати «Ведомостях» телеграмм, политических известий, театра, хроники и т.д. Десяти «Ведомостям» были даны разрешения на публикацию передовых статей, статей по общественным, научным и литературным вопросам (РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. Л. 62 об.).

¹³¹ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г. Л. 61.

¹³² Мандрика Ю.Л. Неофициальная часть губернских ведомостей как тип провинциального издания: (На материале «Тобольских губернских ведомостей») : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. С. 19–20.

¹³³ Д – лъ. Вред от гласности // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 8. С. 10.

¹³⁴ Костров Н.А. Два слова о гласности // Енисейские губернские ведомости. Красноярск, 1859. № 11. С. 89–91; Сергей Дрентельн. По поводу статьи «Вред от гласности», помещенной в № 8 «Иркутских губернских ведомостей» // Там же. 1859. № 12. С. 93–95; № 15. С. 112–113. Сослуживцы хорунжего енисейского казачьего полка Бобановского, автора статьи о воспитании детей, оказались правы: в 1859 г. он был арестован за убийство.

личностью ее суждений¹³⁵. Эта перебранка между ведомостями, изначально затеянная в Иркутске в жанре полемических выпадов, уже не способствовала обсуждению вопроса о начальном образовании, а скорее была проверкой дозволенных пределов для провинциальной газеты.

Испытание на прочность удалось вполне: на тексте доклада цензурного ведомства Александр II выразил свое неудовольствие и по поводу персонажей статей: «...личности, заключающиеся в сих статьях, крайне неприятны» – и еще более определенно – по поводу способов их изображения: «...статьи подобного содержания, касающиеся чьей-либо личности, ни в каком случае не допускать к печатанию»¹³⁶. В 1863 г. губернаторы были предупреждены о недопущении оглашения в неофициальной части известий, которые заключают в себе «как нападки на администрацию вообще, так и критику деятельности местных учреждений или описания злоупотреблений губернских и уездных должностных лиц». Такие публикации определялись как «неуместные в правительственном издании местной администрации, предназначенном для служения интересам губернского и уездного управления, но отнюдь не для указаний на его несостоятельность». Об «упущениях» местной власти возможно было писать только с ее же санкции, с указанием «принятых уже к уничтожению их мер и без всякой затем дальнейшей полемики по сему предмету...»¹³⁷.

В 1865 г. министерство внутренних дел констатировало, что многие губернские ведомости уклоняются от официальной программы, помещая «мелочные сведения о разных местных беспорядках, неверные слухи, соблазнительные или скандальные рассказы о

¹³⁵ По поводу статьи «Вред от гласности» // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 13. С. 11–12.

¹³⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 34. Д. 136. Л. 7–8.

¹³⁷ Конфиденциальное предложение министра внутренних дел начальникам губернии, 31 июля, № 3.144 (Дело Совета министра по делам книгопечатания, 1863, № 13) // Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1 сентября 1865 года). СПб., 1865. С. 13–14.

местных происшествиях... толки о недостатках, неправильных или неосторожных действиях местной администрации или городской и земской полиции и т.п.». В одной губернии, – негодуяще сообщал циркуляр, – неофициальная часть выходила с заголовком «Газета земских и думных дел, общественная, политическая и литературная»¹³⁸. На протяжении 1866 г. Главное управление по делам печати накопило целое дело о выходе за рамки официальной программы губернских ведомостей Калуги, Перми, Вятки, Костромы, Смоленска и других городов¹³⁹.

Направление, взятое губернскими ведомостями Европейской России и Сибири, успешное знакомство с редактором томской газеты позволяли Потанину и Ядринцеву надеяться, что местную казенную газету можно использовать в целях будирования общественного мнения в русле областнических идей. В свою очередь при недостатке сотрудников и материалов для неофициальной части Кузнецов увидел в Потанине «будущего сотрудника и помощника» и при первой же встрече предложил участие в газете¹⁴⁰. Областники нашли в Кузнецове если не единомышленника по своим мечтаниям об автономии, то хотя бы человека, способного выслушать и понять их взгляды. Так, по словам Потанина, в Томске завязался «культурный узелок»¹⁴¹. По субботам у Кузнецова устраивались редакционные вечера, в которых принимали участие и дамы – свояченица Кузнецова и дочери директора училищ Попова¹⁴². Молодость и стремление «глаголом жечь сердца людей» роднила новый коллектив, хотя, надо полагать, петербургские товарищи не без иронии

¹³⁸ *Циркулярное* конфиденциальное предложение министра внутренних дел начальникам губерний, 24 марта, № 551 (Дело С.-Петербургского цензурного комитета. 1865. № 1) // Сборник распоряжений по делам печати (с 1863 по 1 сентября 1865 года). СПб., 1865. С. 42–48.

¹³⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 372. 1866 г. 28 л.

¹⁴⁰ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 184.

¹⁴¹ Там же. С. 190.

¹⁴² Там же. С. 186–187.

относились как к личности редактора неофициальной части, так и к мелкотемью его статей, возникающих под влиянием «литературного зуда» кандидата богословия. В письме Ядринцева Потанину из Шенкурска в 1873 г. он сообщал о своих товарищах по делу сепаратистов: «...Кузнецов спился в Тюмени учителем...» и дальше продолжал парфразой из «Ревизора»: «Словом, Ив. Петров, Дмитр. Львов, или кто другой играют по-прежнему на чем им в жизни играть следует: на скрипке или на водке»¹⁴³.

На склоне лет Ядринцев писал о своем согласии на участие в газете: «Сначала я отнесся с предубеждением к этому предложению; мне казалось, что в официальной газете едва ли можно найти место для выражения наших желаний. Эта неофициальная часть ведомостей всегда представлялась мне губернаторской прихожей, где литературничали угодливые чиновники. Но мое безвыходное положение заставило меня, наконец, согласиться на предложение Потанина, и по приезде в Томск я начал ряд статей»¹⁴⁴. Очевидно, что такое переосмысление есть следствие более поздних условий самостоятельной организационной и публицистической деятельности Ядринцева в «Восточном обозрении». При существующих административных и материальных обстоятельствах иной возможности доступа к печатному слову у областников просто не существовало. Пренебрежительная оценка статей неофициальной части как «литературничанье» угодливых чиновников также было продиктовано общим критическим отношением Ядринцева к официальной власти и ориентацией на полемическую «зубастую» журналистику¹⁴⁵. По поводу «безвыходного положения» недоуме-

¹⁴³ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1988. Т. 2. С. 238.

¹⁴⁴ Лемке М.К. Николай Михайлович Ядринцев. Биографический очерк. К десятилетию со дня кончины (1894–1904). СПб., 1904. С. 56–57.

¹⁴⁵ С началом издания «Восточного обозрения» Ядринцев приезжал с новым номером к Потанину: «На лице его играла ликующая улыбка; он был полон мечты, какую сенсацию газетное слово произведет в отдаленной Сибири. Кто-то, прочитав его, зарукоплещет от удовольствия? Кто-то начнет беситься и рвать волосы на

вал в комментарии к воспоминаниям Ядринцева и М.К. Лемке, отмечавший, что «в то время сотрудничество в официальных изданиях было явлением довольно обычным»¹⁴⁶.

Основные сибирские вопросы были сформулированы областниками еще в Петербурге: ссылка в Сибирь, подчиненное экономическое положение восточной окраины, положение инородцев, колонизация Сибири, расширение сферы начального образования и открытие сибирского университета. В соответствии с этой программой Потанин и Ядринцев стали выстраивать свою работу в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (рис. 5–7).

Первая острополемиическая статья Потанина «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири» (№ 40 от 9 октября 1864 г.), представляла собой критический разбор статей «Русского слова», которые касались вопросов развития капитализма в Сибири, высокого уровня преступности, отношений между приезжими и местными чиновниками.

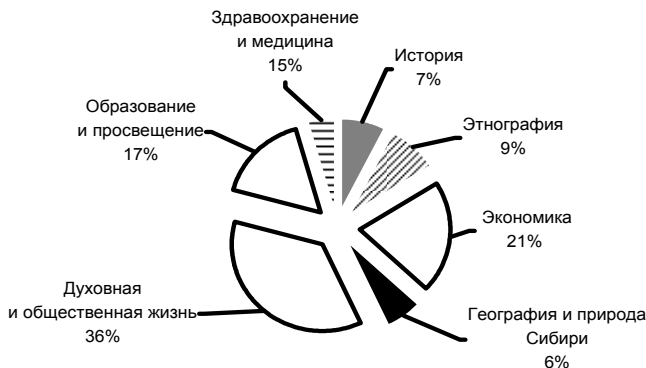


Рис. 5. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1863–1865 гг.

голове?» (Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 39).

¹⁴⁶ Лемке М.К. Указ. соч. С. 57.

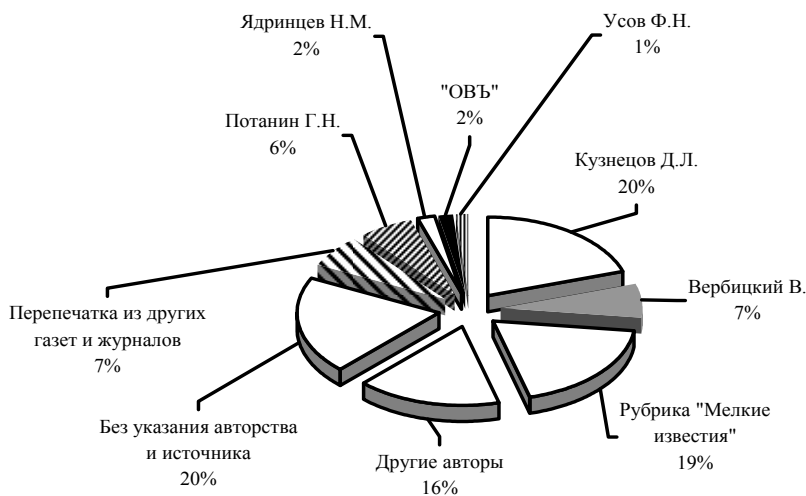


Рис. 6. Авторы и корреспонденты неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1863–1865 гг.

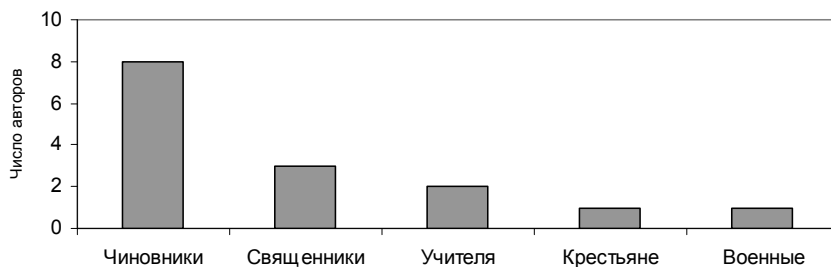


Рис. 7. Социальное положение авторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1863–1865 гг.¹⁴⁷

¹⁴⁷ Н.М. Ядринцев, который по сословной принадлежности был мещанином, отнесен к категории учителей, поскольку давал частные уроки (хотя, подобно великому русскому поэту, начинающий сибирский публицист мог бы сказать про себя – «числюсь по Сибири»), Г.Н. Потанин – к чиновникам как служащий столоначальником по крестьянскому и инородческому вопросам. Категория военных представлена есаулом Ф.Н. Усовым.

Пытаясь объяснить причину резкости и даже оскорбительности для сибиряков содержащихся в «Русском слове» суждений, Потанин писал о штрафной колонизации, меркантильном духе томских и тюменских «лавочников», «микроскопическом мирозерцании» чиновников, сводящих местное самоуправление к предоставлению только им возможности обирать «сибирского мужика». Вскользь делался намек на метрополию как причину такого положения: «мы ли сами удручаем наше положение или кто другой удручает его». Считая мнение Шелгунова «очень правдивым», Потанин писал, что ввиду «безжизненности» местного общества невозможно ждать о нем более живого и полного повествования. По этой причине никакого «суда образованной Сибири» столичному взгляду на сибирскую провинцию не последует: «Начините, господа, жить, думать, любить, ненавидеть, страдать, выдумайте надежды, планы, утопии, симпатии, антипатии, создайте внутреннюю борьбу страстей, в собственном уме породите разногласие, и тогда занимательность и ум будут блеснуть в сочинениях, посвященных описанию нашей жизни... А пока мы будем находиться в довременном покое, до тех пор и в книгах наших будут отражаться только туповатые наши физиономии и бесцветные глаза»¹⁴⁸.

Для развития общесибирской проблематики Потанин привлек корреспондентов из Омска, знакомых ему по службе в казачьем войске, – П.С. Пахорукова и Ф.Н. Усова. Заметка Пахорукова в № 41 от 16 октября 1864 г. была заявлена как публикация официального отчета о ревизии одного из учебных округов казачьего войска. Однако от сухих цифр автор быстро перешел к причинам многолетнего сидения детей в начальных классах: «долбление наизусть ничтожных учебников», «бедность учебных пособий и ничтожное содержание учителей», «худое помещение школы», общая ориентация школы не на народное образование, а на подготовку писарей для окружных правлений. Пахоруков предлагал ме-

¹⁴⁸ Г.П. Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири (Посвящается Н.М. Ядринцеву) // Томские губернские ведомости. 1864. № 40. С. 266–269.

стному начальству следующие меры к исправлению такого неудовлетворительного положения: выписать для обучения хрестоматию К.Д. Ушинского и другие новейшие пособия по ускорению обучения грамоте, продолжать организацию школ на добровольных началах самими казачьими общинами и, наконец, отменить краткий катехизис, изучение которого так же бесполезно, «как заучивание наизусть окончательных выводов физики без указания путей, по которым дошла до них человеческая мысль». Кроме того, Пахоруков предлагал ввести нечто вроде основ естествознания, для ознакомления с силами природы, «чтобы ее явления не казались таинственными и не давали повода к предрассудкам». В заключении «заметки», занявшей более половины номера, автор коснулся грубых нравов казаков как «оседлых варваров» и «рабского положения» женщин, из чего делался вывод о необходимости открытия наравне со школами для мальчиков и школ для девочек: «...только тогда мы можем надеяться на смягчение диких нравов этого народа, не верящего в святость любви и видящего в ней, наоборот, дьявольское наваждение посредством присушек»¹⁴⁹.

Ф.Н. Усов, к которому Потанин в своих письмах не раз обращался с настоятельной просьбой писать о нуждах рядовых сибирских казаков, в № 44 от 6 ноября 1864 г. подверг критике новое положение о войсковом управлении, при котором основные вопросы решало собрание дворян-офицеров, а заседатели казаки «употребляются вместо сторожей», в результате чего «казачий народ остается без представительства в округах, без ходатаев за свои интересы»¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Пахоруков П. Заметки о школах в 9-м округе сибирского казачьего войска // Томские губернские ведомости. 1864. № 41. С. 278–281.

¹⁵⁰ З. [Ф.Н. Усов] Выборы у казаков (с Иртыша) // Томские губернские ведомости. 1864. № 44. С. 297–300. Об авторстве статьи можно судить по двум письмам Г.Н. Потанина А.Д. Шайтанову. В первом, от 21 октября 1864 г., находим: «В “Томских губ[ернских] ведомостях”», каж[ется] в № 44, будет статья Ф. Усова о нынешних выборах в войске». Во втором, от 19–20 марта 1865 г., статья «Литературные вечер в Томске», также подписанная псевдонимом «З», определена Потаниным как принадлежащая Усову. В письме самому Ф.Н. Усову от 8 ноября 1864 г. Потанин

В № 3 от 22 января 1865 г. Усов написал о литературном вечере в Омске, на котором с речью о необходимости университета выступил Ядринцев. Статья высмеивала омское «благородное общество» в выражениях довольно смелых: «quasi-ученые», «образчики умственного и гражданского молчалинства», чувствующие «привязанность к тем удовольствиям, которые в общественной жизни имеют то же значение, что в жизни гоголевской помещицы Коробочки – щекотание пяток, возбуждавшее в ней безмятежный сон мысли и ума»¹⁵¹.

Очень близкой по стилю и содержанию к областническим публикациям является статья-рецензия в последнем номере 1864 г., «По поводу спектакля любителей сценического искусства», подписанная псевдонимом «М...нь». Рассуждая о главном герое спектакля Островского «Доходное место» – молодом человеке с университетским образованием Жадове и его противостоянии с «заедающей средой», автор примеривал эту ситуацию к томскому обществу. О том, что в Томске на днях организуется спектакль с целью сбора средств для отправки молодых людей в университет, писал Потанин в одном из своих писем к А.Д. Шайтанову в Петербург¹⁵². В конце 1864 г., в другом письме, он настаивал на оказании материальной помощи из этих средств только тем студентам, которые намерены вернуться в Сибирь¹⁵³. Первая половина статьи довольно пространна и многословна, зато во второй – о том, «что нам *нужно* для Сибири», в 3 пунктах излагались некоторые положения областнической программы: поднятие общего уровня образования, открытие собственного университета, развитие женского образования. Выводы автора о том, что человеку необходимо «иметь общество по себе» и «довольно часто одного лица, одного друга, чтобы поддержать энергию в человеке, не дать ему поддаться сокрушающему влиянию среды»,

также писал, что выслал ему № 44 с его статьей (номер вышел 6 ноября) (*Потанин Г.Н.* Письма. Иркутск, 1987. Т. 1. № 19. С. 68; № 20. С. 69; № 23. С. 73).

¹⁵¹ *Z. [Ф.Н. Усов]* Литературный вечер в Омске // Томские губернские ведомости. 1865. № 3. С. 1–2.

¹⁵² *Письма* Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 19. С. 68.

¹⁵³ Там же. № 22. С. 71–72.

напоминали об отношениях между Потаниным и Ядринцевым, о необходимости «дружества» всех сибирских патриотов. Эту мысль так часто подчеркивал Потанин в письмах Усову, Наумову, Щукину и Шайтанову. В заключении делалось язвительное замечание в адрес зрителей, которые сочли спектакль «скучным» и «незанимательным»: «...нельзя и требовать, чтобы вся томская публика могла понять и оценить “Доходное место”». Все это позволяет предположить, что статья была подготовлена на одной из редакционных суббот совместно Кузнецовым и Потаниным.

Кузнецов, видимо, полностью передоверил Потанину, а затем и Ядринцеву составление передовых и проблемных статей, ограничившись публикацией уже собранных им документов Томского Алексеевского монастыря (эта серия была продолжена и после ареста редактора)¹⁵⁴ и пытаясь оживить рубрику о происшествиях в губернии, придавая ее сведениям очерковый характер и статистическую обработку (сделать этого не удалось, и в 1865 г. эта рубрика перестала публиковаться; возобновлена в 1868 г.)¹⁵⁵. Как учитель русской словесности, Кузнецов принимал участие в литературных вечерах, на одном из которых выступил с лекцией «О типах современной русской беллетристики»¹⁵⁶. Об этом вечере упоминалось в № 4 от 29 января 1865 г.¹⁵⁷; в этом же номере вновь под псевдонимом «М...нъ» появилась статья «Это ли представители молодого поколения?». В жанре театрального фельетона автор рассуждал о фальшивости образов Жадова и «честного чиновника» в комедии А.Ф. Львова «Свет не без добрых людей», поставленной в Томске обществом любителей сценического искусства. Подробный разбор героев «старых» типов литературы 50-х гг. с обращением к Некрасову и Добролюбову и неодобри-

¹⁵⁴ Кузнецов Д. Материалы для истории Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 35–38, 44–47, 50–51; 1866. № 1–2, 10–11, 12–13, 14, 15–16, 22–25, 28.

¹⁵⁵ Томск. 2 октября // Томские губернские ведомости. 1864. № 39. С. 255–258; Томск. 30 октября // Там же. № 42–43. С. 284–286; Томск. 6 ноября // Там же. № 44. С. 295–296; Томск. 13 ноября // Там же. № 45. С. 305–307.

¹⁵⁶ Письма Г.Н. Потанина... № 19. С. 69.

¹⁵⁷ Томские губернские ведомости. 1865. № 4. С. 9.

тельные оценки французского фривольного романиста Поль-де Кока также наводят на мысль об авторстве Кузнецова. Содержится в тексте и его излюбленный прием обращения к читателю: «Нет, господа, не думайте, чтобы современная молодежь была такова, какую рисует нам ее Островский, а в особенности г. Львов» (ср.: «Нет, господа, дела общественные делаются не так. Как вы ни ратуйте среди нескольких избранных лиц, ваше ораторство и останется одним только ораторством; вы “шумите – и только”, как говорит Репетилов»¹⁵⁸).

В авторстве Кузнецова вызывают сомнения два обстоятельства: использование им псевдонима (он всегда подписывался своим именем¹⁵⁹) и последние строки статьи, где в поисках образа современного молодого человека рекомендовалось прочитать роман «Что делать?» (автор которого, между прочим, уже был приговорен к 7 годам каторги, а номера «Современника» за 1863 г., содержащие текст романа, были изъяты из обращения). Возможно, под влиянием новых петербургских товарищей Кузнецов стал развивать новые темы и писать более решительно и открыто.

С 1865 г. «Томские губернские ведомости» претерпели изменения как по форме, так и по содержанию. Для официальной и неофициальной частей вводилась раздельная нумерация, а объем газеты увеличился до 32 страниц. Появилась рубрика «Мелкие известия», в которой разрабатывалась общесибирская проблематика – размещались сведения о выходе новых книг и статей о Сибири, о пожертвованиях на нужды образования, списки студентов-

¹⁵⁸ Кузнецов Д. Томск. 18 сентября // Томские губернские ведомости. 1864. № 37. С. 237.

¹⁵⁹ Возможно, передовая статья «Томск. 1 ноября 1863 г.» (1863. № 43), повествующая о неудовлетворительном устройстве томских мостовых и томского театра, подписанная криптонимом «А – – н», также написана Кузнецовым. И по теме, и по стилю она очень похожа на другие его статьи. Не подписывать ее своим именем, возможно, пришлось для того, чтобы не подчеркивать еще раз, что у газеты в то время был по сути один основной автор (следующий материал номера – «Отчет публичной библиотеки при томской губернской гимназии за первую половину 1863 года» тоже был подготовлен Кузнецовым).

сибиряков, обучавшихся в университетах, короткие сообщения из других городов, местные новости и т.д. (рис. 8). С № 15 содержание рубрики стало анонсироваться в заголовке.

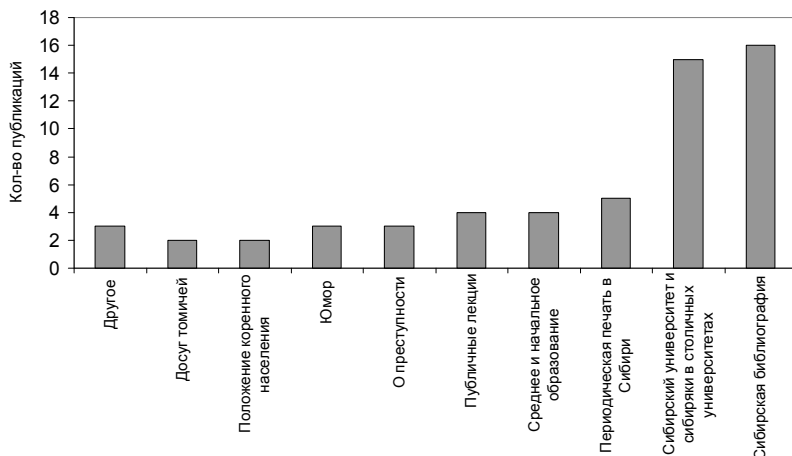


Рис. 8. Тематика публикаций в рубрике «Мелкие известия» за время ее существования (1865 г., № 1, 8 января – № 19, 21 мая)

Содержание и направление публикаций позволяет предположить, что они были написаны новыми сотрудниками «Томских губернских ведомостей». Так, например, под видом слуха в № 1 1865 г. были анонсированы лекции об историческом прошлом Сибири С.С. Шашкова, об организации которых в Томске у Потанина и Ядринцева уже была предварительная договоренность с автором. Юмористические заметки также создавались по мотивам местных событий, в которых принимали участие областники. Авторы иронизировали над томскими дамами, которые под словом «эмансипация» подразумевали нечто неприличное и поэтому не пустили своих дочерей на посвященный этой теме литературный вечер¹⁶⁰.

¹⁶⁰ *Мелкие известия*. Что разумеют некоторые дамы под словом «эмансипация» // Томские губернские ведомости. 1865. № 4. С. 9.

В апреле 1864 г. красноярский чиновник М.А. Безобразов написал в «Енисейских губернских ведомостях» под псевдонимом «Житель Сибири» статью против лекций С.С. Шашкова¹⁶¹, который также «зубато» ответил ему через газету¹⁶². В феврале 1865 г. в томской газете «Житель Сибири» вновь высмеивался по поводу того, что «Сибирь идет исполинскими шагами по пути прогресса». В доказательство приводились следующие «открытия»:

«1. Некто открыл, что Байкал и Восточный океан одно и то же и хотел ехать на Байкал осмотреть нашу флотилию Восточного океана.

2. Некий историк открыл, что чукчи живут в Америке и страшно угнетаются Российско-Американской компанией.

3. Одно присутственное место открыло (как видно из отношения его к городовому врачу), что одна “арестантка забеременела от испуга и сильной простуды”...

4. “Енисейские губернские ведомости” в № 15 за 1864 г. открыли, что для “сибирских инородцев хлеб не есть насущная потребность, а такая же роскошь, как чай, кофе и патока”»¹⁶³.

Последнее высказывание было прямой цитатой из статьи М.А. Безобразова. Досталось и редактору «Сибирского вестника» Б.А. Милютину за пристрастие, которое привело его в Иркутск: «В редакции “Сибирского вестника” открыт винно-очистительный порошок».

Безусловно, такие высказывания нарушали программу газеты, но делали ее более живой и интересной. «Мелкие известия» раз-

¹⁶¹ *Енисейские губернские ведомости*. 1865. № 15, 16; *Дело об отделении Сибири от России...* С. 74–75.

¹⁶² *Шашков Сер.* Литератору-обывателю, пишущему против моих лекций о Сибири под псевдонимом *Жителя Сибири* // *Енисейские губернские ведомости*. 1864. № 21. С. 84–87; *Потанин Г.Н.* Воспоминания // *Литературное наследство Сибири*. Т. 6. С. 190–191. После этой «перебранки» Потанин и Ядринцев пригласили Шашкова для чтения аналогичных лекций в Томске, которые также имели большой резонанс.

¹⁶³ *Мелкие известия*. Перечень замечательных открытий в Сибири за 1864 г. // *Томские губернские ведомости*. 1865. № 6. С. 8; № 7–8. С. 9.

мещались в конце номера и в соответствии с названием рубрики были набраны более мелким, чем основной текст газеты, шрифтом. Это делалось как по соображениям экономии печатного пространства, так и для того, чтобы содержание публикаций не особенно бросалось в глаза, а воспринималось только теми, для кого графические средства были менее важны, чем содержание. В письме А.Д. Шайтанову Потанин писал, на какие публикации ему и другим петербургским сибирякам необходимо обратить внимание, подчеркивая, что «вообще все мелкие известия проникнуты хорошим направлением»¹⁶⁴. Например, в первом же номере 1865 г. сообщалось о пожертвовании для открытия школы 200 р. и 7556 р. в пользу церкви, тем самым подчеркивалась как разность цифр, так и наличие людей, имеющих материальные средства, которые могли пойти не только на поддержку духовенства. На то обстоятельство, что Потанин намеренно «подбирал» статьи для рубрики, обратила внимание и следственная комиссия¹⁶⁵.

Манифестом областничества можно считать большую статью Ядринцева, открывающую 1865 год: «Сибирь в 1 января 1865 г.» с прологом «Vive la mort, и да водрузится будущее!»¹⁶⁶. Уже сам заголовок передовой, начинавшийся не как обычно со слова «Томск», а «Сибирь», подчеркивал, что автор выходил на уровень общесибирских проблем. Основная тема статьи – подчиненный статус Сибири (без прямого указания на метрополию) и развитие в ней образования – заведение библиотек, начальных школ, обществ грамотности, литературного органа и, наконец, «заветное желание», исполнение которого должно объединить всех жителей края, – открытие сибирского университета. Характерными стилистическими приемами были противопоставления: старое / новое, мертвое / молодое, застой / прогресс, косность / развитие, невежество / образование, печальное

¹⁶⁴ *Письма* Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 23. С. 73.

¹⁶⁵ *Дело об отделении Сибири от России...* С. 171.

¹⁶⁶ *Н. Я...цов*. Сибирь в 1-е января 1865 г. // Томские губернские ведомости. 1865. № 1. С. 1–4.

прошлое / радостное будущее, равнодушие / патриотизм, наезжие чиновники / сибирское юношество, чужое («гнилье московской грошевой фабрики») / свое («свои мануфактуры»), «мертвый капитал» / «минералогические богатства». В отличие от предыдущего направления неофициальной части, ориентированной главным образом на описание текущих или прошлых событий местной жизни, Ядринцев делал акцент на будущее Сибири, оттеняя перспективы ее развития безотрадными картинами настоящего. Этот известный публицистический прием применялся им и в других статьях.

Чтобы подчеркнуть зависимое положение Сибири, использовались и официальные материалы. В № 4–8 1865 г. была размещена статья Потанина «Доходы и расходы Томской губернии в 1863 г.», в которой указывались суммы на содержание государственных служащих и средства, отчисляемые на счет общерусских учреждений. Никаких выводов относительно приведенных цифр не делалось, да и сама смета была приведена не в полном виде, но в письме Ядринцеву и в своих признательных показаниях Потанин отмечал, что цель этой публикации – показать, что метрополия обижает колонию, взимая с Сибири суммы на чуждые ей русские учреждения.

Тема сибирского университета получила дальнейшее развитие в статье Ядринцева «Общественная жизнь Сибири» (№ 5 от 5 февраля 1865 г.). Еще в конце 1863 г. в Омске Ядринцев выступил на литературном вечере с докладом «По поводу сибирского университета». Этот доклад стал его первым выступлением в «Томских губернских ведомостях» (№ 5 от 31 января 1864 г.). При этом статья, присланная из Омска, прошла двойную цензуру – главного инспектора училищ Западной Сибири А.В. Попова (текст доклада на литературном вечере в Омске) и томского губернатора Г.Г. Лерхе (перед публикацией в «Томских губернских ведомостях»)¹⁶⁷. Два текста различны по исполнению, но сходны в основной мысли – новый период сибирской истории, связанный с освоением ее богатств, должен начаться с открытия сибирского уни-

¹⁶⁷ Дело об отделении Сибири от России... С. 186.

верситета, создание которого возможно на основе пожертвований со стороны, главным образом, местной буржуазии.

В статье «Сибирь перед судом русской литературы» Ядринцев разделял всех авторов, пишущих о Сибири, на «панегиристов», которые «своими медовыми писаньями не столько исследуют страну, сколько романтизируют» (например, «Описание Западной Сибири» И.И. Завалишина), и «порицателей», отказывающих Сибири в будущем (например, Н.В. Шелгунов). Актуальной становилась задача создания сибирской литературы: «Местная журналистика будет исследовать страну нашу, разрабатывать ее вопросы, предъявлять ее интересы и укажет то будущее, которое будет состоять не в завоеваниях, как утверждают панегиристы, а в создании цивилизации для своего народа, которая вместе с торговлей будет иметь влияние на весь восток и на Азию»¹⁶⁸. Страниц официальной газеты уже казалось недостаточно, о чем писал и Потанин: «Страшно грустно, что мы не имеем здесь своего органа, чтобы сказать свободное слово. Губернские ведомости – очень узкие рамки, чтобы ими довольствоваться»¹⁶⁹.

Тем не менее именно в последних перед арестом восьми весенних номерах появились статьи Потанина, написанные, по мнению следствия, в «сепаратистском духе»: «Климат и люди Сибири» (1865. № 12, 13) и «Гражданское увлечение Сибири» (1865. № 16)¹⁷⁰. В первой опасными, видимо, представлялись утверждение, что единство сибирского климата рождает особый тип сибиряка, отличного от великоросса, а также описание влияния природного окружения на национальный характер американцев. Эту

¹⁶⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. № 9. С. 7.

¹⁶⁹ Дело об отделении Сибири от России... С. 116–117.

¹⁷⁰ Темп по «производству» статей по сибирской проблематике был взят высокий. Ими в 1865 г. обеспечивался практически каждый номер неофициальной части. Накануне ареста Потанин составил проекты еще пяти-шести новых статей, однако обдумывать их, «улучшать и отделявать» пришлось, увы, уже в омской тюрьме (Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. С. 202).

тему подхватил и развил Ядринцев на основе статьи А.П. Шапова «Этнологическое развитие сибирского населения» (1865. № 15, 17): сибирскому типу, отличному от русского народа, было суждено сыграть культуртрегерскую роль, «сделаться спасителем инородцев», распространив среди них блага европейской цивилизации. В статье «Гражданское увлечение Сибири» вопрос о сибирском университете увязывался с невозможностью введения для этого особого налога ввиду того, что «сибирский народ... платит по силе обстоятельств более, чем народ Европейской России»¹⁷¹. Сибирь вновь сравнивалась с Америкой, но уже в экономическом плане: «Мы находимся в таком же отношении к московской мануфактуре, как прежде и до сих пор отчасти относятся Северно-Американские Штаты к Ланкаширу»¹⁷².

Вопросу о приоритете практически ориентированного образования перед классическим, который широко обсуждался в центральной прессе, была посвящена статья «Классические или реальные гимназии в Сибири?» (1865. № 13). Классическое и естественное образование сравнивалось с биржевыми акциями, при этом именно последнее представлялось необходимым для экономического развития края: «Мы думаем, что и Сибирь проснется же когда-нибудь и скажет: “мне нужны люди, усвоившие последние выводы науки, а не антиквари, не классики отжившего мира и отжившей цивилизации”»¹⁷³. Последняя в газете передовая статья

¹⁷¹ Потанин Г.Н. Гражданское увлечение Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 16. С. 6.

¹⁷² Там же. С. 3.

¹⁷³ П — — въ. Классические или реальные гимназии в Сибири? // Томские губернские ведомости. Томск, 1865. № 13. С. 4. Остальные публикации номера, включая рубрику «Мелкие известия», были подготовлены либо самим Потаниным, либо при его участии. Возможно, что и эта статья вышла из-под его пера («П — — въ» — Потанин?). Как в статье «Классические или реальные гимназии в Сибири?», так и в следующей за ней статье «С.-Петербургским ведомостям» автор вступал в полемику со столичной газетой, оценивавшей уровень публикаций сибирских ведомостей по «серенькой бумажке», на которой они издавались. В рубрике «Мелкие известия» (1865. № 15) приводилась критическая заметка по поводу преобразова-

Д.Л. Кузнецова (1865. № 14, 15) также была посвящена преимуществам профессионального образования. В свойственной ему прагматической манере он писал, что неразвитость ремесленных мастерских может привести к повышению цен на необходимые в быту промышленные товары.

Итак, «Томские губернские ведомости» в 1864–1865 гг. стали «органом» областнического движения, и благодаря деятельности Потанина и Ядринцева до этого не имевшая никакого общественного значения официальная газета возвысилась до идейной силы, носящей оппозиционный власти характер. Этот тезис, возникший позднее в среде самих основателей и последователей областничества¹⁷⁴, прочно устоялся в историографии сибирской печати, однако нуждается в уточнении и детализации.

Если обратиться к точному определению периода работы областников в составе редакции «Томских губернских ведомостей», то он будет достаточно короток: 8 месяцев, в течение которых был выпущен 31 номер газеты¹⁷⁵. После приезда Потанина в Томск, 9 октября

ния иркутской гимназии в классическую в условиях «настоятельной необходимости в реальном образовании для массы учащегося юношества».

¹⁷⁴ «Настоящая сибирская пресса начинается только с Ядринцева. Правда, периодическая печать в Сибири началась задолго до его выступления, сначала официальная (тобольские, томские и иркутские “Ведомости”), а потом частная. Но сибирская областническая печать появляется только с Ядринцевым... Как известно, Н.М. Ядринцев, неоспоримо являясь самым блестящим среди сибирских публицистов, значительную, чтобы не сказать – большую, часть своей областнической идеологии воспринял от Г.Н. Потанина» (*Примечание редакции газеты «Сибирская жизнь»*) (Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Т. 6. С. 279). См. также оценки губернских ведомостей областниками во введении настоящей работы.

¹⁷⁵ Следует отметить, что в исследовательской литературе деятельность Потанина и Ядринцева в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» расширяется до масштабов «кружка», развернувшего в Томске «большую устную и пропагандистскую работу». В этом «кружке» состояли также Н.С. Щукин, Ф.Н. Усов и Д.Л. Кузнецов (*Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 36*), хотя первый находился в Иркутске, второй – в Омске, что же касается редактора неофициальной части, то он скорее был знаком со взглядами обла-

1864 г., в № 40, вышла его статья «Г. Шелгунов перед судом образованной Сибири», а № 19 от 21 мая 1865 г. стал последним, к изданию которого были причастны областники. 23 мая в их квартирах были проведены обыски, бумаги описаны и опечатаны, а 28 мая арестованных отправили в Омск¹⁷⁶. Следующий номер (№ 20) вышел в сдвоенном виде от 28 мая – 4 июня 1865 г. 16 сентября был арестован Кузнецов, а исполнение обязанностей редактора неофициальной части временно поручили А.Р. Николаеву, приступившему к исполнению должности с № 36 от 17 сентября¹⁷⁷.

В 1862 г. губернские ведомости были освобождены от общей цензуры, и губернаторы получили право поручать исполнение цензорских функций «лицам по своему выбору, с тем чтобы в сомнительных только случаях лица сии обращались к цензорам министерства народного просвещения, а где оных не полагается – к директорам училищ»¹⁷⁸. Закон о печати от 6 апреля 1865 г. отменял предварительную цензуру столичных и всех правительственных изданий¹⁷⁹. Позже относительно губернских ведомостей вышло разъяснение, что для них сохраняется цензорский просмотр «на основании прежде изданных по сему предмету правил» с обязательным обозначением на каждом экземпляре «цензорского дозволения»¹⁸⁰.

стников, чем развивал и пропагандировал их. Утверждается также, что с газетой сотрудничал С.С. Шашков (*Е.А. Летопись сибирской периодики 1875–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989. С. 215*). Хотя на страницах томской газеты нет ни одной статьи, принадлежащей этому автору.

¹⁷⁶ *Дело об отделении Сибири от России...* С. 112–113.

¹⁷⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1373. Л. 4.

¹⁷⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1865. Т. 37. № 38040.

¹⁷⁹ Там же. СПб., 1867. Т. 40. № 41988.

¹⁸⁰ *По Главному Управлению по делам печати. 7 ноября 1865 г. № 453. Об обозначении цензорского дозволения на неофициальной части губернских ведомостей // Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов,*

Однако подготовка цензурной реформы и освобождение центральных печатных органов, которые представляли большинство газет и журналов страны, отразились и на губернских ведомостях, которые, пользуясь либеральными настроениями во власти и обществе, де-факто уклонялись от пунктов разрешенной правительством программы неофициальной части¹⁸¹. Так, в секретном циркуляре МВД от 24 марта 1865 г. перечислялись такие нарушения, как: публикации статей литературного характера, полемические циклы, пересказ местных слухов, вольная трактовка правительственных законов и их обсуждение. Такая ситуация определялась как недопустимая, подчеркивалось, что органы правительства и местной администрации должны существенно отличаться от частных изданий, «предпринимаемых разными лицами с целью литературною, ученою, промышленною или просто спекулятивною»¹⁸².

Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» не отставала от своих «провинциальных собратьев». Как уже отмечалось, ее направление при редакторстве Д.Л. Кузнецова можно рассматривать как «предобластничество». Уже в первые пять лет своего существования газета приобрела характер силы, объединяющей немногочисленную интеллигенцию Томска и Томской губер-

губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 255.

¹⁸¹ Например, в силу важности и остроты для центральных губерний в саратовских, казанских, нижегородских и других ведомостях размещались критические материалы по крестьянскому вопросу (*Бурмистрова Л.П.* «Губернские ведомости» как исторический источник эпохи падения крепостного права (на материале Поволжья и Урала) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1968. С. 17–18; *Вульфсон Г.Н., Бурмистрова Л.П.* «Губернские ведомости» как источник для изучения антифеодальных взглядов просветителей эпохи падения крепостного права // *Очерки истории народов Поволжья и Приуралья.* Казань, 1967. Вып. 1. С. 200–217).

¹⁸² РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 13. Л. 31–32 об.; *Циркулярное* конфиденциальное предложение министра внутренних дел начальникам губерний. 24 марта (Дело С.-Петербургского цензурного комитета, 1865 г., № 1) // *Сборник распоряжений по делам печати* (с 1863 по 1-е сентября 1865 года). СПб., 1865. С. 43–46.

нии. Статьи О.Г. Павлова, Н.И. Виноградского, В.И. Вагина по своей тематике, публицистическому, живому и заинтересованному стилю выходили за рамки официальной программы издания и обнаруживали идеи, позже обозначенные как «сибирский патриотизм» (хотя о необходимости открытия сибирского университета в «Томских губернских ведомостях» пока еще не было сказано ни слова). Таких людей Г.Н. Потанин называл людьми «с сибирскими инстинктами»¹⁸³. «Наша газета», «наши ведомости», «наши листки» – так подчеркивал объединяющий характер издаваемого печатного органа губернии Н.И. Виноградский, «дайте только нам расходиться, размахаться»¹⁸⁴.

В отношении значения и устройства местной казенной газеты схожие с Потаниным и Ядринцевым соображения сформулировал такой же их молодой современник, а возможно, даже и сотоварищ по учебе в С.-Петербургском университете и «студенческим беспорядкам» 1861 г. С.Н. Терпигорев. В конце 1862 г. он отправил в «Голос» большую статью «Губернские ведомости», в которой от лица «литературного сословия» предлагал правительству «крепкий союз» на основе передачи неофициальной части ведомостей в 60 губерниях в руки способным «литературным каторжникам» из петербургских редакций. Этот десант из столицы должен был поднять ведомости до уровня местного литературного органа. Новый редактор, он же цензор неофициальной части, должен быть независимым от местной власти, получать жалованье не менее 1,5 тыс. руб. в год, отдельный гонорар за свои статьи и остаток сумм от издания губернских ведомостей¹⁸⁵. Выгоды же правительства заключались в получении непредвзятой информации с мест, разработке местных вопросов, сообщениях мнений жителей о распоряжениях местной администрации. В неофициальном отделе «долж-

¹⁸³ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. 1983. Т. 6. С. 86.

¹⁸⁴ Н.В. Корреспонденция // Томские губернские ведомости. 1858. № 34. С. 275.

¹⁸⁵ «...и ключ от квартиры», как говорил один персонаж, также не чуждый литературе.

на выражаться жизнь народная, жизнь со всеми ее особенностями, достоинствами, недостатками». Всего слово «народ» и образуемые от него производные («народные потребности», «народная нравственность» и др.) употреблялись 29 раз. Обращение автора к правительству и его печатному органу с позиции долженствования («должно», «только в таком случае», «крайне необходимо» и т.д.) употреблялось в тексте 21 раз. Были намеки и на возможность через реформированные губернские ведомости противостоять идеям социализма и удерживать от оппозиционности местных либеральных публицистов¹⁸⁶. Иными словами, под предлогом (хотя и обоснованным) правительственной пользы предлагался вывод казенной прессы из-под государственного контроля и преобразование сети уже существующих провинциальных правительственных газет в пока еще не существующую сеть провинциальных газет частного коммерческого характера.

Слияние должности редактора и цензора означало де-факто проведение в их отношении принципа неподцензурности и приобретение газетами независимости в отношении местных властей. Ситуация первых пореформенных лет и без того была напряженной, поэтому не было ясно, какие «разъяснения всех явлений нашей внутренней, общественной жизни» будут давать «честные люди», вставшие во главе 60 газет империи, и в каком направлении пойдет «развитие» их читателей. Вероятно, по этой причине статья С.Н. Терпигорева не только не была принята во внимание, но и не была допущена санкт-петербургским цензурным комитетом к публикации. Предлагаемый проект безусловно был смел и масштабен, но в существующих общественно-политических условиях 60-х гг. утопичен, а для правительственных целей эфемерен. Однако он важен для понимания веяний времени, тех идей о роли и организации местной печати, формулируемых и обсуждаемых в интеллигентской среде, к которой были причастны и деятели сибирского областничества.

¹⁸⁶ РГИА. Ф. 777. Оп. 26. Д. 27. 1863 г. Л. 1–3.

Таким образом, именно в силу уже сложившегося к середине 60-х гг. направления первой томской газеты, общероссийской тенденции расширения редакцией и авторами программы неофициальной части ведомостей Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев получили возможность разработки темы «особости», самобытности Сибири и ее населения, формирования, выражаясь современным научным языком, региональной идентичности.

В разрозненных и различных по тематической направленности публикациях на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» можно выделить следующие черты в конструировании образа «сибирства»:

– отсталость Сибири по отношению к Европейской России и Западу, включая в это понятие и американский путь развития («Забитое общество, угнетенный народ», «Составлялись ли у нас колонизационные общества для заселения страны подобно американским торговым колониям и бразильским обществам капиталистов?», «...мы не самостоятельный экономический народ, а эксплуатируемые массы», «Сибирь до сих пор имела мало нравственных средств для своего развития», «Жизнь нашей страны вовсе не носит отпечатка той блестящей цивилизации, который вырабатывают передовые народы и которой рукоплещет мир», «Правительство начало смотреть на Сибирь как на страну, из которой оно будет извлекать богатый доход в казну», «Многие, видя в Сибири ссыльную колонию, малонаселенную, бедную, неводеланную, решились бросить роковой приговор в ее неспособности к полному развитию гражданской жизни и экономическому процветанию. В Европе Сибирь всегда была на таком счету...»);

– негативные характеристики прошлого и настоящего Сибири и описание будущих перспектив ее развития («Vive la mort, и да водрузится будущее!», «История Сибири только открывает нам печальную картину нашей прошлой жизни», «Наша страна... лежит в запустении как мертвый труп», «Наши сокровища покуда для нас мертвый капитал», «В будущем наши надежды, в будущем осуще-

ствление заветных идеалов наших», «Повсеместный грабеж народа, пытки в застенках, бесчеловечные казни, зверские убийства и истязания...», «...сибирское образованное, молодое поколение создаст лучшую жизнь Сибири», «Край малонаселенный, притесненный и бедный, каким его застал Сперанский», «Умственный уровень Сибири на низшей ступени...», «Сибири суждена роль создать ту цивилизацию, которая будет служить последним звеном, смыкающим образованные народы умеренного пояса Северного полушария») ¹⁸⁷;

– особые черты в характере сибиряков и в ранней сибирской истории («завоеватели», «открыватели новых стран», «отважные промышленники», «дух авантюризма», «стремление к улучшению своего быта и создание жизни на новых началах», «беглые и недовольные, искавшие приюта и независимости в наших тайгах и урманах», «Сибиряк, действительно, молчалив, но его воспитала в этом его история», «Народ кинулся толпами в новую землю, как убежище от разных притеснений в царствование Иоанна Грозного, впоследствии от невыносимых немецких реформ Петра», «...в Сибирь пришла самая энергическая и предприимчивая часть русских людей...», «свободная казачья община и русские промышленные авантюристы», «Покажите мне другой народ в истории мира, ко-

¹⁸⁷ Любопытно, что в презентации самосознания регионов Европейской России преобладали позитивные высказывания об историческом прошлом, его героизация, описание деятельности великих исторических личностей в связи с местной историей, определение значимости региона в связи с его участием в жизни Российской империи (см.: *Голубев А.В.* Роль местной прессы в становлении региональной идентичности в Олонецкой губернии в середине XIX в. (по материалам «Олонецких губернских ведомостей») // *Провинциальная журналистика и жизнь Российской империи в XIX – начале XX в. Петрозаводск, 2008. С. 114–128; Шуропова Е.Е.* «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. С. 19; *Гуторова Н.А.* Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): зарождение, развитие, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 20).

торый бы в полтора столетия прошел пространство, большее пространства всей Европы, и утвердился на нем?»;

– объединение различных категорий населения Сибири, ее различных регионов в категорию «мы» («особенный тип, тип сибиряка», «сибирская цивилизация», «страна», «наше дальнейшее развитие», «наш прогресс», «наши ремесленные произведения», «наши мастерские», «наше население», «наши меха», «наше золото», «мы сибиряки, жители ссыльнокаторжной колонии»¹⁸⁸, «наш молодой край», «коллективный ум всей Сибири», «Мы участники жестокой войны, которую мы ведем с сухим климатом Сибири...», «Пусть все сибирское общество соединится, чтобы воспитать детей своей родины!»)¹⁸⁹.

¹⁸⁸ В своих «Воспоминаниях» Потанин писал, что в 60-е гг. было «преступным употреблять в печати выражение “наша Сибирь”, нельзя было писать “мы, сибиряки”» (*Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 195*). Однако мы видим, что в «Томских губернских ведомостях» содержится целый ряд таких «топонимических идентификаторов».

¹⁸⁹ Региональный патриотизм как заявление провинции о своем существовании и своих интересах – явление, характерное для государств, растущих от исторической середины к окраинам по воле сильной центральной власти. Он вырабатывался и в региональных изданиях «внутренней» Европейской России, которым, казалось бы, с точки зрения неполноправной колонии не на что было обижаться. Так, Н.А. Гуторова на основе анализа содержания газет, издававшихся в Рязани, делает вывод, что определяющей целью для «эталонного образа местного печатного органа» было «служение местным интересам, просвещение населения, сохранение традиций края» (*Гуторова Н.А. Печать Рязанской губернии (1838–1917 гг.): зарождение, развитие, типология : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 10–11, 23*). Ю.В. Лучинский, исследуя «Кубанские войсковые ведомости», пишет, что «лицо первой кубанской газеты и специфика подбора материалов» определялись на основе «особого пути Кубани». В доказательство приводится программное заявление редактора газеты Г.Я. Есаулова, перекликающееся со взглядами сибирских областников: «Мы, кубанцы, народ совершенно отдельный [разрядка *В.Ш.*], должны иметь собственный свой говорящий орган, а не пересаживать все делающееся у нас на чужую почву, должны его «как что-то родное» самостоятельно разводить и поддерживать...» (*Лучинский Ю.В. «Провинциальные братья»: кубанская модель губернских ведомостей // Журналистика: историко-литературный контекст: сборник статей и материалов. Краснодар, 2003. Вып. 2. С. 12–13*).

Исходя из приведенных фрагментов, которые, как уже отмечалось, были включены в контекст освещения различных тем, можно сделать вывод, что в целом областничество на страницах ведомостей представляло собой разработку вполне легальной и хорошо известной темы прогресса. Применительно к месту рождения участников «петербургского кружка» эта тема, всегда актуальная для русской интеллигенции, не имела недостатка в материале. Прогрессивное развитие описывалось во взаимосвязанных категориях «отсутствие» – «возможность» – «пробуждение» как прошлое – настоящее – будущее Сибири. Основная «указующая» и руководящая роль в движении «народа Сибири» по этому пути отводилась еще не созданной областнической печати, способной формулировать свои, отличные от столичных изданий, задачи и оценки, оказывать влияние на политику центральных и местных властей¹⁹⁰.

Хотя Потанин признавался, что «стал участвовать в Томских ведомостях и успел сделать их сепаратистским органом»¹⁹¹, областнические идеи в том ярко выраженном политическом смысле, в каком они развивались в частной переписке и заявлялись на следствии в газете, представлены не были. Еще находясь в Петербурге и вступая в полемику с Н.С. Щукиным по поводу издания сибирского периодического органа, Потанин делал упор на то, чтобы

¹⁹⁰ «Кому же должна принадлежать роль указать будущее Сибири и вывести народ ее на путь цивилизации и исторического прогресса? Эта роль должна принадлежать местной литературе, которую до сих пор наша бедная Сибирь не имеет. Издание сибирского журнала теперь бы могло иметь громадное значение и влияние на развитие страны. Создание местной литературы будет зачатком осмысленной жизни и началом умственного развития массы» (*Ядринцев Н.М.* Сибирь перед судом русской литературы // Томские губернские ведомости. 1865. № 9. С. 7).

¹⁹¹ *Дело об отделении Сибири от России...* С. 178. Обращаем также внимание, что в изучаемую эпоху слово «сепаратизм» имело несколько иной смысл, чем сегодня. В словаре В.И. Даля встречаем следующее определение: «Сепаратный – лат. отдельный, особый, сам по себе; частный. Сепаратизм, стремление отделяться от большинства и составить свою стачку; скоп, стачка, особщина; || раскол, ересь» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1996. Т. 4. С. 174).

основным в нем направлением была идея об автономии провинции: «Мы хотим жить и развиваться самостоятельно, иметь свои нравы и законы, читать и писать, что нам хочется, а не что прикажут из России, воспитывать детей по своему желанию, по-своему собирать налоги и тратить их только на себя же»¹⁹². На допросе Потанин показывал, что «Сибирь должна отделиться от России... Такова, по моему мнению, судьба всех земледельческих колоний... по аналогии с историей Северной Америки и испанских американских колоний»¹⁹³. Ядринцев, видимо испуганный масштабами следствия по отношению к масштабу содеянного, раскаивался в увлечении идеей сепаратизма и отвечал, что «на дело создания Республики» он смотрел как «на дело еще далекого будущего»¹⁹⁴.

Тему прогрессивного развития Сибири областники разрабатывали в критическом полемичном ключе, но без какой-либо оппозиционности к центральному и местному правительству. Утверждалась необходимость перенесения на территорию Сибири тех форм общественной, культурной и экономической жизни, которые уже существовали или получали дальнейшее развитие в столицах и центральных губерниях в пореформенное время – новый гимназический устав, университетское образование, ослабление цензурного режима печати, улучшение здравоохранения, развитие современной промышленности¹⁹⁵. Образцом такого развития для Сибири выступала Западная Европа, и в выборе такого ориентира для русского интеллигента также не было ничего нового. Тем более что прогрессом сибиряки были обделены дважды – и по отношению к западным странам и по отношению к «внутренней» России. Однако в отличие от своих коллег-

¹⁹² *Письма* Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1. № 13. С. 59.

¹⁹³ *Дело об отделении Сибири от России...* С. 185.

¹⁹⁴ Там же. С. 187.

¹⁹⁵ При этом один из самых острых вопросов областнической программы – инородческий, за исключением некоторых мелких публикаций в разделе «Мелкие известия» и статьи «Этнологические особенности сибирского населения», практически не был подвергнут разработке.

модернистов из европейской части страны областники на основе параллелей и особенностей в характере колонизации, экономического положения, положения коренного населения Сибири открыто или подспудно намекали на северо-американский путь развития.

Именно это обстоятельство, усиленное словами о «свержении российской власти» и призывом к созданию «республики Сибирских соединенных штатов» в рукописной прокламации С.С. Попова, было педантировано следственной комиссией и стало главным вопросом к обвиняемым. Статьи в ведомостях не могли послужить основанием для обвинения в сепаратизме при соответствующей позиции допрашиваемых¹⁹⁶, которые, однако, не стали отговариваться неведением или недоумением и опровергать своего участия в развитии идеи о сибирской республике, а представили свои взгляды на такую перспективу.

Лица, сами заинтересованные в расширении доказательной базы, заключали, что в трех найденных при обыске у Кузнецова статьях – «Литературный вечер в Омске», «Выборы у казаков с Иртыша» и «Сибирь в 1-е января 1865 года» – только «между прочим пробиваются мысли автора в вольных идеях и как бы предварительно располагающих публику [разрядка В.Ш.] к сочувствию развиваемого предмета в положении Сибири»¹⁹⁷. В этом донесении томского жандармского офицера К.Ф. Кретковского указывалось, что все статьи были напечатаны «с пропуском цензуры губернского ведомства». Позже это обстоятельство было объяснено «близорукостью» редактора неофициальной части газеты Кузнецова и губернского начальства¹⁹⁸. По признанию Потанина, он «злоупотребил доверенностью и простотой редактора, который во все время не подозревал настоящего направления моих

¹⁹⁶ В ответ на обвинение следствия о том, что в статье о сибирском казачьем войске и в некоторых письмах распространялись «идеи, противные распоряжениям законного правительства», Потанин просто ответил, что если в этой статье и есть таковые, то он этого не знал. Кроме того, истинного автора этой статьи – Ф.Н. Усова – Потанин не назвал (*Дело об отделении Сибири от России...* С. 184).

¹⁹⁷ *Дело об отделении Сибири от России...* С. 194–195.

¹⁹⁸ Там же. С. 349.

и ядринцевских статей». Хотя в другом месте Потанин утверждал, что Кузнецов знал об идее отделения Сибири от России, но «не соглашался с правильностью этой идеи»¹⁹⁹. Вероятно, эти разногласия выяснились в спорах на редакционных субботах.

Относительно цензора газеты вице-губернатора, председателя губернского правления П.И. Фризеля, исполнявшего эту функцию в отсутствие и по поручению томского губернатора Г.Г. Лерхе, Ядринцев составил спустя более 30 лет следующие воспоминания: «Человек пустой, ограниченный и легкомысленный. Он так долго находился под судом Сената, что когда явился в Сибири к генерал-губернатору Казнакову на службу чиновником, он спросил меня, не могу ли я ему написать ответ по поводу вопросов: какие статьи он пропускал? [разрядка *В.Ш.*] «Боже мой! – воскликнул я, – Неужели вы еще под судом! Напишите, что вы пропускали статьи о сибирском университете, т.е. то, о чем ходатайствовал нынешний генерал-губернатор»²⁰⁰.

Эта характеристика (а другой от Ядринцева ожидать было нельзя) напоминает известный исторический анекдот о петербургском генерал-губернаторе николаевской эпохи П.К. Эссене, который по поводу поданной ему бумаги спрашивал правителя канцелярии, о чем он писал, а затем, узнав, подписывал ее. Возможно, Фригель пропускал статьи, особенно не вникая в их содержание, не только по причине халатного отношения к делу, но и потому, что в них с формальной точки зрения не обнаруживалось какого-либо скрытого подтекста или намека (Лерхе также не усмотрел чего-то запрещенного ни в статье Ядринцева «По поводу сибирского университета»²⁰¹, ни в лекциях С.С. Шашкова, о которых было запрещено упоминать в ведомостях только после того, как они вызвали общест-

¹⁹⁹ Дело об отделении Сибири от России... С. 186, 178.

²⁰⁰ Ядринцев Н.М. К моей автобиографии // Дело об отделении Сибири от России... С.30.

²⁰¹ Дело об отделении Сибири от России... С. 186.

венный резонанс²⁰²). Те проблемы, которые затрагивали в своих публикациях областники, напрямую не касались местной администрации (как это делалось в «Иркутских губернских ведомостях»), поэтому они с легкостью проходили цензурные ограничения²⁰³. В письме в Иркутск Н.С. Щукину Потанин прямо говорил, что его статья «Гражданское увлечение Сибири» содержала «тайный смысл», который нуждается в «толковании» и не будет понят большинством читателей²⁰⁴. В качестве последних областники видели прежде всего сибиряков, знакомых с идеями об автономии Сибири, или мыслящую и небезразличную к положению края учащуюся молодежь. Для этой цели Потанин организовал бесплатную рассылку ведомостей студентам в Петербург, Москву и Казань²⁰⁵ (табл. 2, рис. 9).

Таким образом, статьи неофициальной части «Томских губернских ведомостей» носили адресный характер, т.е. в основном были ориентированы на заведомо известного читателя и призваны служить целям консолидации и поддержки связей внутри круга сибирской патриотической интеллигенции. Следствие с возмущением заключало, что «соумышленники» называли в письмах друг к другу официальную правительственную газету «*своим органом*»²⁰⁶. Но это был скорее печатный орган для своих, печатная площадка для проблематизации сибирской действительности и оттачивания остроты пера в критических публикациях.

Позднее Ядринцев напишет, что «Томские губернские ведомости» в период работы в ней «сибирской университетской молодежи» в 1865 г. «производили сильное впечатление»²⁰⁷, но речь здесь

²⁰² Дело об отделении Сибири от России... С. 116–117.

²⁰³ Когда же дело касалось лиц, то реакция была соответствующая: «Статью Вашу [Ф.Н. Усова] о спектакле не пропустил Лерхе; говорит, что на Дюгамельшу написана (Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 21. С. 71).

²⁰⁴ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 25. С. 77.

²⁰⁵ Дело об отделении Сибири от России... С. 178.

²⁰⁶ Там же. С. 349.

²⁰⁷ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 670.

идет скорее о самооценке. Как и ранее, в «докузнецовский период», неофициальная часть газеты не имела массовой аудитории и не могла серьезно влиять на общественные настроения. Поэтому авторы и избирали иногда такой оскорбительно-насмешливый тон в своих статьях, чтобы задеть «миниатюрные мозги» и «туповатые физиономии» местного чиновного общества. Но в результате оба товарища были вынуждены в одиночку развивать поднятые ими темы (например, вопрос о сибирском университете или об особом областном типе сибиряка) и даже вступать в полемику друг с другом (например, в статье Потанина «Гражданское увлечение Сибири» автор статьи «По поводу сибирского университета» (Ядринцев) определялся как «увлекающийся молодой сибиряк», чьи попытки обращения к частным благотворителям за пожертвованиями на высшее просвещение края заведомо бесплодны). Действительно, сибирское общество 60-х гг., его купечество и золотопромышленники никак не откликнулись на идею сбора средств в пользу сибирского университета.

В итоговом отчете помощника попечителя петербургского учебного округа А.В. Латышева, прибывшего в 1866 г. в Томск, чтобы оценить степень влияния «главных деятелей по образованию Сибирской республики» на учителей и учеников томских мужской и женской гимназий, делался вывод, что это влияние было равно нулю. Определенные подозрения вызвал законоучитель о. Вахх Гуреев, разместивший в ведомостях несколько статей на церковную тему, но вскоре выяснилась их безосновательность²⁰⁸.

²⁰⁸ ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 223. Дело о сибирских сепаратистах аукнулось для томской гимназии иными последствиями – М.Л. Попов, допустивший Потанина к преподаванию, был отправлен на пенсию, а по распоряжению министра просвещения Д.А. Толстого библиотека томской мужской гимназии, открытая в конце 1862 г. как публичная, была закрыта для посторонних посетителей. Началась проверка квалификации и политической благонадежности учителей в бесплатных школах с целью ограждения детей «от ложного направления и вредного влияния» (ГАТО. Ф. 125. Оп. 1. Д. 240. Л. 42–44, 55, 56 об.).

Т а б л и ц а 2

Подписка на «Томские губернские ведомости» в 1864 г.²⁰⁹

Рассылка	В Европейской России	В Сибири, за исключением Томской губернии	В Томской губернии
Рассылалось бесплатно по казенным учреждениям	72	8	2
Рассылалось бесплатно в обмен на столичные газеты	8		
Всего рассылалось бесплатно	90		
Рассылалось за плату обязательным подписчикам (волостным правлениям, сельским церквям и пр.)			379
Рассылалось за плату добровольным подписчикам	6	2	47
Всего рассылалось за плату	434		
Всего рассылалось бесплатно и за плату	524		

По итогам обозрения учебных заведений Западной и Восточной Сибири только учитель иркутского уездного училища Щукин был признан «деятельным участником в заговоре». Характеристика ему была дана самая нелестная: «...человек вообще самых презренных

²⁰⁹ Число экземпляров «Томских губернских ведомостей», которые были разосланы в 1864 г. // Томские губернские ведомости. 1865. № 6. С. 7. Подписка на первую томскую газету соотносима с подпиской первых губернских ведомостей в России. «Ярославские губернские ведомости» в 1831 г. печатались тиражом 545 экземпляров. Только у ярославской газеты было больше частных читателей – 315, а обязательных подписчиков среди присутственных мест – 230 (Дементьева В.В. Из истории возникновения «Ярославских губернских ведомостей» // Советские архивы. М., 1981. № 6. С. 44). В то же время жители Томской губернии демонстрировали большую любовь к чтению, чем жители Тамбова, в котором в 1842 г. только 12 человек подписались на местные ведомости (Выжимов Е.Д. «Тамбовские губернские ведомости» как источник изучения патриотической деятельности жителей губернии в период Крымской войны 1853–56 гг. // Вестник Тамбов. гос. ун-та. Тамбов, 2007. Вып. 2 (46). С. 129). Относительно сибирских «собратьев» известно, что «Тобольские губернские ведомости» в первый год своего издания были разосланы в количестве 910 экземпляров (ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 44. Л. 38).

свойств, негодный даже в семейном быту, чрез свое мотовство заставлявший голодать жену и детей в то самое время, когда разглагольствовал об эмансипации женщин и их высоком значении...»²¹⁰.

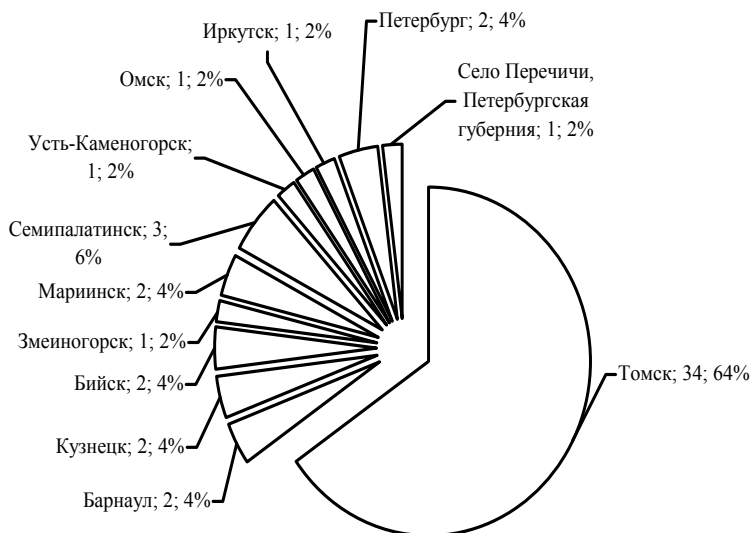


Рис. 9. Распределение добровольных подписчиков «Томских губернских ведомостей» по населенным пунктам в 1864 г.

Таким образом, статьи Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева о необходимости развития Сибири в самых различных сферах, опубликованные на страницах «Томских губернских ведомостей», были вполне умеренными и отвечавшими общим либеральным настроениям в стране, с которыми участники «сибирского кружка» познакомились за три года, проведенных в Петербурге: «Это был самый разгар шестидесятых годов, совершенно исключительное время. Новые идеи, новые течения обильно сыпались на наши головы»²¹¹. С.С. Шашков

²¹⁰ Дело об отделении Сибири от России... С. 349.

²¹¹ Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. 1983. Т. 6. С. 158; «Если бы Сибирь завтра отделилась от России, мы первые приветствовали бы ее новую жизнь», – писали А.И. Герцен и Н.П. Огарев (Колокол. 1862. 15 октября. № 147. С. 1214).

в своих показаниях пытался оправдать характер своих лекций о Сибири следующими обстоятельствами: «...1) общее обличительное направление русской литературы и журналистики в то время, когда я писал свои статьи... 2) Так как я в Петербурге мог существовать исключительно литературною работою, то и должен был, по необходимости, покоряться требованиям редакций – писать в обличительном направлении...»²¹². В возможности выражения интересов безгласных (даже и без их ведома) видел свой долг сам Г.Н. Потанин: «В “[Русском] слове” лежит у меня статья “Заметки о Западной Сибири”, 1-я глава. Будут еще [главы]: в одной – страждущие остяки, в другой – страждущее казачество наше, в третьей – страждущие подзаводские, в четвертой – страждущие рабочие на заводах и промыслах, словом, страждущее человечество в Сибири»²¹³.

На «вольнодумный» характер неофициальной части власти обратили внимание только в контексте более серьезного дела о сепаратизме. Тень крамольных слов в обращении «Патриотам Сибири», сказанных против самого «петербургского правительства» и «лихой мачехи России», пала и на «Томские губернские ведомости» и на ее сотрудников. Если бы не это воззвание, газета вполне могла и далее развиваться в избранном направлении (поэтому арест для участников редакции стал неожиданностью). Безусловно, злосчастная прокламация принесла и делу сибирского областничества, и развитию газеты больше вреда, чем пользы, загубив его первые ростки, что называется, на корню и не дав губернской газете «размахаться» до уровня общественно-политического издания (как это было с тобольскими и иркутскими губернскими ведомостями). Механизм следственной машины с протоколами допросов, изъятыми письмами, показаниями обвиняемых, очными ставками привел к формированию целого дела «Об отделении Сибири от России», облекая по сути невинные, как позже признавались сами областники, и в целом полезные для нужд Сибири размышления в форму антиправительственного заговора.

²¹² Дело об отделении Сибири от России... С. 224.

²¹³ Письма Г.Н. Потанина. Иркутск, 1987. Т. 1, № 6. С. 48.

ГЛАВА 4. «ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1866–1881 гг.

4.1. Н.А. КОСТРОВ И НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

С деятельностью князя Николая Алексеевича Кострова – секретаря томского губернского статистического комитета¹ – связана целая эпоха в истории «Томских губернских ведомостей». Пятнадцать лет он был основным автором газеты, наполняя ее неофициальную часть статьями по истории, этнографии, географии и статистике края.

Н.А. Костров родился в 1823 г. в Орловской губернии в семье мелкопоместного псковского дворянина, его княжеский титул происходил от перешедшего в середине XVI в. на русскую службу и в православие казанского мурзы². Надо сказать, что далеко не все татарские княжеские роды, в особенности младшего происхождения, смогли полноправно утвердиться в своем титуле. Род князей Костровых хотя и упоминался в некоторых генеалогических изданиях в числе утвержденных, формально никогда не был признан Сенатом как княжеский³. Видимо, поэтому все свои публикации в периодических изданиях Николай Алексеевич неизменно подписывал как «Князь Н. Костров», хотя такая щепетильность в акцентировании своего происхождения в сибирской провинции,

¹ Исполнять эту должность Н.А. Костров стал с 23 июня 1865 г., а с 27 июля 1866 г. был утвержден в ней (ГАТО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 5; Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 20; Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5).

² Дмитриенко Н.М. Костров Николай Алексеевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 167–168.

³ См.: Думин С.В. Татарское дворянство в Российской империи // Генеалогия и архивы. URL: <http://ufagen.ru/node/5571> (дата обращения: 26.08.09).

практически не знавшей титулованного дворянства, могла вызывать и иронию.

В 1843 г. Костров окончил юридический факультет Московского университета с присвоением степени действительного студента. С 1844 г. начал службу в межевой канцелярии в чине губернского секретаря. В 1846 г. подал прошение о переводе в Красноярск. Причины такой просьбы заключались в двух обстоятельствах – в отсутствии связей и покровителей для продолжения службы в Москве⁴ и необходимости содержать семью. Супругой Кострова стала Мария Федоровна Бердяева, в 1847 г. родившая дочь Варвару. С учетом этих обстоятельств служба в Сибири предоставляла большие возможности для материального и карьерного роста, применения своих знаний и способностей.

Переезд в Красноярск навсегда связал Кострова с Сибирью. Первоначально он исполнял различные поручения енисейского губернатора В.К. Падалки, а в 1847 г. возглавил одно из отделений общего губернского управления. В этой должности Кострову удавалось совмещать поддержание порядка в делопроизводстве (об этом свидетельствовали благодарности как от губернатора, так и генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева) и писательскую деятельность – в 1851 г. в журнале «Москвитянин» был опубликован целый ряд его статей, в том числе о коренных и русских жителях Енисейской губернии⁵. В 1852–1855 гг. Костров исполнял должность делопроизводителя енисейского губернского статистического комитета (впоследствии он стал его членом-корреспон-

⁴ Напомним, что Г.Г. Лерхе, также молодой человек с юридическим образованием, получил чин статского советника и должность томского губернатора.

⁵ *Костров Н.А.* Современные известия внутренние // *Москвитянин*. М., 1851. № 8, кн. 2. С. 311–343; *Он же*. Из Красноярска. Заметка о курганах южной части Енисейской губернии // Там же. № 9–10, кн. 1–2. С. 1–12; *Из Красноярска* // Там же. № 11, кн. 1. С. 234; *Костров Н.А.* Заштатный город Туруханск // Там же. № 13, кн. 1. С. 33–38; *Он же*. Из Красноярска // Там же. № 15, кн. 1. С. 230–231; *Он же*. Камачинцы // Там же. № 18, кн. 2. С. 100–110; *Онские селения* // Там же. № 24, кн. 2. С. 245–270.

дентом), которая предоставила ему возможности и материалы к написанию целого ряда статей, опубликованных в «Москвитянине», «Записках Сибирского отдела Русского географического общества» и «Журнале МВД».

Во время службы в Красноярске Костров подружился с В.К. Падалкой, которого назначили на пост губернатора в 1845 г. Сохранились очень теплые и доверительные письма Падалки к Кострову в Минусинск, а также после отставки губернатора⁶. Темы, затрагиваемые в этой переписке, были самые разнообразные – отъезд Н.Н. Муравьева из Иркутска, положение дел в Красноярске при новом начальстве, оценки в печати освоения Амура, готовящаяся судебная реформа, смертная казнь в Англии, торговое судоходство по Енисею и Оби. В последнем случае Падалка, прося Кострова не смеяться над ним, писал о возможной навигации между устьями этих рек, при которой Томск стал бы сибирским центром торговли с Англией в обход России⁷. Губернатор заканчивал свои письма к младшему как по возрасту (Падалка был старше Кострова на 23 года), так и по служебному положению (действительный статский советник и надворный советник) словами: «С совершенным почтением и преданностью имею честь быть вашего сиятельства покорнейший слуга» (сам енисейский губернатор, начав

⁶ Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского государственного университета (ОРКП НБ ТГУ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 77. Всего сохранилось двенадцать писем. Первое из них датируется 18 октября 1860 г.; в нем Падалка выражал надежду увидеть Кострова в Красноярске, просил его выполнить в Минусинске кое-какие хозяйственные поручения и спрашивал о причинах водворения М.В. Петрашевского из Минусинска в Шушенское. Последнее письмо датируется 10 ноября 1866 г.

⁷ «Ваша Томская губерния богата произведениями: мед, воск, сало, быть может, пшеница; сюда можно бы прибавить поташ и скипидар. Так, по крайней мере, мне кажется. Все это можно был бы сплавлять по воде и далее до Англии, а оттуда получать все, что необходимо для Томской, Тобольской и Енисейской губерний... Будь населена Томская губерния англичанами или американцами, их не остановила бы первая неудача» (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 77. Л. 13 об.–14).

службу после окончания императорского военно-сиротского дома, только в 1860 г. был пожалован дворянским гербом).

О Красноярске, в котором Костров пробыл более 9 лет, он оставил «Сибирские заметки», в которых от лица чиновника остановившегося на месяц в городе, ему давались весьма нелестные характеристики⁸. Художественно-публицистический стиль, избранный автором, далек от совершенства исполнения – искусственные диалоги⁹, затянутые описания дорожных впечатлений, предсказуемость изложения, использование общеизвестных фактов из истории Красноярска. «Сибирские заметки» так и остались в виде рукописи, вероятно, Костров с их помощью пытался подчеркнуть заслуги Падалки в период его губернаторства (открытие городского сада, чистота улиц, строительство здания благородного собрания, попытка открытия гимназии и т.д.) и отметить упадок красноярского общества после его отставки

В 1855 г. Костров, предписанием генерал-губернатора Восточной Сибири, был переведен из Красноярска в Минусинск в качестве начальника округа. Его формулярный список за шесть лет

⁸ «Красноярское общество (если только можно назвать обществом собрание самых разнородных, самых разнохарактерных элементов) распалось ныне на столько кружков, сколько в городе домов или, лучше сказать, сколько в этих домах углов. Ничто их не связывало – ни одинаковость образования, ни общность интересов, ничто, ничто. Мне становится как-то тяжело и больно за такое общество. Чем оно занимается, что оно делает? Наряжается, наряжается, наряжается; зимою ездит изредка в собрание, где случаются часто примечательные скандалчики, дающие пищу для самых примитивных сплетен, по крайней мере, на целый месяц; летом, как видели, сад, где почти не без скандалчиков, а следовательно, и не без сплетен; осенью и весною – карты, карты и карты. Как видите, разобраны все времени года – и для каждого есть свое занятие. Это распределение занятий объяснило мне отчасти и то обстоятельство, что хотя в Красноярске выписывается довольно много книг и журналов, но они остаются постоянно неразрезанными: читать некогда. Когда я уезжал из Красноярска, то я опять убедился, что самый лучший на него вид тогда, когда обратишься к нему задом» (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23. Л. 19–19об).

⁹ Например, собеседник путешественника – молодой купец – цитирует Гейне и на просьбу «сообщить о главнейших страницах истории города» разражается подробным справочным очерком объемом в два листа.

службы в этой должности пестрит благодарностями, показывающими, насколько разнообразно и плодотворно Костров провел это время, находясь в 500 верстах от губернского центра: «за внимание и заботливость как вообще о пользе Минусинского округа, так и принятие мер к распространению хлебопашества между инородцами», «за заботливость в взыскании ясака и прочих повинностей с инородцев», «за деятельность по взысканию сполна податей и повинностей, следовавших с крестьян», за производство рекрутского набора, за подготовку описания Туруханского края и другие «постоянные и полезные труды по описанию Енисейской губернии», за сотрудничество с сибирским отделом Русского географического общества, за отправленную в Археологическое общество копию надписей на надгробных камнях, за ряд статей о местных народах в «Енисейских губернских ведомостях»¹⁰.

В Минусинске судьба свела Кострова с М.В. Петрашевским, который в феврале 1860 г. был выслан из Иркутска в село Шушенское преемником Муравьева на посту генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсаковым. Высылка произошла по причине участия Петрашевского в «антимуравьевской кампании», по поводу дуэли чиновников Ф.А. Беклемишина и М.С. Неклюдова, закончившейся гибелью последнего. О своих встречах с Петрашевским Костров оставил воспоминания, датируемые второй половиной 70-х гг.¹¹ Текст, написанный практически без исправлений карандашом, предполагался как ответ на статью В.П. Бурнашева в «Русском архиве»¹². Дело Петрашевского Костров назвал «гнусным» и «нелепым», однако материал так и не был закончен и напечатан¹³. Воспоминания проникнуты духом сочувствия к Петрашевскому как человеку, слишком много пострадавшему «для ис-

¹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5 об.

¹¹ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26.

¹² Бурнашев В.П. М.Ю. Лермонтов в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. Кн. 9. С. 1770–1851.

¹³ См. полный текст воспоминаний: Шевцов В.В. Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском // Человек – текст – эпоха. Томск, 2011. Вып. 4. С. 163–181.

купления своих увлечений». Костров подчеркивал, что соболезнующее и понимающее отношение к «несчастливым коммунистам» было и у губернатора В.К. Падалки, и у всей образованной публики Красноярска и Минусинска. Только новый генерал-губернатор М.С. Корсаков и назначенный на место Кострова Е.М. Романович рисовались как несправедливые гонители человека, уже наказанного своим удалением в Сибирь.

Для облегчения положения Петрашевского Костров не стал требовать его пребывания в Шушенском, расположенном в 60 верстах от окружного города, а оставил его в более многолюдном Минусинске. С новым собеседником, как пишет Костров в воспоминаниях, он встречался каждый день. Иногда они проводили целые вечера с глазу на глаз, разговаривали о прошлом и «рисовали узоры будущего». Однако более определенных суждений, раскрывающих суть этих бесед, в тексте не содержится. Автор вообще стремился не формулировать своего мнения относительно «дела Петрашевского» и не упоминать фамилий, ограничиваясь отдельными замечаниями: «тайного общества с целью низвергнуть правительство здесь не было никакого», «удивительно, как Петрашевский не мог или не хотел сообразить, что есть известные люди, которых неудобно трогать, и что правда колет глаза!» [о бесполезности жалоб на М.С. Корсакова]. Свои заметки, называемые «ничтожными», Костров предупредительно начинал со слов, что с его стороны «было бы слишком смелым опровергать или соглашаться» с употребленными в отношении Петрашевского выражениями В.П. Бурнашева. Возможно, что такой нейтральный и осторожный тон был выбран, чтобы избежать претензий со стороны начальства и цензуры, в случае если бы воспоминания были напечатаны.

В сентябре 1860 г. Костров распоряжением М.С. Корсакова получил назначение в Красноярск советником енисейского губернского суда. Это было повышением по службе, но, как писал Костров, в Минусинске он оставил все хозяйство, заведенное трудами и лишениями в течение шести лет, потому что брать с собою что-

нибудь не стоило из-за дороговизны провозной платы. Жить с семейством в Минусинске, где, по крайней мере, первые потребности были довольно дешевы, и приехать в Красноярск, где цены на все достигали устрашающих размеров, была большая разница. Перестали публиковать Кострова и в «Енисейских губернских ведомостях».

Причину перевода из Минусинска и назначения на его должность Е.М. Романовича, который водворил Петрашевского в Шушенское, Костров видел в своем доброжелательном отношении к ссыльному: «Я хорошо знал, откуда дует ветер, и что перевод мой есть не что иное, как кара, разражающаяся над Минусинском за теплый и гостеприимный приют, данный Петрашевскому. Предполагая оставить Сибирь, я взял двухмесячный отпуск и стал раздумывать, куда бы направиться, чтобы заработать кусок хлеба»¹⁴.

После ухода со своих постов покровительствовавших Кострову Н.Н. Муравьева и В.К. Падалки перед ним встал выбор – остаться в Сибири или выехать на службу в Европейскую Россию, где в связи с готовящейся судебной реформой человеку с юридическим образованием нашлось бы место. Однако выбор был сделан за первым. В переписке с Падалкой Костров признавался, что настолько полюбил этот край, что хотел бы в нем остаться. В сентябре 1861 г. Костров ходатайствовал о переводе его в Томск. Однако найти здесь новую должность не удалось, и полгода надворный советник Костров числился за томским общим губернским управлением, а в марте 1862 г. был отправлен в глухой угол Барнаульского округа – село Спирино, где в должности комиссионера по казенной соляной операции находился более трех лет. В отсутствие какого-либо образованного общества (в селе числилось 7 дворов) долгой зимой (поставки соли проходили летом) Костров

¹⁴ Во время ревизии Минусинска В.К. Падалка проводил вечера в доме Кострова, где их картонным партнером был Петрашевский. За такое более чем лояльное отношение губернатора к государственному преступнику можно было ожидать гонений от М.С. Корсакова, которому Петрашевский досаждал своей критикой.

очень много писал. 29 текстов самых разнообразных жанров вышли из-под его пера – переводы, стихи, научно-популярные очерки («О положении женщин в Китае»), литературная критика (на роман Лонга «Дафнис и Хлоя») и даже драматургия (пьеса «Песнь песней» в 5 актах).

Дошедшие до нашего времени статьи спиринского периода представляли собой черновые (с малым количеством исправлений) либо беловые рукописи, которые автор готовил для будущих публикаций. Так, например, статье «Женщины римских эротических поэтов» предшествовало обращение к потенциальному читателю, в котором говорилось, что «эти личности могут быть интересны для всякого образованного человека уже потому одному, что они были музами-вдохновительницами таких писателей, произведениям которых до сих пор удивляются все ценители прекрасного», а подготовленный труд «при всех недостатках <...> будет нелишним в нашей литературе, – как известно, весьма бедной общедоступными опытами подобного рода»¹⁵. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что очень значительными по количеству и объему были работы, в которых анализировался женский вопрос, написанные на основе интереса к античной любовной лирике¹⁶. Однако наработанный материал не был опубликован ни в губернских ведомостях (как заранее не соответствующий их программе), ни в

¹⁵ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 4. Л. 2.

¹⁶ «Из этюдов о женщинах римских эротических поэтов» (146 л., черновой автограф); «Женщины римских эротических поэтов» (10 л., неоконченная статья, беловой автограф); «Андриянка. Комедия Теренция» (34 л., перевод с латинского); «Гетеры древней Греции» (89 л., черновой автограф); «Дафнис и Хлоя. Роман Лонга» (38 л., неоконченная статья); «Древние еврейки» (40 л., черновой автограф); «Сатурналии» (12 л., черновой автограф); «О положении женщин в Китае» (10 л., статья); «Вторая супруга короля Сигизмунда-Августа» (36 л., статья); «Женщины Горация» (24 л., статья); «Из Овидия» (2 л., статья); «Песнь песней» (12 л., пьеса в пяти актах); «Сафо» (14 л., статья). См.: ОРКП НБ ТГУ. Архивные фонды. Вып. 2. Николай Алексеевич Костров. Опись архива / сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2004.

центральных изданиях¹⁷. Новые этнографические исследования (в том числе касающиеся положения женщин у коренных народов), которые Костров начал в Томске, были достаточно живыми, современными и вполне подходящими для публикации в провинциальной официальной газете.

В Спирино в конце 1864 г. Кострова постигла досадная неприятность по части исполнения им служебных обязанностей – он был принужден давать ответы и объяснения на вопросы по делу о вскрывшихся подлогах при найме возчиков соли в 1863 г. для ее поставки в казенные магазины Енисейской губернии. Костров, как отмечалось в следственных документах, был «непущен по этому делу», хотя окончательное его завершение относится только к 1873 г.

В июне 1866 г. Костров был назначен томским губернатором Г.Г. Лерхе секретарем губернского статистического комитета и делопроизводителем губернского по крестьянским делам присутствия (возможно, что причинами перевода в губернский город стали уже имевшийся у Кострова опыт работы в енисейском статистическом комитете и арест Потанина, ранее исполнявшего эту должность). С 1867 г. Костров исполнял должность начальника отделения по польским делам и цензора корреспонденции польских ссыльных, а также вошел в состав томской губернской строительной комиссии.

Останавливаясь, насколько это необходимо и возможно в соответствии с имеющимися источниками, на личных обстоятельствах жизни Кострова, мы видим, что князь трижды испытал горе от потери близких ему людей. 25 июня 1866 г. умерла его жена Мария Федоровна, пятью годами позже, 21 декабря 1871 г., от чахотки скончалась старшая дочь Варвара, а 17 марта 1880 г. застрелился 26-летний сын Кострова Николай, служивший в чине губернского секретаря в томской строительной комиссии¹⁸.

¹⁷ Исключение составляет статья «Из древних римских поэтов» (*Иллюстрированная газета*. СПб., 1867. № 3).

¹⁸ Об этом было сообщено в хронике происшествий по губернии в неофициальной части № 17 «Томских губернских ведомостей» от 2 мая 1881 г. В Государст-

Последнее обстоятельство и воспаление легких привели к тому, что Костров 25 апреля 1881 г., в возрасте 59 лет скончался, хотя, как отмечалось в посвященном ему некрологе в «Сибирской газете», «...при крепком сложении князя можно было бы прожить ему не один еще год». В Томске Костров, ведя скромный образ жизни и получая хорошее жалованье с многочисленными доплатами и наградными за беспорочную службу, обзавелся недвижимостью, оцененной после его смерти в 1 704 руб. 50 коп. – одноэтажным деревянным домом на улице Офицерской, 29 (современная улица Белинского), и участком земли в 1042 кв. саженей на Верхней Елани. Дом был довольно просторным – 7 жилых комнат, 5 печей, 21 окно, флигель, две кухни, конюшня, каретный сарай, амбар, ледник и баня.

По поводу наследства возникла судебная тяжба, которая позволяет вскрыть еще одно обстоятельство жизни Кострова: 5 апреля 1881 г. им было написано заявление в томскую полицию, согласно которому деньги, образа, мебель, посуда, экипажи, лошади и коровы завещались экономке, томской мещанке Пелагее Григорьевне Константиновой (с правом пожизненного проживания в доме), а все золотые и серебряные вещи – ее детям – Владимиру, Вере и Александру. Близкие родственники в этом заявлении упомянуты не были, что позволяет предположить, что вдовец таким образом пытался позаботиться о будущем собственных детей, а экономка Пелагея была не только хозяйкой в доме, но и невенчанной супругой князя. Не согласные с последней волей умирающего родной и двоюродный братья Кострова, племянник его жены и жена сына предъявили права на наследство. В результате 10-летней судебной

венном архиве Томской области сохранилось свидетельство томской гимназии об образовании Н.Н. Кострова, выданное по выходу из нее в 5-м классе в 1873 г. Учился он unsuccessfully и по истории, которой так увлекался его отец, имел в течение года три балла. Оставленный на второй год, он был уволен из гимназии согласно прошению Н.А. Кострова «для определения в другое учебное заведение», но вместо этого был определен с начала 1874 г. на службу в томскую строительную комиссию (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1547. Л. 114–120).

тяжбы наследниками были признаны жена сына Лидия Валериановна Кострова и племянник жены – Николай Бердяев. Однако к этому времени большая часть ценных вещей князя был продан Пелагеей Григорьевной, а дом стал непригоден для проживания¹⁹.

Итак, чиновная карьера князя Кострова была не головокружительной, но в целом успешной – по служебной иерархии он достиг чина статского советника и в послужном списке имел только благодарности и поощрения. В сфере изучения того края, который стал ему родиной, его карьере также можно считать состоявшейся: сибирской и российской научной общественностью секретарь томского статистического комитета был признан как сибирский этнограф и краевед. В той же «Сибирской газете» Костров назвался «одним из видных деятелей Сибири на поприще ее изучения», «человеком разносторонне образованным, дельным, опытным и отзывчивым на просьбы других»²⁰. Если один из мотивов, побуждающих человека писать, – оставить после себя добрую память, то Кострову это удалось. Известно 192 его публикации²¹, из которых 11 вышли отдельными изданиями²². К со-

¹⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106, 1552; Ф. 3. Оп. 12. Д. 2118; Ф. 230. Оп. 1. Д. 5. Л. 62, 112; НБ ТГУ. ОРКП. Ф. 5. Оп. 1. Д. 54, Д. 57; *Князь Николай Алексеевич Костров (некролог)* // Сибирская газета. 1881. № 12. С. 379–382; *Васенькин Н.В.* Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей. Томск, 2000. С. 35–47.

²⁰ *Князь Николай Алексеевич Костров (некролог)* // Сибирская газета. 1881. № 12. С. 379–382.

²¹ См. список печатных работ Н.А. Кострова, составленный О.А. Зеленкиной (*Зеленкина О.А.* Н.А. Костров // Восточно-Сибирский отдел РГО. Этнографический бюллетень. Иркутск, 1923. № 4. Июнь. С. 1–7) и отредактированный Н.В. Васенькиным (*Васенькин Н.В.* Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах НБ ТГУ // Труды Томского областного краеведческого музея (ТОКМ). Томск, 2000. С. 39–47), где общее число работ Н.А. Кострова определено как 194, но 4 из них не принадлежат ему: 30. О пчеловодстве в Алтайской местности // Томские губернские ведомости. 1859. № 49 (в самой газете авторство не указано, а сам Костров в это время печатался по месту службы в «Енисейских губернских ведомостях»); 32. Каинские инородцы // Томские губернские ве-

жалению, до нашего времени не дошло ни одной фотографии этого человека, хотя известно, что 35 фотографических карточек при разделе имущества Кострова достались его невестке Л.В. Костровой, уехавшей в Казань.

Обратимся к деятельности Н.А. Кострова в неофициальной части «Томских губернских ведомостей». После того, как в ходе дела областников было обращено внимание на то, что цензура допускала к публикации вольнодумные статьи, газета была возвращена к первоначальной законодательно утвержденной программе. Вице-губернатор и председатель губернского правления П.И. Фризель, уже наученный горьким опытом, предпочитал перестраховаться, но не пропустить что-нибудь двусмысленное. Так, например, статья Кострова «Страна мраков» арабского пу-

мости. 1858. № 9 (автор – Н.И. Виноградский, писавший под псевдонимом «За Ангарский Сибиряк»; 33. Кузнецкие инородцы // Журнал МВД. СПб., 1858. Ч. 30. Отд. 6. С. 13–16 (статья, написанная также Н.И. Виноградским, была перепечатана в «Журнале МВД» из «Томских губернских ведомостей», 1858, № 9); 49. Сагры // Томские губернские ведомости. 1864. № 24 (автор – В.И. Вербицкий, ошибочно указан номер – № 29).

В библиотеке Г.К. Тюменцева, хранящейся в Научной библиотеке Томского государственного университета, в подборке статей Кострова в «Енисейских губернских ведомостях» содержится его статья «Два слова о гласности» (1859. № 11. С. 89–91) и еще одна переводная его работа, подписанная «К.К.» – «Гликера. Очерки жизни Афинской гетеры» (Московский вестник. 1860. № 14–15). Таким образом, общее число опубликованных работ Н.А. Кострова составляет 192, хотя представляется, что и это число не является конечным.

²² *Историко-статистическое* описание городов Томской губернии. Томск, 1866. 117 с.; *Путешествие* по Томской губернии великого князя Владимира Александровича в июне и июле месяцах 1868 г. Томск, 1868. 80 с.; *Нарымский край*. Томск, 1872. 96 с.; *Каинская Бараба*. Томск, 1874. 69 с.; *Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии*. Томск, 1876. 117 с.; *Торговые сношения Томской губернии с Монголией*. Томск, 1876. 13 с.; *Путешествие* доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 г. Томск, 1877. 89 с.; *Очерки юридического быта якутов*. СПб., 1878. 43 с.; *Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири*. СПб., 1879. 17 с.; *Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года*. Томск, 1880. 54 с.; *Образцы народной литературы самоедов*. Томск, 1882. 36 с.

тешественника Ибн-Батуты о торговле Волжской Булгарии с Югорией, уже прошедшая цензуру и напечатанная в «Енисейских губернских ведомостях», в 1859 г. все же была рассмотрена на заседании томского статистического комитета во главе с П.И. Фризелем и четырьмя членами комитета. Видимо, сомнения вызвал заголовок статьи, относительно чего было отмечено, что «содержание этой статьи относится до Сибири до покорения ее русскими»²³.

16 августа 1866 г. томским статистическим комитетом было рассмотрено предписание МВД от 8 апреля 1865 г., в котором еще раз обращалось внимание на необходимость исполнять один из пунктов положения деятельности этого учреждения – публиковать в ведомостях и отдельных памятных книжках статьи и описания по географии, истории, этнографии и экономике губернии к сведению и суждениям общественности. Цель такого предписания носила как научный, так и сугубо утилитарный административный характер: «Сообщение таких сведений, без сомнения, возбудило бы в обывателях губернии больший интерес и сочувствие к этим изданиям, с другой стороны, оно вызвало бы, со стороны образованных и сведущих лиц, поправки, пополнения и даже опровержения, которые и должны быть беспрепятственно допускаемы в печати, если только они написаны в приличном и ни для кого лично не оскорбительном виде. Это было бы лучшим способом для проверки сведений, собираемых путем официальным, не всегда верных и безупречных, составляемых небрежно или с незнанием дела, а иногда и умышленно искажаемых». Во исполнение этой рекомендации губернатор Г.Г. Лерхе поручил Кострову готовить и публиковать историко-статистические очерки городов Томской губернии, для чего ему было разрешено пользоваться книгами гимназической библиотеки²⁴.

²³ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 54.

²⁴ Там же. Д. 18. Л. 5–6Об, 44; Д. 14. Л. 4–6 об.

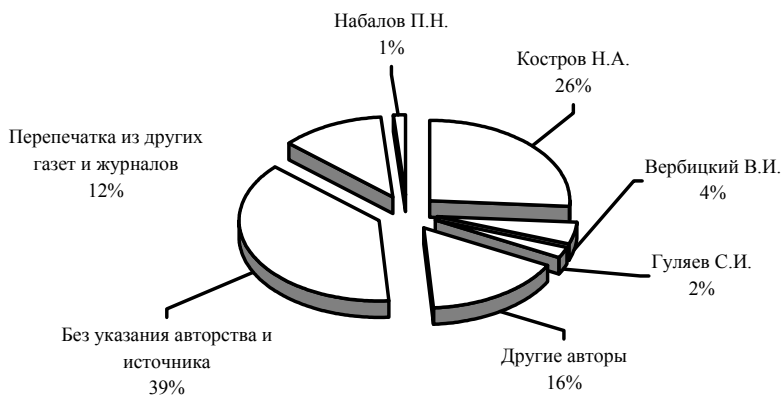


Рис. 10. Авторы и корреспонденты неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1882 гг.

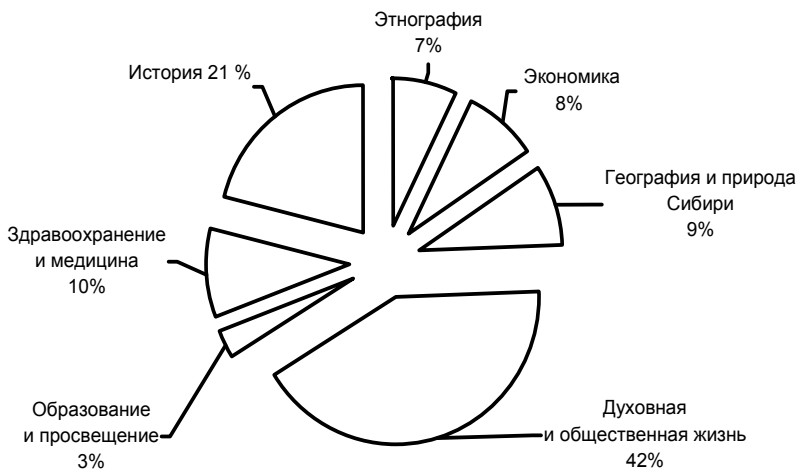


Рис. 11. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1881 гг.

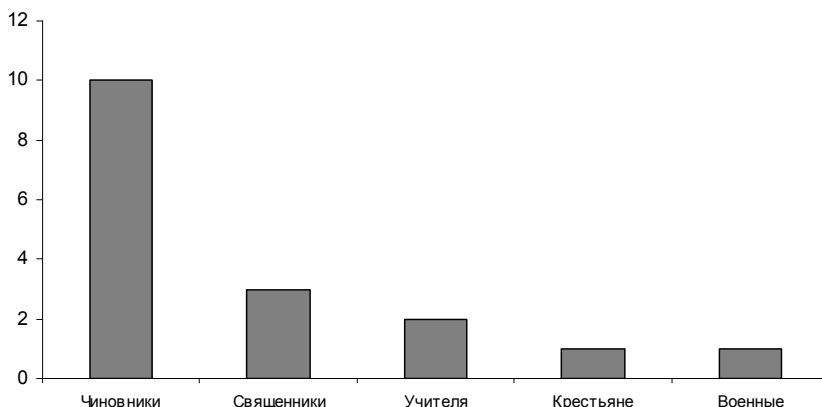


Рис. 12. Социальное положение авторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1882 гг.

Так, с № 40 от 14 октября 1866 г. Н.А. Костров начал свою работу в «Томских губернских ведомостях». Первые очерки губернских городов были посвящены Колывани и Нарыму (1866. № 40, 41), затем Томску (1866. № 43, 44), Кузнецку (1866. № 45–47), Бийску (1866. № 49, 50), Каинску (1867. № 1), Барнаулу (1867. № 3) и Мариинску (1867. № 6).

Мы видим (рис. 10–12), что основное содержание газеты составляли материалы, связанные с историей, этнографией, экономикой и географией края. Н.А. Костров как основной сотрудник газеты был автором и составителем 118 публикаций. Высокий процент перепечаток из других изданий связан с появлением рубрик «Сведения из газет» (с № 31 1880 г.) и «Иностранное обозрение» (с № 13 1881 г.), каждое из сообщений учитывалось как отдельная публикация. Раздел «Духовная, общественная и повседневная жизнь» представлен главным образом статьями об общероссийских событиях, заимствованными из центральных газет.

Наиболее крупные этнографические публикации были подготовлены Костровым на основе материалов губернского архива и

корреспонденций в статистический комитет (например, «Чулымские инородцы». 1867. № 7–9, 11–15) или представляли собой переводы записок иностранных путешественников («Томские самороды (по Кастрену)». 1867. № 23–25; «Нарымские остяки (по Кастрену)». 1867. № 39, 40; «Из воспоминаний о Сибири Ганстеена». 1868. № 14, 15, 18, 19; «Путешествие в Туруханск профессора Ганстеена». 1869. № 13–15).

Жанр путешествий с описаниями незнакомых народов и их обычаев очень привлекал Кострова. Но своих личных дорожных впечатлений было немного – «Поездка в главный стан Алтайской духовной миссии» (1868. № 48, 49) и очерк «Шаман», о встрече с хакасским²⁵ камом в период начальствования над Минусинским округом (1868. № 35, 36, 38)²⁶. Поэтому Костров часто прибегал к заимствованиям материалов у других авторов. Например, первая часть очерка «Тайга» (1869. № 1–3) – первого художественного произведения на страницах ведомостей – была написана самим Костровым, а вторая «приключенческая» половина о «страшной старухе» цинге была им позаимствована из «Журнала МВД» (1856. № 2). В основу статьи «Раскопки старинных могил на Алтае» (1869. № 29) был положен опубликованный годом ранее доклад Археологической комиссии о работах, проделанных В.В. Радловым. Широко использовался Костровым такой прием подачи материала, как «сообщено» и «извлечено из». Как секретарь статистического комитета, Костров имел право рассылать благочинным, священникам, уездным и окружным исправникам и другим должностным лицам отношения с вопросами о хозяйстве, обычаях, языке коренных народов Сибири в соответствии с программами, разработанными Русским географическим обществом²⁷.

²⁵ В дореволюционный период хакасов называли минусинскими татарами.

²⁶ Костров, в отличие от Вербицкого, ограничился лишь поверхностными внешними характеристиками шаманского культа, описав его в соответствующих терминах («хитрые шарлатаны», «мошенники», «страшная фигура наподобие сатаны», «фокусы», «разврат» и т.д.).

²⁷ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 64а, 64б, 64в, 65, 76.

В своем стремлении опубликовать обнаруженный им и интересный для читателя материал Костров один раз проявил несвойственную ему невнимательность. «Поездка в Хобдо» (1869. № 16, 20, 21) предварялась замечанием, что содержащиеся в ней сведения «насколько нам известно, никогда не были вполне обнародованы», а текст извлечен из дел томского губернского управления, хотя в более полном виде он был опубликован в первом номере «Известий Русского географического общества»²⁸, о чем сообщалось в тех же «Томских губернских ведомостях» четырьмя годами ранее (1865. № 5).

Сотрудничество с «Томскими губернскими ведомостями» в сфере изучения этнографии Сибири продолжил один из первых и давних (с 1858 г.) сотрудников газеты В.И. Вербицкий. Он вступил с новым секретарем губернского статистического комитета в переписку по поводу сбора этнографических сведений о тюркских народах и возможности их уточнения²⁹. В № 20–21 1868 г. была напечатана его резко критическая статья о содержании книги «Алтайская церковная миссия» (СПб., 1867), в которой было много ошибок и неточностей: «Автор ее, как видно, незнакомый ни с местностью Алтая, ни с тамошней миссией, делает большие промахи в первом отделе своего сочинения в географическом отношении, а во втором – вместо правдивого слова о миссии представил наглядное доказательство того, что предвзятые идеи всегда препятствуют правдивому суждению о предмете»³⁰. Деятельность миссии составила содержание большой продолжающейся статьи «Алтайцы» (1869. № 30–33, 35, 37–42, 44–47, 49–51; 1870. № 1–5, 7–13, 16–19), за которую Вербицкому была вынесена благодарность статистиче-

²⁸ *Принци А.* Торговля русских с китайцами на р. Чуе и поездка в Хобдо // Известия русского географического общества. СПб., 1865. Т. 1, отд. 2. С. 1–16.

²⁹ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 73а.

³⁰ *Вербицкий В.* Алтайская церковная миссия. С.-Петербург 1866 года // Томские губернские ведомости. 1868. № 20. С. 9. Впервые эта статья под заголовком «Замечания на книгу “Алтайская церковная миссия”» была напечатана в журнале «Душеполезное чтение» в 1867 г.

ского комитета³¹ и статьи «Записки миссионера кузнецкого отделения Алтайской миссии священника Василия Вербицкого за 1874 г.» (1875. № 15, 17–18, 22–23, 25–26, 28–33). Как автор грамматики и словаря алтайского языка, Вербицкий представил в целом положительную рецензию на книгу В.В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи», вышедшую в 1866 г. (1874. № 13, 18–19, 21–22).

Другой священник и миссионер Арсений Ивановский, как и Вербицкий, долго живший на Алтае, составил очень красочное описание природы этого края и доброжелательные характеристики его жителей: «Алтайцы далеко не дикари. Между собою и с посторонними знакомыми людьми – они просты, доверчивы, общительны и гостеприимны; но с незнакомыми скрытны и осторожны. Обман и лукавство усвоены ими от близких сношений с русскими... Все они очень любознательны и понятливы»³².

Две большие статьи о сибирских киргизах прислал И.Ф. Русанов, бывший редактором неофициальной части в 1863 г. (1869. № 24, 25, 28; 1870. № 31, 32, 41, 42). В 1864 г. он, «желая преуспевания» статистическому комитету, подарил его формирующейся библиотеке «Сибирскую историю» И.Э. Фишера, «Описание Сибирского царства» Г.Ф. Миллера, «Путешествие по Сибири и Ледовитому морю Фердинанда фон Врангеля», а также собственное сочинение, опубликованное в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1862 г. и изданное отдельной брошюрой – «О рудных богатствах и минеральных источниках киргизской степи»³³.

В 1870-х гг. от небольших статей об отдельных народах Костров перешел к разностороннему обзору больших регионов и разработке «сквозных» тем. Среди продолжающихся публикаций, соединяющих в себе все имеющиеся географические, этнографические, исторические и экономические сведения, были «Нарымский край» (1872.

³¹ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 14. Л. 45.

³² Ивановский А. Очерки Алтая // Томские губернские ведомости. 1874. № 9. С. 4.

³³ ГАТО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 15. Л. 162–162 об.

№ 30–32, 36–39, 41–42, 44–51; 1873. № 1–5), «Каинская Бараба» (1874. № 25, 27, 32, 34–35, 37–38, 40–41, 43–45). Это статьи энциклопедического характера, в этот же период они вышли в свет как отдельные издания (Нарымский край. Томск, 1872. 96 с.; Каинская Бараба. Томск, 1874. 69 с.). Переводы из иностранных источников также печатались большими сериями по два года: «Путешествие доктора Бунге по восточной части Алтая в 1826 г.» (1876. № 29–31, 33, 34, 36, 37, 40, 45, 47, 51; 1877. № 5, 7, 12, 13, 16, 17, 20, 33), «Поездка на р. Чую доктора Радлова в 1860 г.» (1878. № 7, 8, 13, 15, 18, 30, 37, 38, 46, 48; 1879. № 2, 4, 6, 7, 11, 14, 15, 19), «Путешествие доктора Радлова через Алтай к Телецкому озеру и реке Абакану» (1880. № 7, 40, 42, 43, 46; 1881. № 2, 3, 5, 8, 10–14, 18, 22, 26, 32–35). Во многом это объясняется занятостью Кострова, который по просьбе отделения этнографии Русского географического общества взялся собирать материал по теме, непосредственно связанной с его образованием: «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии». В 1876 г. вышла книга с аналогичным названием (Томск, 1876. 117 с.), а в 1878 г. за многолетние труды по изучению народных юридических обычаев Кострову была присуждена малая золотая медаль Русского географического общества. В 1879 г. он удостоился серебряной медали Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за экспонаты по физическому воспитанию детей различных народов на антропологической выставке в Москве.

Изучение обычного права было не единственной сквозной темой творчества Кострова. На сибирском материале получил продолжение начатый в спиринский период гендерный сюжет. В очерке «О состоянии женщин между инородцами Томской губернии» (1873. № 24, 26, 27, 29, 31, 33), написанном на основе трудов Палласа и Кастрена, автор представил картины тяжелого и приниженного положения инородческой женщины. До читателя и будущего исследователя доносилась собственно этнографическая информация, формировались мысли о сочувственном отношении и возможном изменении исторически сложившейся действительности.

Актуализировался и сам женский вопрос, ведь положение женщины в русской семье и обществе как в среде простого народа, так и в высших слоях также не отличалось самостоятельностью и полноправием. В этом очерке Костров не только раскрыл, насколько позволяли собранные им материалы, обозначенную тему, но и представил обстоятельный рассказ о происхождении, внешнем облике, одежде, жилище, хозяйстве, свадебной обрядности хантов, селькупов, чулымцев, томских татар и алтайцев. Приведенные описания подтверждают правило о представлении образа «чужого» – чем далее от центра губернии и русского влияния, тем более резкими становились суждения: «Томские татары опрятны, трудолюбивы и занимаются главным образом хлебопашеством и скотоводством»³⁴. «Самоеды, живущие по Оби, приняли уже быт русских крестьян и отличаются от них только большею грубостью манер, большею бедностью, ленью, тупоумием и совершенным отсутствием всякого стремления к умственному и хозяйственному улучшению»³⁵.

Исторические работы Кострова были посвящены прежде всего Томску и городам Томской губернии: «Заметки для истории Кузнецка» (1867. № 34), «Заметки для истории г. Томска» (1867. № 41), «Открытие Томской губернии в 1804 г.» (1869. № 43), «Город Томск с 1806 по 1818 г.» (1874. № 50), «Город Нарым» (1866. № 41, 42), «Томская губерния в 1818 г.» (1872. № 15). Костровым был опубликован ряд архивных документов – грамоты Петра I томским воеводам (1875. № 43, 44; 1876. № 4, 5), грамоты об организации горного дела в Томске (1868. № 4–6), проект 1811 г. о предоставлении сибирским чиновникам права на обустройство и содержание ссыльных с возможностью «владеть» ими в течение 20 лет, т.е. фактически о введении на территории Сибири режима крепостного права (1876. № 6, 7). Был продолжен разбор архивных дел старейшего в

³⁴ Костров Н.А. О состоянии женщин между инородцами Томской губернии // Томские губернские ведомости. 1873. № 31. С. 5.

³⁵ Там же. № 27. С. 3.

Томске Алексеевского монастыря, начатый в 1865–1866 гг. Д.Л. Кузнецовым. Здесь Костров на основе сопоставления источников высказал предположение, что монастырь появился уже через год после основания Томска под именем Усть-Киргизского, а в 1658 г. после того как его единственная церковь сгорела (возможно, в ходе киргизского набега 1654 г.), был перенесен на более безопасное место – на территорию Юрточной горы в черте города³⁶. Это предположение не подтверждается современными исследователями, относящими основание Алексеевского монастыря к 1630-м гг.³⁷, хотя на мнение томского краеведа до сих пор ссылаются некоторые электронные ресурсы по истории Русской православной церкви³⁸.

Летом 1868 г. Костров сопровождал великого князя Владимира Александровича в его путешествии по Томской губернии и составил об этом подробное описание (1869. № 39–46), в котором большое внимание уделялось не только всем обстоятельствам пребывания «царственной особы», но и истории и географии тех местностей, которые он посетил. Владимир Александрович одарил Кострова золотыми часами и цепочкой³⁹, что означало не только высокую оценку его труда, но было своеобразной охранной грамотой от члена императорской фамилии, допуском к разработке других тем. В июле – августе 1871 г.⁴⁰ в «Томских губернских ведомостях» появилось четыре статьи о томских губернаторах первой четверти XIX в.⁴¹ Они носили вполне исторический характер, пол-

³⁶ Костров Н.А. Томский Алексеевский монастырь (1605–1764) // Томские губернские ведомости. 1873. № 36. С. 3.

³⁷ Караваева А.Г. Алексеевский мужской монастырь // Томск от А до Я... С. 10–11.

³⁸ Благотворительный фонд «Русское Православие». URL: http://www.orthorus.ru/cgi-bin/or_file.cgi?5_2690 (дата обращения: 25.11.09).

³⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 5.

⁴⁰ В 1870 – первой половине 1871 г. серия статей Кострова была прервана публикацией сообщений о ходе франко-прусской войны.

⁴¹ Костров Н.А. Томский губернатор Василий Семенович Хвостов (1803–1808) // Томские губернские ведомости. 1871. № 30. С. 4–5; *Он же*. Томский губернатор Франц Абрамович Фан-Брин (1808–1810) // Томские губернские ведомости. 1871. № 31. С. 4–5; *Он же*. Томский губернатор Василий Романович Марченко (1810–

века отделяло современных начальников губернии от минувших, но с учетом того, что некоторые особенности российской действительности не меняются из века в век, избранная тема была не совсем безопасной. Худой отзыв о прошлых властях мог бросить тень и на нынешние. Например, приводились слова М.М. Сперанского после ревизии в Томске: «Если бы в Тобольске и отдал всех (чиновников) под суд, что и можно было бы сделать, то здесь оставалось уже всех повесить. Злоупотребления вопиющие и, по глупости губернатора Илличевского, по жадности жены его, по строптивому корыстолюбию брата его губернского почтмейстера, весьма худо прикрытые». Только о первом томском губернаторе В.И. Хвостове Костров написал как о личности «замечательной и дельной», «редкой в то время в Сибири». В то же время Костров обезопасил себя тем, что использовал только официальные формуляры и уже опубликованные источники (воспоминания Хвостова в «Русском архиве», сочинение М.А. Корфа «Жизнь графа Сперанского»), а при оценке деятельности губернаторов руководствовался авторитетным мнением первого ревизора Сибири.

Приближение даты 270-летия со дня основания города Костров отметил статьей «Томск сто лет назад» (1872. № 14), в которой цитировал наблюдения о Томске П.С. Палласа в «Путешествии по различным провинциям Российского государства». В этой статье Костров отмечал, что собирает материалы для «подробной историко-статистической монографии г. Томска», но такой отдельной и большой работы о городе так и не было написано. Видимо, для этой цели Костров подбирал и публиковал фрагменты сочинений иностранных путешественников, в которых приводились описания Томска и других городов губернии: «Путешествие Палласа по Бийскому округу Томской губернии в 1770 г.» (1873. № 42–45, 48, 50–51; 1874. № 5–6), «Путешествие Палласа по Барнаульскому

1812 гг.) // Томские губернские ведомости. 1871. № 32. С. 4; *Он же*. Томский губернатор Дамиан Васильевич Илличевский (1812–1822 гг.) // Томские губернские ведомости. 1871. № 33. С. 3.

округу Томской губернии в 1771 г.» (1875. № 6–9), «Большой сибирский тракт в Томской губернии сто лет тому назад (1872. № 24–26), «Томский округ, по описанию Фалька, в 1771 и 1772 г.» (1875. № 4–5). В последнем случае Костров не ограничился публикацией соответствующего фрагмента, но привел свои комментарии относительно того, насколько сведения, сообщаемые И.П. Фальком, соответствуют действительности спустя сто лет.

Публикации, касавшиеся природных богатств Томской губернии, имели прежде всего практическое современное звучание, хотя и не представляли собой какой-либо системы, возникая как результат обработки статистического материала. Например, заметка о частных золотых приисках в Алтайском и Мариинском округах в 1870–1872 гг. (1874. № 6) была написана на основе официальных сведений, целью которых было нарисовать исключительно благополучную картину. Возможно, поэтому заголовок был снабжен сноской «составлено по официальным отчетам». Публикация «Народные заработки в Алтайском горном округе от заводской и фабричной промышленности в 1870–1871 гг. (1872. № 19) также содержала прежде всего цифры добытых руд, каменного угля, заготовленных дров и общей суммы расходов на оплату труда мастеровым и рабочим. Костров следил за новыми изданиями об алтайской горной промышленности, переживающей упадок, сообщая читателю о содержании последней книги, посвященной этому вопросу, – сочинения немецкого геолога Бернгарда Котты об Алтае, вышедшего в 1871 г. (1874. № 48).

Интересовали Кострова возможности развития экономических связей между Томской и Енисейской губерниями, которые были предметом обсуждения еще с енисейским губернатором Падалкой. В одной из статей на эту тему он высказывался о желательности соединения Оби и Енисея (1873. № 8), в другой (1876. № 4) доказывал читателю, что водное сообщение экономически выгодно только по Иртышу и Оби, между Тюменью и Томском. Краткость навигации – 5 месяцев в году – делала, по его мнению, необходи-

мым для постоянной перевозки товаров и пассажиров строительство железно-конной дороги: тогда «Сибирь делается более доступною для переселенцев и людей, обладающих техническими знаниями, которые быстро разовьют этот плодородный и обширный край, страдающий теперь недостатком сбыта сырых своих произведений»⁴².

Статьи Кострова «Торговые сношения Томской губернии с Монголией» (1876. № 38, 39), возможно, обязаны своим появлением губернатору А.П. Супруненко. Текст предупредительно начинался словами, что «слишком уважая печатное слово, мы далеки от того, чтобы писать какую-нибудь газетную рекламу по этому предмету»⁴³. Однако же в тексте содержались не только характерные для костровских публикаций описания, касающиеся истории и современного положения торговли с Монголией, но и конкретные предложения сибирскому купечеству принять участие в устройстве дороги на р. Чую с обещанием компенсации издержек со стороны правительства. По тексту не раз упоминалось о томском губернаторе и губернском начальстве, очевидно, как о силах, уполномоченных делать такие предложения. В № 25 от 25 июня 1877 г. в продолжение темы Костров сообщал об отправке первого каравана с чаем из г. Калган (Чжанцзякоу), минуя Кяхту, в Бийск. Статья не была подписана, хотя написана была Костровым. В ней сообщалось о содействии каравану со стороны томского губернатора и выражалась надежда, что новые подобные опыты «не замедлят последовать и будут более удачны». Действительно, в этом случае представлялась возможность создать один из потоков чайной торговли как более прямой и выгодный для Томской губернии.

Отражались на страницах неофициальной части результаты деятельности статистического комитета – итоги однодневных пе-

⁴² Костров Н.А. О соединении бассейнов рек Оби и Енисея // Томские губернские ведомости. 1876. № 4. С. 4.

⁴³ Костров Н.А. Торговые сношения Томской губернии с Монголией // Там же. № 38. С. 4.

реписей Томска 18 декабря 1866 г. (1867. № 16) и 16 марта 1880 г. (1880. № 12); с отдельными сведениями о недвижимой собственности в городе (1867. № 17; 1880. № 19). С 1874 г. в газете появился общий статистический обзор по Томской губернии. Интересны для сопоставления были цифры по основным статистическим показателям жизни губернии в 1873, 1874 и 1875 гг. (1874. № 22; 1875. № 34; 1876. № 27).

Итак, образ отрешенного и погруженного в свои труды кабинетного ученого, который создается у исследователя при знакомстве с жизнью и деятельностью Н.А. Кострова, его публикациями в неофициальной части томской газеты, по-видимому, недалек от действительности. А.В. Адрианов, который в поисках книг и карт для подготовки экспедиции на Алтай заглянул к Кострову незадолго до его смерти, оставил такой категоричный портрет князя: «Был у Кострова, полагал, что он знаток, что у него в библиотеке статистического отдела есть что-нибудь, ни то, ни другое; старик, который жует все одно и то же, ссылается на разные свои труды и не чувствует, что из носа течет; право, от него ничем не поживиться, даже губернских ведомостей нет»⁴⁴.

В сообщении о смерти князя в «Сибирской газете» говорилось, что «похороны его прошли незаметно; томская интеллигенция на них почти отсутствовала – маленькая группа знакомых проводила гроб до могилы»⁴⁵. В следующей статье, более пространной, отмечалось, что Костров как человек, постоянно занятый работой, почти не бывал в обществе, имел скромное мнение о своих достоинствах и, напротив, глубокое осознание своих недостатков⁴⁶.

⁴⁴ Письмо А.В. Адрианова Г.Н. Потанину. 2 ноября 1880 г. // Адрианов А.В. «Дорогой Григорий Николаевич...»: Письма Г.Н. Потанину / сост. публ. Н.В. Васенькин. Томск, 2007. С. 12.

⁴⁵ *Сибирская газета*. 1881. № 10. С. 287.

⁴⁶ Там же. № 12. С. 382.

Немногие факты биографии Кострова при пристальном их рассмотрении, а также обращение к его архиву⁴⁷ позволяют несколько освежить и оживить тот портрет, который сложился и воспроизводится в сибирской историографии. Особую ценность в этой связи представляют письма к Кострову В.К. Падалки и записки о М.В. Петрашевском, которые, как и любые воспоминания о какой-либо примечательной исторической личности, есть прежде всего воспоминания об обстоятельствах собственной, в связи с этой личностью, биографии.

Князь Н.А. Костров был человеком разносторонних интересов и не довольствовался рамками чиновной службы, ее буднями и досугом, однообразие которых было губительно для многих молодых людей. Университетское образование и склонность к писательской работе позволили ему сделаться этнографом, лингвистом, переводчиком, статистиком, историком, географом, исследуя те города и местности, где он служил, – красноярский, минусинский, спиринский; самым продолжительным и плодотворным был томский период. *Nulla dies sine linea* – в Спирино, когда поток материалов от корреспондентов енисейского статистического комитета иссяк, основой для переводов и размышлений стала оказавшаяся под рукой греческая и латинская классика. Если вновь прибегнуть к латыни, то Костров относился к числу людей, которых можно определить как *Homo Scriptor*.

У каждого автора есть свой круг предпочтительных тем и творческие пределы, это касается и Кострова. Этнография и история, по преимуществу Томской губернии, были основными предметами

⁴⁷ Архив Н.А. Кострова уже в первый год после его смерти поступил в библиотеку строящегося сибирского университета и в течение почти ста лет хранился в непригодном для этого помещении, что повлекло утрату части документов. В середине 1970-х гг. он был перемещен в Отдел редких книг и рукописей НБ ТГУ, а в 1998 г. разобран и сформирован в отдельный фонд главным библиотекарем отдела Н.В. Васенькиным. Данный фонд включает 2 187 листов, сгруппированных в 96 дел (см.: ОРКП НБ ТГУ. Архивные фонды. Вып. 2. Николай Алексеевич Костров. Опись архива / сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2004. С. 10).

его работ. Из современной жизни Сибири Кострова интересовало ее экономическое состояние и развитие, но вопросов текущей общественной и политической жизни он практически не касался⁴⁸. Литературные средства, к которым прибегал Костров в текстах, не связанных с конкретной статистической отчетностью или фактографическими описаниями, характеризовались готовой художественностью и излишними стилистическими деталями⁴⁹. Не удавались Кострову и стихи⁵⁰.

Возможность скрупулезно собирать, фиксировать и доносить до читателя цифры, факты и суждения из ученых сочинений для Кострова были всегда более значимыми, чем возможность на их основе сделать более широкие выводы и представить собственные суждения. Костров часто заимствовал фрагменты из других работ схожей тематики, не писал, а составлял статьи, ограничиваясь переводами,

⁴⁸ Следует отметить, что у Кострова был подобный опыт – статья «Два слова о гласности» (Енисейские губернские ведомости. 1859. № 11), в которой он, выступая в защиту енисейского губернатора В.К. Падалки от «пасквилей» и «клеветы» «Иркутских губернских ведомостей», доказывал, что гласность должна «говорить только о существовании известного недуга, а не о человеке, одержимом им». Газетные полосы для этой статьи были специально выделены путем сокращения начатой крупной публикации «Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности».

⁴⁹ Например, сцена провоза Петрашевского через Красноярск: «День был жестоко морозный, такие бывали нередки в феврале месяце. Вдруг, сквозь разрисованные морозом стекла, послышались колокольчики. Я взглянул на улицу. По ней во весь дух, по направлению к почтамту, неслась запряженная тройкою кибитка» и т.д.

⁵⁰ Эпизодом к неопубликованным «Сибирским заметкам» были строки (перечеркнутые автором): «Пред городом, городом этим, // Юный стоит наблюдатель; // Грудь его болью полна, голова – непонятным сомнением, // И вопрошает он города стены: // «О, разреши же мне странную эту загадку, // Что совершается в вас, разреши же мне стены? // Эту загадку, которая столько ломала голов // Без мозгу и с мозгом, седых, и черных, и рыжих... // Что Красноярск означает? Что это за город? // Как он вершится и как он окончиться может? // Стены молчат; чиновники пишут и пишут; // Деньги летят из карманов, как резвые птички; // Как птички, летят из Иркутска курьеры; // Хохот, и скрежет, и пляска, и вопли, // А юный дурак, ожидая ответа, стоит... (В подражание Гейне)» (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 23. Л. 1).

цитированием или пересказом, хотя в среде пишущих людей того времени это было весьма распространено. Надо сказать, что к этому обязывал и присылаемый материал, и характер работы секретаря статистического комитета, заключающийся в литературной обработке ответов корреспондентов на формализованные вопросы.

Хотя Костров обладал умением выразить личные наблюдения и самостоятельные оценки, он делал это в очень осторожной и ограниченной форме. Часто подразумевалось, что вывод из изложенных фактов должен сделать сам читатель. Например, в статье «Первый книжный магазин в г. Томске» Костров отмечал факт его долгого отсутствия как «замечательный в истории нашей цивилизации», но далее продолжал: «вывести из него надлежащее заключение предоставляем другим»⁵¹.

Костров хорошо уживался с людьми разных взглядов и положений. Енисейский губернатор В.К. Падалка не стеснялся говорить в письмах о тяжелых переживаниях по поводу своей отставки. Находясь в Красноярске, Костров входил в окружение декабриста Д.В. Давыдова. Другой государственный преступник – М.В. Петрашевский – доверял ему отправку своих писем в Россию и вел беседы с глазу на глаз, в которых не только обсуждалось прошлое, но и рисовались «узоры будущего». Очевидно, что при дефиците интересного и равного по образованию собеседника двое юристов находили общие темы для разговора и точки соприкосновения во взглядах по поводу формально-законного и действительного положения дел в русском обществе (не случайно все правоведы находились под особым контролем III Отделения).

Кострову как мыслящему человеку не были чужды прогрессивные идеи своего века, он читал «Колокол»⁵², считал ценностью

⁵¹ Костров Н.А. Первый книжный магазин в г. Томске // Томские губернские ведомости. 1873. № 20. С. 4.

⁵² «Почти все выходившие тогда в России журналы получались в Минусинске; заходили даже и запрещенные лондонские издания, которые читали с жадностью» (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 9–9об).

свободу печатного слова⁵³, сочувствовал пусть не взглядам, но самой личности Петрашевского. Однако как чиновник, ответственный перед начальством, и как глава семейства, ответственный за жену и детей, он обязан был быть осторожным и стесненным в словах и поступках: «Мне хорошо было известно, что при отсутствии всякого общественного мнения и служебного надзора в Сибири и жизнь, и доброе имя чиновника совершенно зависят от благоусмотрения начальства»⁵⁴. Костров предпочитал не рисковать и разрабатывать только нейтральные в цензурном отношении темы. Должность секретаря сначала енисейского, а затем томского статистического комитета как нельзя лучше подходила для этого, позволяя князю сочетать служебные обязанности с исследовательскими изысканиями. Результат был налицо, вернее, на листе: за пятнадцать лет работы в неофициальной части газеты его статей не коснулась цензурская правка, хотя за это время в Томске сменилось четыре губернатора (Г.Г. Лерхе, Н.В. Родзянко, А.П. Супруненко, В.И. Мерцалов). Г.Н. Потанин в письме Н.М. Ядринцеву приводил слух, что генерал-губернатор Западной Сибири Н.Г. Казнаков планировал разрешить в Томске частную газету, доверив ее редактирование Кострову⁵⁵.

Наконец, Кострову было присуще и чувство юмора, ироническое отношение к своим трудам. В подаренную П.П. Набалову книгу «Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии» (Томск, 1876) он вклеил лист с таким обращением: «Вот

⁵³ «Это было первое время гласности, когда в наших журналах и газетах вдруг заговорили о таких вещах, о которых прежде едва осмеливались думать» (ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 3об). «В последнее время в нашей литературе пробудилось много весьма важных общественных стремлений. Одно из первых мест между ними, бесспорно, занимает стремление к гласности, к обнаружению тех зол, какими с незапамятных времен страдает наше общественное тело, зол, которые кажутся как будто родившимися вместе с нами...» (*Костров Н.А.* Два слова о гласности // Енисейские губернские ведомости. 1859. № 11. С. 89–91).

⁵⁴ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

⁵⁵ *Письма* Г.Н. Потанина. Иркутск, 1989. Т. 3, № 237. С. 187.

целый тюк тебе моих творений. В часы бессонницы ты можешь их читать. – И, я ручаюсь, что крепко будешь спать без всяких глупых грез и сновидений. 5 февраля, 1875». В рассказе «Шаман», где Костров цитировал стихи, воспевающие прелести юной кочевницы, он, видимо исходя из собственных наблюдений, заключал: «Что касается до прекрасной Ульчи, то я желал бы послушать, какую песню запел бы красноярский поэт хотя бы неделю спустя после того, когда бы он сделался бы счастливым обладателем ее особы»⁵⁶.

При Н.А. Кострове неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» приобрела характер издательской площадки томского статистического комитета, она стала местом публикации его трудов по «исследованию губернии во всех отношениях». При этом по положению о статистических комитетах эти труды относились к категории необязательных, готовились по личной инициативе и не предусматривали какой-либо оплаты. Заинтересованные авторы рассматривали газету как возможность ввода в научный оборот своих ученых изысканий, а заинтересованные читатели как на местах, так и в центре получали возможность знакомиться с ними в удобном для чтения печатном виде. Так, С.И. Гуляев обращался в 1868 г. к Кострову с просьбой напечатать полный вариант его статьи о минеральных источниках на Алтае, приведенной в «Известиях Русского географического общества» в сокращенном виде, и передал ему 25 оттисков⁵⁷. Статья Болеслава Шостаковича «Поездка по рекам Васьюгану и Чижанке в 1876 г.» (1877. № 46, 48, 50, 51) была по просьбе Кострова напечатана отдельно от общего тиража газеты в количестве 25 экземпляров – 15 на простой и 10 на белой бумаге⁵⁸.

Систематизируя и обобщая уже написанное о Томске и Томской губернии, публикуя неизвестные ранее архивные источники, Костров готовил материал для будущих исследователей, которых он ви-

⁵⁶ Костров Н.А. Шаман // Томские губернские ведомости. 1868. № 36. С. 8.

⁵⁷ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 74. Л. 1–1 об.

⁵⁸ Там же. Д. 88.

дел в качестве своих читателей. Например: «...желая сколько-нибудь пособить в этом деле будущему переводчику Клемма [немецкий историк], мы постараемся представить в настоящей статье все известные нам сведения о состоянии женщин между инородцами Томской губернии»⁵⁹. Или: «Как оригинал, так и перевод путешествия Палласа стали теперь весьма редкими; поэтому мы надеемся оказать услугу всем занимающимся изучением Томской губернии, сделав полное извлечение из помянутого сочинения относительно южной части ее территории, именно Бийского округа»⁶⁰. Конечно, такое вступление можно рассматривать лишь как стилистический оборот, характеризующий скромное мнение князя о своих трудах, но научная деятельность Кострова – это действительно в большей степени деятельность ученого-систематизатора, чем ученого-практика или ученого – общественного деятеля, какими были Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев. Ему не нужна была аудитория, он не был публичным человеком, трибуном. Костров любил Сибирь как объект исследования, в котором можно было заполнять «белые пятна», но не был ее «пламенным адвокатом», как Н.М. Ядринцев. Однако же неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» в 1866–1881 гг. для изучения истории и этнографии Сибири значит не менее, чем статьи областников в 1864–1865 гг. для изучения ее общественно-политической мысли. Нельзя отказать Кострову и в той ответственности и аккуратности, с которыми он исполнял основные служебные обязанности как секретарь статистического комитета: подготовка сведений для губернаторского отчета, заполнение многочисленных форм для центрального статистического комитета, удовлетворение запросов присутственных мест и должностных лиц.

Человек, серьезно увлеченный Сибирью и располагающий библиотекой, мог изучить работы иностранных и немногих отечествен-

⁵⁹ Костров Н.А. О состоянии женщин между инородцами Томской губернии. Этнографический очерк // Томские губернские ведомости. 1873. № 24. С. 5.

⁶⁰ Костров Н.А. Путешествие Палласа по Бийскому округу Томской губернии в 1770 г. // Там же. 1873. № 42. С. 4.

ных авторов самостоятельно, мог отправиться в далекую служебную командировку или научную экспедицию, чтобы увидеть все воочию. Но не все располагали такими возможностями и ставили перед собой такие задачи, поэтому неофициальная часть газеты выполняла еще и просветительскую функцию, формируя у читателя образ Сибири. Костров писал и составлял свои тексты не только в научных целях и по служебной необходимости (как секретарь статистического комитета он отчитывался публикациями), но и адресовал их тому кругу людей, которые, читая газету для знакомства с необходимой официальной информацией, в части неофициальной также могли найти что-то для себя интересное. Это мог быть чиновник, священник, врач, купец, простой городской и сельский житель, приезжий из России или коренной сибиряк. Одним словом, читающий человек, небезразличный к истории, экономическому развитию, жизни коренного населения того края, в котором протекали его повседневные служебные и хозяйственные дела.

4.2. МЕСТНЫЕ, ОБЩЕРОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОБЫТИЯ НА СТРАНИЦАХ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ ГАЗЕТЫ

В рассматриваемый период неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» наполнялась не только информацией краеведческого и статистического характера, заботливо собираемой и публикуемой Н.А. Костровым, но и касалась некоторых текущих событий, которых в губернском городе было не так много.

Пять дней пребывания Владимира Александровича в Томске (10–14 июля 1868 г.) губернскими ведомостями были освещены сверхоперативно – в № 27 от 12 июля об этом событии рассказывала передовая «Томск 14 июля»⁶¹. Атмосфера «всеобщего, безгранично-

⁶¹ Передовая не была подписана. Н.А. Костров включил ее в свое подробное описание поездки Владимира Александровича по губернии, предварив словами: «О пре-

го восторга» была нарушена инсценировкой покушения на высоко-го гостя. Находившийся в Томске мещанин г. Вязники Владимирской губернии Василий Зобнин, желая, как и Осип Комиссаров, сникать себе почести за предотвращение злого умысла, во время выхода великого князя на балкон городской думы указал на человека, имевшего при себе пистолет. Мнимым террористом оказался знакомый Зобнина – бессрочно-отпускной унтер-офицер Степан Фролов, прибывший в Томск из Петербурга с крупной суммой денег и потому имевший при себе шестиствольный пистолет.

24–26 июня 1873 г. город вновь посетил высокий гость: великий князь Алексей Александрович возвращался через Сибирь после морского путешествия. На это газета откликнулась стихами⁶², обзором пребывания великого князя в Томске, написанным в высокопарном верноподданническом стиле (чего еще можно было ожидать от официальной газеты?)⁶³, и публикацией речи томского епископа Платона, в которой отмечалось, что «здешняя страна далеко отстала от стран, просвещенных и в образовании, и в искусствах, и в промышленности, и холодна по климату, но <...> готова приносить в жертву способности, достояние и жизнь во благо отечества»⁶⁴.

Из других вопросов местной жизни в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» можно выделить такие информационные публикации, как: выписка из Лондона паровой машины для томской пожарной команды (1866. № 5, 48), ход экспеди-

бывании великого князя в Томске позволим себе поместить рассказ, напечатанный в 27 № Томских губернских ведомостей».

⁶² *Золотов Петр*. По случаю прибытия Его Императорского Высочества великого князя Алексея Александровича в Западную Сибирь // Томские губернские ведомости. 1873. № 24. С. 4.

⁶³ *Томск*. 7 июля // Томские губернские ведомости. 1873. № 26. С. 5.

⁶⁴ *Речь*, произнесенная при встрече Его Императорского Высочества Благоверного Государя великого князя Алексея Александровича в томском Благовещенском соборе 24 июня 1873 г. Платоном епископом томским и семипалатинским // Томские губернские ведомости. 1873. № 47. С. 5.

ции Академии наук в Туруханский край для доставки обнаруженного мамонта (1866. № 3, 7–8, 17, 29, 30), введение городского положения 1870 г. (1871. № 35), ход эпидемических болезней и меры против них (1872. № 41, 44; 1873. № 39–40), открытие Томского Общества для вспомоществования учащимся в средних и высших учебных заведениях (1873. № 46), открытие детского сада П.И. Макушина (1874. № 32), известие о ходе экспедиции Н.М. Ядринцева на Алтай (1880. № 28). Начало работы в Томске первой общественной библиотеки⁶⁵ П.И. Макушина было освещено в виде приглашения стать ее читателем (1871. № 15, 16, 18).

Постоянно в неофициальной части печатались сообщения об устройстве и результатах различных благотворительных музыкальных и литературных вечеров, маскарадов, концертов и лотерей. При этом газета выполняла не только информирующую, но и организующую функцию, мобилизуя томскую общественность для сбора средств в пользу нуждающихся, погорельцев, сирот и учащихся. В 1870 г. открылось томское отделение православного миссионерского общества, и в газете стали регулярно печататься его обращения, отчеты, членские списки и списки жертвователей. В публикации фамилий участников проводимых благотворительных мероприятий действовали различные принципы – по значимости социального положения, по членству (соревнователи, постоянные, действительные), по величине пожертвования и самый демократичный способ – общим списком по алфавиту. Соседство в газете рядового жителя губернии с важными персонами, очевидно, было приятно и значимо для жертвователя, выступало для него своеобразным светским воздаянием.

Одна из публикаций напомнила период существования неофициальной части при Д.Л. Кузнецове. В № 17 от 3 мая 1868 г. критиковался томский театр за легковесный репертуар и неудовлетворитель-

⁶⁵ Напомним, что с конца 1862 г., благодаря усилиям Д.Л. Кузнецова, томичи могли пользоваться гимназической библиотекой, но режим открытого доступа был отменен в 1866 г. в связи с делом областников.

ный состав гастрольных трупп, за неприспособленное помещение и высокую цену входного билета. Статья была снабжена эпиграфом из А.С. Пушкина, намекающим на основную форму провинциального досуга («Так в ненастные дни // Занимались они // Делом»), в ней содержались упоминания о повторных гастролях иркутской труппы И.О. Краузе и готовящемся «одним из здешних капиталистов» строительстве каменного здания театра (хотя официальной газете запрещалось публиковать слухи). За криптонимом «Х.» скрывался, видимо, приезжий чиновник среднего ранга. Он отмечал недостаток в Томске «чистых и облагораживающих душу развлечений», в результате чего интересы общества сосредоточивались на скандалах, «произведениях кабачного красноречия», пасквилях и клевете на честных людей. Последнее обстоятельство описывалось в болезненных и эмоциональных подробностях, хотя и в отвлеченном виде⁶⁶. Автор объединял себя со «здоровыми» и «благородными» силами общества, идущими по пути просвещения⁶⁷, подвергая ригоризму «отдельных лично-

⁶⁶ «Будь у нас библиотека, театр, имей публика возможность послушать увлекательное чтение, хорошую музыку, понятия многих, вероятно, возвысились бы здесь до того, что удовольствие, доставляемое им омерзительными подметными письмами, скандалами, клеветою и пасквилями, показалось им пошло и бесчестно. Быть может, люди, желающие, чтоб их считали порядочными, не бросались бы с жадностью, составляющей симптом нравственного растреления, на подобные гнусные приманки их праздному любопытству, быть может, не так легко нашлись бы охотники принимать на себя бесчестную роль разносчиков и распространителей пасквилей, и лица, дорожащие своею честью, не находили бы удовольствия слушать их. Как знать? Быть может, клевета на честных людей внушала бы отвращение и вид честного человека не заставлял бы некоторых из его сограждан вертеться подобно бесу перед заутреней и выливать на него нечистый поток своей желчи; быть может... но остановимся на этих предположениях...» (Х. Желать ли в Томске театра? // Томские губернские ведомости. 1868. № 17. С. 8).

⁶⁷ «Да, мы потрудимся над честным делом, если устроим у себя библиотеку, откроем книжную торговлю, учредим театр, сделаем его доступным для самых небогатых тружеников, не ведающих теперь чистых высоких наслаждений благородного искусства, литературы, поэзии; узнав их, они их полюбят, привыкнут к ним, наконец, эта привычка обратится в потребность, и тогда понятия очистятся, нравы смягчатся...» (Там же. С. 8–9).

стей», порождающих разнообразные «уродливые явления общественной жизни» (в том числе и клевету). Очевидно, что истинной причиной написания статьи было какое-то злословие, порочащее честь и достоинство автора. Никаких имен и даже намеков на конкретные обстоятельства нанесенного оскорбления статья не содержала, но для жизни небольшого города, бедной событиями, эти имена и обстоятельства не были секретом. Посредством такой публикации, хотя и с заголовком на другую тему и на фоне рассуждений о театре (с помощью которых делался упор на противопоставление «избранный», «образованный»/«невзыскательный», «невежественный»), автору представлялась возможность ответить обидчикам твердым печатным словом, растиражированным в более чем пятистах экземплярах. Таким образом, обладая определенной изощренностью стиля, можно было использовать страницы единственной томской газеты для защиты своего имени, правда, в очень ограниченной форме и в расчете на такого же изощренного читателя.

В № 28–30 за 1869 г. была помещена статья из «Северной почты» главного инспектора по пересылке арестантов А.И. Беленченко «Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь»⁶⁸. В ней говорилось об экономии казенных средств и сокращении времени движения ссыльных партий до Томска в среднем с 282 до 72 дней путем использования железных дорог и пароходов. Статья открывалась мнением по поводу уголовной колонизации Сибири члена Русского географического общества П.П. Семенова: «Уголовная колонизация действует весьма благотворительно на нравственное развитие переселяемых. Потомки преступников и добровольные переселенцы ничем не отличаются друг от друга и достигают высшей степени нравственного превосходства, нежели великороссийское население»⁶⁹. Неизвестно, был ли знаком А.И. Беленченко со

⁶⁸ *Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь*: По офиц. сведениям / А. Беленченко. СПб., 1868. [Из № 103 и 104 «Северной почты» 1868 г.]

⁶⁹ *Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь*. По официальным сведениям // Томские губернские ведомости. 1868. № 28. С. 8.

взглядами «сибирских сепаратистов», но о «тяжелых ощущениях» по поводу слов «ссылка» и «Сибирь (как место ссылки)» он говорил только в связи с «Записками из мертвого дома» Ф.М. Достоевского и картиной «Отдых ссыльных», виденной им на выставке в Академии художеств в С.-Петербурге. При этом автор, сам являясь официальным лицом, обладающим практическими полномочиями, намеренно подчеркивал, что основанием к улучшению положения ссыльных послужило не общественное мнение, а результаты ревизии Западной Сибири в 1851 г. Н.Н. Анненкова и «давнишние заботы правительства»: «Но если литература и искусство в последнее время соединили свои силы, чтобы привлечь внимание общества на прискорбный быт ссыльных во время препровождения их в Сибири, то внимание администрации было обращено на этот предмет гораздо ранее»⁷⁰.

Для сибиряков вышеуказанная мера лишь означала как частичное улучшение ситуации, так и частичное понимание сути вопроса (например, игнорирование ссыльными труда рассматривалось как следствие их изнуренности в ходе длительного перемещения к месту наказания). Статья могла возыметь благоприятное впечатление скорее на читателей, далеких от Сибири, чем на местных жителей и местную администрацию, не раз писавшую в своих отчетах в Петербург о вредном влиянии ссылки на нравственный климат Томской губернии.

О непритязательном с точки зрения образованного человека и врача быте обывателей губернии можно узнать из медицинских отчетов: «Главным увеселением и развлечением здесь [в Бийске] считается беседа за столом, уставленным водкой и закуской; всякие собрания, пирушки, вечеринки и семейные праздники, как свадьба и пр., празднуются обыкновенно песнями, шумом, пьянством и дракой, и чем более у хозяина водки, тем торжественнее праздники. Каждое торжество не ограничивается домашней пирушкой: после нее отправляются по кабакам, и затем гулянка затя-

⁷⁰ Улучшения в пересылке арестантов в Сибирь... // Там же.

гивается недели на две... Последствием лени и пьянства являются здесь воровство и мошенничество, повторяющиеся весьма часто... Не менее важную роль играет здесь проституция... Впрочем, понятие о нравственности здесь вообще так слабо развито, что едва ли из десяти девушек одна выходит замуж невинною, и это едва ли ей не ставится даже в укор»⁷¹.

Впервые на страницах томской газеты было предоставлено слово иудейскому духовенству (до этого о еврейском населении Томска упоминалось только в статистических выкладках⁷²). В сообщении «От томского духовного еврейского правления» (1872. № 37) говорилось, что губернатор А.П. Супруненко вместе с прибывшим в Томск генерал-губернатором А.П. Хрущовым после посещения синагоги и находящейся при ней богадельни нашли «приятным» выслушать речь и молебен раввина за здоровье монарха на русском языке с надеждой, что «употребление русского языка при богослужении в синагоге и порядок в богадельне не будет явлением временным». Служба в синагоге ведется только на иврите, но в середине XIX в. в Россию проник реформистский иудаизм, допускавший прочтение проповедей и части молитв на государственных языках. Для того чтобы сохранить расположение начальства и в то же время избежать противоречий с общиной верующих, исполняющий обязанности томского раввина Бер Израилевич Левин поместил в газете ни к чему не обязывающее и очень обтекаемое, но вежливое и вполне верноподданническое сообщение⁷³.

⁷¹ *Медико-топографический очерк города Бийска*. Извлечено из отчетов бийского окружного врача Михалевского // Томские губернские ведомости. 1875. № 3. С. 4.

⁷² *Костров Н.А.* Однодневная перепись жителей г. Томска 18 декабря 1866 г. // Томские губернские ведомости. 1866. С. 6–7. Согласно переписи лиц иудейского вероисповедания в Томске насчитывалось 858 человек обоего пола.

⁷³ «Объявляя о настоящем предложении его превосходительства всем нашим единоверцам, ввиду таких ясных и неопровержимых истин, выраженных господином начальником губернии, направленных с благотворною и гуманною целью на пользу самих нас, — духовное правление считает лишним что-либо прибавить к таким знаменательным словам его превосходительства, вполне надеясь, что ев-

Событием для Томска стало открытие 19 февраля 1873 г. первого книжного магазина П.В. Михайлова и П.И. Макушина. Объявление о его услугах было напечатано через три недели в № 10 от 10 марта 1873 г. В № 20 от 26 мая 1873 г. Н.А. Костров поместил небольшое сообщение «Первый книжный магазин в г. Томске», в котором рассказывалось о широком ассортименте книжной продукции для удовлетворения «необходимых потребностей более просвещенной части населения Томска».

В предыдущем № 19 от 19 мая 1873 г. почти целую страницу заняла статья «Сельские народные школы Томской губернии». Известный автор затрагивал актуальный вопрос сибирской действительности – необходимость усиления средств народного образования для преодоления «застоя» в экономической жизни – и предлагал для этого не ожидать, когда Сибирь коснутся «благодетельные реформы последнего времени», а учредить в Томске учительскую семинарию. В 1872 г. такое учебное заведение было открыто в Омске, и в этом же году вышло «Положение об учительских институтах», призванное решить проблему подготовки кадров для городских училищ. В дополнение к собственным нелестным характеристикам в адрес школ для простого народа⁷⁴ автор приводил «основные черты» представления томского губернатора А.П. Супруненко западно-сибирскому генерал-губернатору А.П. Хрущову о «жалком положении сельских школ» и о необходимости учреждения «училищного фонда» из средств министерства народного просвещения и «свободных остатков от губернских земских и волостных повинностей».

рейское общество с полным сознанием своего долга будет усердно споспешествовать к преобразованию себя в духе русского гражданства и материальной поддержки еврейских богоугодных заведений» (*Бер Левин*. От Томского еврейского духовного правления // Томские губернские ведомости. 1872. № 37. С. 5).

⁷⁴ «Под руководством таких наставников [приходских священников] дети не только не приохочиваются к учению, но получают от него отвращение, а родители, не видя полезных результатов от школьного учения, предпочитают оставлять детей при себе для домашних работ или отдавать их на обучение ссыльным» (*Сельские народные школы* // Томские губернские ведомости. 1873. № 19. С. 4).

Солидаризация с позицией власти делала статью более убедительной и переводила дело из разряда публицистики в практическое русло (но, как известно, ни учительская семинария, ни учительский институт в XIX в. в Томской губернии открыты не были). Проблемное содержание и прямолинейность его изложения (чего старался избегать Костров) позволяют предположить, что ее автором был человек близкий по духу к сибирским областникам. В заключение, надеясь на одобрение «высшим правительством» губернаторских предположений, он от себя добавлял следующее: «Мы не можем также думать, чтобы встретились какие-либо затруднения в отчислении в распоряжение местного начальства тех сумм, из которых оно предполагает образовать училищный фонд томской губернии. Суммы эти принадлежат населению губернии (разрядка *В. III.*) и в настоящем случае предполагаются к употреблению для удовлетворения самой важной и самой насущной его потребности». Принадлежность автора к сфере образования позволяет предположить, что им был П.И. Макушин, который в 1868–1873 гг. занимал должность смотрителя томского духовного училища, введя ряд улучшений в сфере обучения, воспитания и содержания его учеников. В этом же номере на следующей странице было опубликовано объявление-обращение «для сведения заведующих сельскими школами» – список книг, в основном новинок, изданных в 1871–1873 гг. и имеющихся в книжном магазине Михайлова и Макушина. В статье о сельских школах также говорилось о выделении средств для закупки учебной литературы. Действительно, увеличение числа учебных заведений означало расширение числа потребителей печатной продукции. Возможно, соседство этих трех публикаций не было случайным и означало своеобразный рекламный ход со стороны учредителей новооткрытого книжного магазина, обоснование его необходимости для сибирского региона.

Тема образования на страницах неофициальной части была продолжена с учреждением в Томске новых учебных заведений – 21 августа 1877 г. открылось реальное училище, а 26 августа

1880 г. состоялась закладка здания первого сибирского университета. Вновь тема университета зазвучала со страниц газеты 24 января 1876 г. сообщением о пожертвовании 100 тыс. руб. почетным гражданином Томска золотопромышленником З.М. Цибульским (1876. № 4). Пятнадцать лет назад Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» определяли вопросы естественного и высшего образования как крайне необходимые для просвещения и экономического развития края, но, как и в ситуации с основанием сибирских губернских ведомостей, особое административно-правовое положение Сибири приводило к задержке реализации тех нововведений, которыми уже пользовались губернии Европейской России.

Времена изменились. Ядринцев вернулся в Омск в качестве помощника нового генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова, который придал делу открытия университета в Сибири практическое направление. Теперь взгляды областников и сибирской администрации совпадали. Томский губернатор В.И. Мерцалов и председатель губернского правления А.И. Дмитриев-Мамонов развивали мысли о благотворном влиянии образования для управления, гражданского и материального развития Сибири, население которой по «мере увеличения числа учебных заведений» достигло, наконец, в своем развитии потребности в «приобретении высших научных университетских познаний»⁷⁵. Более того, речь Дмитриева-

⁷⁵ Приведем некоторые выдержки из текстов речей, опубликованных в газете: «Среди школ реальные, как имеющие своим предметом обучение наукам опытным, имеют важное значение, ибо степень развития и распространения реальных знаний в данной стране находится в непосредственной связи с развитием ее культуры и материального богатства» (*Об открытии* Томского реального училища [речь А.И. Дмитриева-Мамонова] // Томские губернские ведомости. 1873. № 40. С. 4.); «...университетская наука всегда была проводником начал добра, истины, порядка и чести; такие же начала, как мы убеждены, будет проводить и наш университет живым словом своих профессоров» (*Речь*, произнесенная председателем Комитета по возведению зданий Сибирского Университета в г. Томске [В.И. Мерцаловым], при закладке сих зданий, 26 августа 1880 г. // Томские губернские ведомости. 1880. № 36. С. 4); «Созвездия, которые светят сибирскому универси-

Мамонова (1847–1915), будущего историка и председателя Западно-Сибирского отделения Русского географического общества, содержала прямые цитаты статьи Н.М. Ядринцева «По поводу сибирского университета», напечатанной в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (1864. № 5):

«С давних пор наши юноши отправляются в российские университеты, за тысячи верст, часто чуть не пешком, без всяких средств в жизни. Их можно встретить и на смрадных чердаках столицы, и в бедных каморках провинциальных университетских городов».

«Много опасностей и тяжких трудов, много страданий от разных неустойств и притеснений пришлось перенести нашему населению в этот прошлый период исторической жизни, что вместе с участью Сибири, как ссыльной колонии, положило на него тот мрачный колорит, который вызвал слова нашего историка: “о, где столько пролито слез, как на земле Сибири, и стала ли она теплее, благословеннее?” Этот прошлый период, отличаясь завоевательным характером, народными эмиграционными стремлениями рядом с правительственными заселениями, представляет только попытки к осуществлению той гражданской жизни, полное и совершенное развитие которой должно осуществиться в будущем».

Н.М. Ядринцев

«...юноши Сибири начинают все в большем и большем числе отправляться в российские университеты, за тысячи верст, без всяких средств к жизни, поселяясь на чердаках столиц и в бедных каморках провинциальных университетских городов».

«Трехвековой, многострадальный, преисполненный неустойствами, омрачаемый ссылкой исторический период жизни Сибири просветился в конце учреждением университета! Этот прошлый период, отличавшийся завоевательным характером, колонизационными стремлениями, принудительными правительственными заселениями, представляет лишь в конце своем попытки к развитию гражданской жизни»

А.И. Дмитриев-Мамонов

тегу, — это сознание народной массы в потребности и пользе образования и развивающаяся гражданская и экономическая жизнь Сибири» (*Речь*, произнесенная при закладке Сибирского университета членом высочайше учрежденного Строительного комитета по постройке того университета А.И. Дмитриевым-Мамоновым // Томские губернские ведомости. 1880. № 37. С. 4–5).

Основную роль в наступлении знаменательного события ораторы (положение обязывало) отводили деятельности правительства. День коронации Александра II, выбранный для основания университета, должен был напоминать (и не без оснований), что дело «распространения реальных знаний» и «университетской науки» в Сибири есть результат высочайшей милости «державного преобразователя». В.М. Флоринский, ставший в 1885 г. попечителем Западно-Сибирского учебного округа, в своей речи проводил мысль, что, с одной стороны, идея сибирского университета «с самого начала текущего столетия составляла заботу высшего правительства», но в то же время «ясно осознавалась просвещенными людьми того времени»⁷⁶. Он очень развернуто и красноречиво обосновал необходимость высшего образования в Сибири, рассказал о материальном и кадровом обеспечении университета, представил перспективы его развития и развития в этой связи города Томска⁷⁷. Архитектор М.Ю. Арнольд ознакомил собравшихся с

⁷⁶ Высказанные в речи мысли Флоринский воспроизвел и в своих воспоминаниях, где также последовательно доказывал, что строительство первого сибирского университета производилось главным образом на государственные средства, а не на частные пожертвования (*Заметки и воспоминания В.М. Флоринского // Русская старина*. СПб., 1906. Январь. С. 83–84; Март. С. 594–596).

⁷⁷ «Каждый из присутствующих здесь развитых людей понимает, что университет есть великая нравственная сила, питомник разума, источник умственного света, разливающегося на страну. Это духовное солнце, восходящее над холодной Сибирью и долженствующее согреть и оживить ее, разбудить дремлющие силы»; «...Томск, благодаря университету, обеспечивает себе будущее процветание в силу того, что университет, обладая нравственно притягательною силою, делает его центром всей сибирской интеллигенции и, следовательно, центром всех будущих нововведений и улучшений»; «При глубоком убеждении, что Сибирь желает учиться и будет учиться, что, следовательно, она своими силами обеспечит будущему университету достаточный контингент учащихся, я остаюсь, однако же, при том мнении, что она нуждается и в пришлых элементах»; «Сибирь – это научная новь, которая сторицею вознаградит всякого труженика. Поэтому нельзя сомневаться, что в русской земле найдется достаточное число людей, которые ученое признание поставят выше привычек европейского комфорта» (*Речь про-*

проектом университета и остановился на предстоящих трудностях в его реализации⁷⁸. В действительности между членами строительного комитета не было такого единодушия, как это может показаться при прочтении официальных выступлений; отношения были неприязненными и конфликтными, о чем будут писать позднее в своих воспоминаниях В.И. Мерцалов и В.М. Флоринский⁷⁹.

День закладки главного здания университета был освещен в самом ближайшем выпуске газеты – № 34 от 30 августа 1880 г. Передовая «Томск, 26 августа» была подготовлена неизвестным автором⁸⁰, принявшим на себя «обязанность присяжного репортера». События были представлены им по часам в соответствии с официальным сценарием организуемых торжеств, призванным подчеркнуть нравственно-религиозный характер церемонии и народное единство в понимании происходящего. Для этого автор подробно

фессора В.М. Флоринского, произнесенная при закладке Сибирского университета, 26 августа 1880 г. // Томские губернские ведомости. 1880. № 36. С. 4–5).

⁷⁸ Речь, произнесенная строителем Сибирского университета инженер-архитектором М.Ю. Арнольдом, на торжественном акте по случаю закладки университетских зданий, 26 августа 1880 г. // Томские губернские ведомости. 1880. № 37. С. 5–7.

⁷⁹ В.И. Мерцалов о своих коллегах оставил такие характеристики: «Дм. Мамонов, страстный игрок, дни и ночи проводил за картами; Флоринский, получая 6 тыс. собственно за 1 ½ месяца участия своего в занятиях Комитета, посвящал свое время акушерской практике. Наконец, Арнольд вел свою линию, заставляя поставщиков и выискивая на стороне частные работы» (*Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. № 7–9. С. 52–53). В.М. Флоринский в своих воспоминаниях, особо не скрывая, подводил читателя к выводу, что основные заслуги в учреждении университета в Сибири и в строительстве его в Томске принадлежат именно ему. О роли же «местного губернатора» пишется крайне неодобрительно лишь в связи с его многочисленными жалобами и упущениями в организации подрядов на строительство. Арнольд представлен как совершенно бездарный архитектор, направлявший в Томск только ради большого вознаграждения и «добавочных доходов» (*Заметки и воспоминания В.М. Флоринского* // Русская старина. СПб., 1906. Март. С. 580–581; Июнь. С. 602–604).

⁸⁰ В начале репортажа указывалось, что речи, представленные публике, «мы в свое время поместим в наш е й (разрядка *В.Ш.*) газете». Возможно это означало, что автором был редактор «Томских губернских ведомостей» Н.И. Сухопаров.

описывал крестный ход к будущему «святилищу науки» и народ, собравшийся в березовой, теперь университетской, роще⁸¹. Статья была подвержена цензурной правке со стороны В.И. Мерцалова – из нее был выпущен следующий абзац: «Не знаменательно ли, в самом деле, когда представим себе, что с постройкою родного университета для нас, сибиряков, проходит “сень законная” и наступает новая эра духовной жизни, новая благодать...». Возможно губернатора смущали те ассоциации в оценке доуниверситетского и университетского периодов сибирской истории, возникающие при употреблении библейского оборота «сень», подчеркивающего различия между ветхозаветными и новозаветными установлениями.

Быстро меняющаяся международная жизнь также подбрасывала газете темы для освещения. № 31 от 8 августа 1870 г. содержал перепечатку телеграмм из «Правительственного вестника» (начавшего выходить с 1869 г. вместо «Северной почты») о событиях июля 1870 г. от Эмской депеши до объявления Францией войны Пруссии. С № 32 к этим перепечаткам добавились еще более оперативные телеграммы Русского телеграфного агентства (РТА), получаемые непосредственно редакцией «Томских губернских ведомостей»⁸². Они содержали самые последние «горячие» сведения с театра военных действий. Начав чтение № 34 с телеграмм «Правительственного вестника», можно было узнать о поражениях французов при Верте, а на последней странице, где размещались телеграммы РТА, уже сообщалось о пленении Наполеона под Седаном, движении немцев на Париж и о провозглашении в нем республи-

⁸¹ «И среди этой картины громадная масса народа – в благоговейной тишине и какой-то торжественной сосредоточенности»; «Здесь, без преувеличения можно сказать, соединился весь народ земли Сибирской в лице своих представителей... торжествующий, радостный»; «Народ ликовал, несмотря на то, что, может быть, только отчасти и смутно сознавал величие той минуты, которую он переживал» (*Томск*. 26 августа 1880 г. // *Томские губернские ведомости*. 1880. № 34. С. 3).

⁸² Еще в 1866 г. Русское телеграфное агентство обратилось к министерству внутренних дел с просьбой об учреждении при редакциях местных ведомостей губернских отделений агентства (РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. 1871 г. Л. 3–4).

ки. Таким образом, томский читатель информировался о последних событиях в Европе, коренным образом менявших в ней расстановку политических сил. Надо сказать, что и современного читателя, уже знающего, чем окончится «борьба двух величайших держав Запада», эти on-line сообщения захватывают и создают ощущение причастности к живой, на глазах свершаемой истории. Если в первое время преобладали телеграммы из Берлина и других немецких городов, готовых дать отпор воинственным приготовлениям Наполеона III, то с первыми победами прусской армии сочувственная тональность сместилась в сторону Франции.

Чтобы помочь читателю разобраться в происходящих европейских событиях и сделать это в определенном русле, с 1871 г. появилась рубрика «Заграничные известия. Общее обозрение», также перепечатываемая из «Правительственного вестника». В ней содержались аналитические выкладки и комментарии по поводу лишения папы светской власти, сдачи Парижа, Лондонской конвенции, положения Франции после подписания мира и т.д. Лояльное отношение к свержению монархии и установлению республиканской формы правления контрастировало с описанием Французской Коммуны («роковой день 18 марта», «самозванное правительство», «мятежные вожди красных», «гибельная анархия» и т.д.). После окончания войны и революции рубрика продолжала информировать читателя и высказывать предположения о дальнейших событиях в Европе и в мире. До № 29 от 24 июля 1871 г. она выходила в каждом выпуске неофициальной части, затем только эпизодически (№ 43, 48) и наконец исчезла. Основным автором газеты вновь стал Н.А. Костров.

С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. внешнеполитический обзор возобновился. В официальной части № 19 от 14 мая 1878 г. был опубликован Манифест Александра II об объявлении 12 апреля войны Турции. Такое опоздание было вызвано его поздним обнародованием в Томской губернии (в Барнауле прочтение высочайшего обращения о вступлении русских войск в

пределы Турции было прочитано 2 июня, «когда уже всякий от мала до велика знал о нем из газет»⁸³). Неофициальная часть № 23 от 11 июня 1877 г. открывалась сообщением о военных действиях 5–7 июня на дунайском и кавказском театрах. Последующие номера также содержали подробные отчеты о ходе кампании, правда, с большим опозданием, однако в редакции газеты была открыта подписка на прямое получение правительственных телеграмм из действующей армии с платой 1 руб. в месяц для томичей и 1 руб. 50 коп. для иногородних (1877. № 35). Информация повышенного спроса стала выгодным товаром, но предоставлялась она по себестоимости, не составляя какого-либо дополнительного дохода типографии. На период с июня по сентябрь 1877 г. таких подписчиков было 182 (1877. № 39). Для того чтобы следить за ходом военных действий, читателям за небольшую плату предлагалось приобрести общую карту Балканского полуострова и карты отдельных балканских стран (1877. № 25).

Сибирь не оставалась в стороне от патриотического подъема, охватившего страну. Уже в 1876 г. в ведомостях появились сообщения об отправке средств в пользу жителей Герцеговины и Боснии (1876. № 1, 5), а затем в адрес Славянского благотворительного комитета (1876. № 11, 32, 36). В 1877 г. в Томске и других городах губернии был организован сбор пожертвований в пользу раненых русских солдат и их семей (1877. № 29, 32, 43, 44, 47; 1878. № 6, 17). Впервые в черно-белой газете был использован цвет – красный крест предвещал обращение Главного управления Общества попечения о раненых и больных воинах к населению с призывом о пожертвовании перевязочных средств (1877. № 39). В статье по поводу собрания членов Барнаульского комитета Общества, подписанной криптонимом «S.M.S.», говорилось, что «минувшая русская народная война была и будет эпохой в жизни г. Барнаула и всего Алтайского округа... Если в наших столицах светло праздновались знаменитые геройские победы наши, то с не меньшим

⁸³ *Томские губернские ведомости*. 1877. № 27. С. 6.

ликованием и радостью спешили в церковь на призыв соборного колокола, возвещавшего падение Плевны, и жители г. Барнаула, неся в кружку на больных и раненых воинов свою трудовую копейку»⁸⁴. Откликнулась далекая от черноморского побережья Сибирь и на призыв верховной власти к сбору средств на создание «добровольного флота» ввиду возможной войны с «царицей морей» (1878. № 17–23).

В качестве отдельной темы, которая волновала все русское общество и о которой рассказывала неофициальная часть «Томских губернских ведомостей», можно выделить публикации о покушениях на Александра II.

О первом из них – выстреле Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. – в Томске стало известно уже на следующий день благодаря телеграфной связи (открытой в Томске в 1863 г.). По получении этого известия в благородном собрании был произнесен тост за здоровье императора, а утром 6 апреля по окончании литургии и молебна министру внутренних дел П.А. Валуеву отправлена верноподданническая телеграмма. Об этом было напечатано в «Томских губернских ведомостях» (№ 14 от 15 апреля; предыдущий выпуск был сдвоенный – № 12–13 от 25 марта – 8 апреля) на последней странице под заголовком «Извещение». Об имени преступника и его принадлежности к «крайним социалистам» было сообщено в следующем номере (№ 15–16 от 22–29 апреля). При этом ссылка давалась не на центральные издания, а на телеграмму министра внутренних дел вятскому губернатору, опубликованную в «Вятских губернских ведомостях». Это сообщение было подано как новость на первой странице неофициальной части.

В дальнейшем тема получила освещение на основе перепечаток из официальной «Северной почты». Читатель подробно информировался об обстоятельствах покушения, чувствах радости жителей Петербурга по поводу чудесного спасения императора, личности крестьянина Осипа Комиссарова, отведшего в сторону руку стрелявшего

⁸⁴ *Томские губернские ведомости*. 1878. № 17. С. 4–5.

(№ 18 от 13 мая; статья занимала 1 $\frac{1}{3}$ газетного листа). Все прошедшие события в зарифмованной форме пересказывались в стихотворении Н.П. Жандра «4 апреля 1866 г.» (№ 19 от 20 мая; $\frac{3}{4}$ листа). Но большая по объему публикация (2 $\frac{1}{4}$ листа) была озаглавлена «О преступнике Каракозове и его сообщниках» (№ 35 от 9 сентября; № 36 от 16 сентября). Из статьи, также перепечатанной из «Северной почты», можно было узнать о революционной группе «Ад», о цели неудавшегося цареубийства («произвести общее волнение и революцию в государстве»), о существовании в Петербурге и Москве социалистических кружков и разногласиях между ними, о планах освобождения Н.Г. Чернышевского из сибирской ссылки, о попытках устройства рабочих коммун, о готовящемся «хождении в народ», об общенародном характере земельной собственности при социализме, о связи русских социалистов с польскими повстанцами и с другими «вредными деятелями» – «учредителями различных неразрешенных правительством обществ, бесплатных школ, читален, артелей и т.п. ассоциаций».

Нельзя дать оценку событию, не рассказывая о нем. В результате у провинциального обывателя, не имевшего других источников информации, создавалась картина широкого и опасного заговора против монархии (чем и воспользовалось правительство для проведения арестов неугодных лиц и усиления «охранительных» начал). Для читателя, умеющего читать между строк и пропускающего вполне понятные оценочные суждения о первом русском террористе⁸⁵, статья представляла собой «политинформацию» о ходе «освободительной борьбы» с самодержавием. Видимо, ситуация невозможности и неслыханности происшедшего (русский дворянин, не поляк, стреляет в Петербурге в царя-реформатора, царя-освободителя) требовала подробного рассмотрения личности этого молодого человека и среды, его породившей. В результате следствие, квалифицировав покушение Каракозова как преступле-

⁸⁵ «Злоумышленник», «злодей», «злодейский замысел», «страшное преступление», «преступный замысел», «зловредные учения социализма».

ние и доказав отсутствие смягчающих вину обстоятельств, так и не вскрыло причины его⁸⁶, упомянув только, что продолжительность и последовательность действий злоумышленника «исключает всякую возможность приписывать действия сии ненормальному состоянию умственных способностей». Приговор суда по делу Каразова был опубликован в № 37 от 23 сентября.

Так, в 1866 г. в связи с экстраординарным происшествием на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» впервые появились статьи, не «относящиеся до местности», но освещающие политические события общероссийского характера. Начало издания «Северной почты» сопровождал циркуляр министерства внутренних дел, допускающий перепечатку из нее статей в неофициальной части губернских ведомостей, «имеющих особое руководящее или пояснительное значение»⁸⁷. В 1863 г. было разрешено перепечатывать из официальных изданий – «Северной почты», «Русского инвалида» и «Journal de S. Petersburg» – «политические известия», «правительственные распоряжения» и «руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления». В 1865 г. по ходатайству томского губернатора Г.Г. Лерхе это положение было распространено и на «Томские губернские ведомости»⁸⁸. Заимствование статей из головного органа избавляло их от повторного просмотра на местах. Предусматривалось лишь «наблюдение» за такими перепечатками со стороны вице-губернатора⁸⁹.

После дела о «сибирских сепаратистах» от «Томских губернских ведомостей» невозможно было ожидать чего-то большего, кроме перепечаток из центральной газеты. Хотя развернуть тему покушения в отношении Сибири было можно – Осип Комиссаров, пожалованный

⁸⁶ Под силу это оказалось сделать только Ф.М. Достоевскому в «Бесах».

⁸⁷ *Алфавитный указатель к сборнику циркуляров и инструкций министерства внутренних дел за 1858–1868 гг.* / Д. Чудновский. СПб., 1874. С. 26.

⁸⁸ РГИА. Ф. 775. Оп. 1. Д. 239. 1863 г. Л. 73–74 об.

⁸⁹ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38, № 40271.

потомственным дворянством, был сыном сибиряка (правда, «поневоле») И.А. Комиссарова, немедленно освобожденного из ссылки в Енисейской губернии и чествованного в Красноярске как «отец спасителя государя»⁹⁰. По поводу происхождения не менее верноподданические, но более талантливые стихи написал Н.А. Некрасов, который в Томске был известен гораздо более, чем Н.П. Жандр.

К дню 4 апреля «Томские губернские ведомости» обращались еще неоднократно. Об открытии в начале 1867 г. на средства купца И.А. Толкачева церкви в Мариинской женской гимназии статью написал новый редактор неофициальной части Н.И. Стефанов⁹¹, который не пожалел хвалебных слов в адрес жертвователя и его супруги – попечительницы гимназии. П.И. Фризель вычеркнул показавшееся ему излишним, в ущерб другим томским храмам, предложение: «Одним словом, эта церковь будет, вероятно, одною из более посещаемых избранным обществом»⁹². В благочестивом жанре, соответствующем должности, расставил приоритеты между духовным и светским началами в образовании отец-законоучитель Вахх Гуреев: «...никакие учебные пособия, никакие библиотеки, ученые кабинеты и другие образовательные и воспитательные средства и

⁹⁰ Мерцалов В.И. Мимоходом. Комиссаров и губернатор Замятнин // Русская старина. 1917. № 10–12. С. 71–78.

⁹¹ А.Р. Николаев был освобожден от обязанностей редактора неофициальной части 18 марта 1866 г. по причине сильной служебной загруженности (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 84). С 14 февраля 1864 г. Н.И. Стефанов был назначен редактором, начальником газетного стола и смотрителем типографии губернского правления (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1378. Л. 4 об.–5). Однако редактором неофициальной части газеты продолжал оставаться Д.Л. Кузнецов. В предыдущий период эти должности также не совмещались. Например, М.С. Праволамский был первым начальником газетного стола, смотрителем типографии и редактором ведомостей, а неофициальная часть газеты находилась в ведении Ф.С. Мещерина. Н.И. Стефанов стал первым, кто исполнял должности смотрителя типографии и редактора как официальной, так и неофициальной частей (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 84).

⁹² Стефанов Н. Об освящении в Томской Мариинской женской гимназии новоотстроенной церкви во имя св. Марии Магдалины // Томские губернские ведомости. 1867. № 2. С. 3.

способы не могут иметь такого великого значения и влияния в учебном заведении, как Храм Божий...»⁹³. Такой нарочитый клерикализм вполне отвечал представлениям общества о вмешательстве божественного провидения в судьбу начатых в стране реформ, тем более если учитывать, что Закон Божий был среди первых предметов в системе русского образования. Сам «знаменательный день 4 апреля» также праздновался в Томске и сопровождался сбором пожертвований в пользу бедных⁹⁴. Автором заметки, помещенной на последней странице ведомостей, был И.Ф. Русанов, редактировавший неофициальную часть газеты в 1862 г. Еще через год, в 1868 г., было сообщено об открытии богадельни в селе Назаровском Ачинского округа Енисейской губернии, где на стену столовой повесили портрет Комиссарова-Костромского⁹⁵.

Повод для новых тревожных публикаций представился очень скоро. 25 мая 1867 г. польский эмигрант Антон Березовский стрелял в Александра II во время его визита в Париж на Всемирную выставку. 27 мая в 13.30 председатель томского губернского правления М.Н. Берестов получил соответствующую телеграмму министра внутренних дел, которая была немедленно напечатана в особом прибавлении к № 20 томских ведомостей от 26 мая. В следующем номере от 2 июня газета вновь писала о торжественных богослужениях о здравии монарха в церквях всех вероисповеданий, об атмосфере праздника, в которую погрузился город, и о посланных в столицу об этом телеграммах. Никаких подробностей о покушении на этот раз не сообщалось, только спустя два месяца в № 29 от 28 июля из № 143 «Северной почты» был перепечатан текст о предании Березовского

⁹³ *Вакх Гуреев*. Слово по освящении храма в Томской Мариинской женской гимназии, устроенного иждивением потомственного почетного гражданина Ивана Толкачева, в память события 4 апреля 1866 г. // Томские губернские ведомости. 1867. № 2. С. 4.

⁹⁴ *Русанов И.* Томск. 4 апреля 1867 г. // Томские губернские ведомости. 1867. № 15. С. 5.

⁹⁵ *Освящение* и открытие Комиссаровской богадельни в селе Назаровском Ачинского округа // Томские губернские ведомости. 1868. № 17. С. 9.

суду, из которого ясны были мотивы его поступка. Об окончании процесса и о приговоре сообщалось в № 146 «Северной почты», но в томскую газету эта информация не попала. Возможно, в сравнении с аналогичным делом Каракозова наказание было слишком мягким – с учетом «облегчительных обстоятельств» Березовский был приговорен к пожизненной каторжной работе в Новой Каледонии. В память об этом событии в Барнауле 26 июня 1868 г. была заложена часовня⁹⁶. На церемонии присутствовал находившийся в городе великий князь Владимир Александрович. В № 32 от 12 августа 1872 г. по этому поводу были напечатаны стихи горного инженера и поэта А.Н. Таскина.

Третье покушение на императора, когда 2 апреля 1879 г. в него стрелял А.К. Соловьев, уже не было оформлено в виде экстренной новости. В № 16 от 28 апреля 1879 г. лишь указывалось, что «в ознаменование дня чудесного спасения жизни его величества» жители Бийска открыли подписку на строительство церкви Александра Невского и на устройство городского, вместо существующего приходского училища⁹⁷. О попытке взрыва императорского царского поезда 19 ноября 1879 г. и о взрыве в Зимнем дворце 12 февраля 1880 г. в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» также не говорилось ничего. В № 7 от 14 февраля 1881 г. лишь вновь сообщалось о благотворительной акции, приуроченной к известию о сохранении «священной жизни государя», – учреждении ежегодного сбора в пользу раненых и больных воинов в 2 коп. с души крестьянами г. Ануйска⁹⁸. Через месяц в официальной части № 11 от 15 марта 1881 г. было опубликовано распоряжение о

⁹⁶ *Протоиерей Стефан Ломиаков*. Краткое поучение с благословения преосвященнейшего епископа томского Алексея, сказанное в Барнаульском Петропавловском соборе 26 июня 1868 г., – день, назначенный для закладки на полицейской площади часовни в воспоминание чудесного сохранения 25 мая 1867 г. жизни государя императора Александра Николаевича в столице Французской Империи // Томские губернские ведомости. 1868. № 39. С. 14.

⁹⁷ *Пожертвование* // Томские губернские ведомости. 1879. № 16. С. 4.

⁹⁸ *Томские губернские ведомости*. 1881. № 7. С. 3.

создании 12 февраля Верховной распорядительной комиссии по сохранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Увы, покушение на императора из события экстраординарного превращалось в обыденное, едва ли не рутинное. Чудесное спасение уже не воспринималось и не отмечалось как всенародный праздник, о котором можно было подготовить восторженный материал и объявить о благотворительной подписке. Когда на жизнь государя посягали террористы-одиночки, их действия можно было объяснить фанатизмом или мстью со стороны поляков, но вызов со стороны идейной организации, возможности которой подтверждались дерзостью покушений и еще более преувеличивались слухами, повлек за собой не только туманные объяснения о «заблуждающейся молодежи», но и ограничение информации из центра событий. Местным властям предписывалось ужесточить цензурный контроль, чтобы «издаваемые в губернии газеты не печатали никаких известий и рассуждений относительно чрезвычайных событий (покушения на императора, арест террористов и пр.) и ограничивались только перепечатками из “Правительственного вестника”»⁹⁹.

О финале «охоты на царя» узнаем из официальной части № 10 от 7 марта 1881 г., вышедшего в черной траурной рамке, где на первой странице приводились телеграммы министерства внутренних дел томскому губернатору. Более подробно о произошедших событиях сообщалось только через месяц – в неофициальной части № 14 от 4 апреля 1881 г.: в рубрике «Сведения из газет» содержалась корреспонденция «Московских ведомостей» о самом теракте, присяге Александру III и панихиде в Исаакиевском соборе. В последующих № 15–21, в той же рубрике, приводился рассказ (по сути – интервью с места событий) полицмейстера А.И. Дворжицкого, описание церемоний прощания с императором и казни народовольцев. Местных материалов не было. Тональность публикаций подчеркивала всеобщую скорбь и негодование по поводу случившегося, особенно трогателен рассказ «Петербургского листка» о возложении венка на грудь «Отца и Благо-

⁹⁹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 732. Л. 71.

детеля» прибывшими в Петербург крестьянами (1881. № 16). Разговорный стиль как результат записи беседы с участником депутации придавал статье более естественный, доверительный и эмоциональный характер¹⁰⁰. Однако за прошедшие с первого покушения 15 лет русское общество и печать изменились. Даже в провинциальной официальной газете религиозный монархический пафос соседствовал с натуралистическими описаниями телесных повреждений и физического угасания императора, который предстал не как «Венценосный Вождь», а как обычный человек, испытавший в последние минуты своей жизни нестерпимую боль и мучительные страдания¹⁰¹. Описание сцены казни народовольцев также было выполнено в стилистике зрелища, развертывающегося во времени шаг за шагом, с участием солдат, палачей, священников, народа и самих осужденных, с вниманием к их поведению и внутреннему состоянию в ходе исполнения приговора (1881. № 18). Правда, управляющий казенной палатой М.А. Гиляров, исполнявший функции цензора вместо отсутствующего В.И. Мерцалова, вычеркнул те абзацы (¹/₅ статьи), в которых осужденные на казнь описывались как активные персонажи и еще живые

¹⁰⁰ «Тут я уж и помню-то мало (на глазах рассказчика снова выступили слезы): пали мы все на колени и зарыдали... Сдвинул те венки поближе к ногам, а мужицкий-то, мужицкий-то веноч прямо к нему на сердце. Как то есть были мы у него на сердце целую жизнь, так и после смерти наша благодарность легла к нему на мученическую грудь. И так это нас тронуло, что мы опять заплакали... И лежит наш Царь-Мученик в гробу с кротким и любящим лицом, точно заснул он, Батюшка. Образ Спасителя в руках у Него, цветы вокруг головы, и столько благодати на Его лице, столько доброты и любви, что будь каменное сердце, и то дрогнуло бы при виде этого мученика».

¹⁰¹ «...государь терял сознание от потери крови, которая сочилась из оборванных мускулов обеих голени. Эти мускулы и составляли единственную связь между стопой и коленями обеих ног, ибо кости голени были раздроблены и вышиблены взрывом» («Санкт-Петербургские ведомости»); «Ноги Его Величества ниже колен были раздроблены. Не было ни брюк, ни сапог, ни кальсон, а виделась окровавленная масса, состоящая из мяса, кожи и костей. Кровь лилась страшно» («Петербургский листок»); «В семь часов утра [перед погребением] придворный фотограф С.Л. Левицкий, пользуясь великолепным утренним освещением, сделал вполне удавшийся негатив» («Голос»). Наконец, в завершении приводился «План места, где смертельно ранен государь император» (1881. № 15).

люди, смотревшие по сторонам, переговаривающиеся, улыбающиеся и бодро входящие на эшафот. Вот Рысаков «что-то заговорил, но барабанный бой прервал его речь», Михайлов «поспешил сам оттолкнуть скамейку и тяжестью своего тела вырвал веревку из рук палача». Героизация поведения царевубийц, допущенная в центральных газетах, показалась Гилярову чрезмерной. «Печать всю, и столичную и местную, кроме катковских “Ведомостей”, он считал излишнею и вредною» – такую характеристику о Гилярове оставил Е.В. Корш¹⁰². «Сибирской газете», которая по совпадению начала издаваться с 1 марта 1881 г., также досталось от временно исполнявшего обязанности цензора¹⁰³. Необходимо отметить, что в частной томской газете события, произошедшие на набережной Екатерининского канала, также освещались на основании официальных телеграмм и перепечаток, но более подробно, с рассказами очевидцев, врачей, детализацией всех обстоятельств подготовки и совершения покушения, включая способ устройства бомбы (1881. № 2–9). Суд над народовольцами также занимал значительное место (1881. № 10–17)¹⁰⁴. Так пореформенным

¹⁰² Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 433.

¹⁰³ «...Гилярову не понравился циркуляр нового министра внутренних дел графа Игнатьева; из телеграфного изложения этого циркуляра были вычеркнуты слова о том, что «правительство предоставит надлежащие свободы» общественным силам участвовать в искоренении крамолы; что «права дворянства, земства и городских сословий останутся неприкосновенными» и что «крестьяне получают возможное облегчение от тяготей, улучшение их общественного устройства и хозяйственного быта». Далее из официального отчета о судебном заседании по делу 1 марта, перепечатанного из «Правительственного вестника», в показании подсудимого Желябова Гиляровым были вымараны слова: «Я долго был в народе, работал мирным путем, но вынужден был оставить эту деятельность по той причине, на которую указал подсудимый Кибальчич». Описание казни осужденных, взятое из газеты «Порядок», также было урезано. Выкинута затем целая статья об «инспекции народных училищ», предлагавшая усилить влияние сельских обществ и училищных советов на народную школу за счет влияния казенных наблюдателей за народными училищами (Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 434).

¹⁰⁴ Знакомство с обстоятельствами судебного заседания и показаниями обвиняемых могло вполне вызвать сочувствие террористам и их идеям, но «Сибирская газета» ничего не прибавляла от себя, публикуя пропущенные цензурой статьи «Правитель-

журналистским сообществом не только удовлетворялся понятный обывательский интерес к такого рода подробностям, но и формировались определенные вкусы и ожидания от газетного текста как предоставляющего возможность стать очевидцем и наблюдателем драматической и «царапающей» воображение картины.

В 1880 г. томским губернатором стал В.И. Мерцалов, который обратил внимание на неудовлетворительное материальное положение губернской типографии и попытался сделать неофициальную часть губернской газеты более разнообразной по содержанию. Ведением рубрики занялся канцелярский служащий Н.И. Сухопаров, вступивший в должность начальника газетного стола, смотрителя типографии и редактора губернских ведомостей вместо скончавшегося в июне 1880 г. Н.И. Стефанова¹⁰⁵. С № 31 от 9 августа 1880 г. появилась

венного вестника» и «Порядка». Вряд ли только что открытая газета с ее первоначальным редакционным составом бросала скрытый вызов властям: «...в этом молчании выразилось и сочувствие единомышленникам, и осуждение правительства, и приверженность традициям революционно-демократической прессы» (*Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983. С. 74). К тому же на второй странице № 2 от 8 марта 1881 г. находим вполне определенный комментарий к рубрике «Телеграммы «Сибирской газеты»: «Факты, сообщенные в вышеприведенных телеграммах, говорят сами за себя. Волнующие общество чувства вылились в составленном под первыми же впечатлениями адресе томской городской думы Государю Императору. Подавленные массой разнообразных впечатлений, мы ограничимся в настоящее время приведением этого адреса» (далее следует текст адреса).

¹⁰⁵ Николай Иванович Сухопаров родился в Томске в 1847 г. в семье священника. Окончил Томскую духовную семинарию, но, как и многие попovichы, не пошел по проторенной отцом дороге, а в 1873 г., как и некогда добивавшийся оплаты своих трудов в газете Ф.В. Рудаков, продолжил обучение в Казанском университете с обязательством последующей службы в Западной Сибири. С третьего курса Сухопаров вышел на службу помощником делопроизводителя в Семипалатинское областное правление. В 1876 г. приписан к правлению без содержания по болезни, а в 1878 г. по личному прошению вышел в отставку, но пробыл в ней всего месяц, поскольку не отслужил своего содержания в университете. В 1878 г. Сухопаров перевелся в Томск, где вначале был определен без жалования в штат томского общегубернского управления, в 1879 г. — заседателем томского окружного суда, а затем столоначальником. В новую должность со штатным жалованием в 393 руб. 50 коп. был назначен 23 июля 1880 г. в возрасте 33 лет (ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 19—

новостная рубрика – «Сведения из газет», в которой приводились дословно и в форме пересказа с комментариями новости из центральных изданий как общероссийского характера, так и относящиеся к Сибири (рис. 13). Объем сообщений неофициальной части в сравнении с официальной увеличился до 41% (в сравнении с 32% в 1879 г.).

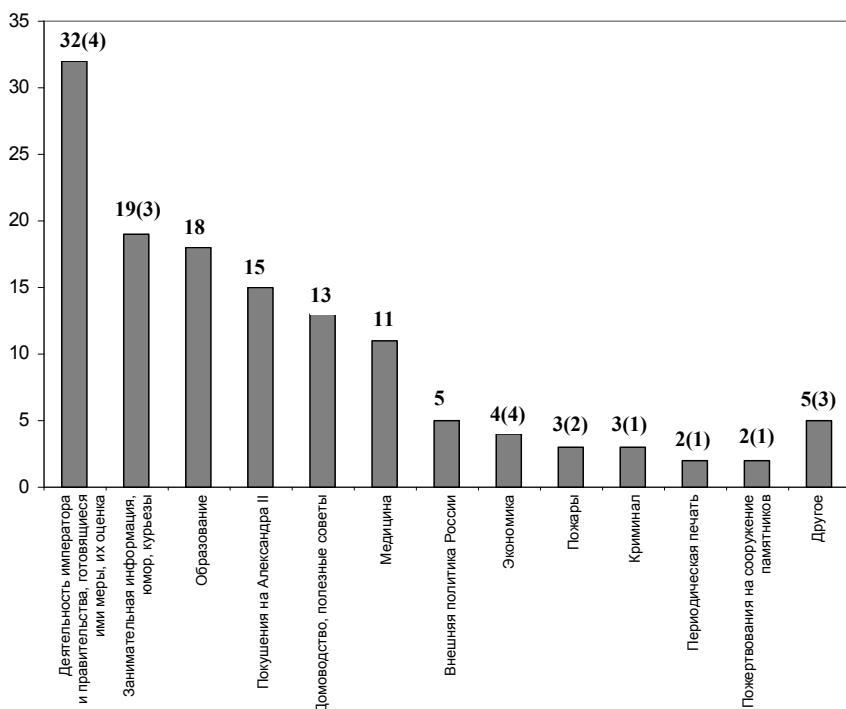


Рис. 13. Тематика содержания (включая вычеркнутые цензурой публикации) рубрики «Сведения из газет» за время ее существования (1880. № 31. 9 августа – 1882. № 4. 23 января)¹⁰⁶

24). В справочнике «Русская периодическая печать (1702–1894)» (М., 1959). Н.И. Сухопаров упоминается с ошибкой как Н. Сухопатов (С. 353).

¹⁰⁶ Первая цифра указывает общее число публикаций, вторая в скобках – из них о Сибири.

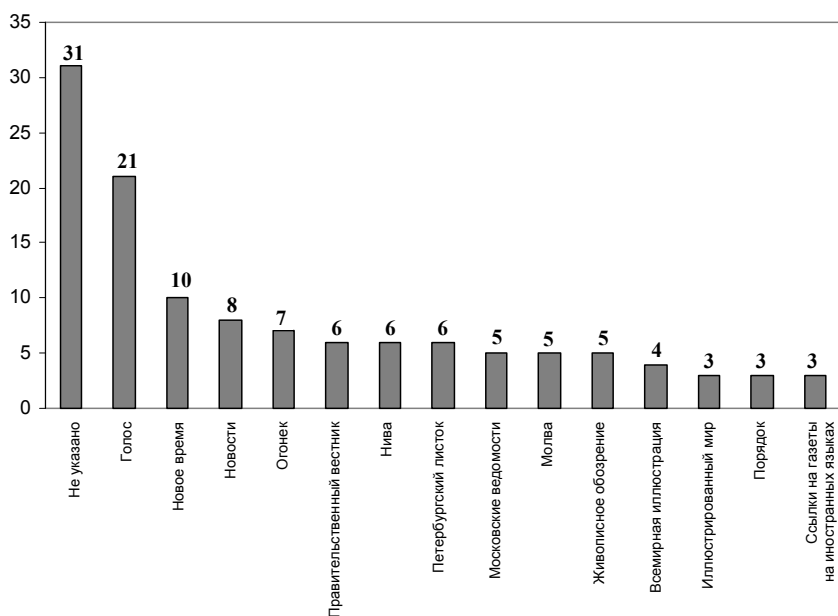


Рис. 14. Источники заимствования в рубрике «Сведения из газет»

Однократные перепечатки были произведены из таких изданий, как «Берег», «Век», «Восток», «Заря», «Неделя», «Россия», «Санкт-Петербургские ведомости», «Семипалатинские областные ведомости», «Сибирь», «Страна», «Современные известия», «Суфлер», «Томские епархиальные ведомости», «Церковно-общественный вестник»; двукратные – из «Биржевых ведомостей», «Русского курьера», «Сибирской газеты», «Современности» и «Страны». В некоторых случаях пересказывалось содержание заметок из нескольких центральных газет.

Хотя губернским ведомостям запрещалось печатать слухи о готовящихся правительственных мероприятиях и материалы «легкого» содержания, именно такие публикации преобладали в рубрике «Сведения из газет». Какой-то системы в их подборе не было. Читатель становился причастным как к общероссийским событиям

(например, реформы в сфере университетского образования (1880. № 31, 33), голод в Самарской и Саратовской губерниях (1881. № 10)), так и касающимся Сибири (о возможном введении мировых и земских учреждений (1881. № 4), об открытии в Томске «Сибирской газеты» (1881. № 8), о разрешении ссыльным заниматься торговлей и промышленностью (1881. № 13)), и в то же время информировался о рождении пернатого ребенка (1880. № 32) и захоронении живой женщины во Франции (1881. № 4). Такие сообщения должны были удивить и развлечь, придать газете занимательный характер.

Обращает на себя внимание интерес к сфере образования и готовящимся в этой области правительственным реформам, очевидно, в связи с тем, что Томску предстояло стать первым центром высшего образования в Сибири. В выборе изданий для перепечатки не наблюдалось какого-либо «идейного» направления. Такие солидные и влиятельные газеты, как «Голос» А.А. Краевского и «Новое время» А.С. Суворина, соседствовали с произведениями «малой прессы» – «Петербургским листком» и «Молвой», «тонкими» журналами для широкой читающей публики – «Огонек» и «Нива». «Правительственный вестник» – рекомендуемый министерством внутренних дел как основной источник для перепечаток – занимал в этом ряду весьма скромное место (см. рис. 14).

В рубрике можно обнаружить и авторское начало самого Сухопарова. Так, сообщение о «неисправностях» в церквях Томского и Каинского уездов, где описывались частые в среде духовенства пороки, заключалось следующими словами: «Мы опустили имена священников, памятуя, что *nomina sunt odiosa* [имена ненавистны], в епархиальных же ведомостях все пропечатано подробно. А еще Сибирь жалуется на недостаток гласности! Во всяком случае это пример, достойный примечания. Пусть же и на нас не обижаются, если кое-кого нам приходится величать по имени-отчеству» (1881. № 5). Перепечатку многословной статьи из «Сибири» об «идеалах» и расширении народного образования Сухопаров предварил

таким незамысловатым обоснованием: «...эта статья так хорошо изложена, так правдиво, что вследствие ее появления в печати мы позволяем себе напечатать выдержки из нее» (1881. № 6).

В этом же номере появилась под рубрика «Русская печать». Однако Мерцалов, внесший два исправления¹⁰⁷, вычеркнул один абзац в статье о расширении прав и полномочий земских учреждений, которых в Сибири не было, в конечном итоге перечеркнул сверху вниз всю колонку, написав с досадой «все чепуха», – для ведения неофициальной части необходим был более подготовленный человек, имевший журналистский опыт. Вообще «Сведения из газет» доставляли много хлопот. Их нужно было редактировать, и Мерцалов лично делал пометки и вычеркивал неподходящие материалы. Так, из № 35 от 6 сентября 1880 г. была удалена заметка из «National Zeit» о том, что в России дела осужденных по подозрению в нигилизме будут пересмотрены и тысячи арестованных молодых людей уже освобождены. В № 37 от 20 сентября рубрика была перечеркнута полностью, она содержала статьи о возможности семинаристам получать высшее образование и о возможной передаче бракоразводных дел из духовного ведомства в общие суды. После этих поправок в публикации рубрики наступил большой перерыв, она возобновилась с № 50 от 20 декабря 1880 г., возможно, по причине недовольства со стороны губернатора, но скорее всего по причине того, что Сухопаров, по собственному его признанию, с ноября «был одержим болезнью, состоящей в излишнем употреблении спиртных напитков»¹⁰⁸. В конце февраля 1881 г. он был направлен томским губернским правлением в больницу, а 25 февраля отстранен от должности в связи с возбуждением дела о злоупотреблении по типографской части. Рубрику «Сведения из газет» продолжил новый редактор газеты К.К. Горт-де-Гротт, ста-

¹⁰⁷ Допущенные орфографические ошибки выглядели весьма забавно – «о расжи- рении прав земств», «при существующей разразительности между земствами разных губерний».

¹⁰⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 40.

раниями которого с № 13 от 28 марта 1881 г. к ней добавилось «Иностранное обозрение». С № 44 от 7 ноября 1881 г. газета приобрела новый заголовок – вместо линейного он выполнялся в виде волны, что придавало первой странице некоторую игривость. С № 27 от 12 июля 1880 г. газета стала открываться перечнем публикаций официальной и неофициальной частей, размещенным в первой колонке под заголовком «Содержание».

При Мерцалове страницы неофициальной части стали активно использовать властные органы для ответа критическим заметкам в центральных изданиях (рубрики «Письмо в редакцию» и «От начальника Томской губернии»). Так, томский полицмейстер А.П. Дзержинский в опровержение корреспонденции из Томска в газете «Голос» сообщал, что он запретил актерам, играющим полицейских, надевать только погоны, а не мундиры и что арестованный за бесчинства в театре молодой человек застрелился не от позора, вызванного сопровождением его до дома городовым, а «будучи в ненормальном состоянии вследствие продолжительных кутежей» (1881. № 14).

Частный пристав Звенигородский приводил подробную историю поимки разбойника Лиханова, который «грабил, с оружием в руках, без разбора всякого встречного и поперечного, и поэтому, кроме всеобщего страха, никакого другого впечатления ни на кого не производил». В фельетоне же «Сибиряка» (Н.М. Ядринцева), помещенном в «Молве», убитый при поимке преступник изображался как «враг капитала и чиновников», имя которого «окруженное ореолом решимости, отваги и щедрой благотворительности к бедным, готово было перейти в песни и легенды» (1881. № 16).

Сам губернатор отвечал «Молве» на сообщение о принуждении крестьян наваливать снег на дорогу для большего удобства проезда генерал-губернатора Западной Сибири (1881. № 17). Эти публикации необходимы были не только для информирования местного общества, читавшего столичные газеты, но и адресовались вышестоящему начальству – в случае претензий и замечаний с его

стороны можно было сослаться на опровержение, напечатанное в официальной местной газете.

Таким образом, несмотря на то, что преобладающим направлением неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866–1881 гг. была публикация историко-этнографических и статистических сведений по Томской губернии, газета, являясь единственным местным периодическим изданием, не утратила своего общественного значения, оперативно освещая события не только городской, но и внутривластной и международной жизни в контексте реакции на них местного общества и сообразно с правительственной точкой зрения. Эти публикации не были проблемными и полемическими (что было характерно для частной прессы), а имели, по большей части, новостной информационный вид.

В условиях террора против императора усилились функции неофициальной части как проводника официального мнения для оказания определенного воздействия на провинциального читателя. Поставщиком информации, комментариев и соответствующих настроению власти оценок стала открытая в 1862 г. П.А. Валуевым умеренно-либеральная «Северная почта»¹⁰⁹ (в 1869 г. газета была реорганизована в «Правительственный вестник», ставший головным органом в системе губернских официальных газет).

В рассматриваемый период в «Томских губернских ведомостях» появились новые жанры, присущие газетной прессе, – авторские репортажи, телеграммы, обзоры центральной прессы о событиях в России и за рубежом, перепечатанные из центральных газет интервью, сообщения в жанре «сенсация». Новые рубрики «Сведения из газет», «Заграничные известия» и «Иностранное обозрение» были призваны не только вывести газету за рамки местных событий, сделать ее читателя сопричастным общероссийским и

¹⁰⁹ «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» хотя и имели официальный характер, не являлись в прямом смысле государственной собственностью и издавались соответственно Академией наук и Московским университетом с правом передачи в аренду частным лицам.

мировым процессам, но и выполняли свойственную газете прогностическую функцию – информировали читателя о том, что может произойти в ближайшем будущем.

Конечно, все вышеприведенные публикации в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» за 15 лет не составят содержания и нескольких выпусков современной «Российской газеты» и едва ли превысят количество статей за два-три месяца выхода «Восточного обозрения», но тем не менее они были и задавали определенное направление в соответствии с менявшейся общественно-политической ситуацией и интересами читательской аудитории. Соответственно содержание газеты в этот период шире утверждения Н.М. Ядринцева о том, что с 1866 г. «Томские губернские ведомости» «падают до прежнего своего уровня и наполняются одним сырым этнографическим и историческим материалом»¹¹⁰.

4.3. ТОМСКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ КАК МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ БАЗА ИЗДАНИЯ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ

Финансово и организационно «Томские губернские ведомости» были связаны с томской губернской типографией (после начала издания ведомостей ее помещения были расширены до шести комнат, располагавшихся в нижнем этаже здания губернского правления¹¹¹). Обе эти структуры подчинялись губернскому правлению и возглавлялись, согласно штатному расписанию, чиновником, соединяющим в себе функции начальника газетного стола,

¹¹⁰ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 670.

¹¹¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 42. Здание «присутственных мест» (губернское правление) было построено в 1842 г. в центре города на площади Новособорной. В настоящее время в нем расположен Сибирский физико-технический институт.

смотрителя типографии и редактора губернских ведомостей¹¹². Ведение неофициальной части могло быть поручено отдельному лицу, но эта должность также была неофициальной, не предусматривала оплаты и не предоставляла прав государственной службы. Только 8 июня 1865 г. такая возможность была прописана законодательно, как и выделение в штатные единицы «в случае надобности» и «на счет типографских сумм» должностей смотрителя типографии и корректора¹¹³.

Согласно «Адрес-календарям» в 1857–1866 гг. должности редактора официальной части занимали М.С. Праволамский, А.И. Лалетин, А.Ф. Мещерин. Редакторами неофициальной части, наряду с исполнениями своих прямых служебных обязанностей, были директор училищ Томской губернии Ф.С. Мещерин (1857–1859 гг.), возможно, занимавший ту же должность М.Л. Попов (1859–1862 гг.), столоначальник томской экспедиции о ссыльных И.Ф. Русанов (1862–1863 гг.), учитель томской гимназии Д.Л. Кузнецов (1863–1865 гг.). После ареста Кузнецова временно исполняющим обязанности редактора неофициальной части с 17 сентября 1865 г. стал А.Р. Николаев (он же с 5 июня 1865 г., до утверждения в этой должности Н.А. Кострова, занимал уже известную ему должность секретаря статистического комитета¹¹⁴). С 14 фев-

¹¹² Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. СПб., 1857. Т. 2. Ч. 1. Ст. 863.

¹¹³ «На счет типографских сумм могут быть определяемы, в случае надобности: 1) особый редактор неофициальной части ведомостей, без предоставления, однако же, ему по сему званию, прав государственной службы, почему он и может быть назначаем из лиц постороннего ведомства или вовсе не служащих; 2) особый смотритель типографии с правами службы наравне с делопроизводителем, или же смотритель типографии под названием фактора, без прав государственной службы, и 3) корректор или с правами службы наравне с помощником делопроизводителя или же из лиц вовсе не служащих» (ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42180. Ст. 10).

¹¹⁴ Коллежский ассессор Александр Романович Николаев происходил из обер-офицерских детей, окончил казанский университет со степенью кандидата камеральных наук. На службе в Главном управлении Западной Сибири с 1858 г., в этом же году причислен к томскому губернскому суду, с 1859 г. стал секретарем

раля 1864 г. редактором, начальником газетного стола и смотрителем типографии был назначен Н.И. Стефанов¹¹⁵, со сдвоенного № 12–13 от 25 марта – 8 апреля 1866 г. он стал редактировать и неофициальную часть, став первым, кто исполнял функции редактора как официальной, так и неофициальной частей «Томских губернских ведомостей». За дополнительную работу он получал из «типографских сумм» вознаграждение в размере 240 руб. в год¹¹⁶.

Основные статьи доходов томской губернской типографии составляли: сумма штатного содержания (1 200 руб.), подписная плата с обязательных¹¹⁷ и частных подписчиков, публикация част-

томской губернской строительной комиссии, а с 1860 г. исправляющим должность правителя ее канцелярии и дел присутствия. С 23 июня 1862 по 20 мая 1864 г. в дополнение к своим обязанностям занимал должность секретаря томского губернского статистического комитета. В 1865 г. управлял также отделениями томского общего губернского управления. В дальнейшем Николаев вел следствия по различным делам и дослужился до чина статского советника (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1373. Л. 4).

¹¹⁵ Николай Ильич Стефанов родился в 1837 г. в семье потомственного дворянина. На казенном содержании окончил томскую гимназию. В 1855 г. зачислен в штат томского общего губернского управления, в 1858 г. назначен столоначальником и в этом же году получил первый классный чин коллежского регистратора. С 1862 г. – губернский секретарь, с 1863 г. – коллежский секретарь. На должность редактора губернских ведомостей, начальника газетного стола и смотрителя типографии назначен 14 февраля 1864 г. с жалованием 393 руб. 50 коп. 4 августа 1873 г. Стефанов был определен к исправлению должности начальника третьего отделения губернского управления, которое ведало административно-хозяйственными вопросами. Вместо него губернской газетой стал заведовать политический ссыльный И.А. Парфианович, получивший разрешение поступить на государственную службу. 20 июля 1874 г. Стефанов уже в чине надворного советника стал командиром томской арестантской роты. 11 сентября 1874 г. по своей просьбе вышел в отставку, но уже 30 сентября того же года определен экзекутором и казначеем в томское губернское правление. С 4 октября 1877 г. вновь вступил в должность редактора губернских ведомостей, начальника газетного стола и смотрителя типографии, которую занимал до своей смерти. Умер в 1880 г. в возрасте 43 лет (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1006. Л. 174 об. – 178; Оп. 11. Д. 1378. Л. 4 об. – 5).

¹¹⁶ ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 109 об.

¹¹⁷ В 1862 г. из числа обязательных подписчиков губернских ведомостей были исключены городские, а с 1868 г. – сельские церковные приходы, уездная поли-

ных и казенных объявлений, типографские работы (частные заказы выполнялись с разрешения губернского правления и в соответствии с платой, определенной губернатором). В отношении размещения объявлений от присутственных мест действовали те же правила, что и для «Сенатских ведомостей». За тоекратное напечатание казенного объявления в официальной или неофициальной частях и частного объявления в официальной части, не превышающего 50 строк и помещающегося на одной странице, взималась плата 1 руб. 50 коп. сер. (в 1878 г. плата за публикации по судебным делам увеличена до 3 руб.¹¹⁸). Стоимость частного объявления, размещаемого в неофициальной части, утверждалась губернатором и составляла 3 руб. В долг могли размещаться объявления о продаже земли, описанной за казенные взыскания (объявления оплачивались после его продажи); об отстранении неисправных содержателей питейных и соляных откупов, о розыске незаконных водочных производителей (деньги взыскивались с виновных); о найденных вещах и скоте (оплачивались их владельцами); вызовы для получения патентов и других документов (оплачивались получателями); о вызове по судебным делам (оплачивались вызываемым).

Официальная информация, как было задумано еще в проекте ведомостей 1830 г., разделялась на предписания и распоряжения (императорские и сенатские указы, министерские циркуляры, распоряжения генерал-губернатора Западной Сибири и томского губернатора), которые публиковались бесплатно, и казенные объявления и известия, за которые взималась плата из сумм, предназначенных присутствиям и должностным лицам на канцелярские расходы. Бесплатно размещались объявления по судебным делам, в которых принимали участие казна или воспитательные дома; объявления, исходящие от судебной власти; по уголовным делам, рас-

ция и предводители дворянства (*Алфавитный указатель к сборнику циркуляров и инструкций министерства внутренних дел за 1858–1868 гг.* / Д. Чудновский. СПб., 1874. С. 26; ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1868. Т. 43. Ч. 1. № 46029).

¹¹⁸ ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1880. Т. 53. Ч. 1. № 58668.

смаатриваемым в Сенате; по вызовам в уголовные палаты для выслушивания приговора и о высылке лиц к следствию; по жалобам людей, отыскивающих свободу¹¹⁹.

Относительно сообщений, исходящих от губернатора и губернского правления, по-видимому, действовало правило их разделения на распоряжения, размещаемые бесплатно, и объявления, за которые взималась плата. Во всяком случае, исходя из сохранившейся делопроизводственной документации «Томских губернских ведомостей», графа «Доходы от публикаций» распространялась и на эти высшие должностные лица.

Вообще, как показала практика, формулировка «для скорейшего обнародования распоряжений губернского начальства и других известий, следующих ко всеобщему сведению или исполнению», которая определяла содержание официальной части ведомостей, оказалась довольно размытой и на всем протяжении существования газеты вносила неясность относительно оплаты печатных площадей. Так возникали запросы губернаторов о разъяснении, требовать или не требовать оплаты за публикацию объявлений о переводе пенсий из одной губернии в другую (пенсии находились в ведении правительственного учреждения – министерства финансов)¹²⁰, о помещении росписей по водочной торговле¹²¹ и о печата-

¹¹⁹ *Свод законов Российской империи*. Изд. 1857 г. СПб., 1857. Т. 1. Ч. 1. Ст. 472. Прил. 14. П. 3–5.

¹²⁰ *По департаменту* общих дел. 18 мая 1866 г. № 9208. О бесплатном помещении в губернских ведомостях объявлений, принадлежащих к категории правительственных распоряжений // *Сборник циркуляров и распоряжений МВД*, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 250.

¹²¹ *Циркуляр* департамента полиции. 26 января 1891 г. № 350. О бесплатном помещении в официальной части губернских ведомостей составленных присутствиями по питейным делам росписей местностей на разряды по взиманию патентного сбора с заведений для раздробительной продажи питей // *Сборник циркуляров и распоряжений МВД*... С. 252.

нии постановлений земств¹²² (они следовали к всеобщему сведению и исполнению). В первых двух случаях было принято решение о бесплатном размещении. В случае с известиями, отчетами, сметами и другими документами новообразованных земских учреждений губернаторы просили об оплате земствами этих публикаций ввиду резкого возрастания нагрузки на типографии при недостатке ее доходов¹²³. Однако по изданию «Свода законов» 1876 г. эта информация завершала перечень распоряжений и известий, которые публиковались бесплатно (далее следовал перечень казенных объявлений)¹²⁴.

Основными расходными статьями типографии являлись: оплата труда штатных служащих и наемных рабочих; приобретение типографского оборудования и его ремонт; покупка шрифтов, бумаги и красок; рассылка отдельных изданий типографии и «Томских губернских ведомостей»¹²⁵; отопление и освещение помещения. Кроме того, значительная часть типографских доходов предназначалась для «усиления средств губернского правления» и на выдачу премий чиновникам¹²⁶ (табл. 3).

¹²² *Циркуляр* по департаменту полиции. 25 мая 1871 г. № 113. О бесплатном печатании в губернских ведомостях постановлений земских учреждений // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 251.

¹²³ *Циркуляр* департамента полиции исполнительной. 16 марта 1872 г. № 55. О доставлении сведений, насколько расходы по бесплатному печатанию в губернских ведомостях постановлений земских учреждений могут быть без затруднения покрываемы настоящими доходами губернских типографий // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 251.

¹²⁴ *Свод законов Российской империи*. Изд. 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. Ст. 766.

¹²⁵ В количестве двух экземпляров ведомости должны были доставляться в Императорскую публичную библиотеку, в одном экземпляре – в Московский публичный музей, центральный статистический комитет, Русское археологическое общество, Академию наук, Александровский университет в Гельсингфорсе, Санкт-Петербургский цензурный комитет (с 1865 г. – в Главное управление по делам печати).

¹²⁶ *Свод законов Российской империи*. Изд. 1857 г. СПб., 1857. Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. Гл. 11: Часть казначейская. Ст. 994.

Т а б л и ц а 3

Общие доходы и расходы томской губернской типографии в 1859–1866 гг.¹²⁷

Год	Доход (включая сумму штатного содержания и остаток за прошлый год)	Расход	Остаток
1859	8 312 руб. 88 $\frac{3}{4}$ коп.	5 743 руб. 41 коп.	2 569 руб. 47 $\frac{3}{4}$ коп.
1860	7 268 руб. 44 $\frac{3}{4}$ коп.	6 185 руб. 99 коп.	1 082 руб. 45 $\frac{3}{4}$ коп.
1861	7 129 руб. 58 $\frac{1}{2}$ коп.	5 710 руб. 92 коп.	1 418 руб. 66 $\frac{1}{2}$ коп.
1862	6 779 руб. 2 $\frac{3}{4}$ коп.	5 903 руб. 67 $\frac{1}{4}$ коп.	875 руб. 35 $\frac{1}{2}$ коп.
1863	5 792 руб. 42 $\frac{3}{4}$ коп.	5 530 руб. 53 $\frac{1}{4}$ коп.	261 руб. 89 $\frac{1}{2}$ коп.
1864	5 489 руб. 37 коп.	5 330 руб. 73 $\frac{3}{4}$ коп.	158 руб. 63 $\frac{1}{4}$ коп.
1865	3 702 руб. 72 $\frac{1}{2}$ коп.	3 508 руб. 93 коп.	193 руб. 79 $\frac{1}{2}$ коп.
1866	3 386 руб. 5 $\frac{1}{4}$ коп.	2 647 руб. 63 $\frac{1}{2}$ коп.	738 руб. 41 $\frac{3}{4}$ коп.

Таким образом, годовой оборот типографии и ее доходность характеризовались тенденцией к снижению. Частные заказы сокращались ввиду невысокого качества исполнения. Шрифты, которыми в течение 10 лет печаталась газета, не заменялись новыми, из имеющихся станков только два чугунных были в исправном состоянии, а два деревянных проработали уже 45 лет¹²⁸. Такая ситуация была, в целом, характерна для правительственных учреждений печати во многих российских губерниях.

8 апреля 1865 г. министерство внутренних дел констатировало, что ведомости не приносят той существенной пользы, которой следовало бы от них ожидать, как для центрального управления, так и для местного населения, а типографии, составляя довольно обильный источник дохода для улучшенного издания ведомостей и для усиления средств губернских правлений, находясь в совершенном застое и в отношении производительности своей далеко отстают от частного типографского производства. Министр внутренних дел П.А. Валуев также обращал внимание на рост недоимок по услугам типографии и призывал к их ликвидации. Причинами этого назывались «запущенное состояние типографских снарядов» и ограниченность вознаграждения редактору газеты.

¹²⁷ ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 95–96; Д. 1916. Л. 37.

¹²⁸ Там же. Д. 1108. Л. 104, 105 об.

На основании «опыта» и заимствований «из коммерческой практики» министерство внутренних дел предлагало ряд «правил» для улучшения типографского дела: улучшение издания губернских ведомостей по форме и по содержанию, усиление контроля за получаемыми и расходуемыми средствами, расширение круга частных заказчиков, сокращение издержек на бумагу и верстку путем нераздельного печатания официальной и неофициальной частей в формате in folio («в лист»). Рекомендовалось увеличить периодичность газеты (два раза в неделю «Томские губернские ведомости» стали выходить только с конца 1905 г.); планировать доходы и расходы типографии на будущий год (доходно-расходная смета составлялась только по итогам года); предоставлять в министерство не только годовые, но и полугодовые отчеты о состоянии типографских сумм; повысить материальную заинтересованность редактора процентами от сумм, вырученных за объявления (25%) и подписку (20%) частных лиц (в расходных статьях типографии дополнительные процентные вознаграждения, что называется, «с продаж» ни для редактора, ни для других сотрудников не значились).

Особое внимание в министерском циркуляре обращалось на необходимость приобретения часто употребляемых шрифтов (№ 12, 11, 10, 8), замены ручных печатных машин скоропечатными, открытия при типографии собственных словолитен. В 1866 г. губернаторам рекомендовалось размещать заказы на изготовление шрифтов в типографии министерства внутренних дел, а не в частных заведениях, чтобы сократить расходы¹²⁹.

Томское губернское правление первоначально попыталось переложить все сложности и расходы по улучшению типографского дела на частное лицо – было подготовлено два варианта проекта о передаче казенной типографии в аренду на пять или на семь лет.

¹²⁹ *Циркуляр* Департамента полиции. 8 апреля 1865 г. № 41. О ведении дел в губернских типографиях // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 238–241; *Циркуляр* Департамента общих дел. 14 августа 1866 г. № 14615 // Там же. С. 257; ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 1–8 об.

Арендатор должен был в течение года (во втором варианте в первые 4 месяца) «улучшить настоящий шрифт», печатать на своей бумаге губернские ведомости, на своей же бумаге (с получением за нее платы) или на бумаге губернского правления печатать в срок все официальные документы (при этом «печать должна быть чистая, черная и четкая»), оплачивать труд типографских служащих, а также отопление и освещение помещений. Вознаграждением арендатору должны были стать подписная плата за ведомости, которую также надо было взыскивать самостоятельно, плата за тиражирование губернских ведомостей в размере 2 руб. сер. за 100 экземпляров (этот пункт появился только во втором варианте), частные и казенные заказы, которые все присутственные места и должностные лица обязывались размещать в губернской типографии¹³⁰.

Графа «Арендная плата» осталась незаполненной, но и без того ясно, что охотников взять на себя исполнение всех пунктов предлагаемых «кондиций» не нашлось. Техническое состояние, в котором находилась типография, делало такое коммерческое предприятие более чем сомнительным, требующим больших первоначальных вложений и последующей постоянной борьбы с неплатежами со стороны обязательных подписчиков и официальных клиентов. При желании открыть издательское дело или организовать издание газеты проще было начинать с нуля.

С другой стороны, в двойственном положении могли оказаться и губернское правление, и губернатор: если смотритель типографии, он же начальник газетного стола, входил в систему губернского управления, был лицом зависимым и подконтрольным, не имеющим права отказать в высылке ведомостей и публикации начальственных распоряжений, несмотря на имеющиеся долги, то рассчитывать на то, что частное лицо будет постоянно входить в затруднительные материальные положения чиновников, не приходилось. Такой рычаг внеэкономического воздействия, как взыскание по

¹³⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 89–93 об., 98–105 об.

службе, оказывался недействительным. Если относительно бесперебойная работа типографии при ее казенном характере основывалась на небольшом, но фиксированном бюджетном содержании (1 200 руб.) и возможности заимствования средств из капиталов других правительственных учреждений, то арендатор мог обеспечить ее работу только в случае своевременной оплаты подписки и выполнения заказов. Отсутствие свободных средств для закупки бумаги, оплаты труда рабочих и погашения других расходных статей могло привести к остановке печатания губернских ведомостей и официальных документов, а это уже означало нарушение закона и сулило губернскому начальству немалые неприятности.

В конечном итоге предписание министерства внутренних дел пришлось выполнять в расчете только на собственные ресурсы. С № 17 от 6 мая 1866 г. «Томские губернские ведомости» стали выходить в формате *in folio*; неофициальная часть перестала начинаться с нового листа, следуя сразу за частью официальной. Это существенным образом уменьшало расход бумаги и сокращало количество оттисков. С 1866 г. для необязательных подписчиков повышалась подписная плата – с 3 руб. до 4 руб. 50 коп.¹³¹ Номер на белой бумаге оценивался в 5 руб. 50 коп., отдельный экземпляр газеты мог продаваться по 20 коп.¹³² По причине износа оборудования и отсутствия бумаги работа типографии часто останавливалась, но предложение о подсчете платы наборщикам по количеству набранных строк было отвергнуто, поскольку в этом случае «ни один из них не останется служить» и типография лишится работников, «служащих в типографии уже несколько лет»¹³³.

В 1867 г. из типографии министерства внутренних дел были получены новые шрифты на сумму 722 руб. 73 коп.¹³⁴ Вместо по-

¹³¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 34.

¹³² Там же. Л. 289.

¹³³ Там же. Л. 87 об.

¹³⁴ Один из ящиков с шрифтами, подписанный «В Т. Губерн. Правл.», был по ошибке отправлен в Тамбов (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 273).

купки двух новых механических станков, в столичном заведении Франца Марка в 1868 г. в рассрочку были приобретены словолитня для изготовления шрифтов и скоропечатная машина вюрцбургской системы, с производительностью 2 400 оттисков в час¹³⁵ (ручной станок печатал 300 оттисков). Губернатор Н.В. Родзянко выделил на приобретение машины и словолитни 2 340 и 550 руб. соответственно и лично телеграфировал Францу Марку о заключении сделки. Средства на эти цели пошли из типографских сумм (в заимствовании из ссыльнопоселенческого капитала было отказано министерством). В июне 1868 г. смотритель типографии и редактор ведомостей Н.И. Стефанов был командирован в Петербург на три месяца (на это было затрачено еще 420 руб.) для изучения механизма машины, установки ее на месте и «вообще для изучения типографского дела»¹³⁶. В сентябре того же года Стефанов возвратился в Томск, собрал и запустил новое оборудование, на приобретение и доставку которого было затрачено 4013 руб. 49 коп.¹³⁷.

Для пополнения доходов и усиления коммерческой составляющей правительственной газеты были понижены расценки на типографские работы¹³⁸, губернатор также задействовал административный ресурс – все окружные суды, полицейские управления и волостные правления губернии обязывались размещать в губернской типографии заказы на изготовление делопроизводственных книг и бланков¹³⁹. При отсутствии альтернативы чиновники вынуждены были следовать этому предписанию.

¹³⁵ Такое количество экземпляров предусматривалось при формате 9 ¼ на 12 ½ вершков (41,07 на 55,5 см). Форматом 12 ½ на 19 вершков (55,5 на 84,36 см) можно было печатать 1 200 оттисков в час (ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 222 об.).

¹³⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1378. Л. 10 об.–11; Оп. 2. Д. 1108. Л. 34, 234.

¹³⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 37–38 об.

¹³⁸ *Хороманский В.М.* Столетие типографии Саратовского губернского правления. 1794–1894 гг. Саратов, 1895. С. 27.

¹³⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 12; Д. 1108. Л. 116–121.

В результате в 1869–1870 гг. доходы типографии повысились в сравнении с 1866 г. более чем в 3,5 раза (табл. 4). Новая техника помогла расширить ассортимент и качество печатной продукции – в конце 1870 г. через газету было объявлено об открытии при томской типографии литографии для изготовления ярлыков, визитных карточек, бланков, поздравительных писем, наклеек и т.д.¹⁴⁰. В 1871 г. был издан «Альбом видов г. Томска и его окрестностей» стоимостью 4 руб. сер.¹⁴¹

Т а б л и ц а 4

Общие доходы и расходы томской губернской типографии в 1869–1876 гг.¹⁴²

Год	Доход	Расход	Остаток
1869	11 618 руб. 26 3/4 коп.	7 567 руб. 65 коп.	4 050 руб. 61 3/4 коп.
1870	13 288 руб. 63 коп.	7 750 руб. 9 коп.	5 538 руб. 54 коп.
1871	8 776 руб. 33 1/4 коп.	8 678 руб. 87 3/4 коп.	97 руб. 45 1/2 коп.
1872	8 434 руб. 47 1/2 коп.	7 382 руб. 24 1/2 коп.	1 052 руб. 23 коп.
1873	10 383 руб. 42 1/2 коп.	9 590 руб. 49 1/2 коп.	792 руб. 93 коп.
1874	9 006 руб. 16 1/2 коп.	8 194 руб. 82 коп.	811 руб. 34 1/2 коп.
1875	9 902 руб. 47 1/2 коп.	9 209 руб. 85 1/2 коп.	692 руб. 62 коп.
1876	7 504 руб. 47 коп.	6 935 руб. 22 коп.	569 руб. 25 коп.

13 октября 1876 г. на томском рынке полиграфических услуг появилось новое действующее лицо – в городе открылась первая частная типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина. Через объявление в «Томских губернских ведомостях» она приглашала заказчиков к печатанию книг, счетов, расчетных листов, визиток, объявлений, этикеток и других малых форм печатной продукции, всегда востребованной торговой средой¹⁴³. Частная типография исполняла заказы быстрее, качественнее и дешевле. Доходы губернской типографии, не выдерживающей конкуренции, стали не-

¹⁴⁰ *Томские губернские ведомости*. 1870. № 48. С. 17.

¹⁴¹ Там же. 1871. № 32. С. 5.

¹⁴² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 39.

¹⁴³ *Томские губернские ведомости*. 1876. № 41. С. 4.

уклонно снижаться (в сравнении с тремя предшествующими годами в среднем на 1 800 руб. в год) (табл. 5, 6).

Т а б л и ц а 5

Общие доходы и расходы томской губернской типографии в 1877–1879 гг.¹⁴⁴

Год	Доход	Расход	Остаток
1877	6 129 руб. 57 коп.	5 772 руб. 22 коп.	358 руб. 11 коп.
1878	7 839 руб. 61 коп.	6 764 руб. 87 коп.	1 074 руб. 74 коп.
1879	7 051 руб. 64 коп.	5 767 руб. 86 коп.	1 283 руб. 78 коп.

В 1878 г. губернское правление вновь предписало полиции и волостным правлениям размещать заказы только в губернской типографии, но мера эта не достигла своей цели. Более того, правление само иной раз было вынужденно заказывать необходимую для своей деятельности печатную продукцию у Михайлова и Макушина. Регулярным клиентом частной типографии стала Томская духовная консистория, до этого делавшая заказы в губернской типографии¹⁴⁵.

Материальные обстоятельства губернской типографии и газеты ухудшил указ от 9 марта 1876 г., на основании которого изымалась «прибыль типографии из ведения губернаторов и обращалась с 1 января 1878 г. в доход казны»¹⁴⁶. Губернская власть лишилась одного из источников дохода, которым могла распоряжаться по собственному усмотрению. Указом от 30 мая 1878 г. правительственные типографии обеспечивались на три года дотациями в размере 135 тыс. руб., которые между губернскими правлениями распределял министр внутренних дел¹⁴⁷.

В конце 1879 г. департамент государственной экономии при рассмотрении финансовой сметы на 1880 г. вновь указал на необходимость увеличения доходов от деятельности губернских типо-

¹⁴⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 39.

¹⁴⁵ ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 599, 1789, 2554, 2648; Ф. 107. Оп. 2. Д. 1292.

¹⁴⁶ *Свод законов Российской империи*. Изд. 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. Ст. 821.

¹⁴⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 27.

графий и устранения оказавшегося в 1878 г. значительного в этих доходах недобора (из запланированных по смете 305 459 руб. поступило только 61 670 руб.). 29 января 1880 г. министерство внутренних дел издало циркуляр, который ставил перед губернаторами задачу обеспечить самокупаемость типографий, а по возможности превратить типографскую деятельность в источник казенного дохода¹⁴⁸.

Т а б л и ц а 6

Доходы томской губернской типографии за 1878–1879 гг.¹⁴⁹

Статья дохода	К 1 января 1878 г. в недоимке	Поступило			К 1 января 1880 г. в недоимке
		1878 г.	1879 г.	1878– 1879 гг.	
Губернские ведомости	1 925 руб.	989 руб. 31 коп.	934 руб. 47 коп.	1 923 руб. 78 коп.	1 498 руб. 74 коп.
Публикация объявлений	1 706 руб. 47 коп.	1 636 руб. 72 коп.	2 069 руб. 72 коп.	3 706 руб. 44 коп.	1 630 руб. 82 коп.
Частные типографские и литографские работы	3 259 руб. 3 коп.	2 394 руб. 10 коп.	1 304 руб. 63 коп.	3 698 руб. 73 коп.	2 958 руб. 48 коп.
Недоимки за прошлые годы		2 464 руб. 37 коп.	1 668 руб. 8 коп.	4 132 руб. 45 коп.	
Случайные оступления (от продажи старого шрифта, дефекта и др.)					
Итого	6 890 руб. 50 коп.	7 484 руб. 50 коп.	5 976 руб. 90 коп.	13 461 руб. 70 коп.	6 088 руб. 4 коп.

Необходимость определения объемов финансирования казной расходов губернской типографии привела к необходимости составления ее смотрителем постатейных годовых отчетов 1878–1880 гг. о доходах (5 статей) и расходах (13 статей). До этого в шнуровых книгах фиксировались только общие суммы доходов и расходов. Отчеты подготавливались по представленной министер-

¹⁴⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 3.

¹⁴⁹ Там же. Л. 32.

ством внутренних дел форме и предназначались для департамента полиции исполнительной, который с 1819 г. контролировал деятельность местных типографий (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

Расходы томской губернской типографии за 1878–1879 гг.¹⁵⁰

Статья расходов	Годы		
	1878	1879	1878–1879
Содержание штатных служащих	3 058 руб. 38 коп.	3 228 руб. 72 коп.	6 287 руб. 10 коп.
Наем рабочих и других лиц на сдельной оплате			
Пособия и вознаграждения штатным служащим	75 руб.		75 руб.
Приобретение шрифтов, машин и других принадлежностей типографского имущества	832 руб. 67 коп.	75 руб.	867 руб. 67 коп.
Ремонт типографского имущества	16 руб. 16 коп.	15 руб. 53 коп.	31 руб. 69 коп.
Покупка бумаги, красок и других принадлежностей для печати	1 625 руб. 2 коп.	752 руб. 70 коп.	2 377 руб. 72 коп.
Издержки по отдельным изданиям типографии	295 руб. 73 коп.	580 руб. 58 коп.	876 руб. 31 коп.
Расходы по рассылке типографских произведений	87 руб. 51 коп.	104 руб. 99 коп.	192 руб. 50 коп.
Наем помещения для типографии			
Расходы на отопление и освещение помещений типографских помещений	114 руб. 90 коп.	166 руб. 34 коп.	281 руб. 24 коп.
Получение промыслового свидетельства и оценочный сбор в пользу города	19 руб. 50 коп.	19 руб. 50 коп.	39 руб.
Уплата долгов, сделанных типографией в предыдущие годы		857 руб. 47 коп.	857 руб. 47 коп.
Перечисление в Государственное Казначейство	650 руб.		650 руб.
Итого:	6 774 руб. 87 коп.	5 760 руб. 83 коп.	12 535 руб. 70 коп.
К 1 января 1880 г. осталось за типографией долгов 1 089 руб. 42 коп.			

¹⁵⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 32.

Таким образом, мы видим, что типография в 1878–1879 гг. недополучила четвертую часть своих доходов: услуг было оказано на общую сумму 12 659 руб. 24 коп., из них получено 9 328 руб. 95 коп. (74%), а 3 329 руб. 99 коп. (26%) осталось в недоимке. Недоимка с прошлых лет погашалась (4 132 руб. 45 коп.), но возобновлялась вновь (сумма в 2 758 руб. 05 коп. осталась не выплаченной, к ней добавилось еще 3 329 руб. 99 коп.), поскольку чиновники, являвшиеся обязательными подписчиками, печатавшие бланки и объявления по делам службы, получали издания и услуги в кредит. Расходы типографии за этот же период обеспечивали, главным образом, содержание штатных служащих (50%), приобретение бумаги и красок (19%) и покрывали издержки только при взимании недоимок с прошлых лет.

Проблема оплаты казенных объявлений возникла уже в первый год существования газеты, когда между томским губернским правлением и генерал-губернатором Западной Сибири возникла переписка относительно помещения в газете объявлений Семипалатинского областного правления, не имеющего типографии и располагающего небольшими средствами на канцелярские расходы¹⁵¹. «Томские губернские ведомости» оказались в ситуации, аналогичной той, в которой были правительственные издания с обязательной подпиской. В 1844 г. за получение сенатских собраний узаконений было определено сразу же вычитать причитающиеся сенатской типографии суммы в момент отпуска казенных, городских или земских средств на канцелярские расходы присутственных мест¹⁵² (с 1860 г. с присутствий стали взимать и страховые взносы на пересылку денег через почту¹⁵³). Начавший издаваться при Главном Управлении по делам печати с 1869 г.

¹⁵¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 55–58.

¹⁵² *Сборник Циркуляров и Инструкций МВД*. 23 декабря 1844 г. О порядке удержания денег за сенатские издания // *Сборник циркуляров и распоряжений МВД*... С. 244.

¹⁵³ *Циркуляр* департамента полиции исполнительной. 28 октября 1860 г. № 143. Относительно платы за сенатские издания // Там же. С. 244–245.

«Правительственный вестник» также несвоевременно получал деньги от обязательных подписчиков¹⁵⁴. «Санкт-Петербургские ведомости», утратившие оппозиционный либеральный характер после их передачи в 1875 г. министерству народного просвещения, оказались в «крайне затруднительном положении» ввиду «медленного поступления денег» за печатание объявлений от различных учреждений¹⁵⁵. Средства, выделяемые на канцелярские расходы, не всегда были достаточны для своевременной оплаты правительственных изданий. Например, в 1840 г. должностные лица Кавказской области были освобождены от выплаты 5 руб. сер. за получение «Кавказского вестника», поскольку «определенная за получение помянутого вестника плата стесняет кавказские присутственные места и должностные лица по недостаточности предоставленных в распоряжение им канцелярских сумм, из которых плата сия производится»¹⁵⁶.

Из отчета томской типографии за первое полугодие 1880 г. (табл. 8) также очевидно, что текущая полугодовая прибыль едва покрывала издержки на содержание типографии, а положительное сальдо (2153 руб. 49 коп.) достигалось за счет взимания прошлых долгов и добавления остатка с прошлого года. Кроме того, отчет не содержал в себе общей суммы недоимок к началу года.

¹⁵⁴ *Циркуляр* МВД. 28 марта 1880 г. № 1260. О порядке удержания подписных денег за газету «Правительственный вестник» // Сборник циркуляров и распоряжений МВД... С. 245–246.

¹⁵⁵ *Циркуляр* Департамента Общих Дел. 27 апреля 1885 г. № 5. О принятии мер к своевременной уплате денег, следующих за объявления, печатаемые в прибавлениях к газете «С.-Петербургские ведомости» // Там же. С. 246.

¹⁵⁶ *Освобождение* присутственных мест и должностных лиц Кавказской области от платы за получение Закавказского вестника. 29.10.1840 // ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1841. Т. 15. Отд. 1. № 13902.

Доходы и расходы томской губернской типографии в январе – июне 1880 г.¹⁵⁷

Статья доходов		Статья расходов	
Губернские ведомости	686 руб. 30 коп.	Содержание штатных служащих	1 717 руб. 36 коп.
Частные типографские и литографские работы	1 182 руб. 20 коп.	Аванс смотрителю типографии на мелочные расходы	400 руб.
Недоимки за типографские работы	1 091 руб. 12 коп.	Ю. Нарбут за переплет книг	42 руб. 20 коп.
		В доход сенатской типографии	3 руб.
Итого	3 032 руб. 27 коп.	Итого	2 162 руб. 56 коп.
Остаток к 1 января 1880 г.	1 283 руб. 78 коп.		
Итого	4 316 руб. 5 коп.		
К 1 июля в остатке 2 153 руб. 49 коп.			

Остаток за 1879 г. в размере 1 283 руб. 78 коп. вместо перечисления в доход казны постановлением губернского правления от 29 декабря 1879 г. был оставлен в специальных средствах типографии. Тем самым были нарушены не только указ 1878 г. о перечислении доходов в распоряжение казны, но и статья Свода Законов, согласно которой доходы типографии могут быть расходваны только с разрешения губернаторов и только на ее нужды¹⁵⁸. Это нарушение новый смотритель типографии Н.И. Сухопаров объяснил тем обстоятельством, что «в январе и феврале 1880 г., вследствие конкуренции частной типографии, не предвидится доходов даже на покрытие необходимых в этих месяцах типографских издержек, в то время как типография должна немедленно уплатить

¹⁵⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 21.

¹⁵⁸ *Свод законов Российской империи*. Изд. 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1. Общее губернское учреждение. Гл. 10: Части экзекуторская, счетная и архивная. Ст. 821.

долги 1879 г.». Долги за бумагу, шрифты и другие типографские принадлежности составляли 669 руб., более 600 руб. предназначались на выплату жалования типографским служащим за первые два месяца 1880 г.¹⁵⁹

Исполняющий должность томского губернатора В.И. Мерцалов 18 марта 1880 г., через 4 дня после окончательного назначения¹⁶⁰, просил губернское правление принять «самые деятельные меры к возможному увеличению типографского дохода»¹⁶¹. Позже в своих воспоминаниях Мерцалов писал: «Губернская типография при переходе в мое распоряжение была в полном расстройстве: долгов на ней частных было 2 ½ тыс., казенных 6 тыс., машины испорчены, шрифты переломаны, бумаги ни листа»¹⁶². 5 апреля 1880 г. губернское правление ответствовало, что типография «несмотря на имеющуюся в оной скоропечатную машину, едва отрабатывает расходы на материалы и незначительное число служащих. Конкуренция частной типографии, имеющей гораздо больше шрифтов, две скоропечатные машины и свою литографию, положительно убила дело губернской типографии». Более того, при наличии более состоятельного и оборотистого конкурента губернская типография, не имеющая денег «даже на приобретение поперечных линеек для книг», не только не будет «давать пособие государственному казначейству, но сама должна будет ходатайствовать о пособии от казны»¹⁶³. В качестве мер к повышению доходов предлагалось применение административного ресурса (подобно предписаниям 1869 и 1878 гг.). Однако новый губернатор счел «неудобным» обязывать подведомственные учреждения делать заказы книг и бланков в губернской типографии и лишь рекомендовал им обращаться к ее услугам.

¹⁵⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 60.

¹⁶⁰ *Томские губернские ведомости*. 1880. № 15. С. 1.

¹⁶¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 3–4.

¹⁶² *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*. 1917. № 4–6. С. 27.

¹⁶³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 12–13 об.

18 октября 1880 г. Сухопаров написал губернатору представление относительно увеличения доходов типографии и улучшения газетного дела. Вступление, практически слово в слово, он позаимствовал из статьи председателя томского губернского правления М.Н. Берестова «Состояние томской губернской типографии», который в 1867–1868 гг. поспособствовал обновлению типографского оборудования¹⁶⁴: «Состоящая при томском губернском правлении типография с правительственной стороны есть не что иное, как средство для успешного сообщения постановлений и объявлений губернского и предписаний высшего начальства... Но кроме этого официального значения, губернская типография принимает на себя и исполнение частных, неофициальных заказов при условии, если на отпечатание заказа дано надлежащее разрешение. Здесь руководством для взыскания платы служит составленная в губернском правлении и утвержденная г. начальником губернии такса, из которой, как из рамки, не может выйти типография. Таким образом, при казенном характере типография принадлежит вместе с тем к торговым учреждениям и в этом последнем случае повинуетя всем законам рынка, т.е. чем дешевле она берет за свои работы, сравнительно с частными типографиями, чем чище, красивее и быстрее выполняет заказы, чем более имеет заказчиков, тем доходы ее значительнее, тем положение ее обеспеченнее и тем более у ней средств к исправности»¹⁶⁵.

В качестве возможностей увеличения доходов от издательской деятельности Сухопаров называл необходимость снижения расценок на частные заказы, замены часто меняющихся наборщиков опытными мастерами, расширения набора шрифтов и типографских принадлежностей, продажи 100 пудов негодного к употреблению шрифта, оцениваемого в 200 руб. сер. Губернское правление присовокупило к этим предложениям вновь просьбу «о предписании всем

¹⁶⁴ *Берестов Михаил*. Состояние томской губернской типографии // Томские губернские ведомости. 1871. № 11. С. 4–5.

¹⁶⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 36.

присутственным местам и должностным лицам в губернии обращаться с заказами в губернскую типографию, так как при теперешних условиях типографского дела это предписание уже никаким образом не будет насиланием чужой воли, а принесет истинную пользу как заказчикам, относительно дешевизны пред частными типографиями, так и самой типографии, увеличив ее доходы, что поставит типографию в возможность передавать в казну остатки тем более, что мера эта была уже применяема в 1869 г. и дала блестящие результаты, возвысив доход типографии сразу на несколько тысяч»¹⁶⁶. 22 и 29 ноября 1880 г. Сухопаров попытался пополнить доходы типографии продажей старого типографского шрифта по 2 руб. за пуд, дважды опубликовав объявление во вверенной ему газете¹⁶⁷, но желающих его приобрести не нашлось.

Одним словом, губернская типография, несущая на себе обременительные казенные обязанности, но вынужденная действовать в условиях конкуренции и рыночных отношений, должна была, по мнению руководства, получать бюджетные дотации и располагать административной поддержкой.

Губернатор уменьшил плату на заказы в губернской типографии и 13 ноября 1880 г. поручил губернскому правлению, «чтобы все подведомственные чины и волостные правления заказывали книги и бланки в томской губернской типографии, которая при теперешних условиях типографского дела будет исполнять заказы аккуратно и дешевле (зачеркнуто и написано «не хуже») частной типографии»¹⁶⁸.

Как и в 1879 г., чистый доход типографии в 880 руб. 29 коп. (табл. 9) не был перечислен государству, а оставлен в специальных средствах типографии постановлением губернского правления от 30 декабря 1880 г. по тем же самым причинам: «перечисления этого не представлялось возможным сделать ввиду того, что в январь и февраль

¹⁶⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 40–41.

¹⁶⁷ *Томские губернские ведомости*. 1880. № 46. С. 4; № 47. С. 4.

¹⁶⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 48.

1881 г., вследствие конкуренции частной типографии, не представляется доходов даже на покрытие необходимых в этих месяцах типографских издержек». Кроме того, за типографией числилось 1 438 руб. 29 коп. неотложных долгов за шрифты, бумагу и переплет¹⁶⁹.

Т а б л и ц а 9

**Доходы и расходы томской губернской типографии с 1 ноября 1880 г.
по 1 января 1881 г.¹⁷⁰**

Статья доходов		Статья расходов	
Губернские ведомости	282 руб. 22 коп.	Содержание штатных служащих	2 004 руб. 86 коп.
Частные типографские и литографские работы	1954 руб. 9 коп.	Приобретение и доставка шрифтов и бумаги	1 492 руб. 37 коп.
Недоимки за типографские работы	394 руб. 82 коп.	Выдано вдове редактора «Томских губернских ведомостей» Стефановой на погребение мужа	50 руб.
Недоимки за губернские ведомости	75 руб. 90 коп.	Аванс смотрителю типографии	430 руб.
		На депозит полицейского управления	3 руб.
Итого	2 707 руб. 3 коп.	Итого	3 980 руб. 23 коп.
Остаток к 1 июля 1880 г.	2 153 руб. 49 коп.		
Итого	4 860 руб. 52 коп.		
Затем к 1 января 1881 г. в остатке: 880 руб. 29 коп.			

23 февраля 1881 г. силами четырех чиновников губернского правления в помещении типографии была проведена ревизия наличных денег и делопроизводственной документации. Выяснилось, что «бумаги о делаемых заказах находятся в беспорядке, так что нет возможности определить действительную цифру заказов, из каких многие на приход не записаны». Заказы были записаны карандашом на обычном листе, хаотически, не по форме и без всякой

¹⁶⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 1916. Л. 56.

¹⁷⁰ Там же. Л. 55 об.–56.

системы. Многие из них не значились по приходным книгам или значились неоплаченными, хотя, по словам наборщиков, они были отпечатаны, и казенная бумага на них была употреблена. Квитанции об оплате за годовые комплекты «Томских губернских ведомостей» и просьбы о высылке газеты частными лицами и присутственными местами имелись (стандартных листов подписки не существовало), но в доход эти сборы (3 руб. в Томской губернии и 5 руб. 50 коп. за ее пределами) внесены не были, а сами ведомости не высылались¹⁷¹. В графе «Приход» не значилось 832 руб. 25 коп., не было представлено отчетов на сумму 65 руб. 78 коп. по наличным типографским материалам и на 63 руб. 58 коп. по хозяйственному авансу. Таким образом, типографии был причинен ущерб в 961 руб. 61 коп.¹⁷²

25 февраля 1881 г. Сухопаров был отстранен от должности и на время расследования причислен к томскому губернскому правлению. Смотрителем типографии назначен проводивший ревизию казначей и экзекутор Н.Е. Васильев, редактором ведомостей – столоначальник канцелярский служащий О. Вольский¹⁷³, а с 4 марта обе должности занял чиновник по особым поручениям К.К. Горт-де-Гротт¹⁷⁴. Ему же было поручено вести следствие по делу Сухопарова.

¹⁷¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 4а.

¹⁷² Там же. Л. 8.

¹⁷³ Томские губернские ведомости. 1881. № 9. С. 2. Вольский редактировал только № 9–10 1881 г. В этой должности он работал и во время болезни Н.И. Стефанова (1880. № 13–17).

¹⁷⁴ Карл Карлович Горт-де-Гротт происходил из потомственных дворян и по окончании юридического факультета Петербургского университета, в возрасте 23 лет, в 1877 г. был причислен к Главному управлению Западной Сибири без содержания. Исправлял должности секретаря томского присутствия по крестьянским делам. В 1878 г. по собственному прошению уволен со службы, с 1879 г. – чиновник по особым поручениям при томском общем губернском управлении с исполнением функций инспектора губернских типографий и литографий. Горт-де-Гротт редактировал «Томские губернские ведомости» в течение года, с № 11 от 14 марта 1881 по № 10 от 6 марта 1882 г., до приглашения в газету В.И. Мерцаловым Е.В. Корша. После исполнения должности редактора, начальника газетного стола и смотрителя типографии в апреле 1882 г. вышел в «чистую отставку» (ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53а. Л. 119–124).

В рапорте от 10 апреля 1881 г. Сухопаров объяснял беспорядки в документации следующим образом: «С ноября месяца 1880 г. я был одержим болезнью, состоящею в излишнем употреблении спиртных напитков, вследствие чего в конце февраля месяца томским губернским правлением был отправлен в томскую городскую больницу на излечение, откуда, излечившись, вышел. По выходе из больницы, я нашел у себя в квартире несколько заказов по типографии и полученных за исполнение их денег. Болезнь моя, состоявшая в последнее время в продолжительном беспамятстве, не позволяет мне утвердительно сказать, были ли эти заказы записаны в книгу заказов, а потому прилагая при этом самые заказы и девятьсот пятьдесят пять рублей денег, имею честь покорнейше просить губернское правление делать распоряжение – проверить типографские книги с имеющимися на лицо документами и из представленных мною денег вычесть то количество, какое будет причитаться по книгам; если же представленных мною денег окажется недостаточно, то я обязуюсь представить, сколько будет следовать; если же в представленных мною деньгах окажется излишек, то таковой покорнейше прошу возвратить мне»¹⁷⁵.

Выполнение заказов было проверено по напечатанным экземплярам «Томских губернских ведомостей», корректурам для тиражирования и опросам типографских служащих. За период конца 1880 – начала 1881 гг. типографией был исполнен такой акцидентный набор: 7 афиш посетившего Томск комика Страуса, в количестве 2 000 экземпляров каждое (что для провинциального города составляло значительное количество), гимназические дневники (400 экземпляров), ярлыки для спичек купцу Овечкину (10 стоп), бланки для конторы купцов Н.Н. Тюфина (150 экземпляров) и Н.И. Минского (5 форм), гарантийные обязательства для часового мастера (200 экземпляров), ротная книга для томской конвойной команды (80 листов), бланки для уездного волостного начальника (9 форм)¹⁷⁶.

¹⁷⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 40.

¹⁷⁶ Там же. Л. 30 об.–31.

Следствие установило, что смотритель типографии действовал не в корыстных целях, а под влиянием «ненормального состояния», вследствие «излишнего употребления горячих напитков». Деньги, поступившие за заказы (955 руб.), фактически наличествовали (6 руб. 61 коп. были внесены Сухопаровым позже). После смерти смотрителя типографии Н.И. Стефанова имущество типографии проверено не было, поэтому следствие заключало, что «не обнаружено никаких данных, чтобы эти материалы растрочены были именно им, а также не обнаружено и виновных в растрате материалов». По сложившейся традиции многие из заказов частных лиц и присутственных мест были исполнены в долг, что еще более запутывало ситуацию. Так, например, ведомости высылались томскому публичному маклеру, за которым значился долг в 5 руб. 50 коп., мещанам Григорию Кудрину (80 коп.) и Александру Иванову (1 руб.), смотрителю тюремного замка и его помощнику, за что следовало взыскать по 2 руб. с каждого, и т.д.¹⁷⁷

Несмотря на бедность (на вопрос следователя о движимом имуществе Сухопаров с иронией отвечал, что «оно заключается в ношенном платье и кабинетных принадлежностях стоимостью приблизительно на 50 руб.»¹⁷⁸), отстраненный от дел смотритель типографии настаивал, что он не имел потребности в казенных деньгах, поскольку получал материальную помощь от отца. Губернатор Мерцалов счел тем не менее невозможным приостановить следствие¹⁷⁹. Только при новом губернаторе И.И. Красовском 21 ноября 1883 г. следствие, которое длилось 2,5 года, было прекращено, обвинение в растрате снято и заменено строгим выговором за беспорядки в делопроизводстве¹⁸⁰.

Эта история, правда, в искаженном виде и с характерными для публицистики обобщениями, была донесена до читателей «Восточного обозрения». Ведение дел в томской типографии оценивалось

¹⁷⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 413. Л. 29.

¹⁷⁸ Там же. Л. 480–480 об.

¹⁷⁹ Там же. Л. 25.

¹⁸⁰ Там же. Л. 8–9 об.

как «поставленное самым нелепым образом», при котором ведомости «вытягивают вместе с типографиями тысячи казенных денег». Их редактором «назначается какой-нибудь чиновник, не только не получивший образования, а не всегда даже и хорошо грамотный» (Н.И. Стефанов окончил томскую гимназию, Н.И. Сухопаров вышел на службу с третьего курса Казанского университета). Должность редактора называлась «синекурой» (это при жаловании в 393 руб. 50 коп. в год), а занимающий ее чиновник еще и «всеми способами обворовывает типографию». Далее «Сибиряк» (под этим псевдонимом писал Н.М. Ядринцев) указывал на «факты» – Сухопаров (правда, без упоминания фамилии) назывался вором, который «привел все дело в страшный беспорядок и запущение» и растратил 995 руб. типографских денег, которые «внес его отец, состоятельный человек» (священник!). Следующий редактор ведомостей, который «хозяйничал» в типографии «до марта 1882 г.» (в этот период газету подписывал К.К. Горт-де-Гротт), также обвинялся в сокрытии истинных сумм типографских заказов и приписках.

Заканчивалась статья утверждением, что «многолетний опыт подобного ведения дел» требует реформирования губернской официальной газеты – передачи ведения неофициальной части сибиряку с университетским образованием в соединении этой должности с обязанностями секретаря статистического комитета, т.е. по сути вспоминалась ситуация 1864–1865 гг.¹⁸¹

В своем труде «Сибирь как колония» Ядринцев уже вскользь упоминал об этой ситуации, придав ей характер общесибирской: «Самое существование их [губернских типографий] было плачевное, хозяйство убыточное и большею частью ознаменовывавшееся переходом казенных денег в карманы управлявших типографией чиновников (истории эти повторялись до последнего времени в Сибири)»¹⁸².

¹⁸¹ *Сибиряк* [Н.М. Ядринцев]. Исследования Сибири и губернные ведомости (Письмо из Сибири) // Восточное обозрение. СПб., 1882. № 6. С. 9–11.

¹⁸² *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 667. Известно, что сила слова

Дела томской губернской типографии и в самом деле шли неважно. В 1883 г. долги за типографские услуги, накопившиеся за 15 предшествующих лет, достигли значительной суммы – 7 079 руб. 89 коп.¹⁸³; 2 705 руб. 98 коп. – за публикации объявлений в ведомостях, 950 руб. 36 коп. – за сами ведомости, 3 423 руб. 55 коп. – за заказы в типографии. 168 должностных лиц и присутственных мест – подписчиков томской и других сибирских губерний и областей – было перечислено в списке должников, составленном по требованию нового губернатора И.И. Красовского в 1884 г. На первом месте значилась должность самого томского губернатора с долгом в 229 руб. 40 коп. за публикации и 278 руб. 80 коп. за заказы, долга по выписке ведомостей не значилось. «До чего они докатились!» – такую пометку по этому случаю оставил Красовский на полях ведомости. Среди наиболее злостных неплательщиков по подписке на газету были полицейские управления

русского интеллигента ориентирована прежде всего на критику существующих порядков (благо недостатка в объектах для критики в нашем отечестве никогда не ощущалось), а «главный вопрос для русских СМИ – не вопрос отношения с читателем, а вопрос отношения с властью» (300 лет русской печати. М., 2003. С. 5). Г.Н. Потанин вспоминал такую «остроумную шалость» Н.М. Ядринцева. И.Я. Словцов, преподававший в 1879 г. в кадетском корпусе в Омске, напечатал в «Акмолинских областных ведомостях» статью, в которой описал, как живут раки в реке Оми. «Ядринцев прочел ее и начал убеждать своих знакомых, что это чистая публицистика, что это едкая сатира на самых видных омских чиновников, пасквиль на них. Ядринцев очень метко подобрал к фразам Словцова параллели из жизни омских чиновников. И это ядринцевское толкование вскоре распространилось по всему Омску. Параллели были так метки, что поверили, что это не ученая статья, а пасквиль, и задетые чиновники напали на Словцова» (*Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1986. Т. 7. С. 37). Сам Ядринцев описал этот случай следующим образом: «Сибирское общество не понимает еще сатиры и принимает ее за чистую монету. Это напоминает нам, как жители Омутинска, подстрекаемые одним насмешником, приняли несколько лет назад статью о раках, напечатанную в “Губернских Ведомостях” одним натуралистом, за обличение их собственной жизни и нравов» (*Ядринцев Н.М.* Из страны чудес и курьёзов // Восточное обозрение СПб., 1884. № 24. С. 12–14).

¹⁸³ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 4.

Томска (252 руб. 15 коп.), Бийска (201 руб.) и Каинска (121 руб. 85 коп.)¹⁸⁴.

Т а б л и ц а 10

Доходы и расходы томской губернской типографии в 1883 г.¹⁸⁵

Статья доходов		Статья расходов	
Обязательная подписка на «Томские губернские ведомости»	827 руб.	Содержание штатных и наемных рабочих	6 994 руб. 96 коп.
Необязательная подписка на «Томские губернские ведомости»	633 руб. 57 коп.	В доход казны на возмещение издержек, определенных повелением 12 мая 1861 г. и на содержание редактора и его помощников	400 руб.
Частные типографские и литографские работы	6 820 руб. 98 коп.	Приобретение и доставка шрифтов, бумаги, красок	2 932 руб.
Объявления в официальной части	2 349 руб.	Процентное вознаграждение	200 руб.
Объявления в неофициальной части	315 руб. 75 коп.	Ремонт типографского имущества	198 руб. 18 коп.
Недоимки за частные типографские работы	1 034 руб. 74 коп.	Выписка журналов, газет, телеграмм	246 руб.
Недоимки за объявления	187 руб. 25 коп.	Рассылка «Томских губернских ведомостей» и типографских произведений	262 руб. 21 коп.
Недоимки за губернские ведомости	129 руб. 88 коп.	Отопление и освещение	398 руб. 70 коп.
Итого	12 298 руб. 17 коп.	Мелочные расходы	310 руб. 37 коп.
		Итого	11 942 руб. 42 коп.
Остаток к 1 января 1883 г.	1 807 руб. 51 коп.	Жалованье писцам губернского правления	1 495 руб. 76 коп.
Итого	14 105 руб. 68 коп.	Итого	13 438 руб. 18 коп.

¹⁸⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 10–11.

¹⁸⁵ Там же. Л. 14–16.

На оборотной стороне отчета (см. табл. 10) Красовский провел свои расчеты на основании чистых доходов и расходов типографии за 1883 г. Сумма в 1 495 руб. 76 коп., пошедшая на выплату писцам губернского правления, была вычтена из остатка за 1882 г. (1807 руб. 51 коп.). Расходы типографии, таким образом, «снизились» до 11 942 руб. 42 коп. При доходе в 12 298 руб. 17 коп. прибыль типографии составила 355 руб. 75 коп., а остаток с прошлого года – 311 руб. 75 коп. Эти правки были внесены в отчет, отправленный в министерство внутренних дел. Несмотря на этот вполне законный арифметический прием, действительные материальные обстоятельства типографии не улучшились. Недополученные типографией средства за отчетный 1883 г. составили 3 191 руб. 6 коп., за предыдущие годы – 5 312 руб. 44 коп. Таким образом, недоимка за услуги типографии возросла с 7 079 руб. 89 коп. в 1883 г. до 8 503 руб. 50 коп. к 1884 г. За самой типографией значился долг в 5 390 руб. 38 коп.¹⁸⁶ В 1884 г., чтобы выплачивать жалованье служащим губернского правления, были сокращены издержки на зарплату рабочим (возможно, численность рабочих) и содержание основных фондов (табл. 11).

Т а б л и ц а 11

Доходы и расходы томской губернской типографии в 1884 г.¹⁸⁷

Статья доходов		Статья расходов	
1		2	
Обязательная подписка на «Томские губернские ведомости»	702 руб.	Содержание штатных и наемных рабочих	5 970 руб. 72 коп.
Необязательная подписка на «Томские губернские ведомости»	360 руб. 28 коп.	В доход казны на возмещение издержек, определенных повелением 12 мая 1861 г. и на содержание редакторов и их помощников	400 руб.
Частные типографские и литографские работы	4 775 руб. 50 коп.	Приобретение и доставка шрифтов, бумаги, красок	2 899 руб. 49 коп.

¹⁸⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 15 об.

¹⁸⁷ Там же. Л. 30–31.

1		2	
Объявления в официальной части	2 322 руб.	Процентное вознаграждение	75 руб.
Объявления в неофициальной части	530 руб. 56 коп.	Ремонт типографского имущества	14 руб. 28 коп.
Недоимки за частные типографские работы	2 579 руб. 5 коп.	Выписка журналов, газет, телеграмм	180 руб.
Недоимки за объявления	309 руб. 40 коп.	Рассылка «Томских губернских ведомостей» и типографских произведений	212 руб. 26 коп.
Недоимки за губернские ведомости	45 руб.	Отопление и освещение	238 руб. 52 коп.
Остаток к 1 января 1884 г.	667 руб. 50 коп.	Итого	10 338 руб.
Итого	12 291 руб. 29 коп.	Жалованье писцам губернского правления	1 008 руб. 76 коп.
		Итого	11 346 руб. 90 коп.

Таким образом, прибыль в 276 руб. 89 коп. достигалась тем же приемом – добавлением остатка с прошлого года в 667 руб. 50 коп. Неполученные типографией средства за отчетный 1884 г., в сравнении с 1883 г., выросли на 184 руб. 49 коп. и составили 3 191 руб. 6 коп. С недоимкой за предыдущие годы в 5 570 руб. 5 коп. общая недоимка за услуги типографии к 1885 г. возросла до 8 945 руб. 60 коп. Долги самой типографии незначительно сократились – до 5 212 руб. 99 коп.¹⁸⁸

5 марта 1885 г. Красовский отписывал губернскому правлению: «...я усматриваю крайнее несоответствие расходов с текущим приходом типографии, а из годовых отчетов за 1883 и 1884 годы оказывается, что недоимки по типографии ежегодно увеличиваются и долги самой типографии не уменьшаются»¹⁸⁹. Для исправления ситуации он требовал представления списка должников типографии и списка долгов самой типографии, использования доходов типографии исключительно на погашение собственных долгов, улучшения «исправности» и

¹⁸⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 31 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 33–34.

дешевизны в исполнении заказов, указания в ежемесячных отчетах суммы реальных поступлений средств от заказчиков, и, наконец, не ограничиваясь административными мерами, Красовский предлагал печатать губернские ведомости для обязательных подписчиков на более дешевой и, соответственно, менее качественной бумаге. Эта последняя мера была исполнена, что видно из сохранившихся экземпляров «Томских губернских ведомостей» второй половины 1885 – 1886 г.

По представленной правлением ведомости типография была должна различным частным полиграфическим фирмам за шрифты, бумагу и другие типографские принадлежности 4 572 руб. 40 коп.:

- 1 361 руб. 25 коп. – купцу М.Г. Кувшинову за газетную, александрийскую и альбомную бумагу;

- 1 304 руб. – в словолитное заведение Франца Марка и К^о за шрифты с разными принадлежностями, визитные карточки и бронзироваальные порошки;

- 641 руб. 80 коп. – в словолитню Гольдберга за шрифты и краску;

- 387 руб. 83 коп. – в словолитню Лемана;

- 373 руб. – в словолитню Гербека;

- 213 руб. 68 коп. – в контору В.Н. Бахарева, за доставку выписанных в 1884 г. шрифтов и бумаги;

- 180 руб. 84 коп. – в словолитню Вольфа за шрифты с принадлежностями;

- 110 руб. – в агентство Эд. Гоппе и К^о за краску и вальцевую массу¹⁹⁰.

Энергичная деятельность И.И. Красовского по оптимизации казенного газетного дела в Томске была прервана по причине его скоропостижной кончины 28 июня 1885 г., о чем в опекаемой им газете был опубликован некролог¹⁹¹.

Итак, «Томские губернские ведомости» и губернская типография, с одной стороны, имели официальное значение, а с другой – являлись коммерческим предприятием, исполняя заказы и печатая информацию от частных лиц и казенных учреждений. В такой ситуации были силь-

¹⁹⁰ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 41.

¹⁹¹ *Томские губернские ведомости*. 1885. № 26. С. 18–20.

ные и слабые стороны. Правительственный характер издания обеспечивал бюджетное финансирование и административное содействие, проведение модернизации типографского оборудования, но ограничивал характер публикуемой информации, бюрократизировал систему управления газетой, сокращал возможности к самостоятельной коммерческой деятельности. Публикация специфической служебной информации создавала круг постоянной и расширяющейся казенной подписки, но чиновники, включая самых высших должностных лиц, часто не оплачивали свои объявления и саму подписку на ведомости. Типография обязана была оказывать свои услуги в долг, поскольку сама идея ведомостей заключала в себе правительственное издание, орган губернского начальства. Таким образом, ведомости не могли окупить своего существования, как это замысливалось в их проекте¹⁹². Увеличение служебной информации в связи с дальнейшим развитием системы государственного управления приводило к увеличению официальной части, в результате увеличивались издержки на издание газеты и уменьшалась площадь части неофициальной. Это делало губернские ведомости менее привлекательными для частных подписчиков, тем более что в 1881 г. в Томске появилась альтернатива для читающей публики – первое частное периодическое издание – «Сибирская газета».

¹⁹² Такая ситуация была характерна и для других губернских ведомостей. Н.В. Воскресенский, который в 1882–1884 гг. редактировал неофициальную часть «Воронежских губернских ведомостей», писал, что «подписная плата, три рубля в год за экземпляр губернских ведомостей, не окупает даже расходов по изданию». По доходам от подписки в 1884–1886 гг. он разделял ведомости на 4 группы: менее 1 тыс. руб. в год (Виленская и Енисейская губернии, Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская, Терская и Забайкальская области), от 1 до 2 тыс. руб. (32 губернии), от 2 до 3 тыс. руб. (17 губерний, в том числе Воронежская), от 4 до 9 тыс. руб. (Калужская, Бессарабская, Вятская, Курляндская, Пермская, Саратовская, Казанская, Лифляндская, Тамбовская, Пензенская губернии). Исключение составляли «Харьковские губернские ведомости», выходившие ежедневно и имевшие характер большой общественно-политической газеты. Сумма подписки на них превышала 20 тыс. руб. Таким образом, «Томские губернские ведомости» по доходам от подписки попадали во второй разряд (Воскресенский Н.В. Пятидесятилетие «Воронежских губернских ведомостей». Исторический очерк с биографиями редакторов и сотрудников. Воронеж, 1888. Т. 1. С. 12–13).

ГЛАВА 5

«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1882–1904 гг.

5.1. ГАЗЕТА В ПЕРИОД РЕДАКТОРСТВА Е.В. КОРША (1882–1883 гг.) И КОНФЛИКТ С «ВОСТОЧНЫМ ОБОЗРЕНИЕМ»

С середины 70-х гг. XIX в. «Томские губернские ведомости», как и другие официальные газеты Сибири, оказались в новых условиях – они утратили свой монопольный характер, частная пресса, первые органы которой в Восточной Сибири были недолговечны, стала активно развиваться, приобретая общесибирское и общероссийское звучание, сосредоточивая в себе лучшие литературные и журналистские силы. С 1873 г. в Иркутске стала издаваться газета «Сибирь» (выходила до 1887 г.), в 1881 г. П.И. Макушиным и А.В. Адриановым была организована «Сибирская газета» (существовала до 1888 г.). В 1882 г. Н.М. Ядринцев основал в Петербурге бесцензурное «Восточное обозрение» (в 1888 г. издание перенесено в Иркутск).

Не вдаваясь в вопрос об идейно-политической окраске этих изданий, в которых тесно переплетались либеральные, социалистические и областнические взгляды, подчеркнем только их общий оппозиционный, «обличительный» характер по отношению к существующим социальным порядкам и местной администрации. Частная пресса в Сибири, как и в России, приобретала характер параллельного официальной власти центра общественной силы, представляющей и направляющей народные интересы в соответствии со своими мировоззренческими установками и политическими задачами.

«Дружный триумвират»¹, сосредоточенный на разработке местных вопросов в яркой и критической форме, с вовлечением читателя в обсуждение, оттеснял губернские ведомости на второй план. Конкурентные отношения в области типографского дела теперь устанавливались в деле газетном. В Томске ситуация принадлежности новооткрытого частного и прежнего государственного печатного органа к информационным площадкам различных общественных сил была обозначена уже в первом номере «Сибирской газеты»: «Весьма желательно, чтобы наши губернские ведомости кроме мертвых статей и официального отдела собирали бы материал по различным отраслям нашей жизни и т.д. Собираание материалов из официальных источников и отчетов администрации не имеет большой цены именно по своей бюрократической официальности»².

В начале октября 1881 г. председатель казенной палаты М.А. Гиляров, не выдавший пропускного билета на выпуск № 11 «Сибирской газеты» 10 мая 1881 г., в неофициальной части № 38 «Томских губернских ведомостей» от 3 октября этого же года опубликовал свою «краткую, но правдивую историю» об этом деле. Исполнявшего функции цензора не удовлетворил тот объем печатного пространства, который предоставила ему для «восстановления факта в точной его полноте» редакция «Сибирской газеты» в № 12 от 17 мая, и последующее обхождение с этим объяснением петербургских газет «известного пошиба». На страницах же «своей» газеты, спустя более четырех месяцев, когда «все газетные звоны и трезвоны умолкли», Гиляров объяснял, что действовал по закону, который предоставил ему право вычеркивать некоторые статьи и не допускать к публикации номер с пустыми колонками как свидетельство косвенного протеста против цензуры (по разъяснению Главного управления по делам печати). Ограничившись этими формальными основаниями своих действий, Гиляров сни-

¹ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 7. С. 31.

² Сибирская газета. 1881. № 1. 1 марта. С. 16.

мал с себя обвинения в произволе, хотя так и не объяснял, почему он все-таки «порезал» официальные сообщения³.

Уже отмечалось, что ставший в 1880 г. томским губернатором В.И. Мерцалов вскоре после вступления в должность озаботился состоянием томской типографии и ведением неофициальной части губернских ведомостей. Ее страницы стали использоваться для обращения к жителям («От начальника Томской губернии») и для разъяснений по поводу критики в центральных газетах («Письмо в редакцию»). При Мерцалове появилась рубрика «Сведения из газет», но формировалась и велась она бессистемно, не намного изменив содержание газеты. В условиях, когда организовывалось многотрудное дело строительства университета, которое необходимо было исполнить минуя «половинщиков казны»⁴ и безусловно не минуя, как и во всяком новом и ответственном деле, критических стрел со стороны других его участников (в особенности не

³ «Объяснительное письмо» Гилярова было написано довольно живо, в духе газетных перебранок эпохи, с переходом от официального языка к бытовому: «Суд газетный вышел суд скорый, но едва ли не хворый», «Голос»... во весь свой голос выкрикивал...», «Не знаю, к чему присудил цензора «Порядок» и другие газеты, коих я мало читаю и еще менее почитаю» и т.д. Досталось и «какому-то незастенчивому “Сибиряку”» (Н.М. Ядринцеву), который в «Стране» окрестил цензора «вандалом печати, гонителем, мучителем редакции “Сибирской газеты”». Гиляров обращал внимание на то, что редакция «Сибирской газеты» в одном из своих номеров хотя и объявляла, что «никого не уполномочивала на оглашение своих бесед с цензором», но те подробности, которые всплыли в печати, означали, что их мог знать «только или близкий родич, или сердечный сотрудник, коим открыта душа редакции». В итоге этот незначительный и в общем-то рабочий момент в ранней истории «Сибирской газеты», не закончившийся ни предупреждением, ни приостановкой, способствовал приобретению ею ореола борца с «цензурным произволом» (чего, собственно, и добивалась редакция). В исследовательской литературе описание этого эпизода прочно окрасилось в героический оттенок как первая «схватка» с цензурой и победа над ней (см., например: *Жилкова Н.В.* История «Сибирской газеты» // «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск, 2004. С. 11).

⁴ *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина. 1917. № 4–6. С. 22; № 7–9. С. 60.

несущих материальной и служебной ответственности), необходимо было продолжить усиление позиций регионального официального печатного органа⁵. Позже из 8 пунктов обвинений, предъявленных Мерцалову департаментом полиции⁶, губернатор согласился только с одним – с тем, что он допустил уголовного (не политического) ссыльного заведовать неофициальной частью газеты: «Хотя закон⁷ и разрешал мне пригласить для этого дела лицо по моему усмотрению, но приглашение Корша – сознаюсь – было ошибкой с моей стороны, хотя вынужденной»⁸. Евгений Валентинович Корш (1852–1913) – присяжный поверенный, с высшим юридическим образованием, оказавшийся в Сибири за подлог и подделку векселей⁹, воспринимался Мерцаловым как «опытная рабочая сила»¹⁰, задействуя

⁵ С 1 июля 1880 г. в Томске начали выходить «Томские епархиальные ведомости», укрепившие сектор местных официальных изданий.

⁶ *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*... С. 18–19.

⁷ Видимо, речь идет о Временных правилах о преобразовании губернских учреждений ведомства министерства внутренних дел в 37 губерниях и Бессарабской области (8.06.1865): «На счет типографских сумм могут быть определяемы, в случае надобности: 1) особый редактор неофициальной части ведомостей без предоставления, однако же, ему, по сему званию, прав государственной службы, почему он и может быть назначаем из лиц постороннего ведомства или вовсе не служащих...» (ПСЗ. Собр. 2-е. СПб., 1867. Т. 40. Отд. 1. № 42180. Ст. 10).

⁸ *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*... С. 27.

⁹ Там же. Необходимо отметить, что в 1873–1877 гг. в должности редактора «Томских губернских ведомостей» уже работал один ссыльный – Витольд (в православии – Иосиф) Афанасьевич Парфианович – 18-летний студент Петербургского университета, оказавшийся в 1864 г. в Томской губернии за участие в польском восстании. Он перешел в православие, женился и отказался, по собственным словам, от «польских стремлений и фантазий», написав на имя губернатора А.П. Супруненко прошение о принятии в государственную службу. С 11 августа 1873 г. в чине коллежского регистратора он стал редактором обеих частей газеты (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1163, 1282, 1415).

¹⁰ Е.В. Корш родился в семье журналиста, историка литературы и переводчика В.Ф. Корша. В 1877–1878 гг. в Петербурге издавал и редактировал ежедневную газету «Северный вестник», закрытую за «вредное» направление, выразившееся в публикации письма революционерки Веры Засулич. Корш имел довольно богатое

которую, можно было привлечь частных подписчиков, поднять тираж ведомостей и использовать их для сообщения населению «правильных» взглядов и сведений «в противовес тем инсинуациям и превратным толкам о сибирских порядках, какие постоянно печатались в маленьких газетах обеих столиц»¹¹.

В оценке деятельности Е.В. Корша как журналиста и редактора до сих пор довлеет авторитетное мнение Н.М. Ядринцева, который практически в каждой из своих публикаций, посвященных сибирской прессе, не забывал определить «физиономию» и классифицировать деятельность своего конкурента, подчеркивая собственное лидерство в газетном деле: «Если мы присоединим сюда еще ссыльных жуликов-адвокатов, разжигающих страсти капиталистов в Томске...»¹²; «... сибирские города наводнены ловкими людьми из ссыльных шулеров, червонных валетов, бывших адвокатов»¹³; «Как устраиваются некоторые, может служить доказательством совмещение некоторых должностей: домашний секретарь и совет-

«освободительное» прошлое, которое делало его политически неблагонадежным – он был защитником на «процессе пятидесяти» (1877 г.) и на «процессе 193» (1877–1878 гг.), предоставлял собственную квартиру для проведения собраний общества «Земля и воля», а для расходов «землевольтцев» на его имя был открыт счет в банке. Корш также сыграл главную роль в организации отъезда Засулич за границу после суда в 1878 г. (*Жиякова Н.В.* Корш Евгений Валентинович // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 166; *Она же.* Творческая биография Е.В. Корша (к вопросу о деятельности ссыльных в провинциальной печати) // I-формат. Журналистика провинции : альманах / под ред. Г.Г. Матишова, В.А. Шаповалова, О.И. Лепилкиной. Ставрополь, 2010. Вып. 6. С. 156–166).

¹¹ *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина... С. 27. Точно такого же мнения придерживался и генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин, направивший в Главное управление по делам печати 16 января 1882 г. ходатайство о расширении программы вверенных его контролю ведомостей (РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 6. 1882 г. Л. 1–3 об.).

¹² *Ядринцев Н.М.* Борьба с печатью в Сибири // Восточное обозрение. СПб., 1884. № 23. С. 12.

¹³ *Ядринцев Н.М.* Прошлое и будущее сибирской печати // Восточное обозрение. СПб., 1885. № 22. С. 12.

ник губернатора, распорядитель губернской типографии, редактор губернских ведомостей, служащий в конторе, частный поверенный, агент телеграфа; за всё тысячи 4 в год, кроме разных случайных доходов»¹⁴; «По смерти князя Кострова “Томские губернские ведомости” совершенно падают. Ведомости редактировались в это время каким-то сосланным за подлоги адвокатом Евг. Коршем, который заправлял губернской типографией и официальной газетой. В 1883 г. является попытка вступить в борьбу с местной частной печатью, но эта попытка является столь жалкой, что совершенно дискредитирует официальный орган и приводит к уничтожению всякой неофициальной части. Губернские ведомости не могли уже соперничать с возникшею в Томске частною печатью»¹⁵. Позже Корш стал отвечать той же монетой в организованном им в 1885 г. «Сибирском вестнике», а в своих воспоминаниях не скупился на черную краску для составления портрета «сибирского величества» и «генерал-патриота», который, влекомый «оскорбленным самомнением и затаенной злобой», развязал по отношению к нему «гнусную, беззастенчивую травлю»¹⁶.

Относительно места «Сибирского вестника» в ряду немногочисленных сибирских газет Ядринцев все же проговаривался: «Только благодаря усилиям и последовательности иркутской газеты [«Сибири»], элемент ссыльных мошенников не получил такого значения и не завладел общественной жизнью в Иркутске, как это случилось в Томске»¹⁷; «Но орган этот [«Сибирский вестник»] составил, по своему направлению, исключение из местной сибирской печати. Хотя в несколько лет добился значительного распро-

¹⁴ Ядринцев Н.М. Черная банда в Сибири // Восточное обозрение. СПб., 1884. № 21. С. 11.

¹⁵ Ядринцев Н.М. Начало печати в Сибири // Сибирский сборник. Приложение к «Восточному обозрению» за 1885 г. СПб., 1885. С. 370–371.

¹⁶ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 435, 439.

¹⁷ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб., 1892. С. 683.

странения»¹⁸. Данные Ядринцевым оценки сформировали представление об авторах и редакторах «Сибирского вестника» как организаторах «продажного рептильного органа»¹⁹, хотя в настоящее время эта точка зрения успешно преодолевается²⁰.

Надо сказать, что пуризма в газетном деле не наблюдалось с самых первых страниц истории сибирской печати – П.П. Сумароков, игравший главную роль в редакции «Иртыша, превращающегося в Иппокрену», также принадлежал к уголовным ссыльным, лишенным дворянства и отправленным в Тобольск за подделку сторублевой ассигнации. Не был подвергнут остракизму сибирской общественностью и современник Ядринцева В.А. Долгоруков, лишенный княжеского титула и сосланный в Сибирь за подлог в составе участников дела «червонных валетов» 1877 г., описанного в одноименном романе К.М. Станюковича. С 1889 г. Долгоруков занимался в Томске адвокатской практикой, в 1899 г. организовал выпуск первого в Сибири иллюстрированного журнала «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (с 1901 г. «Сибирский

¹⁸ Ядринцев Н.М. Сибирь как колония... С. 685.

¹⁹ «Вот эта тройца [В.П. Картамышев, П.М. Полянский, Е.В. Корш] при поддержке губернатора [И.И. Красовского] создала первый продажный рептильный орган – газету “Сибирский вестник”. Ее содержание было насквозь пронизано духом преданности самодержавию и ярой враждебности к демократическому лагерю. “Сибирский вестник” стал шпионом и доносчиком реакционера Каткова в Сибири. Злобная клевета на “Сибирскую газету”, иркутскую “Сибирь” и “Восточное обозрение” стали главным содержанием его бесславной деятельности» (Любимов Л.С. История сибирской печати. Иркутск, 1982. С. 77).

²⁰ Непримируемый борец с мифологемами в истории сибирской печати тюменский исследователь Ю.Л. Мандрика в своих работах показывает, что в сравнении с «Сибирской газетой» «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» обладал большой популярностью, по форме и разнообразию подачи информации переигрывал своих конкурентов, кроме того, также испытывал серьезные проблемы во взаимоотношении с властью (см.: Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная газета. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007; *Он же*. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009. С. 121–149).

наблюдатель»)²¹, в котором публиковались многие представители сибирской интеллигенции, в том числе и областнических взглядов (например, А.В. Адрианов).

После выхода Корша из состава редакции «Сибирской газеты» из-за конфликта с Ядринцевым Мерцалов предложил ему занять должность редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей», которую он стал подписывать в таковом качестве с № 13 от 27 марта 1882 г.²² Изменились время выхода газеты и ее внешний вид. С № 14 от 10 апреля 1882 г. неофициальная часть стала выходить отдельно от официальной, с № 17 от 29 апреля 1882 г. – не в конце недели (по пятницам с 1857 г. и по субботам с 1870 г.), а по четвергам. Если ранее вся газета не превышала 8 страниц, то теперь неофициальная часть располагалась на 16–24 страницах, со сквозной нумерацией каждой из двух колонок на листе. Впервые в истории «Томских губернских ведомостей» неофициальная часть по объему превысила официальную – 71,9% против 28,1% в 1882 г. и 63,3% против 36,7% в 1883 г. Заголовок вновь приобрел линейную форму и обрамлялся информацией о стоимости подписки и объявлений, условиях приема статей в газету и местоположении редакции.

Газету открывало рекламное сообщение о подписке на неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» (при этом оформить ее можно было с текущего месяца)²³. С № 31 от 5 августа 1882 г. к этому сообщению добавилась выдержка из официаль-

²¹ Сковрцов Г.В. Долгоруков Всеволод Алексеевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 103.

²² Кроме того, незадолго до своей отставки (видимо, в конце 1882 или начале 1883 г.) Мерцалов поручил Коршу исполнять должность секретаря томского губернского статистического комитета, вакантную после смерти Н.А. Кострова (Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 442).

²³ Подписка на 8 месяцев с доставкой на дом – 3 руб., для иногородних – 3 руб. 50 коп.; на 6 месяцев – 2 руб. 25 коп., для иногородних – 2 руб. 50 коп.; на 4 месяца – 1 руб. 75 коп. и 2 руб. и т.д. Отдельный номер оценивался в 15 коп., его можно было купить в конторе губернских ведомостей и у разносчиков.

ной программы издания, которая была самостоятельно несколько расширена Коршем: «относящиеся до Сибири сведения и материалы географические, топографические, исторические, археологические, статистические, этнографические и пр.; текущие известия общественной жизни Сибири; сведения о сельском хозяйстве, об урожае, промыслах, торговле, фабриках, ярмарках, рынках, судоходстве и пр.; известия из России, известия из-за границы и частные объявления».

После анонса содержания следовали одна – две большие публикации, посвященные Томску, Томской губернии или касавшиеся общесибирской проблематики. Это мог быть статистический отчет о Томской губернии, составленный самим Коршем (1882. № 15–21), перепечатка статьи Н.М. Ядринцева из «Известий Русского географического общества» (1882. № 17–21), отчет о ходе строительства сибирского университета (1882. № 23), статья редактора о возможностях приобретения сибиряками сельскохозяйственных машин (1882. № 30), его же репортаж об открытии в Томске Владимирского детского приюта (1882. № 40). В соответствии со своим образованием Корш выступил в новом для газеты жанре – юридического комментария к нововведенному закону о пошлинах с наследства применительно к местным условиям (1883. № 9).

С № 23 от 10 июня 1882 г. передовую статью стали предварять телеграммы о международных и общероссийских событиях (в мае 1882 г. Мерцалов просил разрешения министра внутренних дел Д.А. Толстого публиковать телеграммы и статьи из частных изданий в «Томских губернских ведомостях», чтобы «вызвать живой интерес к этому ближайшему официальному органу»²⁴). После того как расторопный Корш сделался агентом новооткрытого Северного телеграфного агентства и стал получать оперативную информацию непосредственно из Петербурга, телеграммы стали занимать иногда вторую и даже третью страницы газеты. При этом читатели губернских ведомостей, выходивших в четверг, могли зна-

²⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. Л. 1–5.

комиться с последними зарубежными и столичными известиями раньше – «Сибирская газета» выходила по воскресеньям.

Далее следовали основные рубрики – «Сибирская хроника», «Известия из России», «Известия из-за границы», «Разные известия», «Справочные известия» и «Частные объявления». Две первые были сопоставимы по объему, в соответствии с мнением редактора неофициальной части о том, что Сибирь является частью России и не может жить только своей жизнью (это мнение позже станет программным заявлением «Сибирского вестника»). Рубрики, посвященные последним мировым событиям и «разному» (занимательная и познавательная информация), вместе взятые, как правило, не превышали «Сибирской хроники» и «Известий из России».

«Сибирская хроника» соответствовала своему названию и пестрела мелкими датированными сообщениями как о прошедших, так и будущих событиях жизни Томска, городов и сел ее губернии и других местностей Сибири. Широкий территориальный охват обеспечивался ссылками на «Сибирь» (50), «Сибирскую газету» (25), «Восточное обозрение» (16), «Иркутские» (20), «Семипалатинские» (16), «Акмолинские» (16), «Енисейские» (8), «Тобольские» (8) ведомости и другие местные газеты. Выбирались статьи о Сибири и из центральных газет – «Нового времени» (29), «Голоса» (25), «Московских ведомостей» (17) и др.

Одним из главных источников информации для газеты стали собственные добровольные корреспонденты, число которых увеличивалось из номера в номер. География сообщений выглядела следующим образом: Мариинск (16), Барнаул (13), Бийск (8), Кайинск (6), Павлодар (5), Енисейск (5), Иркутск (3), Нарым (3), Семипалатинск (2), Кузнецк (2), Колывань (1), Красноярск (1), Усть-Каменогорск (1), Тюмень (1), Тобольск (1), Омск (1). Владивосток (1), сообщения из сельской местности – 53.

Корреспонденции без указания авторства предварялись словами «нам пишут», «нас извещают», «нам сообщают», «нас уверяют». Другим способом указания на сообщение с мест было приведение места и даты описываемых событий (например, «Из Парабельской волости Томского округа, 4 августа (Корреспонденция “Томских губернских ведомостей”»)). Всего за период редакторства Корша в неофициальной части было опубликовано 123 такие корреспонденции, 61 из них была подписана собственными именами, псевдонимами или криптонимами (рис. 15, 16).

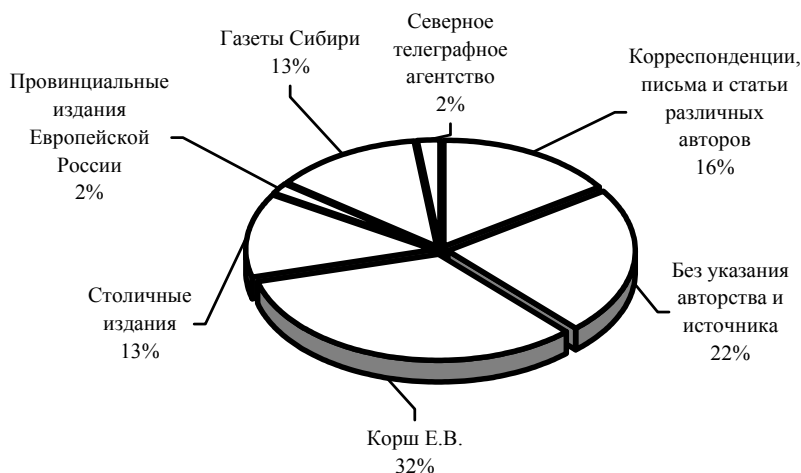


Рис. 15. Авторы, составители, корреспонденты и источники заимствованных публикаций в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1882–1883 гг.

В 1882 г. сообщения, письма и заметки с мест подписали 11 человек: А.С. Еленев (директор красноярской гимназии), Аполлон Киселев (священник, с. Тулинское Бердской волости; он же, видимо, писал под псевдонимом «Крестьянин»), Н.В. Скорняков (енисейский купец), К. Мицкевич (Бийск), Павел Чепик (Павлодар),

Б. Поляновский (Бийск), А. Ермолаев (Томск), Григорий Котов (Бийский округ), Н. Минский (Томск), И. Комельский (Барнаул), Васильев (томский младший ветеринарный врач). В 1883 г. к ним добавились еще 7 авторов: Дорофей Шунков (Нарым), Михайловский (бийский окружной врач), П. Архипов (Мариинск), В. Покровский (Барнаул), И. Ефимов (Александровский завод), В. Шкаев (с. Риддерск), П.Ф. Серапионов (Усть-Каменогорск).

Пожелавшими остаться неизвестными в 1882 г. были 9 человек: «Мих. Сперанский» (с. Битково Чингинской волости), «Ко-нец» (Мариинск), «Бедный еврей» (Томск), «Каинец» (Каинск), «Один из соседей» (д. Атамонова Бердской волости), «М.С.» (Барнаульский округ), «М» (Бийский округ), «С» (Енисейск), «О-ъ» (Барнаул). 1883 год поражает обилиями сокращений, всего же 25 подписей: «Еврей» (Томск), «Я» (Павлодар), «П» (село Салаир), «Н.Б.», «П.В.» (Кузнецк), «Старый театрал» (Барнаул), «А.» (Тюмень), «В-ъ» (Мариинск), «В.В.» (Иркутск), «О-ъ» (Мариинск), «Л-ий» (Семипалатинск), «Як. Ж.» (Красноярск), «Старожил» (Каинск), «Летописец» (Бийск), «Ш-ъ» (Тобольск), «П. С-ха» (Томск), «Д.Ш.» (Нарым), «П.» (Павлодар), «Томский старожил» (Томск), «Л.Р.» (Барнаул), «Гр.» (Владивосток), «Посторонний человек» (Барнаул), «Я.» (Каинск), «Я.-Пъ» (с. Ояшинское), «Наблюдатель» (Бердская волость).

Вновь появились в газете имена старейших корреспондентов «Томских губернских ведомостей» – крестьянина П. Школдина²⁵ и С. Екимбарова²⁶, приславших свои материалы еще в 1859–

²⁵ Школдин Павел. Барнаул, 22 октября 1882 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») [о призыве новобранцев в Барнауле] // Томские губернские ведомости. 1882. № 44. С. 863–864; Он же. Село Крутиха, Барнаульского округа, 10 ноября 1882 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») [о ярмарках в с. Крутиха и их влиянии на быт жителей] // Там же. № 47. С. 961–962.

²⁶ Село Маслянинское Николаевской волости Барнаульского округа, 29 января 1883 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») // Томские губернские ведомости. 1883. № 6. С. 124; Село Маслянинское Барнаульского округа,

1860 г. Возобновил свои этнографические публикации об алтайцах В.И. Вербицкий²⁷.

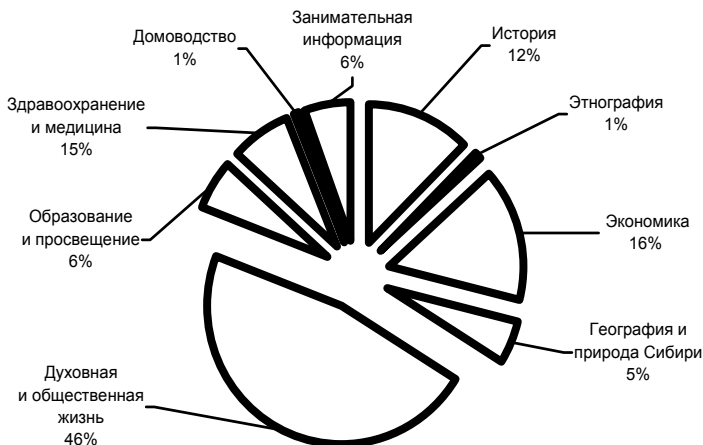


Рис. 16. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» 1882–1883 гг.

В «Сибирской хронике» Корш следовал за текущей ситуацией, не пропуская сколько-нибудь интересных для читателя фактов. Корреспондировали обо всех значимых для провинциального захолустья событиях – о небывалом урожае черемухи в Мариинске и о неудачных гастролях в Томске фокусника Страуса (1882. № 37), о вреде сельских кабаков (1882. № 44), об археологических находках в курганах с названием «Татарские юрты» (1882. № 47), о материальном положении сельских врачей (1882. № 50), тараканах и

11 мая 1883 г. (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») // Там же. № 20. С. 384–385; Из Барнаульского округа (Корреспонденция «Томских губернских ведомостей») // Там же. № 24. С. 445.

²⁷ Вербицкий В.И. Сказка у алтайских инородцев // Томские губернские ведомости. 1882. № 33. С. 532–534; № 42. С. 810–812; № 44. С. 872–874; № 45. С. 902–904; 1883. № 8. С. 169–171; № 14. С. 288–299; № 15. С. 316–318; № 16. С. 335–337.

сыром белье в банных номерах (1883. № 11) и т.п. Если же в местных событиях был недостаток, то, не уподобляясь хроникерам из рассказов О. Генри, принимавшимся за сочинение сенсаций, редактор так и сообщал об этом читателю: «Неделя полного затишья! В городе почти не произошло ничего такого, что стоило бы занести в нашу хронику. Лето вступило в свои права, и даже заседание думы, назначенное на 9 июля, не состоялось за неприбытием достаточного числа гласных»²⁸.

Вновь, как и в период работы в ведомостях Н.А. Кострова, появились статьи о городах Сибири – о хозяйственных занятиях и жителях Нарыма (1882. № 22; 1883. № 24), Мариинска (1882. № 23; 1883. № 8), Каинска (1882. № 24), Бийска (1882. № 25; 1883. № 4), Колывани (1882. № 26, 39), Барнаула (1882. № 47). Иногда эти заметки напоминали ученические сочинения, но местное происхождение автора усиливало ценность сообщаемых сведений, позволявших увидеть те изменения, которые произошли в жизни этих городов за 15 лет.

Письма могли нести характер оправдания или частного мнения по какому-либо вопросу, содержали непроверенную информацию, что могло спровоцировать дальнейшую дискуссию или недовольство упомянутых лиц. Например, бухгалтер томской городской управы Шишлов в ответ на заметку о выдаче им жалованья фиктивно существующим городовым (1882. № 36) отправил в газету заявление, в котором доказывал непреднамеренный характер своих действий (1882. № 39). В этом же номере сообщалось об отсутствии контроля со стороны еврейской общины за пожертвованиями в пользу трех томских синагог и о продаже мест в одной из них на аукционе. «Торговать можно всем, но не правом молиться в синагоге в годовую праздник. Церковь должна бесплатно отворять свои двери каждому прихожанину, а не закрывать входа в храм божий для бедняков, не имеющих денег для уплаты за место», – заключал свое сообщение «Бедный еврей» (1882. № 39). Если по-

²⁸ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 28. С. 369.

следняя заметка не повлекла за собой открытого обсуждения, то «дело о бухгалтере» дополнилось публикациями о его злоупотреблениях в той же должности в тюменской управе (1882. № 42) и намерением Шишлова привлечь к суду за клевету сообщившего эти сведения гласного Ефимова (1882. № 45).

Дискуссию вызвала статья о методах преподавания в воскресных школах. Ее автор Н. Минский, побывав на открытом уроке, замечал, что учительницы выбирают неудачные вопросы и материал для чтения, при этом назывались конкретные фамилии педагогов²⁹. Смотритель училищ Томского и Мариинского округов П.А. Буткеев вступился за свое ведомство³⁰. Упреки в «шутливости и поверхностном отношении» к единственной в Сибири воскресной школе прозвучали и со стороны «Сибирской газеты»³¹, на что Н. Минский отвечал, что «воскресная школа – дело общественное и подлежит публичной критике»³².

Сведения о происшествиях перестали выделяться в отдельную рубрику, из полицейских донесений и сибирских газет выделялось только то, что представляло собой «событие» в соответствии с извечным интересом читающей публики к скандалам и чужим смертям. Во всех доступных деталях и предположениях относительно причин и мотивов излагались случаи самоубийств, смертей насильственных и по неосторожности, обнаружения трупов, грабежей и «скандальных» происшествий в общественных местах. Провинциального драматизма незамысловатым преступлениям (похищение муки из амбара, убийство мужем жены) добавляла форма подачи такого рода информации – вначале сообщалось о найденном теле или о случае кражи так, как будто это дело еще не было выяснено, затем следовали подробности расследования и только в конце чита-

²⁹ *Минский Н.* Томские Воскресные школы // Томские губернские ведомости. 1882. № 47. С. 954–957.

³⁰ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 48. С. 987–988.

³¹ *Хроника* // Сибирская газета. Томск, 1882. № 48. С. 1223.

³² *Еще о воскресных школах* (по поводу письма П.А. Буткеева) // Томские губернские ведомости. 1882. № 49. С. 1014.

тель узнавал о личности преступника и его поимке. Иногда для поддержания читательского интереса заметка заключалась фразой «подробности в следующем номере».

Между «Сибирской хроникой» и «Известиями из России» размещалась вторая большая публикация номера, посвященная, как правило, также местной проблематике («Иркутская городская библиотека» (1882. № 16), «Сибирская выставка в Париже» (1882. № 17), «Крестьянские переселения» (1882. № 25), письмо в редакцию «Кузнечный промысел в Салаирской волости» (1882. № 27), очерк Н.П. Григоровского о крестьянине-кулаке из Нарымского края (1882. № 30), речь вице-председателя Географического общества П.П. Смирнова по поводу трехсотлетия Сибири (1883. № 2) и т.д.).

Здесь же, в подрубрике «Новая книга» или «Книжные новости», разместились сибирская библиография. С началом гастролей труппы из Екатеринбурга Корш стал вести регулярную «Театральную хронику» (с № 42 от 21 октября 1882 г.), в которой давал характеристику драматургу и сценическим талантам актеров, по свежим впечатлениям, сразу после спектакля, завершая свою рецензию указанием на время ее составления (например, «20 октября, 12 часов ночи»).

Следующая по объему большая статья отделяла «Известия из России» от «Известий из-за границы» и рассказывала о каком-либо значимом общероссийском событии (учреждение Крестьянского земельного банка (1882. № 14), процесс по «делу двадцати» (1882. № 17), об экспонатах всероссийской выставки в Москве (1882. № 22–38, 41) и т.д. Иногда таких публикаций было несколько. Международная тематика была представлена телеграммами Северного телеграфного агентства. Основными ньюсмейкерами выступали европейские государства, главным образом их внешняя политика. Наибольшее количество сообщений касалось положения Турции и Египта во время англо-египетской войны 1882 г. (261), далее следовали телеграммы из Франции (246), Великобритании (152), Австрии (132), Германии (96). В раздел «Справочные известия» попали официальные отчеты, а «Частные объявления» зани-

мали последнюю страницу, но со второй половины 1882 г. реклама товаров и услуг могла выноситься и на первую страницу.

Новая структура неофициальной части в общих чертах, с некоторыми дополнениями, выдерживалась вплоть до выхода ее последнего номера³³.

Несмотря на то, что в своих воспоминаниях Корш писал, что при занятии должности редактора неофициальной части он дал понять губернатору, что «не намерен помогать ему в прославлении местной губернской и окружной администрации»³⁴, имя Мерцалова (напрямую или с указанием только должности) и его супруги появлялось довольно часто – в связи с благотворительными мероприятиями (6), губернаторскими распоряжениями и проектами (15), строительством сибирского университета (4), поездкой в Петербург (3), награждением (1), выражением верноподданнических чувств (1)³⁵.

К слову сказать, «Сибирская газета», позиционировавшая себя как частный независимый орган, также не могла обойти вниманием главное действующее лицо местного административного аппарата. О томском губернаторе Мерцалове в 1881–1884 гг. упоминалось 10 раз (даже после его отставки), а о Красовском в 1883–1884 гг. – 34 и всегда в положительном смысле³⁶.

³³ Даже во время коронации Александра III, которой была посвящена половина одного из номеров неофициальной части (1883. № 19), редактор не отступил от принятой рубрикации, поместив сразу же после сообщения о праздновании этого дня в Томске очерк Н.П. Григоровского с неблагозвучным названием «Свиное дело. Из быта нарымских крестьян». Оставшиеся телеграфные сообщения о коронационных торжествах были отложены до следующего номера.

³⁴ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 438.

³⁵ Сообщено было ведомостями и о трагедии, постигшей Мерцалова, когда его 16-летний сын по неосторожности смертельно ранил себя на охоте (*Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1883. № 43. С. 834).

³⁶ Например, в № 16 от 16 апреля 1884 г. «Сибирская газета» не забыла вежливо упомянуть, что пожертвователю 4 ватерклозетов, 8 писсуаров и 2 раковин в пользу общежития для будущих студентов сибирского университета г. Ланггауз был воспитанником московского университета и учеником начальника губернии Красовского.

Первые номера неофициальной части «Томских губернских ведомостей» не выходили без упоминания имени и трудов Н.М. Ядринцева. Сообщалось о вручении ему и Г.Н. Потанину медалей Русского географического общества (1882. № 13), о выступлении Ядринцева на заседании «сведущих людей» (1882. № 13), приводилась восторженная рецензия из «Правительственного вестника» на публикацию «Поездка по Сибири и Алтайский горный округ» (1882. № 15). Был напечатан труд «одного из самых усердных исследователей Сибири» о коренных жителях Алтая (1882. № 17–20), и от лица самого Корша рекламировалось новое его большое сочинение «Сибирь как колония»: «Целая масса сведений, хорошая обработка их в живое и интересное изложение дают этой книге право на особенное внимание к ней читателя» (1882. № 17). Сообщалось и о выходе с апреля 1882 г. первых номеров «Восточного обозрения» (1882. № 19), о намерениях Ядринцева изучить сведения, собранные по программе исследования сельской общины Западно-Сибирского отдела Русского географического общества (1882. № 27). Пользовался Корш ссылками и перепечатками из «Восточного обозрения». Возможно, это была определенная тактика, избранная, чтобы досадить «сибирскому величеству», но скорее всего у Корша еще не было такого неприятия своего «идейного» конкурента, которое он позднее накопил и выразил в своих воспоминаниях как ответ на все демарши в ядринцевском издании.

С № 20 от 20 мая 1882 г., в ответ на «поход против строительного комитета», начатый «Сибирской газетой» (1882. № 6) и «Восточным обозрением» (1882. № 4, 21), на страницах неофициальной части стала разворачиваться «кирпичная эпопея» по поводу обеспечения здания сибирского университета строительным материалом. Е.В. Корш обвинял «Восточное обозрение» в «извращении фактов» и заканчивал свою статью вопросом: «Достойно ли это уважающей себя и своих читателей газеты – пусть судит публика». Мягко называя утверждение «Восточного обозрения» о том, что З.М. Цибульский и П.В. Михайлов «не поставили ни одного кир-

пича», «неверными сведениями», редактор неофициальной части апеллировал к официальным документам – по журналу строительного комитета Цибульским и Михайловым было поставлено 1 млн 218 тыс. штук кирпича и 1 млн 620 тыс. находились в производстве (1882. № 38). Других способов обеспечения стройматериалами и скорости их изготовления в существующих условиях, по мнению Корша, добиться было невозможно, поэтому критику строительного комитета он определял как необоснованные «нападки» (1882. № 39). Впоследствии «Томские губернские ведомости» стали публиковать официальные сведения о наличных суммах и расходах строительного комитета (1882. № 47; 1883. № 17, 18, 21).

На стороне томского губернатора и купечества выступил Корш в вопросе о переносе винных складов из центра города за его пределы, поднятном томской городской думой, в связи с участвовавшими в городе опустошительными пожарами. Как юрист, он доказывал, что постановление городской думы входит в противоречие с «Уставом о питейных сборах», нарушает государственные интересы и стесняет «потребности городских обывателей» (1882. № 27). За это «Восточное обозрение» объявило ведомости «органом винных складчиков», отстаивающим «всевозможные темные дела», а статью Корша назвало «псевдо-адвокатской»³⁷.

Обиженные «Восточным обозрением» чиновники рассматривали официальные «Томские губернские ведомости» как возможность для публичного ответа. Так, П.А. Кайдалов опровергал приводимый Ядринцевым рассказ из жизни Томска 1850-х гг., в котором разбойники, спасаясь от преследования с возом краденых белок, нашли укрытие за воротами частного пристава Порфирия Алексеевича, «знаменитости своего рода»³⁸. П.А. Кайдалов, занимавший в 1867–1874 гг. должность томского полицмейстера, обещал привлечь автора статьи к ответственности за клевету и писал, что «всякий из томичей старого времени убедится, что в эту грязь

³⁷ *Восточное обозрение*. 1882. № 20. С. 4.

³⁸ Там же. № 27. С. 6.

ную историю умышленно вмешали мое доброе имя вместо другого лица»³⁹. На это Ядринцев заявил, что он имел в виду не лицо, а факт (хотя упор в заметке делался именно на фамилию), и призвал лиц, знающих служение Кайдалова, написать о нем в газету⁴⁰.

В освещении проблемных ситуаций в газете приводилась точка зрения местных властей, которая за счет печатного слова выносилась за внутренние пределы губернского управления. Например, тяжелому положению рабочих на золотых приисках, в котором либеральная печать винила (и совершенно справедливо) прежде всего золотопромышленников, давалось более сбалансированное объяснение. Докладывавший на заседании томского губернского совета горный исправник признавал крайне необходимым установить фиксированные цены на товары в приисковых лавках, воспретить управляющим подвергать рабочих наказаниям по собственному произволу, увеличить нормы питания, ввести подробные записи условий контракта, но в то же время обращал внимание на то, что выданный задаток и свой последующий заработок рабочие употребляли на обогащение «спиртоносов», в результате лишались средств к существованию и бежали с прииска, не выполнив обязательств найма⁴¹. В ответ на передовую «Восточного обозрения» о проблемах переселенческого движения в Алтайский округ, предваряемую утверждением, что оно будет приостановлено до окончательного межевания земель⁴², редактор «Томских губернских ведомостей» заявлял, что «томская губернская администрация *никогда не возбуждала* вопроса о приостановке переселений на Алтай, а всегда, и особенно в последние два года, указывала лишь на безусловную необходимость *организовать переселения...*»⁴³.

³⁹ *Томские губернские ведомости*. 1882. № 46. С. 934.

⁴⁰ *Восточное обозрение*. 1882. № 38. С. 6.

⁴¹ *Побеги рабочих с золотых приисков* (Извлечено из журнала Томского губернского совета 31 марта 1882 г.) // *Томские губернские ведомости*. 1882. № 29. С. 394–397.

⁴² *Постановка переселений в Сибирь* // *Восточное обозрение*. СПб., 1882. № 23. С. 1.

⁴³ *Сибирская хроника* // *Томские губернские ведомости*. 1882. № 39. С. 703.

Появление в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» критических заметок определялось «Восточным обозрением» как подражание обличительному тону частной прессы. Первоначально их содержание не выходило за рамки уже высказанного официального мнения (например, о результатах ревизии начальника главного тюремного управления М.Н. Галкина-Врасского (1882. № 15, 16)) или касалось проблем повседневной жизни томичей (городское благоустройство (1881. № 19, 20, 25), необходимость гласной раздачи пособий погорельцам (1882. № 26)). Однако от номера к номеру росло число редакторских заметок и статей, критическая направленность которых была результатом авторских наблюдений и затрагивала проблемы общественно-политической и экономической жизни Сибири, ее интересов в составе Российской империи. Так, Корш писал о крайней необходимости перенесения на Сибирь положений судебной реформы 1864 г.⁴⁴, статью о музее и библиотеке Н.М. Мартыанова в Минусинске он заключал призывом «всячески содействовать развитию нового умственного центра»⁴⁵, в заметке о томской городской думе призывал избирателей отказаться от выбора гласных, пропускающих думские заседания⁴⁶. В большой статье «Лесное и оброчное хозяйство в Западной Сибири» говорилось о малодоходности и недостатках организации лесной промышленности⁴⁷. Задетый за живое М.А. Гиляров, возглавлявший казенную палату, отправил в редакцию ведомостей письмо, в котором заявлял, что в этой должности, при существующих условиях управления и финансирования, делал и делает все возможное для увеличения доходов казны⁴⁸. Корш опубликовал письмо в первоначальном виде,

⁴⁴ [Корш Е.В.]. Суды и следователи в Томской губернии // Томские губернские ведомости. 1882. № 35. С. 584–586.

⁴⁵ [Корш Е.В.]. Музей, библиотека и кабинет учебных пособий в Минусинске // Томские губернские ведомости. 1882. № 42. С. 818.

⁴⁶ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 31. С. 458.

⁴⁷ [Корш Е.В.]. Лесное и оброчное хозяйство в Западной Сибири // Томские губернские ведомости. 1882. № 38. С. 672–675.

⁴⁸ *Письмо в редакцию* // Томские губернские ведомости. 1882. № 44 С. 859–861.

но со своими подстрочными комментариями, и теперь уже на страницах «Сибирской газеты» Гиляров упрекал Корша в том, что тот «высказывает то, чего не было и нет в Томской губернии»⁴⁹. Ответ Корша Гилярову был напечатан незамедлительно⁵⁰.

С самого момента своего основания освещалась «Томскими губернскими ведомостями» деятельность «Общества попечения о начальном образовании» – его устав, состав, собрания и благотворительные мероприятия (1882. № 19, 29, 30, 31, 40, 45). Корш сам входил в «Общество» и в числе 19 фамилий был отмечен его председателем П.И. Макушиным, как оказавший «сердечное содействие» в приглашении в его члены. Корш также был членом комиссии по ревизии доходов и расходов «Общества» за 6 месяцев 1882 г.⁵¹ Со страниц газеты в 1883 г. он обращался ко всем слоям томского населения с просьбой оказать «Обществу» содействие: «...рубль в год может внести каждый обыватель города, каким бы грустным пролетарием он ни был»⁵². Предложение об организации аналогичного добровольного общества переселенцев было обращено прежде всего к городской думе, «энергичным людям» и местным «капиталистам»⁵³. Неоднократно и со всей прямотой писали «Томские губернские ведомости» о тяжелом, практически полупролетарском материальном положении крестьян, прибывающих из Европейской России (1882. № 25, 37; 1883. № 21, 24 и др.).

С началом выборов в городскую думу в конце 1882 г. газета стала регулярно обращаться к теме местного самоуправления. «Восточное обозрение», подозревая «Томские губернские ведомости» в ангажированности, называло их «органом местных богатых промышленников», однако Корш пытался влиять на настроения

⁴⁹ Письмо в редакцию // Сибирская газета. 1883. № 1. С. 8.

⁵⁰ Сибирская хроника // Томские губернские ведомости. 1883. № 2. С. 30.

⁵¹ Там же. № 4. С. 81, 83.

⁵² [Корш Е.В.]. Помощь начальной школе // Томские губернские ведомости. 1883. № 4. С. 79.

⁵³ [Корш Е.В.]. Сибирская хроника. Помогите переселенцам! // Томские губернские ведомости. 1883. № 24. С. 441–442.

избирателей не в пользу какой-либо кандидатуры, а с точки зрения общих юридических и практических оснований, и критически относился к преобладанию в городском представительстве купечества. В статье «Городские выборы» Корш писал, что «нет предрассудка более вредного в выборном деле, как мысль, что нельзя обойти избранием человека почетного, занимающего известное положение в обществе... А между тем у нас [разрядка *В.Ш.*], – да и не у одних нас, – предрассудок этот оказывает сильное влияние, и сплошь да рядом наполняется белыми шарами избирательный ящик такого лица, которое не соберется и заглянуть в думу...»⁵⁴. Раздражение Н.М. Ядринцева вызывало скорее всего то, что автором этих «разъяснений» был не сибиряк, а уголовный ссыльный, к тому же объединявший себя с томским обществом: «Городское самоуправление... еще очень молодо, но оно уже имеет свою историю – общую в целом государстве и местную у нас [разрядка *В.Ш.*], в г. Томске». Корш обращал внимание избирателей на тех, кто в составе гласных принес пользу городу, и тех, кто по «неосмотрительному выбору» понапрасну расходовал городской бюджет, не упоминая фамилий, но используя понятные читателю намеки. Так, фраза «всем известна история возникновения и развития начальных школ» должна была напомнить о П.И. Макушине, основавшем «Общество попечения о начальном образовании», а упоминание о «бестолковой трате» городских средств «на выписку машин, которые только чинятся» намекало на покупку в Лондоне П.П. Набаловым паровой пожарной машины⁵⁵. О ней же сообщалось и в «Сибирской хронике»: «Нас спрашивают, отчего дума не пользуется большой пожарной машиной хотя бы для поливки улиц, если ею нельзя тушить пожаров?»⁵⁶.

⁵⁴ [Корш Е.В.]. Городские выборы // Томские губернские ведомости. 1882. № 43. С. 832.

⁵⁵ Там же. С. 831–832.

⁵⁶ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 27. С. 345.

В результате выборов по первому разряду 27 октября 1882 г. «избранными оказались исключительно представители крупных капиталов, занятые своими торговыми делами настолько, что им некогда посещать думу и с интересом относиться к ходу городских дел»⁵⁷. Однако итоги голосования были обжалованы, и 16 ноября состоялись перевыборы. Опубликованные в газете новые списки гласных и результаты баллотировки наглядно показывали, что количество черных шаров было существенно занижено в одном случае и завышено в другом. Например, на первых выборах Е.И. Королев получил 23 голоса «за» и 3 «против», а на вторых – соответственно 21 и 12. П.П. Набалов на первых выборах едва попадал в число гласных, поскольку был в числе семи человек, получивших 15 «за» и 11 «против» (в этом случае должно было проводиться дополнительное голосование), по итогам же вторых выборов он становился вторым в списке – 26 «за» и 9 «против». В результате в числе 24 депутатов появилось 4 новые фамилии⁵⁸. В этом же номере газеты, в передовой статье, Корш, вновь не упоминая конкретных имен, писал, что выборы «вызвали множество толков, показали борьбу партий», и указывал на необходимость присутствия в составе думы людей с образованием, мысль которых «более подготовлена и более способна на разработку и применение тех или других улучшений в городском хозяйстве, улучшений, о которых не придет в голову подумать торговому человеку»⁵⁹. Но гласные, выбранные 18 ноября по третьему разряду избирателей, также принадлежали к купеческому сословию. Этот результат был предсказуем, и Корш в заключительной заметке, посвященной выборам, очерчивал круг предстоящих «коммунальных» работ и обращался к гласным со своеобразным напутствием: «Пожарная часть, школьное дело, вопрос о водоснабжении отдельных частей города,

⁵⁷ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 44. С. 861.

⁵⁸ Там же. № 46. С. 929.

⁵⁹ [Корш Е.В.]. Еще о городских выборах // Томские губернские ведомости. 1882. № 46. С. 926–928.

разные вопросы городского благоустройства: мощение улиц, освещение города и проч... Много хорошего начала сделала только что кончившая свою службу дума; остается желать, чтобы новые гласные направили думскую деятельность вперед, чтобы добрые начинания их предшественников не пропали даром, а напротив, упрочились бы на пользу всего городского населения»⁶⁰.

Был отмечен в «Томских губернских ведомостях» и 300-летний юбилей присоединения Сибири к России, приуроченный к дню тезоименитства наследника престола Николая Александровича, 6 декабря 1882 г.⁶¹ Телеграмма Александра III, адресованная не сибирскому обществу, а восточносибирскому генерал-губернатору, кратко, внушительно и весьма неопределенно сообщала следующее: «Отдаленный край близок Моему сердцу, развитие его богатств, правильное устройство управления – предметы Моих постоянных забот. Надеюсь, со временем Сибирь будет в состоянии воспользоваться нераздельно с Россией одинаковыми правительственными и общественными учреждениями»⁶². В отличие от областнической печати, которая делала упор на развитие автономных начал и роль местной интеллигенции в грядущих преобразованиях Сибири, Корш подчеркивал, что переход «от старого порядка вещей к новым формам русской государственной жизни» должно осуществлять центральное правительство, чтобы окончательно «слить Сибирь с Россией» в административном, политическом и гражданском смысле⁶³.

В формулировке и практической реализации основных направлений этого слияния – переселенческом, судебном и вопросе о ссылке – первенство отдавалось не сибирскому обществу и мест-

⁶⁰ *Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 47. С. 957.

⁶¹ Таким образом, династический и общегосударственный праздник позиционировался для Сибири как главенствующий, а трехсотлетний юбилей присоединения к России как второстепенный.

⁶² *Томские губернские ведомости*. 1882. № 50. 16 декабря. С. 1040.

⁶³ [Корш Е.В.]. Трехсотлетие Сибири // Томские губернские ведомости. 1882. № 48. С. 984.

ной печати, а министерству юстиции, совещанию «сведующих людей», земским собраниям и губернаторам европейских губерний, т.е. тем государственным учреждениям, в руках которых находились материальные средства и властные рычаги. И опять Корш говорил от имени сибиряков: «внутренние силы нашей окраины», «природные богатства нашей страны», «нужды нашей страны осознаны, постепенно удовлетворяются»⁶⁴. Речь В.И. Мерцалова, который, впрочем, также не был коренным сибиряком и ассоциировал себя с местным обществом лишь по причине исполнения служебных обязанностей, подтверждала, что редактор официальной газеты и местная администрация выражали и доносили до читателя сходные мысли: «...все хорошее на Руси всегда и во все времена исходило и исходит из одного источника – Верховной Власти. Если нужды нашей страны удовлетворяются, то этим прежде всего мы обязаны Великим Вождям России»⁶⁵. В соответствии с традициями описания официальных торжеств громкое единодушное «ура» и многократное исполнение народного гимна было ответом на речь губернатора.

В № 39 от 30 сентября 1882 г. Корш выступил с программным заявлением о задачах обновленных ведомостей. Потребность «объясниться» была вызвана отношением «Восточного обозрения», которое заявляло, что «газета “прикрывает всевозможные темные дела” и является органом местных богатых промышленников». Намереваясь сделать «Томские губернские ведомости» «полным и живым изданием», редактор подчеркивал, что у них есть своя информационная ниша и свой читатель – чиновники, которые как обязательные подписчики в дополнение к служебной информации будут знакомиться с мнением и результатами деятельности местных административных учреждений, а также с хроникой губернских, сибирских, общероссийских и мировых собы-

⁶⁴ [Корш Е.В.]. Трехсотлетие Сибири // Томские губернские ведомости. 1882. № 48. С. 982–984.

⁶⁵ Сибирский юбилей // Томские губернские ведомости. 1882. № 49. С. 1011–1012.

тий. Это, по мнению Корша, «увеличит привычку к чтению в той среде, куда частная печать проникает еще очень мало, а официальная посылается обязательно»⁶⁶.

Т а б л и ц а 12

Упоминания и ссылки на неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» в «Восточном обозрении» (рубрики «Хроника» и «Корреспонденции») в 1882–1885 гг.

Год	Направленность		
	Нейтральная (информативная)	Критическая	Положительная
1	2	3	4
1882	5 ⁶⁷	17 ⁶⁸	3 ⁶⁹

⁶⁶ [Корш Е.В.]. Наши задачи (Необходимое объяснение) // Томские губернские ведомости. 1882. № 39. С. 702.

⁶⁷ О количестве уволенных, причисленных и перемещенных чиновников (№ 5); о пожарах в Томске (№ 9, 14); о пожертвованиях на устройство в Томске ремесленного училища (№ 9); об объяснениях председателя строительного комитета по возведению зданий сибирского университета на статью в «Восточном обозрении» (№ 13); о прибытии в Томск очередной партии ссыльных (№ 18).

⁶⁸ О хищениях, производимых редакторами «Томских губернских ведомостей» (№ 6); о неудовлетворительном состоянии городского острога в г. Каинске (№ 9); о негативном влиянии ссылки на местное население по официальным сведениям (№ 17); об организации губернатором противопожарного общества (№ 17); критика «Томских губернских ведомостей» по поводу введения среди жителей города пожарной повинности и «неисправности» пожарной команды (№ 18); о «Томских губернских ведомостях» как органе «томских винных складчиков» (№ 20); об отсутствии средств на содержание томского окружного суда (№ 22); о приостановке переселенческого движения в Алтайский округ до окончательного межевания земель (№ 23); о криминальном поведении, прибывающих в Мариинск ссыльных (№ 26); новый способ распространения газет (№ 29); о выдаче бухгалтером томской городской управы жалованья фиктивно существующим городовым (№ 30); намек на «темную историю» в отношении расходования средств на содержание Владимирского приюта в 1868–1881 гг. (№ 30); о печатании «местных циркуляров» как проявлении «гласности» в губернских ведомостях (№ 30); о помещении в «Томских губернских ведомостях» «тенденциозных полемических статей» против «Восточного обозрения» (№ 32); об отсутствии способных пастырей для искоренения раскола и подмене корреспонденции из Бийска отчетом местного исправника (№ 32); о дне открытия Владимирского детского приюта как празднике богатого купечества (№ 33); о подражании «Томских губернских ведомостей» частной прессе (№ 38).

⁶⁹ О помещении в «Томских губернских ведомостях» большого и обстоятельного описания Минусинского музея (№ 35); изложение в статье Н.М. Ядринцева «Служебные привилегии и абсентеизм» (№ 37) мнения по этому поводу последнего генерал-губернатора Западной Сибири, помещенного в статье Е.В. Корша «Сибирские служебные привилегии», а также согласие с направлением этой статьи; о необходимости учреждения в Томске переселенческой конторы, высказанной в «Томских губернских ведомостях» (№ 33).

1	2	3	4
1883	11 ⁷⁰	20 ⁷¹	2 ⁷²
1884	3 ⁷³	9 ⁷⁴	1 ⁷⁵

⁷⁰ О количестве учащихся в томском реальном училище (№ 9); о намерениях вдовы З.М. Цибульского продолжить дело благотворительности своего мужа в отношении сибирского университета (№ 20); об отчете строительного комитета по возведению зданий сибирского университета за 1882 г. (№ 23); о прибытии в Томск переселенцев (№ 27); некролог Н.Г. Григоровского (№ 29); о речи Б.И. Сциборского при закладке здания общежития сибирского университета (№ 35); о возможном устройстве в Томске частной библиотеки для чтения (№ 35); об учреждении стипендии имени И.С. Тургенева (№ 40); об убийстве золотопромышленника И.А. Петрова (№ 42); об опубликованной в «Томских губернских ведомостях» записке об устройстве переселенцев (№ 42); о проезде через Томск Н.М. Пржевальского (№ 42).

⁷¹ Об изображении глупости сибирского мужика корреспондентом «Томских губернских ведомостей» (№ 2); о доставке учеников в школы по разнарядке сельских обществ (№ 2); о неопубликовании в губернских ведомостях распоряжения об увеличении пошлины на лесные материалы (№ 3); упоминание о «литераторах» «Томских губернских ведомостей» (№ 3); об эпидемии умомешательства в д. Батуриной Уртамской волости (№ 4); о необходимости снабжения партий арестантов теплой одеждой во время движения (№ 4); о злоупотреблениях раввина, возглавляющего томское еврейское училище (№ 13); о неясности взглядов нового городского головы П.В. Михайлова на университетский вопрос (№ 20); о тяжелом положении переселенцев (№ 27); о позиции «Томских губернских ведомостей» по «кирпичному делу» (№ 30); о нарушении прав поземельной собственности (№ 31); о плачевном положении томской классической гимназии (№ 37); о прошениях томскому губернатору, и освобожденных лиц, неправильно задержанных полицией (№ 37); об анонимных письмах губернатору И.И. Красовскому (№ 38); о притеснении переселенцев сибиряками-старожилами (№ 40); о подаче томскому губернатору 300 писем о неправильном содержании заключенных (№ 41); о прекращении отдельного издания неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (№ 43); об увольнении чиновников в Алтайском горном округе (№ 45); о позднем прибытии «Томских губернских ведомостей» в Бухтарминский край (№ 46); о получении «Восточным обозрением» опровержения по поводу сообщения о незаконном задержании полицией 200 человек и об отсутствии взносов на стипендию имени И.С. Тургенева при сибирском университете (№ 50).

⁷² О призыве «Томских губернских ведомостей» создать фонд помощи переселенцам (№ 29); о необходимости отмены сибирских служебных привилегий (№ 16).

⁷³ О зачислении в казну и продаже с аукциона за неразработку в указанный срок 194 частных золотых приисков (№ 4); о размежевании земельных участков (№ 18); о завершении строительства здания сибирского университета (№ 51–52).

⁷⁴ О кражах и грабежах на улицах Томска (№ 2); о кражах в г. Томске (№ 7); об огромном перечне преступлений и краж в «Томских губернских ведомостях» (№ 8); о циркуляре томского губернатора о необходимости осторожного обращения с лицами, находящимися в состоянии опьянения (№ 10); «Золотопромышленные похороны, или Гороховский конкурс в Томске» (№ 16); «Во что обходятся оброчные статьи в Сибири» (№ 18); «О преступлениях в Томске» (№ 19); «Черная банда в Сибири» [упоминание о Корше как члене этой «банды»] (№ 21); о беззакониях при ведении следствия (№ 26).

⁷⁵ О выступлении Н.М. Ядринцева о сибирском университете в «Томских губернских ведомостях» (№ 39).

1	2	3	4
1885	1 ⁷⁶	7 ⁷⁷	

Запрет на полемические высказывания и ограничение характера публикуемой информации рамками факта выступали как сильные стороны ведомостей, поскольку придавали им серьезное и ответственное звучание. Можно сказать, что тем самым Корш предлагал издателю-редактору «Восточного обозрения» «мировую», своеобразный «пакт о ненападении» и разграничении сфер влияния на газетном рынке, однако он не был принят. Ядринцев пошел другим путем. Мы видим (см. табл. 12), что «Томские губернские ведомости» просматривались Ядринцевым очень внимательно, и из них выбирался материал, который с соответствующими комментариями мог послужить иллюстрацией недостатков системы местного управления и в критическо-ироническом ключе трактовать деятельность самих ведомостей.

Хотя присутствовали и их положительные оценки. Более того, Н.М. Ядринцев соглашался с автором статьи «Сибирские служебные привилегии»⁷⁸, что «значение этой меры сводится к нулю», назначение чиновников из внутренних губерний связано с боль-

⁷⁶ Извлечения из отчета томского строительного комитета по возведению здания сибирского университета (№ 30).

⁷⁷ О недостаточной медицинской помощи как причине смертности пьяных, задержанных полицией (№ 12); о нахождении трупов убитых и о ненахождении виновных в этих преступлениях (№ 20); о невозможности определить родственников к найденному телу по приметам, предоставляемым полицией (№ 29); о необходимости созыва ветеринарной комиссии для выработки мер по предотвращению падежа скота (№ 40); о скоростижной кончине И.И. Красовского и об окружении его лицами, «которым не может быть доступен губернатор» (намек на Е.В. Корша) (№ 31); о чтении чиновниками «поневоле» обязательных изданий – «Правительственного вестника», «Губернских ведомостей», «Сенатских ведомостей» (№ 49–50); о необходимости созыва ветеринарной комиссии для выработки мер по предотвращению падежа скота (№ 40).

⁷⁸ [Корш Е.В.]. Сибирские служебные привилегии // Томские губернские ведомости. 1882. № 42. С. 797–800.

шими расходами казны и основная надежда сибирского общества в этом отношении — открывающийся университет⁷⁹. Автором статьи был Е.В. Корш, и Ядринцев, ссылаясь на нее, не мог об этом не знать, хотя уже высказывал свое негативное мнение в отношении первой томской газеты, ее редакторов и стоящего за проектом обновления издания томского губернатора. Статья Корша, перепечатанная «Московским телеграфом», была отмечена Главным управлением по делам печати как содержащая «огульные отзывы о чиновничестве всего края». Мерцалов был предупрежден о возможных «мерах» против появления подобных «тенденциозных статей» в местном официальном органе⁸⁰.

Сообщения «Сибирской хроники» «Томских губернских ведомостей» могли пересказываться в «Восточном обозрении» и подаваться как собственная корреспонденция⁸¹.

«В Томск приехал анти-спирит г. Сименс, намеревающийся дать здесь несколько представлений. Мы читали отзывы московских газет о сеансах г. Сименса, и «Русские», и «Московские ведомости» признают за ними интерес и уверяют, что г. Сименс удачно разоблачает многие спиритические фокусы... При полном отсутствии увеселений в Томске пред-

«Томск вдруг был ошастливлен приездом анти-спирита, доктора Сименса, о котором трубили московские газеты. Публика, интересуясь более общественными сеансами а ля Казенева, жадно набросилась на билеты, с намерением вознаградить себя за долговременное отсутствие каких-либо общественных увеселений будущей перспективой г. Сименса.

⁷⁹ Ядринцев Н.М. Служебные привилегии и абсентеизм // Восточное обозрение. СПб., 1882. № 37. С. 2–5.

⁸⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 37. Л. 7–7 об.

⁸¹ На способ создания «иллюзии густонаселенного пространства» ядринцевского издания обращает внимание Ю.Л. Мандрика: «...объем приложения к № 9 за 1887 г., в котором помещен указатель публикаций “Восточного обозрения” за 1882–1886 гг., достигает 12 страниц. При этом лишь десятая часть из них имеет настоящую фамилию автора. Н.М. Ядринцев, зло высмеивавший томский “Сибирский вестник” за то, что «ни один из сотрудников этой газеты не смеет объявить своего имени, и газета издается “темными масками”», сам грешил этим. Но “темной маской” для читателя чаще всего был он сам: Добродушный Сибиряк, Семилужинский, Н.Я., Сибирский Фельетонист, Восточный Поэт, Аленич, Затуманский, Сибирский репортер, Петербургский Сибиряк и многие другие...» (Мандрика Ю.Л. Настоящее ядринцевское «Восточное обозрение» // Петербург газетный: 1711–1917. Тюмень, 2009. С. 136–137).

ставления г. Сименса составят хотя некоторое развлечение для здешней публики».

(Томские губернские ведомости. 1882.

№ 39. 30 сентября)

«...Битком набитая маленькая зала общественного собрания производила приискорбное впечатление: какой-то заезжий и притом очень плохой фокусник целый вечер мучил публику самыми незатейливыми фокусами... Кто читал отчеты о представлениях Казенева, тот, конечно, сразу понимал в чем здесь дело... пусть господа, подобные г. Сименсу, не смотрят вперед на сибирскую публику, как на стадо баранов, которых может стричь любой шарлатан».

(Томские губернские ведомости.

1882. № 41. 14 октября)

6 октября благородное собрание, где давалось представление, было битком набито народом. В первых двух действиях г. Сименс предпослал публике самый сквернейший репертуар обыкновенного фокусника. Прodelанные г. Сименсом штуки все видели ранее у посещавших в разное время г. Томск гг. Галюше, Джани, Страуса и многих других штукарей, заезжавших в сибирские захолустья поживиться на счет простодушных сибиряков».

(Восточное обозрение.

1882. № 33. 11 ноября)

В № 22 от 26 августа 1882 г. «Восточного обозрения» «корреспонденция» о бедственном положении прибывающих в Томск переселенцев была составлена на основе заметок из № 24 (17 июня), 25 (24 июня), 28 (15 июля) неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Сообщение о пожертвовании 500 книг членом казанской судебной палаты Орловым библиотеке сибирского университета (№ 45 от 11 ноября 1882 г.) было слово в слово воспроизведено без ссылки на источник в № 38 «Восточного обозрения» от 16 декабря. Корш, который не только получал от Северного телеграфного агентства столичные и заграничные известия, но и сам телеграфировал в Петербург из Томска о местных событиях, просил «Восточное обозрение» перепечатывать его телеграммы со ссылкой на источник (как делали другие издания), не ограничиваясь лишь фразой «Из Томска телеграфируют», или не использовать их вовсе, поскольку центральные газеты (преимущественно московские) уже перепечатывали сообщения из Томска как телеграммы «Восточного обозрения» под заголовком «“Восточному обозрению” телеграфируют»⁸².

Если далекое «Восточное обозрение» восприняло «Томские губернские ведомости» под редакцией Е.В. Корша неприязненно

⁸² *Томские губернские ведомости. 1883. № 27. С. 407.*

(хотя и пользовалось материалами ведомостей), то «Сибирская газета», с сотрудниками которой можно было встретиться на улицах и в общественных местах города, выстраивала партнерские отношения. Для томского частного органа ведомости были не мишенью для критики, а источником официальной информации. В рубриках «Хроника» и «Корреспонденции» встречаем следующее количество обращений к «Томским губернским ведомостям»: 2 (1881)⁸³, 4 (1882)⁸⁴, 21 (1883)⁸⁵, 20 (1884)⁸⁶. Как и «Восточное

⁸³ Об утверждении В.И. Мерцалова томским губернатором (№ 1); список пожертвователей на строительство общежития для сибирского университета (№ 38).

⁸⁴ О необходимости печатать распоряжения томской городской думы в губернских ведомостях (№ 13); о спасении ссыльным польским крестьянином ребенка во время пожара (№ 18); об открытии губернатором подписки в пользу погорельцев (№ 19); о необходимости держать бочки с водой в торговых рядах (№ 20).

⁸⁵ Возражение управляющего казенной палатой М.А. Гилярова на комментарии Е.В. Корша к его письму по поводу статьи «Лесное и оброчное хозяйство в Западной Сибири» (№ 1); ссылка на «Томские губернские ведомости» как официальный орган, выступивший за отмену привилегий за сибирскую службу (№ 11); об изнасиловании мещанской дочери взводом солдат в Бийске (№ 11); о проекте учреждения сибирского наместничества (№ 12); о нецелесообразности заведения чанов с водой для предотвращения пожаров (№ 13); о выплате страховых компенсаций за убытки, нанесенные пожаром (№ 15); о мошеннических действиях ссыльного доктора Сп-ва в Мариинске (№ 15); о начале строительства Обь-Енисейского канала (№ 19); о прибытии в Томск партии арестантов из Тюмени (№ 25); о недостатке провизии при движении переселенцев на пароходе от Тюмени до Томска (№ 26); обращение новоприбывшего губернатора И.И. Красовского к чиновникам и гражданам города (№ 27); об осмотре баржи, на которой в Томск из Тюмени были отправлены переселенцы (№ 27); о дороговизне лекарств в томской вольной аптеке (№ 30); о падеже скота в Нарымском крае (№ 34); о получении губернатором Красовским анонимных писем с «разоблачениями» (№ 35); о парадном обеде у губернатора в честь тезоименитства государя императора (№ 36); об убийстве золотопромышленника И.А. Петрова (№ 38); о прекращении отдельного издания неофициальной части «Томских губернских ведомостей» (№ 39); о попытке отравления просителя в доме губернатора (№ 39); о преследовании составителей анонимных доносов и кляуз, отправляемых на имя губернатора (№ 46); об обнаружении украденных вещей (№ 51).

⁸⁶ Об отравлениях спорыньей (№ 3); о порядке хранения денег в казенных учреждениях (№ 7); о повреждении посевов заморозками (№ 7, 8); извлечения из отчета

обозрение», «Сибирская газета» в отношении вопроса о сибирских привилегиях использовала ссылку на официальный печатный орган, как демонстрацию позиции местных властей по этому вопросу⁸⁷. Обращает на себя внимание то, что уже после прекращения отдельного издания неофициальной части «Томских губернских ведомостей», «Сибирская газета» находила в них полезную для себя и своих читателей информацию. Однако уже появилась ироничная оценка их места в общественной жизни⁸⁸, а в большой статье «Задачи сибирской официальной печати» в рамках ядринцевской трактовки им отводилась роль публикатора статистических, этнографических, экономических и других сведений в рамках

строительного комитета по возведению здания университета (№ 8, 47); о невмешательстве полиции в решения сельских сходов (№ 9); о нарушениях полицейскими чинами порядка следствия и дознания (№ 10); о публикации результатов ревизии в губернских ведомостях (№ 11); о неявке к освидетельствованию на воинский призыв (№ 11); о пропуске гласными заседаний томской думы (№ 12); о состоянии следственной части в губернии (№ 13); о медлительности в делопроизводстве в отношении пойманных бродяг (№ 13); благодарность полицейским чинам за поимку грабителей (№ 13); о дорожной повинности (№ 28); о раскладке сборов по Томской губернии в 1884–1887 гг. (№ 29); о вызове к сдаче домов под оружейный склад (№ 42); о падеже скота (№ 44); о вознаграждении за поимку беглой государственной преступницы (№ 45); о продаже дачи с лесом, существующим только по описи (№ 50).

⁸⁷ «Привилегии за сибирскую службу, имевшие в былое время свой *raison d'être*, давно уже сделались анахронизмом и Сибири в настоящее время, ничего, кроме вреда, не принесут, подбирая на службу сюда людей, желающих только нажиться и затем уехать, на что, между прочим, было указано и официальным органом, “Томскими губернскими ведомостями”» (*Сибирская газета*. Томск, 1883. № 11. С. 274).

⁸⁸ «Любопытную картинку сообщают нам из нравов и жизни служителей сибирской Фемиды. Трое служащих Т-го окружного суда ведут спартанский образ жизни. В свободное от занятий время странствуют по кабакам, а вечером возвращаются в суд; пьют горячую воду с хлебом, заменяющую им чай, и едят сырое мясо; спят в суде. Кровать заменяют канцелярские столы, перину – вышедшие номера “Сенатских вед.”, а подушку – таковые же “Губернских вед.”» (*Сибирская газета*. Томск, 1884. № 7. С. 168).

официальной программы («Само собой разумеется, что ведомости должны избегать всякого подражания частным органам печати»⁸⁹).

Выделение неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в самостоятельное издание с отдельной подпиской, наполнение ее корреспонденциями и авторскими статьями нарушало программу официальной местной газеты, но, судя по циркулярным предписаниям Главного управления по делам печати, это было частым явлением. В 1870 г. губернаторам в очередной раз напоминалось, что в губернских ведомостях «не должны быть помещаемы статьи, заключающие в себе неуместно-свободные и резкие заявления и суждения», «статьи полемические, фельетонного содержания, анекдоты, стихотворения и т.п., а также перепечатки из частных изданий известий и слухов о правительственных действиях и предполагаемых мерах и распоряжениях»⁹⁰. В 1871 г. Главное управление, на основании наблюдения за 52 губернскими изданиями, вновь отмечало, что в ведомостях как по форме, так и по содержанию «в последнее время замечаются весьма часто отступления от правил», в том числе и публикация статей, которые «по характеру своему вовсе неуместны в официальных изданиях»⁹¹. Когда в 1881 г. ведомости как правительственные издания были «совершенно» освобождены от предварительной цензуры, «с тем, чтобы они издавались под ответственностью губернского начальства»⁹², то Главное управление по делам печати распространило

⁸⁹ *Задачи сибирской официальной печати* // Сибирская газета. Томск, 1884. № 11. С. 275–277.

⁹⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 34. Д. 13. Л. 66–66 об.; ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 334.

⁹¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 9. 1871 г. Л. 600 об.–603 об.; ГАТО Ф. 3. Оп. 2. Д. 1108. Л. 385.

⁹² ПСЗ. Собр. 3-е. СПб., 1885. Т. 1. № 420; РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 45. 1871 г. Л. 11–11 об. Для Сибири, не имевшей отдельных цензоров, это означало прежний порядок контроля за содержанием ведомостей, изменилась только форма его визирования. С № 14 от 10 марта 1882 г., когда неофициальная часть издавалась отдельно, цензурное дозволение было заменено на строчку «Печатано в томской губернской типографии, с разрешения губернатора, дата». С № 1 от 6 января 1883 г. цензурное дозволение появилось вновь. С № 37 от 22 сентября 1883 г.

разъяснение, что губернаторы и начальники областей должны принять «все зависящие от них меры к тому, чтобы придать местным официальным органам то значение и тот характер, которые требуют от них достоинство правительства и пользы дела», и вновь напоминало о том, чтобы в неофициальной части ведомостей не появлялись «неуместно резкие заявления и суждения о рассматриваемых фактах и вопросах, статьи полемические, юмористические перепечатки из частных изданий, известия и слухи о предполагаемых мерах и распоряжениях правительства, а равно анекдоты и вообще статьи легкого и так называемого фельетонного содержания»⁹³. В то же время высочайшее соизволение 1881 г. было воспринято на местах как возможность к расширению программы ведомостей. В начале 1882 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Д.Г. Анучин ходатайствовал перед начальником Главного управления по делам печати П.П. Вяземским о допущении в «Иркутских», «Енисейских» и «Забайкальских» ведомостях политического отдела и разрешении помещать в них опровержения на «неправильные и исполненные ложных доносов статьи и корреспонденции» в столичной прессе. В качестве оснований для такого решения Анучин рассматривал «Харьковские» и «Казанские» ведомости, «издающиеся по более широкой программе», и ставшее ему известным во время поездки в Петербург некое распоряжение о расширении программы «для всех вообще губернских ведомостей»⁹⁴. Никакого, как отдельного для упомянутых ведомостей, так и общего для всех ведомостей распоряжения не выходило, речь

неофициальная часть была вновь объединена с официальной и № 41 от 20 октября 1883 г. завершался строкой «Печатано в томской губернской типографии».

⁹³ *Главное управление по делам печати*. 29 октября 1881 г. № 4279. Об освобождении губернских ведомостей от просмотра предварительной цензуры // Сборник циркуляров и распоряжений МВД, относящихся до губернатора, вице-губернаторов, советников губернских правлений, канцелярий губернаторов, губернских типографий, строительных и врачебных отделений, а также до городских и земских учреждений, с 1858 по 1896 г. М., 1896. С. 256.

⁹⁴ РГИА. Ф. 776. Оп. 12. Д. 6. 1882 г. Л. 1–3 об.

шла лишь об отмене предварительной цензуры. В то же время Вяземский считал возможным удовлетворить прошение Анучина, ссылаясь на ст. 767 «Свода законов» 1876 г. и примечания к ней⁹⁵. Таким образом, пример других местных правительственных изданий и возможность расширительного толкования уже существующего законодательства создавали предпосылки выхода неофициальной части «Томских губернских ведомостей» за официальные пределы.

Главной причиной отстранения Корша от должности редактора неофициальной части стало не несоответствие ее обновленного вида законодательным рамкам, а непримиримая позиция Н.М. Ядринцева, который, находясь в Петербурге, через свои статьи в «Восточном обозрении», а возможно, и в устных высказываниях, обращал внимание министерства внутренних дел на то, что в Томске нарушается официальная программа ведомостей, а местный губернатор поставил во главе их уголовного ссыльного (союзником Ядринцева в борьбе с Коршем неожиданно оказался жандармский полковник Н.И. Александров, который доносил в Петербург о том, что губернатор, принимая у себя политических ссыльных или редактора газеты, заставлял его и управляющего казенной палатой Гилярова ждать в приемной⁹⁶).

В фельетоне «Новый способ распространения газет»⁹⁷ Ядринцев в самой пренебрежительной и гротескной форме изобразил деятельность Мерцалова, пытавшегося создать из неофициальной части ведомостей «нечто необыкновенное и далеко выходящее из скромной программы подобных органов». Слова из обращения губернатора к нижним чинам с просьбой содействовать распространению газеты, которая могла бы «з а м е н и т ь местному чита-

⁹⁵ *Свод законов Российской империи*. Изд. 1876 г. СПб., 1876. Т. 2, ч. 1: Общее губернское учреждение. Гл. 6: Обнародование распоряжений высшего и местного правительства. Ст. 767.

⁹⁶ *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // *Исторический вестник*. СПб., 1910. № 5. С. 439–441.

⁹⁷ [*Ядринцев Н.М.*]. Новый способ распространения газет // *Восточное обозрение*. СПб., 1882. № 29. С. 13–15.

телю дорогие столичные и провинциальные издания», расценивались Ядринцевым как стремление «вытеснить (разрядка *В.Ш.*) все органы печати из губернии» и в директивном порядке навязать подписку на неофициальную часть. Кроме такого передергивания, не соответствовало действительности и утверждение, что в ведомостях «помещаются пока только перепечатки». Торговцы хомутами, лопатами и оглоблями – так очерчивал Ядринцев круг читателей «проворных ведомостей» в «пресловутой губернии».

Встреча Мерцалова с министром внутренних дел Д.А. Толстым завершилась требованием, чтобы подпись Корша была снята с неофициальной части и с № 5 от 3 февраля 1883 г. ее стал подписывать начальник газетного стола Н.Е. Васильев, хотя фактическим негласным редактором продолжал оставаться Корш. В то же время министр внутренних дел, подобно пушкинской Василисе Егоровне⁹⁸, разобравшись, кто виноват, наказал обоих – 27 октября 1882 г. газета Ядринцева получила предостережение. Первой из четырех статей, дискредитирующих, по мнению Толстого, сибирскую администрацию, значился фельетон «Новый способ распространения газет». Текст предостережения и кокетливо помещенное под ним объявление о подписке на «Восточное обозрение»⁹⁹ выглядели как своего рода обещание читателю, что 8 руб. в год с лихвой окупятся «зубастым» материалом. «Томские губернские ведомости» также дословно перепечатали распоряжение Д.А. Толстого¹⁰⁰.

⁹⁸ «Разбери Прохорова с Устиньей, кто прав, кто виноват. Да обоих и накажи» (А.С. Пушкин, «Капитанская дочка»).

⁹⁹ *Восточное обозрение*. СПб., 1882. № 32. С. 1.

¹⁰⁰ «Принимая в соображение: что газета «Восточное обозрение» своей тенденциозностью и непрерывными нападка на сибирскую администрацию стремится дискредитировать ее в глазах местного населения (статьи в № 29 под заглавием «Новый способ распространения газет»; статья в № 30, под заглавием «Подкладка сибирской благотворительности»; корреспонденция из Омска от 15 июля в № 24 и корреспонденция из Сибири в № 28), министр внутренних дел на основании ст. 50 прил. к ст. 4 (прим.) уст. ценз., св. зак. т. XIV, по прод. 1876 года, и согласно

После того как Мерцалов вынужден был уйти в отставку, назначенный вместо него И.И. Красовский (несмотря на внушения, сделанные ему перед поездкой в Сибирь Ядринцевым) продолжал благоволить Коршу; более того, между ними возникли дружеские отношения. Однако «Восточное обозрение» продолжало делать свое дело, и Толстой поручил губернатору вернуть издание «Томских губернских ведомостей» в прежние законные рамки. В своем предложении по Главному управлению по делам печати министр внутренних дел спрашивал: «На каком основании в неофициальной части “Томских губернских ведомостей” допускается печатание сообщений под рубриками: “мы слышали”, “нам сообщают”, “мы узнали” и т.п., критических заметок о новых книгах, не имеющих никакого отношения к Томской губернии, театральной хроники, статей по местным вопросам, не получившим еще окончательного разрешения в установленном порядке, разных не всегда верных слухов о правительственных намерениях и предположениях, статей о предметах, касающихся других губерний (например, большая статья о Минусинском местном музее) и т.д.»¹⁰¹.

Ответить на этот вопрос было нечего. Красовский вызвал Корша и приказал ему «покориться обстоятельствам» и немедленно прекратить свою работу. Новый губернатор не хотел повторить судьбу Мерцалова и отказал в просьбе довести издание до конца года, чтобы выполнить обязательства перед подписчиками. Корш писал об этом так: «Я ушел огорченный, подавленный случившимся. У меня отнималось дело, которое я вел с любовью, с надеждой, что оно разовьется и принесет пользу местному обществу, особенно в глухих сибирских захолустьях, где никаких газет не получается, а “Губернские ведомости” высылаются обязательно.

заключению совета главного управления по делам печати определил объявить газете «Восточное обозрение» первое предостережение в лице издателя-редактора Николая Ядринцева» (*Сибирская хроника* // Томские губернские ведомости. 1882. № 47. С. 962–963).

¹⁰¹ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С. 822.

Приходилось поставить крест на двухлетней работе¹⁰², похеренной одним почерком пера всемогущего министра, на радость местных поборников тьмы и общественного невежества»¹⁰³. С № 37 от 22 сентября 1883 г. неофициальная часть была вновь объединена с официальной, ее объем сократился до 32,8% (официальная часть вновь превысила неофициальную – 67,2%).

Губернская типография «спешно приводилась в свой прежний убогий вид, на радость единственной частной, отлично оборудованной типографии»¹⁰⁴, в которую были переданы все имеющиеся заказы. Действительно, доходы типографии, для которой Коршем были закуплены новые шрифты и дана соответствующая реклама¹⁰⁵, сократились более чем на 2 тыс. руб. – с 6 820 руб. 98 коп. в 1883 г. до 4 775 руб. 50 коп. в 1884 г.¹⁰⁶ «Восточное обозрение» не без торжества заключало: «С № 37 в неофициальной части будут помещаться лишь телеграммы северного агентства и те из местных известий и других статей, которые губернское начальство признает удобными для “Губернских ведомостей”». Это ограничение, как нам известно, вызвано полной бесполезностью помещаемого доселе материала, не принадлежащего ни к области официальной, ни к области частной журналистики, но окупавшегося весьма значительною тратой казенных денег. Канцелярская литература губернских ведомостей, осмеянная со времени Гоголя, никого не удовлетворяла. Задача эта явилась совершенно бесплодною при разви-

¹⁰² Корш редактировал неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» 1,5 года с № 13 от 27 марта 1882 г. до № 37 от 22 сентября 1883 г. Всего им было подготовлено 75 номеров газеты.

¹⁰³ *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С 822.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Образцы шрифтов и украшений Томской губернской типографии 1883 г. Томск, 1883. На первой странице этого рекламного проспекта имеется надпись «30 апреля 1883 г. г. Томск. Евгений Корш».

¹⁰⁶ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 14–16, 30–31.

тии частной журналистики в провинции. Поэтому настоящую меру нельзя не признать вполне целесообразной»¹⁰⁷.

Как далее писал Корш, чиновники губернского правления встретили решение губернатора с радостью, поскольку освобождение типографских сумм означало возвращение наградных к рождественским и пасхальным праздникам. Необходимо отметить, что издание неофициальной части в объемах 1 ½ – 2 печатных листа, подразумевающее оплату трудов редактора неофициальной части (900 руб. в год), увеличило убытки губернской типографии. Издание газеты всегда было дорогостоящим предприятием, позволявшим в лучшем случае успешно сводить концы с концами. Мерцалов в своих воспоминаниях писал, что коммерческие цели организованного им проекта были достигнуты: «частные долги вполне уплачены, кредит восстановлен, материалы доставлены в изобилии и года через два возможно было пополнить казенный долг»¹⁰⁸. Однако пришедший ему на смену Красовский констатировал неудовлетворительное состояние губернской типографии – недоимки по ее услугам к 1884 г. составили 8 503 руб. 50 коп., а 168 должностных лиц и присутственных мест значились в должниках по подписке и за типографские работы¹⁰⁹.

Интересен вопрос о числе подписчиков на неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» периода редакторства Е.В. Корша. По его собственным словам, через 3–4 недели после начала отдельного выхода неофициальной части в 1882 г. на нее подписалось 600 человек¹¹⁰. Стоимость подписки с 1 мая 1882 г. до конца года была установлена в 3 руб. для городских и 3 руб. 50 коп. для иногородних подписчиков (Корш писал о 5 руб.). Через книжный магазин С.Г. Александрова были организованы подпис-

¹⁰⁷ *Восточное обозрение*. СПб., 1883. № 43. С. 4.

¹⁰⁸ *Мерцалов В.И.* Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // *Русская старина*... С. 27.

¹⁰⁹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 4, 10–11.

¹¹⁰ *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // *Исторический вестник*. СПб., 1910. № 5. С. 439.

ка, прием объявлений и розничная продажа в Омске (1882. № 33). Мерцалов упоминал о том, что тираж ведомостей (имея в виду, видимо, обе части) доходил до 1000 экземпляров¹¹¹. В объявлении о подписке на 1883 г. стоимость одной неофициальной части газеты составляла для томичей 4 руб., а для иногородних – 4 руб. 50 коп. Полный комплект, включавший официальную и неофициальную части, необязательные подписчики в Томске могли получить за 5 руб. 50 коп., а иногородние – за 6 руб. 50 коп. Для обязательных подписчиков, согласно законодательным установлениям, полный комплект ведомостей стоил, как и прежде, 3 руб. (Корш писал о том, что губернское правление за эту сумму обязано было рассылать только официальную часть). Ведомость доходов и расходов губернской типографии за 1883 г. показывает, что доход от необязательной подписки составил 633 руб. 57 коп.¹¹²

Таким образом, число необязательных подписчиков неофициальной части было около 150. Цифра 827 руб. стояла в графе «Доходы от обязательной подписки». Если предположить, что полный экземпляр ведомостей получали только обязательные подписчики, то их число будет 275. Правда, в недоимках за газету числилось 129 руб., но это не намного изменяет общую картину. В 1884 г., когда неофициальная часть вновь слилась с официальной, доходы от необязательной подписки составили 360 руб. 20 коп., от обязательной – 702 руб. Значит, число необязательных подписчиков уменьшилось приблизительно в 2 раза – до 55–65 человек. Поскольку обязательные подписчики не могли отказаться от газеты, то получается, что в предыдущем 1883 г. официальную часть совместно с неофициальной получали по меньшей мере 20 человек (упомянем также, что за ведомости 45 руб. состояло в недоимке)¹¹³.

¹¹¹ Мерцалов В.И. Мимоходом. Моя губернаторская эпопея // Русская старина... С. 27.

¹¹² ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2118. Л. 14–16.

¹¹³ Там же. Л. 30–31.

Признавая всю зыбкость подобных расчетов, представляется, что Корш преувеличил успех своего издания, но рост подписчиков и читателей в сравнении с предшествующим периодом налицо. Об этом же свидетельствует и возрастание объема рекламных объявлений – уже с сентябрьских номеров 1882 г. они стали занимать всю первую и одну-две последних страницы газеты. Газета развивалась, и на 1883 г. ее редактор объявлял, что в ней будут публиковаться «руководящие статьи по местным вопросам», «корреспонденции из обеих частей Сибири», «театральная хроника, критика и библиография» (1882. № 43).

Бесспорно, частные издания пользовались большей популярностью: у «Сибирской газеты» в 1881 г. было 1 165 подписчиков (из них в Томске – 311, в губернии – 569)¹¹⁴. В 1886 г. их было 900, у «Восточного обозрения» – 1 300¹¹⁵. «Сибирский вестник» к концу 1885 г., по словам того же Корша, печатался тиражом 1 200 экземпляров¹¹⁶. В то же время студенты-сибиряки московского университета считали «Томские губернские ведомости» необходимой для себя газетой, чтобы в будущем «послужить родному краю». В конце 1884 г. они обратились к Красовскому с просьбой о высылке ведомостей и «Памятной книжки Томской губернии»¹¹⁷. Губернатор не только распорядился высылать газету, но и лично написал студенту Семидалову о «серьезной готовности с моей стороны быть вам полезным», отправил «Памятную книжку»

¹¹⁴ *Сибирская газета*. Томск, 1881. № 43. С. 1244–1245.

¹¹⁵ *Мандрика Ю.Л.* «Восточное обозрение» – столичное издание для провинции // Акценты. Новое в массовой коммуникации : альманах. Воронеж, 2008. Вып. 3–4 (74–75). С. 41.

¹¹⁶ *Корш Е.В.* Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 7. С. 36.

¹¹⁷ Прошение подписали 13 человек: филологи первого курса П. Лепехин, Ф. Головя, А. Юшков; филологи второго курса П. Головачев, Б. Раковский, И. Шавров, П. Крылов; юристы первого курса В. Серебренников и П. Зарейский; медик первого курса Н. Кузнецов; медик второго курса В. Семидалов; естествоиспытатель первого курса Ф. Касаткин; математик первого курса В. Горский.

на 1884 г. и обещал: «...такая же книжка на 1885 г. будет выслана вам немедленно по ее выходе в свет»¹¹⁸.

Подведем итоги. В период редакторства Е.В. Корша неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» вступила в новый этап своего развития как по форме, так и по содержанию. На предложение Мерцалова возглавить газету Корш отвечал, что будет вести дело так, как найдет это нужным. Неизвестно, губернатору ли принадлежала фраза о том, что «законом и отдельными распоряжениями установлена довольно широкая программа, толковое и умелое пользование которой может сделать губернскую газету полной и интересной»¹¹⁹, но очевидно, что в отличие от предыдущих редакторов и авторов Корш имел и реализовывал определенную концепцию газеты и стратегию ее дальнейшего развития, беря на себя ответственность перед читателями как подписчиками и губернатором, полностью доверившим ему составление контента неофициальной части (цензурные правки отсутствовали) и поручившим усилить коммерческую составляющую местного правительственного органа.

С поставленными задачами Корш, безусловно, справился. Отдельно издаваемая неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» вышла на новый уровень. Номер приобрел обновленную устойчиво воспроизводимую структуру, его материалы были сбалансированно распределены между Сибирью и Европейской Россией с целью придания газете универсального характера. Материалы распределялись по самостоятельным рубрикам, дробящимся на отдельные озаглавленные статьи и мелкие сообщения. За счет этого повышались удобочитаемость и информационная насыщенность – в среднем номер содержал 35–40 публикаций на различные темы. Газета нашла живой отклик у читательской ауди-

¹¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2245. О высылке «Томских губернских ведомостей» студентам Московского университета. 1884 г. Л. 1–4.

¹¹⁹ На это наводит сомнение очень длинный нарочитый экскурс в историю «Томских губернских ведомостей», которым Мерцалов сопровождал свое предложение о сотрудничестве (*Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 5. С. 438*).

тории – широкий круг местных корреспондентов сообщал оперативную информацию из городов и деревень не только Томской, но и других сибирских местностей. Присылаемые заметки и письма на страницах неофициальной части могли вызывать дискуссию.

Продолжались печататься типичные для губернских ведомостей материалы – официальные отчеты, этнографические статьи, статистические сведения, развивались прежние актуальные для Сибири темы – открытие новых учебных заведений, деятельность благотворительных учреждений, строительство университета, ссыльный и рабочий вопросы, судебная реформа, экономическое положение края. Появились новые сюжеты и рубрики – деятельность томской городской думы, переселение в Сибирь и на Дальний Восток, внутреннее положение Китая и русско-китайские отношения, театральная критика, подборка текущих хроникальных известий из жизни Томска и сибирских городов, телеграммы Северного телеграфного агентства.

Основой для больших статей были прежде всего официальные документы и сообщения, собранный местными органами власти фактический материал, что усиливало значение газеты как местного правительственного издания и официального источника информации. В отличие от «Сибирской газеты» и «Восточного обозрения», в газете Корша тема современного положения Сибири и будущих перспектив ее развития хотя и разрабатывалась в либеральном ключе, но не носила ярко выраженного проблемного, нагнетающего-драматического характера. Не было, по понятным причинам, и столь любимых частными изданиями критических выпадов против местной администрации различных уровней. Высокие слова, которыми Корш заканчивал свои «Восемь лет в Сибири», говорят читателю его мемуаров о том, что «возрождение нравственного самосознания» для осужденного по уголовной статье, возможно только «переменою среды и свободным трудом, который представляется единственным верным путем к завоеванию обществен-

ного доверия и уважения в новой среде»¹²⁰. Особенно в той среде, хочется добавить, от которой зависела положительная характеристика поведения сосланного.

Корш выполнял свою работу добросовестно и аккуратно, получая возможность занять себя знакомым и интересным ему делом, соответствующим его образованию и приносящим к тому же дополнительный заработок¹²¹. Старательный подбор материала из местных и центральных газет, официальных источников, разбор и литературная обработка писем, появление новых рубрик, личное присутствие на всех значимых для жизни города культурных и общественных мероприятиях и высказывание по их поводу личного же мнения выдавали хорошего журналиста и деятельного редактора, быстро и умело вошедшего в особенности местной проблематики; но вполне естественно, что Томскую губернию Корш, как и большинство ссыльных, воспринимал как вынужденное пристанище, живя надеждой скорейшего возвращения из «сибирского сиденья»¹²² в Петербург.

«Текущие известия общественной жизни Сибири» и «руководящие статьи по местным вопросам» – строки, которые самовольно были внесены Коршем в рекламное сообщение о программе издания, понимались им по-иному, чем в областнической прессе, в силу неразделения автором идей «сибирского патриотизма» и его стесненного положения как уголовного ссыльного. В результате «невписывания» в областническое направление и личной неприязни к Коршу редактора «Восточного обозрения» сформировалась пренебрежительная оценка неофициальной части «Томских губернских ведомостей» периода 1882–1883 гг., не соответствующая тем изменениям, которые произошли с газетой, но прочно закрепившаяся в историографии сибирской печати.

¹²⁰ Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 7. С. 57.

¹²¹ 75 руб. в месяц (Корш Е.В. Восемь лет в Сибири // Исторический вестник. СПб., 1910. № 6. С. 823).

¹²² Корш Е.В. Там же. № 7. С. 56.

Амбициозность двух неординарных личностей, увлеченных своим делом, но в разных направлениях, оживляла ситуацию на сибирском газетном рынке. Целью пикировки между двумя изданиями стало не только обсуждение действительной необходимости и путей строительства Транссибирской магистрали, развития профессионального образования или вопросов городского благоустройства, но и привлечение читательской аудитории¹²³. В ряду корреспонденций с мест и городских новостей преобладали те, которые составляли хозяйственный или бытовой интерес обывателей с различным уровнем образования и информационными запросами: когда вскрыется река и, следовательно, начнется судоходство, ожидается ли повышение цен на хлеб и муку, каковы виды на урожай, как идет переоценка домов в городе, как будут раскладываться земские повинности и будет ли построено новое здание театра. Из номера в номер чередой шли сообщения о пожарах, эпидемиях дифтерита, падеже скота, изменениях погоды, прибытии в Томск очередной партии ссыльных, неисправном состоянии городских тротуаров. Действительно, такой круг вопросов можно назвать «фонарной литературой»¹²⁴, но он составлял историю провинциальной жизни. И разве плохо, когда на улице регулярно зажигаются фонари и действует водопровод?

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба официальной томской газеты, если бы не ревнивое отношение к ней и ее редактору отца сибирской областнической печати, признававшего только за своим изданием право на «руководящие суждения». Столкновение с частной прессой закончилось поражением, но стало новым этапом в истории «Томских губернских ведомостей». В конечном итоге проведенная Ядринцевым «зачистка» информационного пространства привела к появлению более серьезного конкурента – «Сибирского вестника политики, литературы и общест-

¹²³ См.: Мандрика Ю.Л. Провинциальная частная печать. Спорные вопросы становления периодики Сибири. Тюмень, 2007. С. 69–72.

¹²⁴ Письма Н.М. Ядринцева к Г.Н. Потанину. Красноярск, 1918. С. 221.

венной жизни», полемика с которым «Восточного обозрения» составила отдельное направление журналистских сражений, но это уже другая история.

5.2. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» КАК СПРАВОЧНО-РЕКЛАМНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К ОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ (1884–1904 гг.)

После ухода Е.В. Корша с должности редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей» основным ее содержанием стали публикации о деятельности томских и общероссийских благотворительных обществ, торжественных городских богослужениях, заседаниях Западно-Сибирского отдела РГО, торгово-промышленных выставках, а также различного рода объявлений от частных лиц и организаций. Темы местного значения были представлены отчетами о деятельности комитета по строительству сибирского университета (1884. № 5, 6, 22, 44; 1885. № 4–6, 23, 42; 1887. № 16), сообщениями о переселенческом движении (1887. № 26, 30, 34, 41; 1889. № 25, 27), анонсом празднования в Томске девятсотлетия крещения Руси (1888. № 27), отчетом об открытии университета и поздравительными телеграммами (1888. № 28–32), описанием пребывания 5–6 июля 1891 г. в Томске наследника престола Николая Александровича (1891. № 27).

Отвлечь от служебных сообщений и сухих цифр отчетов должны были рубрики «Общепользные сведения» и «Разные известия», располагавшиеся на последних страницах выпуска перед объявлениями. С № 13 от 26 марта 1887 г. был увеличен формат газеты – теперь на ее листе помещалось не две, а три вертикальных колонки. В 1894–1896 гг. неофициальная часть выходила в виде подвала под соответствующим горизонтальным заголовком на всю ширину

листа, что являлось нарушением установленной формы издания¹²⁵. С 1897 г. неофициальная часть вновь стала следовать за официальной, колонка за колонкой. В оформлении рекламы с конца 80-х гг. наблюдаются применение сложных графических изображений, игра шрифтами, юмористические рисунки, акцентирование преимуществ товара броскими слоганами или подробными многообещающими пояснениями¹²⁶.

Стабильно, но с большими перерывами, в неофициальной части, согласно их программе, появлялись продолжающиеся публикации по истории и этнографии края. В 1888–1889 гг. печатались фрагменты из работы А.В. Оксенова «Торговые сношения русских с обитателями Северо-Западной Азии: до эпохи Ермака» (Томск, 1888), более десятка исторических документов XVII–XVIII вв., касавшихся Сибири и Томской губернии, было опубликовано в 1890 г. И.П. Кузнецовым-Красноярским в рубрике «Из сибирской старины». Всестороннее описание Нарымского края Т. Лопаты вышло в 1892 г. Отец-законоучитель А.А. Мисюрев посвятил томской гимназии очерк (к 50-летию со дня ее основания), представленный в 1894 г. как на страницах «Томских губернских ведомостей», так и отдельным изданием. В 1895 г. был напечатан компилятивный очерк истории и современного положения бурят за подписью Ч.Ер. Ногорского.

В конце 1887 г. неизвестный автор сделал попытку возобновить рубрику о событиях общественной жизни города. Колонка «Местная хроника» появилась в № 40 от 8 октября 1887 г. и многообещающе сообщала: «Понятно то чувство искреннего удовольствия, с каким мы открываем новый отдел губернских ведомостей, и воз-

¹²⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 16. 1872 г. Л. 21.

¹²⁶ Увлечение редакторами ведомостей рекламными заработками привело к жизни в 1874 г. циркуляр Главного управления по делам печати о недопущении печатания в губернских и областных ведомостях во главе номера частных объявлений (*Систематический указатель к сборнику циркуляров и инструкций министерства внутренних дел за время с 1 января 1858 по 1 января 1880 г.* / Д. Чудновский. СПб., 1881. С. 72).

можность занести на первые его страницы сообщение о фактах самого отрадного свойства, которыми поистине не может не гордиться наш родной город»¹²⁷. Речь шла о переводе бесплатной народной библиотеки в каменный дом, построенный С.С. Валгусовым. В последующих номерах рассказывалось об открытии Томским отделением Русского музыкального общества нового сезона (1887. № 41, 46), постановке в томском театре пьесы «Горе от ума» (№ 42), проекте устава томского общества любителей сценического искусства (№ 44), критическом материальном положении вольного пожарного общества (№ 48) и других событиях. Всего с «Местной хроники» вышло восемь номеров «Томских губернских ведомостей».

С 1888 г. рубрика прекратила свое существование. Можно предположить, что ее взялся вести кто-то из образованных чиновников. В поисках тем автор следил за результатами голосования в городской думе, «завертывал» на публичные заседания губернского суда, посещал спектакли и музыкальные вечера, присутствовал на других немногих общественных мероприятиях. При этом в публикациях чувствуется наличие определенного художественного вкуса и опыта обращения с печатным словом, их стиль отличают обстоятельность и образность, местами ироничность повествования, внимание к подробностям и стремление заинтересовать читателя¹²⁸.

¹²⁷ *Местная хроника* // Томские губернские ведомости. 1887. № 40. С. 12.

¹²⁸ Для иллюстрации приведем несколько фрагментов: «Часов с 11 утра самая разнообразная публика стала наполнять обширный, в два света, с хорами, зал библиотеки (длина зала 27 арш. 11 вершк., ширина 12 арш. и высота 10 арш. 14 вершк.); здесь можно было видеть представителей всех слоев городского общества, встречались и черные фраки, и долгополые сюртуки, и серые с узорами азямы, но больше всего заметно было детей того возраста, для которых книжка начинается уже делаться предметом вожделенного занятия в свободные часы отдыха» (*Местная хроника* // Томские губернские ведомости. 1887. № 40. С. 12); «Какое же, спросим, общее впечатление могла и должна была вынести публика с этого спектакля, и едва ли будем несправедливы, если ответим, что на этот раз она вовсе почти не видела “Горя от ума”, зато испытала немало “горя от плохой его постановки”» (*Местная хроника* // Томские губернские ведомости. 1887.

События в стране и в мире освещались при помощи телеграмм Северного телеграфного агентства. Эпизодически появлялись не связанные между собой перепечатки из столичных газет, главным образом из «Правительственного вестника»: речь пензенского губернатора А.А. Татищева о необходимости общественных запасов и падении нравственности среди крестьян (1884. № 43), о прививках против бешенства в Москве (1886. № 27), о крушении императорского поезда на железной дороге (1889. № 45–49) и т.д. С середины 1884 г. началась публикация развернутых биографий-некрологов о героях Крымской войны – Э.И. Тотлебене (1884. № 31–31), С.А. Хрулеве (1884. № 47, 48, 50), П.С. Нахимове (1885. № 7–10) и др., но эта серия прервалась без какого-либо заключительного слова. Откликнулся Томск на поразивший губернии Европейской России неурожай 1891–1892 гг.: в ведомостях был опубликован призыв к пожертвованиям в пользу голодающих, а отчеты об их сборе публиковались почти еженедельно (1891. № 38, 40, 45, 47, 49, 50).

В связи с начавшейся Русско-японской войной министерством внутренних дел было разрешено публиковать в неофициальной части губернских и областных ведомостей хронику событий и корреспонденции с театра военных действий, сообщения Красного Креста, биографии и некрологи выдающихся участников войны, списки убитых и раненых местных жителей. Такая расширенная неофициальная часть с целью распространения среди населения

№ 42. С. 15); «Исполнив долг необходимой вежливости относительно погоды, перейдем к другим предметам, занимавшим в последнее время общественное внимание. Но – увы! – таких предметов, по самым тщательным розыскам, в наличности не обретаются, а если бы у нас, в Томске, проживал в настоящее время сам хитроумный Эдип, то и он оказался бы вполне несостоятельным при разрешении вопроса – что составляло для нашего общества в последнее время злобу дня, чем преимущественно было заинтересовано оно за это время?» (*Местная хроника* // Томские губернские ведомости. 1887. № 43. С. 12); «...мчится во всю прыть лихих своих коней пожарная команда, не зная, кажется, и сама – куда именно» (*Местная хроника* // Томские губернские ведомости. 1887. № 48. С. 14).

«подробных и верных с театра военных действий сведений» должна была формироваться на основе официальных источников, главным образом «Правительственного вестника» и «Русского инвалида», и предлагаться по отдельной невысокой подписной цене¹²⁹. В Томской губернии этот циркуляр был реализован путем выпуска два раза в неделю отдельного прибавления к «Томским губернским ведомостям» с № 14 от 8 апреля 1904 г. под редакцией старшего советника губернского правления барона А.Л. Бруннова. Стоимость полугодовой подписки составила 1 руб., месячной – 25 коп. Было также разрешено бесплатно публиковать в губернских ведомостях объявления о выпускаемых Красным Крестом художественных открытках, средства от продажи которых направлялись в пользу раненых и больных солдат¹³⁰.

Так, на протяжении 20 лет неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» не имела какого-либо самостоятельного значения и представляла собой справочно-рекламное приложение к официальной части. Авторские публикации или какие-либо развернутые комментарии к напечатанному практически отсутствовали. Только с помощью тщательного просмотра всех выпусков газеты выявляются те крохи информации, которые могут быть интересны для историка, этнографа и краеведа.

Вести такую облегченную неофициальную часть не составляло особого труда, поэтому редактором «Томских губернских ведомостей» и начальником газетного стола с 1886 г. стал канцелярский служащий Николай Григорьевич Гусельников. Сын урядника, без образования, он начал службу в 1870 г. и, не имея чина, перемещался по низшим должностям с мизерным содержанием, пока, наконец, не обрел постоянное место работы¹³¹. Он редактировал га-

¹²⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 53. Л. 1–1 об.

¹³⁰ Там же. Л. 42, 46, 49.

¹³¹ ГАТО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 53а. Л. 209–233; Ф. 3. Оп. 12. Д. 1965. До Гусельникова, в 1884 – начале 1886 г., газету подписывал И.В. Поникаровский, но каких-либо сведений о его служебной биографии разыскать не удалось.

зету и исполнял должность заведующего газетным столом на протяжении 31 года, с № 11 от 13 марта 1886 г. до последнего ее № 10 от 5 марта 1917 г.¹³² (после смены власти 17 июля 1917 г. ему было предложено подать в отставку¹³³).

На основании немногочисленных сохранившихся источников можно говорить о существенной модернизации оборудования томской губернской типографии. В 1898 г. в одной из статей «Сибирской жизни» сообщалось, что в ней имелись две скоропечатные машины «в два наклада» (т.е. обеспечивающие печать листа одновременно с двух сторон)¹³⁴. В 1907 г. в губернской типографии числилось 48 человек (в ведущем частном издательстве – Сибирском товариществе печатного дела – 108 человек)¹³⁵. 27 мая 1914 г. датируется контракт между томской губернской типографией и Техничко-промышленным бюро об устройстве электростанции и парового отопления (стоимость контракта 14 тыс. руб.). Работы должны были быть закончены 1 октября 1914 г.¹³⁶ Типография обзавелась собственным помещением, о чем упоминается в прошении Н.Г. Гусельникова от 19 июля 1917 г. о назначении ему пожизненной пенсии¹³⁷.

¹³² В конце 1905 г. неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» приобрела самостоятельное от официальной части значение и редактировалась последовательно П.Т. Виноградовым, И.Е. Биццоком, А.В. Дуровым и В.Э. Мейером. За Гусельниковым оставалась должность редактора официальной части и начальника газетного стола. С упразднением неофициальной части в 1913 г. должность ее редактора также была упразднена (*Памятная книжка Томской губернии* на 1913 г. Томск, 1913. С. 123). С № 11 от 12 марта 1917 г. «Томские губернские ведомости» были преобразованы в «Известия Томской губернии».

¹³³ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 95–96.

¹³⁴ *Макушин П.И.* Откровенно и... беззастенчиво // *Сибирская жизнь*. 1898. № 33.

¹³⁵ ГАТО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 3581. Л. 3.

¹³⁶ ГАТО. Р. 1362. Оп. 1. Д. 582. Л. 1–2.

¹³⁷ «...в настоящее же время губернская типография помещается в собственном доме, построенном на сбережения от доходности типографии...» (ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 95–96).

Итак, в связи с расширением сектора частной печати «Томские губернские ведомости» перестали восприниматься образованными представителями местного общества как газета именно для чтения, а не для знакомства с официальными распоряжениями. Местная власть также отошла от попыток развития неофициальной части местного официального издания и формирования посредством него общественного мнения. В то же время газета не исчезла – при законодательно обусловленном существовании и, следовательно, бюджетном финансировании вопрос тиража не был для нее так жизненно важен, как для частных газет. Среди губернаторов всегда находились те, кто сочувственно относился к подведомственной им правительственной печати, поддерживая ее и с помощью привлечения новых сотрудников оживляя общественную и научную жизнь края. В случае «выговора из Петербурга» губернские ведомости вновь возвращались в прежние пределы, но как скоро инцидент забывался, а власть менялась, появлялась возможность, что называется, замесить новое тесто, которому становилось тесно в законодательно определенной кадке¹³⁸.

¹³⁸ Так, например, в 1871 г. «Саратовские губернские ведомости» за статью о «немце, надувшем русского» лишились своего редактора Вишневого и от публикации местной корреспонденции, фельетонов и рецензий возвратились вновь к объявлениям, но с 1879 г., когда редактором стал председатель статистического комитета А.И. Соколов, на страницах газеты стали помещаться статьи по истории, археологии и этнографии, а в 1888 г. саратовский губернатор А.И. Косич поставил перед новым редактором Н.Ф. Хованским задачу сделать «Саратовские губернские ведомости» изданием для народного чтения (*Скрипичин В.А.* «Саратовские губернские ведомости». Часть неофициальная. 1838–1894 гг. Саратов, 1895. С. 6–9); Аналогичный пример находим в отношении «Кубанских областных ведомостей», на страницах которых в 1881 г. начальник Кубанской области Н.Н. Кармалин (как в свое время Н.Н. Муравьев в Иркутске) призвал всех желающих «обличать все темное, изучать и поучать». В результате в 1883 г. редактор «Кубанских областных ведомостей» Е.Д. Фелицин решением суда был приговорен к штрафу по обвинению в диффамации за помещенные в газете корреспонденции. После чего кубанская официальная газета «значительно как-то поблекла», но с 1889 г. ее программа вновь стала расширяться, а с 1893 г. она вступила в «период преобразований или живого слова», продолжавшийся до 1902 г. (*Горюцкий Б.М.* По поводу 50-летия издания «Кубанских областных ведомостей»

5.3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИССИИ ПО ПЕРЕСМОТРУ ПРАВИЛ ОБ ИЗДАНИИ ГУБЕРНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ (1901 г.)

В начале XX в. губернские и областные ведомости как составные части системы правительственной периодики вновь обратили на себя внимание властей. В январе 1901 г. при Главном управлении по делам печати, возглавляемом князем Н.В. Шаховским, была создана Комиссия для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей под председательством главного редактора «Правительственного вестника», поэта и писателя К.К. Случевского. Основное назначение Комиссии – обновление программ ведомостей в соответствии с новыми общественно-политическими условиями, приведение их к единообразию и установление информационного взаимодействия как между ведомостями, так и с «Правительственным вестником» как головным органом¹³⁹. Для ознакомления с положением на местах с 9 по 19 апреля 1901 г. в столице был проведен съезд редакторов провинциальных правительственных газет. Прибыло 16 человек из Витебска, Гродно, Калуги, Екатеринодара, Нижнего Новгорода, Олонецка, Перми, Ярославля, Полтавы, Тамбова, Тулы, Харькова, Могилева, Митавы, Владикавказа, Ташкента. Заочно (в виде писем в Комиссию) были представлены «Саратовские», «Екатеринославские» и «Вятские» губернские ведомости. Делегатов от Сибири не было, азиатскую часть России представляли только «Туркестанские ведомости», выходившие под редакторством капитана С.А. Геппенера¹⁴⁰.

Программы 73 губернских и областных ведомостей были сведены помощником правителя дел Главного управления по делам печати Н.А. Агаповым в таблицу и демонстрировали совершенное раз-

(1863–1913): Библиографический набросок // Кубанский сборник на 1914 г. Екатеринодар, 1914. Вып. 19. С. 631–644).

¹³⁹ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 1–4.

¹⁴⁰ Там же. Л. 136–136 об.; Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 5–6, 19–19 об., 20, 21, 52.

нообразие по содержанию, подписной цене и периодичности. 16 изданий выходили ежедневно, от двух до четырех раз в неделю – 43, еженедельно – 14. Подписная цена колебалась от 2 (неофициальная часть «Саратовских губернских ведомостей») до 10 руб. («Харьковские губернские ведомости»). По содержанию официальные газеты разделялись на три группы – «ничем не отличающиеся как по формату, так и по содержанию от частных изданий» («Харьковские», «Пермские» и «Витебские» губернские ведомости); специализированные как «народная газета» («Саратовские») или как сельскохозяйственная («Вятские») и, наконец, строго придерживающиеся установленной законом программы¹⁴¹. «Томские губернские ведомости» были самыми бледными среди старейших официальных газет зауральского региона. Ведомости «второй волны», разрешения которых долго добивались местные власти, выглядели содержательнее и выходили за рамки официальной программы (табл. 13).

Т а б л и ц а 13

**Губернские и областные ведомости Сибири, Дальнего Востока
и Средней Азии в 1901 г.¹⁴²**

Наименование	Начало выхода, год	Периодичность	Подписная цена	Содержание	Заметки на полях документа
1	2	3	4	5	6
Енисейские губернские ведомости	1857	4 раза в неделю	Для обязательных подписчиков 5 руб., для необязательных – 5 руб. 50 коп. с пересылкой	Телеграммы, театр и музыка, корреспонденции, сибирская хроника. Внутренние и внешние известия. Среди газет и журналов. Смесь. Фельетон	Материал большей частью занимательный
Иркутские губернские ведомости	1857	Ежедневно	7 руб. с пересылкой	Телеграммы, местная и общая хроника. Сельско-	Материал занимательный

¹⁴¹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 62, 65.

¹⁴² РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 35–41.

Продолжение табл. 13

1	2	3	4	5	6
				хозяйственные статьи. Разные известия. Обзор периодической печати. Судебная хроника	
Тобольские губернские ведомости	1857	Еженедельно	Для обязательных подписчиков 4 руб., для необязательных – 4 руб.	Телеграммы. Происшествия по Тобольской губернии. Местная хроника (не в каждом номере). Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности в виде прибавлений (довольно объемистых). Объявления	
Томские губернские ведомости	1857	Еженедельно	Для обязательных подписчиков 3 руб., для необязательных – 7 руб. с пересылкой	Объявления	
Забайкальские областные ведомости	1865	3 раза в неделю	Для обязательных подписчиков 4 руб., для необязательных – 6 руб. с пересылкой	Местная хроника. По Сибири и Европейской России. На Востоке. Телеграммы. Среди газет и журналов. Иностранные известия. Фельетон	
Туркестанские областные ведомости	1870	2 раза в неделю	Для обязательных подписчиков 7 руб., для необязательных – 7 руб. 80 коп.	Передовые статьи. Текущие новости. Среди газет и журналов. Статьи по разным вопросам. Телеграммы. Местные известия. Корреспонденции.	Газета поставлена вполне солидно. Посвящена всецело интересам края, дает

1	2	3	4	5	6
				Фельетон (всегда серьезного содержания). Объявления (весьма обильны)	много оригинального материала
Семипалатинские областные ведомости	1871	Еженедельно	Для обязательных подписчиков 6 руб., для необязательных – 6 руб. с пересылкой	Отчеты сельскохозяйственных обществ, статистического комитета и т.п. Объявления	
Семиреченские областные ведомости	1884	2 раза в неделю	5 руб. Неофициальная часть издается отдельно от официальной части	Телеграммы. Разные известия. Справочный отдел. Корреспонденции. Объявления	
Якутские областные ведомости	1892	2 раза в месяц	Для обязательных подписчиков 6 руб. 50 коп., для необязательных – 6 руб. 50 коп.	Городская хроника и объявления	
Приамурские ведомости	1894	Ежедневно	Для обязательных подписчиков 7 руб., для необязательных – 9 руб.	Городская хроника. Областная хроника. Корреспонденции. Беллетристика. Самостоятельные статьи по разным вопросам. Театрально-музыкальный отдел. Телеграммы. Судебный отдел. Объявления	Много оригинальных статей и корреспонденций. Вообще газета ведется солидно

Ведомости, изначально создаваемые как стройная и строгая система региональных правительственных изданий, ввиду местных условий, отдельных допущений в программе, частных ходатайств губернаторов постепенно отходили от предписанных огра-

ничений, развивались и видоизменялись иногда до такой степени, что в своей неофициальной части выполняли функции, совсем не связанные с целями поддержания имперской государственности. Так, «Витебские губернские ведомости» имели «собственную позицию по социальным, религиозным, культурным проблемам населения Северо-Западного края», ее публикации внесли важный вклад в формирование такого национального течения общественно-политической мысли, как западнорусизм¹⁴³. В неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» рубежа веков одной из ведущих тем были литературно-критические публикации по проблемам русской классической и уральской литературы¹⁴⁴.

Член совета Главного управления по делам печати Н.В. Варадинов, наблюдавший более 20 лет за губернскими и областными ведомостями, по его собственным словам, «вынес убеждение», что они «потеряли совершенно из виду первоначальную цель учреждения и издания их» – «служить облегчением и сокращением сношений губернских правлений и ускорять обнародование распоряжений губернского начальства». В течение многих лет, в особенности в последнее время, – продолжал Варадинов, – «в изданиях этих официальная часть помещается лишь ради одной формальности, во избежание явного нарушения предписаний о ней закона; вся же деятельность редакций этих изданий направлена на неофициальную часть [разрядка *В.Ш.*], которая издается однако так, что Главное управление по делам печати было поставлено в необходимость указывать на отступления этой части губернских и областных ведомостей от установленной для нее законом программы»¹⁴⁵.

¹⁴³ Сороко С.М. «Витебские губернские ведомости» в системе белорусской дореволюционной прессы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2001. С. 12–13.

¹⁴⁴ См.: Масальцева Т.Н. Литературная критика газеты «Пермские губернские ведомости»: 1890–1917 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. С. 6, 9.

¹⁴⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 2. Д. 18. 1878 г. Л. 316–316 об. В 1878 г. Н.В. Варадинов предлагал «приступить немедленно к пересмотру узаконений об издании губернских и областных ведомостей» и для этой цели учредить комиссию из чиновни-

Так, например, в 1870–1871 гг. «Харьковские губернские ведомости» получили четыре замечания – за помещение в неофициальной части гласной жалобы и ответа на нее, передовую статью о внешней политике России с мнением редакции, статью о еврейском погроме в Одессе и статью «Что такое коммуна». В последнем случае неизвестный автор оправдывал происходившие во Франции революционные события, утверждая, что «для одних коммуна сделалась синонимом пугала, кровавого призрака террора, для других же знаменем чести и свободы, святым словом любви и прогресса». «Саратовские губернские ведомости» за отчетный период заработали два замечания – по причине перепечатки из столичных бесцензурных изданий слухов о действиях правительства и за статью «Охота за обидами» – о появлении в Саратове со времени введения новых судебных учреждений «целого полчища адвокатов и поверенных по делам». Строгое взыскание за статью «Темные отношения», обличавшую местное земство в потворстве к распространению холеры, получил цензор и редактор неофициальной части «Самарских губернских ведомостей». Допускались статьи полемического характера, литературного содержания и перепечатки из бесцензурных изданий в «Херсонских», «Ярославских», «Семипалатинских», «Владимирских», «Олонецких», «Донских» ведомостях¹⁴⁶. Целый же ряд ведомостей не подали «повода к особым замечаниям» по причине того, что они ограничивались «весьма скудным содержанием своей неофициальной части» [разрядка *В.Ш.*]¹⁴⁷. В итоге, спустя 30 лет, в 1901 г., редакторы ведомостей из Харькова, Саратова, Херсона, Ярославля

ков Главного управления по делам печати, департамента общих дел, полиции исполнительной, хозяйственного и земского отделов. Однако министерство внутренних дел оставило предложение без ответа.

¹⁴⁶ РГИА. Ф. 776. Оп. 5. Д. 16. 1872 г. Л. 22–25.

¹⁴⁷ Там же. Л. 25. Это губернские ведомости Симбирские, Тамбовские, Черниговские, Варшавские, Калужские, Келецкие, Ломжинские, Люблинские, Петроковские, Полоцкие, Радомские, Сувалкские и Седлецкие.

и Олонецка были вызваны в Петербург, а сами газеты отмечены как ведущиеся хорошо, интересно и содержательно.

Обратимся к мнениям, высказанным в ходе деятельности Комиссии 1901 г. по пересмотру правил об издании губернских и областных ведомостей. Участникам съезда было предложено ответить на 29 вопросов относительно текущего положения вверенных им газет. В результате выяснилось, что в большей части ведомостей было два редактора – один для официальной, другой для неофициальной части. Редактор официальной части, со штатным окладом 750 р., был одновременно начальником газетного стола, а иногда и смотрителем губернской типографии. Редакторы неофициальной части, как правило, работали в одиночку и находились в «исключительно хороших условиях» лишь в Витебске, Перми, Тамбове и Харькове.

Достаточное вознаграждение получали редакторы неофициальных частей «Кубанских», «Терских» и «Туркестанских» ведомостей. Редактор «Люблинских губернских ведомостей» вовсе ничего не получал за свой труд, а «Архангельских губернских ведомостей» – 25 руб. в месяц за редактирование, корректирование и на гонорар сотрудникам. Оплата корреспондентам существовала в «Пермских», «Витебских», «Полтавских», «Олонецких», и «Тульских» ведомостях. На вопрос о том, имеется ли возможность привлечения местных литературных сил, большинство вызванных редакторов отвечали, что их «почти везде достаточно и что все дело в материальных средствах»¹⁴⁸.

Вице-губернатор Херсонской губернии В.П. Урусов предложил издавать ведомости не менее трех раз в неделю, поскольку это увеличит количество объявлений и сделает их публикацию более оперативной для заинтересованных лиц. Кроме того, он предлагал обязать все коммерческие организации, находящиеся в данной губернии, публиковать свои отчеты и балансы только в губернских ведомостях, а не в частных изданиях¹⁴⁹. В этом отношении Комиссия приняла ре-

¹⁴⁸ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. Л. 63–64.

¹⁴⁹ Там же. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 51–52 об.

шение совместно с «Правительственным вестником» (в котором также около 1/3 учреждений не печатали своих обязательных объявлений) подготовить список «уклоняющихся» коммерческих структур.

Редактор неофициальной части «Архангельских губернских ведомостей» А.В. Ивановский, аттестовавший себя как «газетный труженик с далекого Севера», на основании списка причин, не позволявших вывести руководимое им издание «на надлежащую высоту», предлагал следующее: придать ведомостям повсеместно ежедневный характер; печатать в неофициальной части не только руководящие статьи по местным вопросам, но и общегосударственного характера¹⁵⁰, в соответствии с положениями теории официальной народности¹⁵¹; предоставить редактору и корреспондентам возможность критиковать деятельность местных властей¹⁵²;

¹⁵⁰ «Один местный элемент уже не в состоянии удовлетворить современного читателя губернских ведомостей и пример лучших из них показывает (таковы ведомости «Харьковские», «Пермские», «Витебские», «Енисейские», бывшие «Подольские», «Иркутские», бывшие «Ярославские», «Полтавские», «Бессарабские», «Вятские», «Гродненские», «Кубанские», «Саратовские», «Нижегородские», «Тульские», «Олонецкие», «Калужские», «Тверские», «Бакинские», «Могилевские» и др.), чем должны быть губернские ведомости, а именно: опрятной, хорошей газетой, свободной от узкой партийности и тенденциозности, свойственной частным изданиям, в которой отводилось бы достаточно места для служения насущным интересам и для выяснения местных нужд и польз, но отнюдь не исключительно местной газетой» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 60).

¹⁵¹ «...желательно, чтобы газета во всех отношениях служила верным и возможно полным отражением и истолкователем жизни местной, отечественной и зарубежной, придерживаясь направления, усвоенного «Правительственным вестником» и лучшими из губернских ведомостей других губерний, и имея девизом полную преданность основным началам, на которых зиждится могущество, величие и слава России, именно Православию, Самодержавию и Русской Самобытности, не рабски преклоняющейся пред всем иноземным, а сознательно выбирающей лишь одно хорошее, полезное и в научном смысле бесспорное» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 62).

¹⁵² «...согласно с видами Правительства, для укрепления в народе добросовестности и правосознания предоставить губернским ведомостям более свободы в борьбе с хищничеством и неправдой всякого рода, в искоренении злоупотреблений, в

освободить губернские типографии с оборотом менее 25 тыс. руб. от сборов и налогов и выплачивать им государственные субсидии за бесплатные типографские работы; увеличить вознаграждение редактору неофициальной части за счет 15–20% отчислений от подписной платы и 15% от платы за объявления; предоставить редактору неофициальной части права государственной службы; предусмотреть гонорар местным корреспондентам (минимум по 1 коп. за строчку); смягчить положения закона о литературной собственности, т.е. расширить возможности перепечаток статей из неофициальных частей других ведомостей; обращаться напрямую в Главное управление по делам печати с рукописями, не пропущенными местной цензурой; возложить ответственность за статьи в неофициальной части на редактора, а не на цензора, для того чтобы последний не мог иметь права на изменение их содержания; предоставить редакции право бесплатной пересылки почтовой корреспонденции и бесплатного получения «Правительственного вестника»; сделать возможным выпуск некоторых номеров губернских ведомостей с иллюстрациями, планами и картами¹⁵³.

Ничего конкретно не предлагая, но с пространным и проникновенным письмом «Как погибли “Екатеринославские губернские ведомости”», обратился к Комиссии их редактор П. Соляный (Южный). Из этого текста узнаем, что в Екатеринославле с появлением частных изданий в 80-х гг. губернские ведомости уже «не могли, как прежде, замыкаться в узкие рамки мертвенной казенщины и, постепенно освобождаясь от оков рутины исключительно формального отношения к делу бывших канцеляристов, точно в насмешку обзываемых “редакторами”, превратились, наконец, из чахлах “ведомостей” в довольно обстоятельную с разнохарактерным содержанием бойкую “газету”». Тем не менее «Екатерино-

обличении и раскрытии всевозможных язв и недугов текущей действительности» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 62 об.).

¹⁵³ Там же. Л. 55–63 об.

славские губернские ведомости» не смогли выдержать конкуренции с частными газетами и к началу века «погибли»¹⁵⁴.

С точки зрения окупаемости издания все участники съезда удостоверяли факт, что это дело «никогда не дает убытка», но прибыль колебалась в зависимости от подписки, количества объявлений и розничной продажи. Наибольшее число подписчиков было у «Пермских» (1 507 обязательных и 3 090 необязательных) и «Харьковских губернских ведомостей» (500 обязательных и 3 800 необязательных). Розничная продажа была значительна у тех изданий, которым был разрешен выход по расширенной программе. Наибольший доход от объявлений получили в 1900 г. «Харьковские губернские ведомости» – 27 тыс. руб., «Пермские» – 20 тыс. руб., «Полтавские» – 15 тыс. руб. и «Витебские» – 12 тыс. руб. Однако в большинстве случаев (10 из 16) доходы от издания газеты и частных заказов шли не на улучшение издания и развитие типографии, а на пособия и награды чиновникам губернского правления. Единогласно было отмечено, что губернские правления «оказывают тягостное как нравственное, так и материальное влияние на развитие неофициальной части ведомостей».

При обсуждении желательных изменений в программе ведомостей Комиссия единогласно высказалась за одного редактора как официальной, так и неофициальной частей с жалованьем не менее 1 200 руб. в год и помощником, получающим от 600 до 1 500 руб. (в этом случае должность начальника газетного стола упразднялась за ненужностью). Редактор должен был находиться в прямом подчинении у губернатора и назначаться им с уведомления Главного управления по делам печати. Комиссия «признала желательным ходатайствовать о возможно быстром сообщении в ведомостях известий от представителей местной администрации о текущих событиях в их ведомствах».

Организационно и финансово ведомости должны были быть отделены от губернской типографии, в ведении которой оставались только исполнение заказа на набор и тиражирование. Предусматривалось издание обеих частей ведомостей – официальной и неофици-

¹⁵⁴ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 94–106.

альной – совместно на одном листе, с периодичностью 6 раз в неделю. Особое мнение на этот счет высказал редактор неофициальной части «Саратовских губернских ведомостей» В.А. Скрипицын, который в своем письме указал, что необязательные подписчики в этом случае могут предпочесть частную газету, свободную от лишнего официального «балласта». Редактор «Туркестанских ведомостей» С.А. Геппенер ввиду недостатка средств на оплату авторских материалов призвал Комиссию «не форсировать, вопреки местным условиям, газету, вынуждая ее выходить ежедневно, а предоставить вопрос о сроке выхода решению на месте»¹⁵⁵.

Разнообразные мнения были высказаны в отношении пунктов о содержании неофициальной части губернских ведомостей, которые должны были быть положены в основу для изменения программы всех официальных изданий. Дискуссию вызвал вопрос, что должны сообщать ведомости – оценку событий и, значит, личные взгляды редактора или исключительно факты? Должна ли газета освещать исключительно местные вопросы или касаться и общегосударственных?

Н.А. Озеров, редактор неофициальной части «Вятских губернских ведомостей», в письме к К.К. Случевскому предлагал прежде всего освещать не общие вопросы, находящиеся в ведении столичной прессы, а развивать отделы местной хроники и корреспонденций, «чтобы дать верное описание жизни всех уголков губернии». Редакция газеты должна быть расширена до 5–6 человек, «тогда только возможно будет разобраться во всем материале, выбрать интересное для печати и дать в каждом номере несколько самостоятельных статей и замечаний». Для постановки дела на новых основаниях возможна была сдача газеты в аренду частным лицам. В качестве доказательства того, что несмотря на обилие дешевых частных изданий, потребность в губернских ведомостях существует, Озеров приводил факт, ставший возможным благодаря его собственной деятельности: увеличение платных подписчиков газеты с 32 до 1 500¹⁵⁶.

¹⁵⁵ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. Л. 65–71 об.

¹⁵⁶ Там же. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 109–112.

Вопрос об усилении через губернские ведомости определенной общегосударственной правительственной линии остро ощущался в северо-западных губерниях. По мнению гродненского губернатора Н.П. Урусова, в целях контрпропаганды идеям польского национализма ведомости должны представлять русские интересы, внушать мысли о превосходстве православного вероисповедания и преданности самодержавию¹⁵⁷. В записке Урусова затронут был и еврейский вопрос – через ведомости необходимо было проводить идеи устройства ссудно-сберегательных касс и потребительских кооперативов для противодействия «захвату евреями» местной промышленности и торговли¹⁵⁸.

В результате публикация в ведомостях «статей общего характера» была признана необходимой, но преимущество отдавалось все же местным вопросам. При этом подчеркивалось, что при освещении и тех и других следует руководствоваться «строго проверенными данными». При наличии частных газет, имеющих определенную «партийную» окраску, оценки, даваемые через правительственный орган событиям местной жизни, могли пониматься читателем как беспристрастные и объективные, «стоящие вне всяких партийных интересов». В то же время внешнеполитический отдел было признано необходимым оставить только в виде фактических обозрений, без личных рассуждений автора или редактора.

При обсуждении такого непростого вопроса, как «соответствует ли характеру ведомостей критическое отношение к правительственным и административным мероприятиям и распоряжениям», боль-

¹⁵⁷ «...неофициальный отдел газеты должен быть расширен предоставлением права помещать в нем самостоятельные руководящие и другие статьи соответствующего видам Правительства направления, что особенно важно ввиду пропаганды, поддерживаемой в Западном крае, посредством распространения в народе убеждений, вредных в интересах русского дела. В них, между прочим, проводится мысль, что губернии этого края искони составляли часть бывшей Великой Польши, что в былое время население края исповедовало католицизм...» (РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 354. Л. 104 об.–105).

¹⁵⁸ Там же. Л. 104–105 об.

шинство мнений склонилось к допущению такого обсуждения, «но в тоне почтительном и дружелюбном». Комиссией была даже выработана формулировка, которая могла войти в новое законоположение о губернских ведомостях: «В губернских ведомостях могут быть обсуждаемы правительственные и административные мероприятия, но отнюдь не в отрицательном смысле». Схожая формулировка, не умаляющая значения и влияния ведомостей, была принята и в отношении полемики с частными печатными органами: «Пolemика в губернских ведомостях допускается только по вопросам местным или для восстановления фактической стороны вопроса, но отнюдь не вопросам личным и непременно в спокойном тоне». Совершенно непригодными жанрами для ответа возможным оппонентам были признаны шарж, памфлет и сатира. Другие самоограничения в программе касались беллетристических произведений. Они могли публиковаться только в том случае, если они не направлялись на оскорбление религиозных чувств, посягали на «добрую нравственность» или подрывали уважение к закону, государственному порядку и властям. Судебная хроника приводилась без обсуждения судебных решений и без отчетов «о пикантных процессах».

Порядок цензурного просмотра ведомостей должен был соответствовать «высочайшему повелению» 1881 г., освобождавшему их от предварительной цензуры как издания правительственные. В то же время последовавший в этом же году циркуляр Главного управления по делам печати предусматривал «непосредственное наблюдение» за содержанием неофициальной части со стороны начальников губерний, что давало им основания требовать газету к себе на цензуру. Поскольку, по мнению Комиссии, редакторами ведомостей являются лица, «облеченные личным доверием губернатора и получающие непосредственно от него указания», то приоритетным является указ 1881 г., а не разъяснение Главного управления по делам печати¹⁵⁹.

¹⁵⁹ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. Л. 73 об.–77.

Деятельность Комиссии широко освещалась на страницах столичных и провинциальных газет (см. прил. 3).

Мнения разделились практически поровну: в 17 публикациях авторы высказывали критические суждения относительно целесообразности и перспектив реформы губернских ведомостей, в 16, напротив, одобряли возможные преобразования и формулировали свои предложения по улучшению положения местной правительственной газеты. В «большой прессе» («Россия», «Русское слово», «Санкт-Петербургские ведомости», «Новое время», «Биржевые ведомости») высказывалось опасение, что поддержка государством губернских ведомостей и расширение их программы повредит развитию местных частных изданий, приведет к монополизации печатного слова в руках администрации. Делая акцент на необходимости развития свободной, критически настроенной частной печати, неофициальной части ведомостей в их современном и будущем реформированном виде отказывалось в наименовании «газета» как органе, способном отражать и выражать какие-либо общественные идеи. Так же, как в 1862 г. С.Н. Терпигорев, авторы заметок предлагали поставить во главе неофициальных частей частных независимых лиц или передать их в распоряжение земств, что фактически означало свертывание проекта региональных государственных изданий. Немногочисленные центральные издания («Новости дня», «Курьер»), а также сами губернские ведомости, вставшие на свою защиту («Могилевские», «Бессарабские», «Вятские», «Пермские», «Олонекские», «Терские», «Саратовские», «Уфимские»), напротив, утверждали, что при отсутствии или неразвитости провинциальной частной прессы обновленные губернские ведомости с уже имеющейся материальной базой и привлечением местных интеллектуальных сил смогут выполнять функции освещения местной жизни и выражения местных интересов, а их официальный характер уберезет газету от ангажированности и служения партийным интересам. Редакторы ведомостей резонно возражали, что чиновник-литератор ничуть не хуже свободного журналиста (слово «частный» не равнозначно слову «честный»), и его деятельность на посту редактора свободна от внеш-

них влияний в той же степени, как и в частной газете, где редактор зависит от учредителя и издателя. Если же ведомости, по мысли столичных газет, могут препятствовать развитию частной печати, то, стало быть, они не стояли на месте в своем развитии и представляют интерес для своих подписчиков. Наличие независимого органа губернской администрации нарушает монополию «взгляда на факты» самой частной прессы и может только способствовать конкурентным с нею отношениям, от чего в конечном итоге выигрывал только читатель, получающий возможность выбирать и сравнивать.

Результаты работы Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей были обобщены и сформулированы в новой редакции программы газеты¹⁶⁰. В 1903 г. цензор А.В. Верещагин представил новому начальнику Главного управления по делам печати Н.А. Звереву докладную записку о реформировании губернских ведомостей, составленную на основе положений, выработанных Комиссией. Газета должна была быть сориентирована на широкую крестьянскую среду с целью «проведения в жизнь начал правды и добра», поддержания «непоколебимого сознания национальной русской мощи в тесной связи с существующими у нас основаниями народной жизни»¹⁶¹.

Однако несмотря на большой объем проделанной работы и общественный резонанс, сформулированные на основе личного редакторского опыта конкретные и весьма умеренные верноподданные предложения с мест, торжественные формулировки целей обновленного издания со стороны самого цензурного ведомства, никаких изменений в существующие законоположения о программе губернских ведомостей внесено не было¹⁶². Не было предпринято со стороны ми-

¹⁶⁰ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. Л. 77 об.–80.

¹⁶¹ Там же. Л. 56 об., 57.

¹⁶² В «Своде законов Российской империи» (по продолжению 1906 г.) в отношении губернских ведомостей была представлена следующая формулировка, обобщающая предшествовавшие законодательные уточнения, но безотносительно результатов работы Комиссии 1901 г.: «В губернских ведомостях некоторых губерний разрешено перепечатывать из всех существующих у нас официальных

нистерства внутренних дел и каких-либо шагов по узакониванию положения тех ведомостей, в которых неофициальная часть была расширена де-факто, и распространения их практического опыта на другие издания. Действовать в этом направлении пришлось уже в условиях революции. Причины этого видятся в общем консервативном курсе николаевского правительства, опасении каких-либо даже самых незначительных перемен в положении печати.

Проект, предусматривающий издание 73 губернских и областных ведомостей по единообразной программе, изменения организационных и материальных условий редакторской работы, придание газете самостоятельного характера, требовал от центральных и местных властей первоначальных вложений, затрагивал сложившиеся финансовые отношения между губернскими ведомостями и губернским правлением, изменял существующее расписание штатов и окладов, ставил проблему подбора способных и идеологически надежных кадров. Кроме того, сохранялись надежды воздействовать в интересах правительства на провинциальную частную печать, а в лице обновленных официальных органов, получивших право обсуждать правительственные и административные мероприятия, власть могла получить не союзника, а противника. В результате деятельность Комиссии имела только информационное значение для выяснения положения и нужд местных казенных изданий, которые по-прежнему продолжили свое «свободное плавание».

изданий политические известия и вообще правительственные распоряжения, равно как заимствовать из них руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления, причем: 1) наблюдение за таковыми перепечатками возложено на ближайшее попечение вице-губернаторов; 2) подписная цена на губернские ведомости оставлена и в новом их виде в прежнем размере; 3) из доходов, какие может доставлять издание губернских ведомостей по расширенной программе, предоставлено подлежащим губернским начальствам, с разрешения министра внутренних дел, давать особое вознаграждение лицам, занимающимся редакцией ведомостей» (*Свод законов Российской Империи. Все 16 томов, исправленные по Продолжениям 1906 и 1908 гг. и дополненные позднейшими узаконениями, в четырех книгах. М., 1910. Т. 2: Свод губернских учреждений. Ст. 541. Прим. 2).*

ГЛАВА 6 «ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» В 1905–1917 гг.

6.1. РЕОРГАНИЗАЦИЯ СЕКТОРА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ В ХОДЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Революция 1905–1907 гг. была первым масштабным и непри-
вычным потрясением устоев русского общества. «Праздник угне-
тенных» характеризовался акциями социального протеста и во-
оруженным противостоянием, необыкновенным накалом полити-
ческой борьбы, общественным ожесточением и озлоблением. Фак-
тически на территории страны развернулась гражданская война. По-
литические прения, выборы, экспроприации, теракты, демонст-
рации, забастовки и другие события революции происходили как
непосредственно, так и разворачиваясь на страницах газет, делая
читателя сопричастным местным и общероссийским событиям.
Уже существовавшие и новооткрытые издания в большой или
меньшей степени, в зависимости от политической окраски, высту-
пали против правительства и призывали народ к неповиновению¹.
Имеющиеся дореволюционные методы цензурного давления
(штрафы, запрет розничной продажи, предупреждения, запрети-
тельные циркуляры, закрытие) уже не могли дать должного эф-

¹ Даже официальные местные газеты вслед за столичной прессой приобрели об-
личительный негативистский характер. Так, «Орловские епархиальные ведомо-
сти» и «Орловские губернские ведомости» «за один год превратились в почти
либеральные издания», «осенью 1905 г. они клеймили “старый” политический
порядок, совсем недавно восхвалявшийся ими» (*Савенков С.В.* Орловская губерн-
ская пресса (1865–1905 гг.) в формировании общественного мнения губернии :
автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2005. С. 25–26).

фекта. Редакторский коллектив начинал работу под другим названием, указывались заведомо неверные выходные данные, рабочие-печатники препятствовали конфискации запрещенных номеров или утаивали их, возрастал поток нелегальных изданий. Появилась и «цензура снизу», когда статьи, не соответствующие идеям «освободительного движения», не выходили в печать по решению редакции, типографии или под давлением представителей радикальных партий.

Провозглашение свободы слова Манифестом 17 октября и отмена предварительной цензуры «Временными правилами о повременных изданиях» 24 ноября 1905 г. создали новые условия функционирования информационной сферы – издание могло быть закрыто только по решению суда. Власть должна была действовать по законам, установленным ею самой, но законные средства «обуздания» оппозиционной печати оказывались малоэффективными. Использование внесудебных административных санкций получало широкую огласку с соответствующими комментариями, что подрывало и без того невеликий кредит общественного доверия к власти. Эмансипированная пресса стала мощным и неподконтрольным средством формулирования и распространения альтернативных правительству общественных взглядов, инструментом борьбы за изменение существовавшей общественно-политической системы. В этих условиях для правительства становился актуальным такой метод, как контрпропаганда в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии. Материальной и интеллектуальной базой для этого должны были стать центральные и региональные типографии и правительственные издания.

24 декабря 1904 г. член Совета Главного управления по делам печати историк и дипломат в отставке С.С. Татищев в записке об организации правительственной повременной печати отмечал: «...наше правительство всегда относилось к печати только отрицательно. Не мудрено, что вся русская повременная печать малопомалу перешла на сторону его ненавистников и заклятых врагов.

В настоящее время нет положительно ни одной газеты в России, которая убежденно и убедительно отстаивала бы наш исторический исконный государственный строй». Накануне революции в ряду немногих наиболее дальновидных царских чиновников Татищев понимал, что «искусство влиять на общественное мнение через печать составляет насущную потребность, но мысль эта туго или вовсе не прививается в бюрократических сферах, признающих инструмент негодным только потому, что не умеют на нем играть»².

В министерство внутренних дел поступали предложения и от частных лиц, предлагавших свои услуги по реорганизации правительственной печати и не стеснявшихся в выражениях по поводу частной прессы. Так, камергер С.А. Семенов направил в марте 1905 г. А.Г. Булыгину записку о внесении изменений в порядок издания губернских ведомостей «с целью образовать из них деятельное и надежное орудие для борьбы с растлевающим влиянием либерально-еврейской прессы»³. Губернские ведомости «будучи умело направляемы, могли бы действовать успокаивающим образом на общество и вместе с тем будить в нем сознание опасности от внутренней смуты»⁴.

Реформа правительственной печати началась с реорганизации «Сельского вестника», выходившего с 1881 г. в качестве приложения к «Правительственному вестнику». С 8 июня 1905 г. он был отделен от него и стал выходить три раза в неделю. По поручению первого премьер-министра России С.Ю. Витте 20 октября 1905 г. С.С. Татищевым был подготовлен «Проект организации правительственной печати», в котором говорилось о том, что новые исторические условия требуют от правительства необходимости объяснения подданным действий и распоряжений министерств и ведомств, опровержения неправильных толкований деятельности правительства, возможности публиковать статьи и опровержения

² ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 952. Л. 27–28.

³ РГИА. Ф. 776. Оп. 14. Д. 44. Л. 84.

⁴ Там же. Л. 86 об.

депутатам Государственной Думы, занимающим проправительственную и антиреволюционную позицию. Татищев предлагал отказаться от финансирования официозных изданий под видом частных (так называемых «рептилий») и создать группу официальных газет и журналов «под государственным гербом, с подлежащей государственному контролю отчетностью и с назначенным правительством редактором»⁵.

26 октября Татищев направил Витте письмо, содержащее конкретные предложения по реорганизации Главного управления по делам печати, которое в условиях отмены цензуры должно было освоить новую сферу деятельности и служить новым целям. Татищев предлагал организовать в Главном управлении три новых отдела: наблюдательный, справочный и исполнительный. Наблюдательный отдел должен был составлять ежедневные извлечения из отечественных и зарубежных периодических изданий и представлять их министру внутренних дел (в наиболее важных случаях – председателю Совета министров), следить за соответствием содержания статей законам Российской империи и ходатайствовать о наказании их нарушителей (но уже не в административном, а в судебном порядке). В ведении справочного отдела предполагалось сообщение органам печати точных и верных сведений о событиях и происшествиях, объяснение действий и распоряжений правительства по текущим вопросам государственной жизни. Справочный отдел через руководителя Главного управления по делам печати должен был снабжаться точной и верной информацией и соответствующими комментариями непосредственно из ведомств, министерств и от председателя Совета министров. На исполнительный отдел Татищев предполагал возложить проведение правительственной мысли в сознание русского общества. Такими проводниками должны были стать не только «Правительственный вестник» и губернские ведомости, взаимосвязь между которыми

⁵ Цит. по: *Лихоманов А.В.* Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905–1907 гг. СПб., 1997. С. 33–34.

должна была усиливаться, но и оба российских телеграфных агентства – Российское телеграфное агентство и С.-Петербургское телеграфное агентство, которые объединялись в правительственное телеграфное агентство⁶.

Очевидно, что реализация проекта Татищева в полном объеме требовала значительных финансовых расходов, поиска необходимых кадров в столице и на местах, а следовательно, и значительного количества времени. Кроме того, он встретил противодействие самого Главного управления, имевшего свои административно-финансовые интересы. Исходя из этих соображений, начальник Главного управления по делам печати А.В. Бельгард не поддержал реформирования вверенного ему учреждения на столь широких основаниях. В преддверии открытия первого российского парламента необходимы были быстрые результаты, и в бой с революцией вводились уже имевшиеся силы. Проект Татищева стал реализовываться очень усеченно, только в направлении реорганизации «Правительственного вестника». 1 декабря 1905 г. Татищев, по просьбе и рекомендации Витте, занял пост главного редактора газеты⁷.

17 декабря 1905 г. Татищев представил министру внутренних дел П.Н. Дурново основания, которые в менее крупном масштабе являли собой уже высказанные им принципиальные положения успешного реформирования правительственной печати. Если не обновленное Главное управление, то «Вестник» должен стать оперативным и эффективным рупором правительства, получить большую организационную и финансовую самостоятельность. По предложению Татищева «Вестник» изымался из ведения Главного управления по делам печати, его редактору предоставлялись права прямого обращения ко всем министерствам и ведомствам, включая и главу правительства, относительно разъяснений их действий и распоряжений, предоставления полных и точных сведений для подготовки передовых статей вечернего выпуска газеты. Публика-

⁶ Лихоманов А.В. Указ. соч. С. 35–38.

⁷ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 1063.

ция официальной информации должна была быть исключительной преференцией «Вестника» по отношению к другим правительственным и частным изданиям. Телеграфные агентства могли сообщать их только после появления в «Вестнике».

Для вознаграждения внештатных сотрудников в распоряжение редактора предоставлялась дополнительная сумма, в расходовании которой он был ограничен только необходимостью каждые три месяца отчитываться перед министром внутренних дел. Редактору предоставлялось право принимать и увольнять сотрудников газеты, определять размеры их вознаграждений. Только в этом случае, считал Татищев (а следовательно, и Витте), возможно было «путем разумного и убедительного слова, широко распространенного, влиять на общественное мнение в России»⁸. Однако П.Н. Дурново отверг возможность выхода «Вестника» из ведения Главного управления по делам печати и превращения его в надминистерский орган при председателе Совета министров, с монопольным правом на официальные сведения.

В «совершенно доверительном» письме Витте от 24 декабря 1905 г. Татищев сообщал, что позиция Дурново означает невозможность полного и действительного обновления «Вестника». Он с сожалением отмечал, что «в нашем устарелом и заржавленном арсенале» нет таких средств и орудий, давно испытанных на Западе. Называя себя «передовым застрельщиком» на пути реформы правительственной печати, Татищев считал, что именно с ее помощью возможно «установление в стране прочного правительственного авторитета, основанного не на грубой силе, не на нагайках и тюрьмах, на штыках и виселицах, а на доводах разума, права и правды»⁹.

21 декабря 1905 г. датируется подробнейшая записка Татищева о преобразовании «Правительственного вестника», который еще в момент своего создания был призван к «информированию общест-

⁸ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 966. Л. 2–2 об.

⁹ Там же. Д. 971. Л. 1–2 об.

ва о том пути, которым идет правительство по мысли и воле государя императора»¹⁰. Газета разделялась на отдельно издаваемые «официальный бюллетень» (собственно «Правительственный вестник») и официальную газету, имеющую публицистическую форму и значение политического органа власти. Эта ежедневная вечерняя официальная газета, по предложению Витте, была названа «Русское государство». Вечерний характер издания должен был обеспечить ее оперативное реагирование на события текущего дня и, следовательно, повысить конкурентоспособность с частными центральными и провинциальными изданиями. Этому же должны были способствовать отдельная и недорогая подписка – 3 руб. 60 коп. в год; цена за издание в комплекте с «Правительственным вестником» устанавливалась с 12 руб. в год. В розницу цена «Русского государства» определялась в 1 коп. (газетчикам 3 коп.), вместе с «Вестником» – 5 коп. (газетчикам – 3 коп.). Предполагалось также «частое и близкое общение главного редактора с Советом министров вообще и с отдельными членами его в частности»¹¹. Каждое министерство должно было доставлять в редакцию предназначенные для обнародования сведения ранее, чем в частное издание или телеграфные агентства.

Однако исполнение этого проекта было поручено другому историку и чиновнику из ближайшего окружения Витте – А.Н. Гурьеву (хотя поста редактора «Вестника» он не занимал). 12 января 1906 г. Татищев отправил сразу два письма с просьбой об освобождении его от занимаемой должности – министру внутренних дел П.Н. Дурново и министру императорского двора В.Б. Фредериксу. Татищев жаловался на болезнь сердца¹². Он выехал в Австрию, где в августе скончался, не дожив месяца до своего шестидесятилетия. Отставка Татищева, вероятно, была вызвана не только этими печальными обстоятельствами, но и его принципиальной позицией в

¹⁰ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 1. Л. 64.

¹¹ ГАРФ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 971. Л. 3–17.

¹² Там же. Д. 974, 975.

отношении преобразования правительственной печати. Правительственная газета так и не была выведена из ведения Главного управления по делам печати, а само оно реорганизовано не было.

23 января 1906 г. Витте докладывал Николаю II, что подготовка преобразования «Правительственного вестника» идет весьма успешно. Для поддержки «Сельского вестника» Витте указывал на необходимость дополнительных расходов в несколько сот тысяч рублей и поиска талантливого и трудоспособного лица. Николай дал положительную резолюцию: «Усиьте средства, уменьшите плату и сделайте Вестник [Сельский] ежедневным изданием»¹³. К авантюристическому предложению Витте о распространении правительственных сообщений посредством солдатских писем своим родственникам царь ответил отказом, подчеркнув, что это дело обоюдоострое.

С 1 января 1906 г. «Сельский вестник» стал ежедневной газетой, а с 1 февраля 1906 г. первый номер «Русского государства» увидел свет. Однако несмотря на готовность издания объяснять деятельность правительства «доводами логики» и предоставить «свои столбцы для выражения свободного общественного мнения»¹⁴, газета не пользовалась широкой популярностью. 3 февраля 1906 г. Гурьев докладывал Бельгарду, что «за первым номером газеты никто от газетчиков не явился, несмотря на неоднократные предупреждения о предстоящем выходе. Несомненная злоумышленность явствует уже из того, что газетчики не брали издания даже даром, ссылаясь на отсутствие разрешения со стороны своих контор и старост»¹⁵. Газета рассматривалась как рупор председателя Совета министров и встречала недоверие и в среде правительственных чиновников.

25 апреля 1906 г., после отставки Витте, «Русское государство» было преобразовано в строго официальное издание. 15 мая выпуск

¹³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 234.

¹⁴ *Русское государство*. СПб., 1906. 1 февраля. № 1.

¹⁵ Цит. по: *Лихоманов А.В.* Указ. соч. С. 46.

газеты был прекращен, а вместо нее стало выходить «Вечернее прибавление к Правительственному вестнику». Убедительная победа партии кадетов на выборах в I Думу и провал правых партий показывали, что проект Витте не смог выполнить своих антиреволюционных пропагандистских функций. Антиправительственная риторика депутатов I Думы и призывы к продолжению революции широко публиковались в прессе. «Временными правилами» 24 ноября правительство само связало себе руки. Николай II в письме матери отмечал, что «все было бы хорошо, если бы то, что говорится в Думе, оставалось в ее стенах. Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает»¹⁶.

Новый поход против революционной прессы возглавил П.А. Столыпин. Понимая, что кредит общественного доверия к власти минимален и правительственная газета изначально обладает репутацией реакционной и процаристской, он решил возложить эти функции на газету частную. Естественно, что поддержка со стороны государства должна была быть негласной. Такой частной проправительственной газетой стала «Россия», выходившая со 2 ноября 1905 г. С 8 июня 1906 г. она стала издаваться под руководством отдела по временной печати, образованного при Главном управлении по делам печати. Однако тайное финансирование газеты правительством очень скоро стало известно широкой общественности. «Столыпин наивно воображал, что таким образом он введет в заблуждение общественное мнение, но, конечно, эта наивная хитрость никого в заблуждение не ввела, вся Россия отлично знает, что газета «Россия» есть правительственный орган, содержащийся за счет правительства, секретных фондов и доходов «Правительственного вестника», имеющего большие доходы вследствие массы обязательных объявлений», — с немалой долей яда писал в своих воспоминаниях С.Ю. Витте¹⁷. Популярность и влияние газеты «Россия», вероятно, не выходили за

¹⁶ Красный архив. Л., 1932. № 50–51. С. 180.

¹⁷ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 317.

пределы столиц. Среднее количество проданных экземпляров в июле – сентябре 1906 г. было относительно невелико – 7 217 экземпляров¹⁸. Правая печать, как и в случае с «Русским государством», не считала формально частную столыпинскую газету «своим», истинно патриотическим монархическим изданием.

Столыпин также предпринял шаги по созданию особой правительственной информационной службы. 1 ноября 1906 г. по его распоряжению при Главном управлении по делам печати было образовано «Осведомительное бюро», которое должно было снабжать печать достоверными сведениями, касающимися действий и предположений правительства. «Осведомительное бюро» выпускало специальные бюллетени, выходившие 2 раза в сутки, и составляло обзоры печати в виде ежедневных докладов председателю Совета министров, министру внутренних дел и начальнику Главного управления по делам печати со сводками мнений столичных газет по наиболее важным вопросам. Оно же снабжало местные ведомости вырезками из газет по заявленным им темам¹⁹.

Итак, в период социальных катаклизмов под огнем критики как слева, так и справа самодержавная власть стремилась использовать, реорганизовать и усовершенствовать имеющиеся в ее распоряжении центральные и местные органы печати для стабилизации ситуации и проведения контрполитики в отношении радикально-революционной и либеральной идеологии. Необходимость соблюдения провозглашенного самим же правительством права свободы печати снижало возможности применения привычных административно-карательных мер в отношении неугодных изданий. В рамках реформы правительственной печати самостоятельным и ежедневным изданием с увеличенным тиражом стал «Сельский вестник»; в период февраля – мая 1906 г. выходила официальная правительственная газета «Русское государство» как публицистическая часть

¹⁸ Лихоманов А.В. Указ. соч. С. 111.

¹⁹ Полянская Л. Архивный фонд Главного управления по делам печати. Обзор // Литературное наследство. 1935. № 22–24. С. 603–634.

«Правительственного вестника»; с июня 1906 г. ее функции были возложены на частную, под руководством министерства внутренних дел, газету «Россия». Более решительный реформаторский проект С.С. Татищева, подразумевавший создание разветвленной сети правительственной периодики во главе с общественно-политическим изданием, переоборудование губернских типографий, учреждение при Совете министров на основе Главного управления по делам печати самостоятельного информационного пресс-центра не был осуществлен ввиду необходимости существенных государственных вливаний, недостатка времени, в силу ригидности бюрократического сознания. Некоторые положения проекта Татищева реализовал Столыпин, в частности, идею создания особого информационно-справочного отдела при Главном управлении по делам печати в виде «Осведомительного бюро», соединение С.-Петербургского телеграфного агентства с «Правительственным вестником».

Процесс усиления правительственной печати виделся власти не только в публицистической и аналитической трансляции идей «умиротворения, обновления и спасения России» в противовес «великим потрясениям» революции, но и в закреплении за официальным изданием монопольного права на всю правительственную информацию и в государственном контроле за русским сектором мировой информационной телеграфной сети. В условиях трансформации западного мира и самой России в информационное общество такой подход выглядел явным анахронизмом и не мог быть осуществлен в полном объеме.

В кругу высших чиновников не было единства относительно структуры и основных функций официальной правительственной газеты, ее реорганизация не носила последовательного характера, каждый из премьер-министров имел свое мнение: С.Ю. Витте считал газету значимым средством для пропаганды идей Манифеста 17 октября и для собственного, выражаясь современным языком, «пиара»; И.Л. Горемыкин отрицал необходимость правительственной газеты, носящей общественно-политический характер;

П.А. Столыпин также отказывал газете, открыто декларировавшей свою принадлежность правительству, в эффективности, но возлагал надежды на частное издание со скрытым государственным управлением и субсидированием.

«Нравственная одичалость» русской прессы, ее готовность к негативному описанию (а следовательно, и созданию) окружающей действительности отмечалась еще публицистами пореформенного периода. «Газета считается “неинтересной”, если в ее ежедневном меню не преподносится благосклонным читателям какой-нибудь более или менее крупный криминал, какой-нибудь скандал или “происшествие”, приправленные пикантным соусом... Смешно сказать, пришло к тому, что самое слово “факт” стало означать на газетном языке как бы синоним правонарушения или скандала... В беллетристических изданиях всякого рода фигурируют на первом плане отрицательные типы: казнокрады, спекулянты, кулаки и мироеды, банкократы и банкократы, карьеристы, “червонные валеты”, развратники, падшие женщины и т.д., включительно до “граждан ретирадных мест”, по саркастическому определению г. Щедрина»²⁰. Это, однако, не означает признания ценности и необходимости государственной цензуры, которая с развитием гражданского общества сменяется цензурой нравственной, имеющей своим истоком в том числе и само журналистское сообщество. Россия, несмотря на резкое превращение ее в одно из самых свободных обществ (хотя правые не без основания называли эту свободу «свободой бомб и револьверов»), вполне могла пойти и шла по этому пути в период послереволюционного «обновленного строя».

В экстремальном и быстротекущем историческом времени революции, государственную цензуру, в том патерналистско-ортодоксальном облике, в котором она существовала в XIX в., в облике К.П. Победоносцева, считавшего периодическую печать одним из

²⁰ Михневич В.О. Диагноз современной русской действительности // Исторические этюды русской жизни. СПб., 1886. Т. 3. С. 4–5.

«самых лживых учреждений нашего времени»²¹, можно уподобить Дон-Кихоту, сражающемуся с полчищами ветряных мельниц. Действительно, небольшое по штату Главное управление по делам печати просто не могло отследить процесса возникновения новых газет, ознакомиться с их содержанием, определить основания для административного (затем судебного) преследования. Та же самая ситуация наблюдалась и в провинции, где цензоры (затем инспекторы) не могли справиться с резко возросшими объемами работы.

Однако в традициях восприятия прессы как чего-то «гадкого» были воспитаны Александр III и Николай II. Последний был действительно сильно травмирован и раздражен нападками получивших свободу газет и даже в правительственных и проправительственных газетах находил признаки бестактности и умаления своего величества. Процесс литья воды и вызывания ветра на собственную правительственную «мельницу», да и само ее строительство затруднялись устаревшими представлениями власти. Ф.М. Достоевский словами одного из героев «Преступления и наказания» отмечал, что «деловитости нам как раз и не хватает». Такой «делец» (в хорошем смысле этого слова), как С.Ю. Витте, относившийся к прессе, что называется, по-западному (Теодор Рузвельт говорил, что родился Витте в США, он непременно стал бы президентом) и вышедший за рамки предшествующей «охранительно-обезвреживающей» традиции, встречал непонимание и враждебное отношение к себе и к своей газете. Действительно, деловая хватка, лидерские качества и беспринципность этого политика (достаточно вспомнить его откровенно-скандальные мемуары) мало импонировали Николаю II, который мог про себя сказать: «Je fus un homme tres comme il faut» («Я был очень благовоспитанным человеком»). Создать динамичное гибкое и оперативное правительственное издание, свободное от бюрократических проволочек и консолидировавшее промонархические силы, так и не удалось. Немалую роль в этом сыграли недостаточность материально-технической базы ка-

²¹ *Победоносцев К.П.* Великая ложь нашего времени. М., 1993. С. 124.

зенных типографий, отсутствие надлежащего опыта и профессиональных кадров. Российская интеллигенция не стремилась к сотрудничеству с правительственной печатью, определяя подобную работу как бессмысленную и связанную даже в некотором роде с позором. Л.А. Тихомиров, сознательно перешедший из революционного в правительственный лагерь, на предложение Столыпина в конце 1907 г. о вхождении в редакцию «России» ответил отказом. «Боже мой, как не стыдно думать о таком вздоре, как чья-нибудь работа для абсолютно не читаемой официальной газеты», – записал Тихомиров в своем дневнике²².

Работа по реорганизации правительственного издания была возложена правительством на наиболее способных чиновников, которые действовали не только по идейным, но и по материальным и карьерным соображениям. Идея создания самостоятельного пресс-центра при председателе правительства, предложенная С.С. Татищевым, так и не осуществилась.

Лагерь правых сил, из представителей которого могли рекрутироваться сотрудники газеты, в целом, оставался или равнодушен, или враждебен к ее содержанию (отваживаясь даже кусать руку, кормящую их самих). Газеты «Русское государство» и «Россия», как и соответствующие главы кабинетов, критиковались правыми за недостаточную жесткость по отношению к революционному движению и за отстаивание курса на сохранение «обновленного» конституционного строя.

Провал избирательной кампании во II Думу приводил правительство к мысли о малой эффективности прессы в борьбе за общественное мнение и пониманию необходимости применения более радикальных мер в борьбе с революцией, с восстановлением контроля над частной периодикой. Власть перешла в успешное контрнаступление, но в ее «заржавленном арсенале» (по меткому высказыванию С.С. Татищева) духовным мерам воздействия была отведена далеко не первая роль.

²² Красный архив. Л., 1935, Т. 72. С. 133.

6.2. НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» КАК МЕСТНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ (КОНЕЦ 1905 – 1907 гг.)

С № 43 от 23 ноября 1905 г. вместо Н.Г. Гусельникова, оставившего за собой должность начальника газетного стола, редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» стал статский советник Павел Тимофеевич Виноградов (1847 – ок. 1919–1920). Виноградов происходил из духовного звания и после окончания в 1873 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета преподавал русский, латинский и греческий языки в Олонецкой гимназии. В 1897 г. назначен инспектором народных училищ в Псковской губернии, с 1900 г. – директор Череповецкой учительской семинарии, с 1902 г. – в отставке, с 22 апреля 1903 г. – вновь на службе в Главном управлении по делам печати. Со 2 июня 1903 г. исполнял обязанности отдельного цензора по внутренней цензуре в Саратовской губернии (губернатором которой был П.А. Столыпин), а с 1 июня 1905 г. был назначен на аналогичную должность в Томск²³ (должности отдельных цензоров по внутренней цензуре были учреждены в 1903 г. в семи городах: Саратове, Харькове, Екатеринославле, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Владивостоке и Томске²⁴).

Кроме сведений об учительской и цензорской деятельности П.Т. Виноградова, известно также, что он организовывал публичные выступления олонецких сказителей в российских городах и за

²³ *Патрушева Н.Г.* Организация новых цензурных учреждений во Владивостоке, Екатеринославле, Нижнем Новгороде, Ростове-на-Дону, Саратове, Томске и Харькове // *Цензура в России: История и современность : сборник научных трудов.* СПб., 2006. Вып. 3. С. 413; *Памятная книжка Саратовской губернии на 1904 г.* Саратов, 1904. С. 127; РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 231. Л. 18–19 об.

²⁴ *Полное собрание законов Российской империи.* Собр. 3-е. СПб. Т. 23. № 23110.

рубежом и сам выступал в роли «интеллигентного сказителя»²⁵. В Томск Виноградов прибыл, видимо, не ранее октября, потому, что 8–10 сентября 1905 г. в Петрозаводске он выступал с сообщением о своей поездке со сказителем И.Т. Рябининым за границу²⁶ (в Петрозаводск вместе с супругой он выехал, очевидно, и для улаживания личных дел перед переводом на новое место). Длительности путешествия в Томск способствовали и забастовки на железных дорогах.

В 1908 г. П.Т. Виноградов в штате Томской губернии значился как «инспектор по делам печати, для повременных и неповременных изданий в Томской губернии, только для неповременных изданий (брошюр, книг разного рода), выходящих в областях: Забайкальской, Акмолинской и Семипалатинской; Иркутской, Енисейской и Тобольской»²⁷. В 1910 г. П.Т. Виноградов принимал участие в Амурской экспедиции под руководством Н.Л. Гондатти (бывшего в 1908–1910 гг. томским губернатором). В 1915 г. он вернулся к прежней профессии – стал преподавателем русского и латинского языков в Каинской мужской гимназии²⁸. Умер в Ростове-на-Дону во время Гражданской войны, предположительно в 1919–1920 гг.²⁹

В первом же номере неофициальной части под редакцией П.Т. Виноградова заявлялось о расширении ее программы: «кроме официального отдела, появляется и неофициальный» (т.е. подчеркивалось, что в предшествующие годы неофициальная часть фактически отсутствовала)³⁰. Кроме того, впервые с 1857 г. увеличивалась

²⁵ *Лойтер С.М., Иванова Т.Г.* Виноградов Павел Тимофеевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / отв. ред. Т.Г. Иванова, А.Л. Топорков. М., 2010. С. 147–150.

²⁶ *Олонекские губернские ведомости.* Петрозаводск, 1905. 22 сентября. С. 2–3.

²⁷ *Памятная книжка Томской губернии на 1908 г.* Томск, 1908. С. 11.

²⁸ *Памятная книжка Томской губернии на 1915 г.* Томск, 1915. С. 79.

²⁹ *Лойтер С.М., Иванова Т.Г.* Указ. соч. С. 147.

³⁰ В расширенной программе неофициальной части «Томских губернских ведомостей» были заявлены следующие пункты: 1. Передовые статьи, касающиеся политико-экономических вопросов, связанных с жизнью всех сословий, а особенно кре-

периодичность издания – два раза в неделю – по средам и воскресеньям. Основной целевой аудиторией должно было стать крестьянство – «крестьянское законоведение», состояние начальных школ, переселенческий вопрос, земледелие и торговля, урожаи и промыслы – такие темы предполагалось сделать основными в обновленных ведомостях. «Разные вопросы жизни и особенно Томского края будут освещаться и обсуждаться правдиво и беспристрастно <...> Читатели неофициального отдела, особенно крестьяне, найдут много полезных сведений и могут знать о том, что делается на белом свете»³¹. Официальная томская газета приобретала и политическое звучание – в условиях дарования гражданских свобод и объявления о выборах в Государственную Думу необходимо было разъяснять эти новые основания общественной жизни и особенности избирательного закона для местного населения. Предлагаемые читателю материалы разделялись на рубрики «Передовая статья» (как правило, их было несколько), «Правительственные сообщения», «По России», «Последние новости», «Вести и слухи», «За границей», «Местная хроника», «По губернии», «Сибирские вести», «Смесь».

Реанимация неофициальной части «Томских губернских ведомостей», попытка придания ей народного характера, видимо, были связаны как с намерениями правительственных кругов использовать уже имеющуюся сеть официальных изданий для влияния на общественное мнение, так и с местными событиями. 20 октября 1905 г. в Томске произошло столкновения монархически настро-

стьян Западной Сибири. 2. Крестьянское законоведение. 3. Известия из городов, волостей, сел и деревень Томской губернии, касающиеся: 4. А) торговли и промышленности, Б) школы средней и преимущественно начальной крестьянской, В) переселенческого дела, Г) санитарных вопросов, Д) суда, Е) урожая хлебов, трав, Ж) промыслов и 3) разных других бытовых сторон жизни по Европейской и Азиатской России. 5. За границей. 6. Беллетристика: повести, стихотворения. 7. Этнография Томского края: народные песни, легенды, обряды и пр. 8. Смесь. 9. Из области крестьянского хозяйства. 10. Вопросы и ответы. 11. Частные объявления (*От редакции* // Томские губернские ведомости. Томск, 1905. № 43. С. 3).

³¹ *От редакции* // Томские губернские ведомости. Томск, 1905. № 43. С. 3.

енных горожан, организовавших «патриотическую манифестацию» с революционной милицией (фактически конфликт был спровоцирован действиями городской думы, попытавшейся взять власть в городе в свои руки). 21 октября были разграблены ряд еврейских магазинов и дом городского головы А.И. Макушина, подозревавшегося манифестантами в руководстве «революционной партией». Власть в лице губернатора В.Н. Азанчевского-Азанчеева не смогла совладать с самим стихийным антиреволюционным выступлением и противодействовать спровоцировавшим его с обеих сторон информационным поводам – томский комитет РСДРП распространял по городу листовки с призывами к «революционному свержению деспотизма»³², а среда обывателей питалась слухами (о тайном заседании «коммуны» из евреев при участии городского головы, об освобождении арестантов из всех тюрем для «разгрома города»³³, о том, «что полицию отменили и хотят назначить губернатором еврея»³⁴). Возможно, что наличие местного официального «внепартийного» органа, способного дать внятные разъяснения по текущей ситуации, способствовало бы ее корректировке или, по меньшей мере, внесло бы ясность в позицию властей. 8 ноября В.Н. Азанчевский-Азанчеев был отправлен в отставку³⁵, а 22 ноября 1905 г. исполнять эту должность стал вице-губернатор, председатель губернского управления С.И. Бирюков. 23 декабря 1905 г. в губернии было введено военное положение и назначен военный генерал-губернатор – барон Карл фон Нолькен, служивший до этого обер-полицмейстером в Варшаве.

Событиям 20–23 октября 1905 г. была посвящена одна из первых статей обновленных ведомостей – корреспондент «Нового времени» в «кратком отчете о пережитых ужасах» сообщал основ-

³² *Томск. История города от основания до наших дней*. Томск, 1999. С. 171.

³³ *К делу о погроме* (перепечатка из газеты «Сибирская правда») // Томские епархиальные ведомости. 1909. № 17. С. 731.

³⁴ *Дело о погроме в г. Томске в 1905 г.* (Отчет о судебном заседании томского окружного суда). Томск, 1909. С. 6.

³⁵ *Томские губернские ведомости*. 1905. № 45. С. 1.

ные факты происшедших столкновений без видимого сочувствия как манифестантам, так и милиционерам (1905. № 43. 23 ноября). Спустя три месяца в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» появилась статья «Лучше поздно, чем никогда» (1906. № 10. 5 февраля), в защиту томского архиепископа Макария, которого «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» рассматривали в качестве соучастника октябрьского погрома. Автор, подписавшийся как «Священник» (возможно им был протоиерей о. Сергей Дмитриевский), обращал внимание на то, что Макарий «не побоялся урагана страстей, не устрасился смерти» и лично пытался успокоить манифестантов, остановить убийц и грабителей чужого имущества. В качестве же причин, толкнувших «чернь» к насилию, называлась не губернаторская или духовная власть, а оппозиционная пресса: «Газеты кричат об умиротворении страны, но слишком часто едкое печатное слово их обильно подливает в мятежную среду, как масло в огонь... У нас пресса взбудоражила умы, разожгла страсти».

В последующих статьях деятельность социалистических и либеральных изданий (правда, без упоминания конкретных названий, под общим наименованием «газеты», «пресса», «печать») также называлась в качестве одной из причин обострения в стране социальных противоречий: «Путем всесильной печати передовые люди измыслили “черную сотню”, разбили Россию на два лагеря и начали громить чернь разжигающими страсти страстями, не разбирая ни хулиганов, ни народа, жаждущего успокоения» (1905. № 45. 30 ноября; перепечатка из «Сибирских известий»); «В свободной прессе последних дней широко развивается хулиганство «литературное»; оно состоит в печальной ругани, злословии и издевательствах над людьми иного лагеря и других убеждений, в отпуске по адресу их таких словечек, от которых делается тошно человеку с развитым литературным вкусом» (1906. № 25. 9 апреля; перепечатка из «Тамбовских губернских ведомостей»); «О, преступная, безумная печать! Твое призвание “глаголом жечь сердца людей”, чтобы побудить эти сердца

к любви и уважению... Ты же, подделываясь под модные течения, удовлетворяя вкусам толпы, предательски разжигаешь безумные страсти, подливая масла в разбушевавшийся от урагана костер, пожирающий своим пламенем все накопленное богатство» (1906. № 54. 23 июля); «При громадной денежной помощи, получаемой ею [революцией] как извне, так и внутри от людей сочувствующих и посредством грабежей, ей не трудно захватить в свои руки и продажную часть прессы и посредством ее развращать нашу неучащуюся молодежь, полуграмотного «сознательного» рабочего и почти совершенно безграмотного крестьянина» (1906. № 56. 30 июля).

Основными темами неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в период редакторства П.Т. Виноградова стали Манифест 17 октября 1905 г. как документ, обновляющий весь государственный уклад страны, и выборы в Государственную Думу как умиротворяющее гражданское учреждение. Прибывший в Томск 7 января 1906 г. новый начальник губернии К.С. Нолькен в обращении к чиновникам, купечеству и представителям городской думы заявил, что основная задача текущего момента – опираясь на коренных сибиряков, избрать в Государственную Думу «лучших людей», которые «поведают Царю обо всех насущных, сознанных населением, нуждах богатого, вольного духом и широкого пространством Томского края» (1906. № 3. 11 января).

Первоначальные надежды правительства на крестьянство как оплот монархии в борьбе с революционной интеллигенцией определяли стилистику статей – обращение властей к крестьянам, обращение к крестьянам от их же представителей или рассуждения по поводу крестьянского «мировоззрения»: «Старайтесь, братцы, на общих губернских собраниях выбирать членов в Думу из крестьян» (1905. № 44. 27 ноября); «Дорогие собратья! Мужички! ...Не будем, братцы, поддаваться лъстивым словам врага...» (1906. № 4. 15 января; перепечатка из «Тульских губернских ведомостей»); «Под грубой оболочкой нашего мужика бьется сердце горячего патриота, бьется сердце, не чуждое братства, любви и

стремления к свету цивилизации» (1905. № 45. 30 ноября; перепечатка из «Сибирских известий»); «...желая ослабить крестьян, поднять их друг против друга и не дать возможности собраться Государственной Думе, а самим захватить власть, смутяны разного рода развращают крестьянство, обещая ему чужие земли...» (1906. № 3. 11 января; перепечатка из «Вологодских губернских ведомостей»), «Государь преисполнен забот об улучшении стесненного положения [крестьян], вопрос об этом уже рассматривается, а когда соберется Государственная Дума, он будет предметом ее обсуждения» (1906. № 10. 5 февраля; перепечатка из «Русского чтения»); «Мы подаем свой народный, крестьянский голос за русскую народную веру, русского самодержавного Царя, за предпочтительное право русской народности и за такое устройство Государственной Думы, при коем не будет поколеблено самодержавное право Царя» (1906. № 12. 15 февраля; перепечатка из «Русского чтения»); «От личного состава Государственной Думы зависит дальнейшее развитие нашего дорогого отечества на пути законности, правопорядка и излечения многих его язв и ран» (1906. № 31. 30 апреля; перепечатка из «Пермских губернских ведомостей») и т.д.

При описании забот самодержавия о благосостоянии народа применялось подражание народному стилю речи: «17 октября 1905 г. вышел царский манифест; в нем про разные свободы писано, про Думу Государственную, а верно, все же многие не знают, что в нем говорится»; «И видит Царь, что народ обеднел, что жить народу тяжело стало и помощи народу нет ниоткуда» (1905. № 43. 23 ноября; перепечатка из «Воронежских губернских ведомостей»); «Вот в такое-то грозное и тревожное время нельзя не возрадоваться близкому созыву народных представителей и не пожелать им успеха!» (1906. № 11. 8 февраля; перепечатка из «Черниговских губернских ведомостей»); «Такие люди – мы, мужички. Мы лучше всякого знаем вою жизнь, мы пьем ее горе, дышим ее радостью» (1906. № 21. 19 марта; из приговора крестьян Покровской волости Барнаульского уезда и Прокудинской волости Том-

ского уезда); «Увидел Царь, что выборные в Думе о нуждах народа не заботятся, а вместо того не за свое дело взялись и не принадлежащую им власть захотели себе присвоить...» (1906. № 60. 13 августа; перепечатка из «Тамбовских губернских ведомостей»). В ход шли и незамысловатые патриотические стихи, апеллирующие к историческому прошлому – периоду Смутного времени (например, стихотворение А. Коринфского «Голос народа». 1905. № 44. 27 ноября).

Революционные силы и их деятельность описывались исключительно в негативных тонах: «мятежники», «бунтари», «безумцы», «революционные банды», «изменники», «разбойники», «крамольники», «смутьяны», «лихие люди», «волки в овечьей шкуре», «негодяи», «легкомысленные и испорченные люди», «враги отечества», «враги нашего народа», «беспорядки», «анархия», «кровавая смута», «бунт», «антиправительственные речи», «коварные воззвания» и т.д. В качестве причин революционных событий поднималась и еврейская тема: «За границей с усмешкой сожаления говорят о русском народе, который забыл своего природного государя и отдался в руки евреев и врагов России...» (1906. № 10. 5 февраля); «Появились прокламации, днем кидались они по улицам [Томска], устраивались зажигательные митинги, под предводительством евреев» (1906. № 10. 5 февраля); «...евреи развивают явно агрессивную политику и, обвиняя других в человеконенавистничестве (это любимое обвинение), сами проповедуют и наверху и внизу вражду» (1906. № 12. 15 февраля; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей») и т.д.

В расчете на успокоение сельского жителя и городского обывателя в рубрике «Местная хроника» сообщалось о постепенном восстановлении порядка в губернии и возобновлении привычного течения жизни, хотя приводились и тревожные новости: о начале занятий в Томской Мариинской женской гимназии с 9 января 1906 г. (1906. № 1. 1 января); о возобновлении телеграфного сообщения с Иркутском (1906. № 2. 4 января); об обнаружении в Том-

ске тайной типографии и склада оружия (1906. № 3. 11 января); об укреплении сил томского гарнизона (1906. № 13. 19 февраля).

Манифест 17 октября рассматривался как шаг к окончанию революции, возможность к разрешению социальных конфликтов в мирном русле: «Довольно насилия! К мирной работе, товарищи!» (1905. № 45. 30 ноября; перепечатка из «Сибирских известий»); «...мы [мировые судьи и судебные следователи Томска] признаем, что лишь мирная борьба выведет население на путь законный и правовой, обеспечивающий личную и имущественную неприкосновенность наших соотечественников» (1905. № 50. 18 декабря)³⁶; «Вообще нашим гражданам следует успокоиться. Дело идет к восстановлению полного порядка. Государственные бумаги поднимаются в курсе. Попытки смутьянов к мятежу и восстанию, как видно из телеграмм, терпят поражение» (1905. № 52. 25 декабря); «...мы, родители, требуем от учебного персонала принять все меры к прекращению ученических забастовок...» (1906. № 1. 1 января); «Как Георгий Победоносец, одним ударом ее [революцию] сразил манифест 17 октября... Богатырская натура народа сразу преодолела болезнь, а Государственная Дума окончательно ее излечит» (1906. № 10. 5 февраля; перепечатка из «Голоса правды»).

Выдержки из зарубежной прессы подбирались с положительными оценками «архитектора реформ» и «спасителя отечества» С.Ю. Витте («...фигура единственного человека, еще способного вести государственный корабль между рифами и скалами, угрожающими уничтожить его» (1905. № 44. 27 ноября); «Следует при-

³⁶ Правда, с этой публикацией вышла неувязка. Мировые судьи и судебные следователи Томска, от лица которых было напечатано обращение, прислали опровержение: они такого обращения не составляли. П.Т. Виноградову пришлось оправдываться, что обращение, принесенное к нему как цензору по Томской губернии в корректурных листах с другим материалом, предназначенным для «Сибирских известий», он напечатал на основании того, что эти «прекрасные мысли» могут «явить собой пример патриотизма для других» и «по своему содержанию должны делать не бесчестье, а честь мировым судьям и судебным следователям» (Томские губернские ведомости. 1906. № 1. 1 января).

знать, что не только должны исчезнуть ныне сомнения в его [Витте] добрых намерениях, но и что достигнутое им до сих пор представляет чрезвычайно большой успех» (1905. № 45. 30 ноября)). Приводились отрицательные характеристики из революционного прошлого Европы и деятельности французских и английских социалистов (1906. № 3. 11 января; № 14. 22 февраля).

Большую роль играли новости с мест, почерпнутые из других губернских ведомостей, получаемых редакцией. Объем перепечаток превышал объем авторских материалов, однако это обстоятельство не снижало функциональности газеты как местного официального органа. В дореволюционной печати перепечатки и ссылки на статьи из «дружественных» изданий были весьма распространены. Тем самым убыстрялся процесс подготовки и цензурирования номера, в соответствии с «видами» и «взглядами» правительства расширялась панорама освещаемых событий. Кроме того, так подчеркивалась общность России и Сибири как ее неразрывной части («Из нашей газеты вы будете узнавать о нуждах и вопросах, волнующих других деревенских жителей, а также узнаете, как велики и разнообразны нужды всей нашей родины – России и что в ней делается» (1905. № 45. 30 ноября)).

Из местных газет в качестве источника заимствования для рубрик «По губернии» и «Местная хроника» были либеральная «Сибирская жизнь», являвшаяся «неофициальным органом кадетской организации в Томске»³⁷, и «Сибирские известия» (с 1906 г. – «Время»), орган томского отдела «Союза 17 октября». При этом из «Сибирской жизни» главным образом брались сообщения, лишенные политической окраски (об открытии библиотек-читален, необходимости судебной реформы, о положении жителей Нарымского края и т.д.), из октябристских «Сибирских известий» («Времени») заимствовались проблемные статьи для собственных передовых.

³⁷ Косых Е.Н. Сибирская жизнь // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 311.

Официальные ведомости опубликовали программные положения «Союза 17 октября» (1905. № 47. 7 декабря; № 51. 21 декабря), сообщали об образовании томского отдела партии и его заседаниях (1905. № 50. 18 декабря; 1906. № 6. 22 января; № 32. 3 мая), открытии отделов «Союза» в Барнауле, Бийске, Каинске, селах Спасском и Камень (1906. № 11. 8 февраля; № 13. 19 февраля); печатали предвыборные разъяснения относительно функций будущего народного представительства (1906. № 6. 22 января). Сам Виноградов входил в бюро томского отдела «Союза 17 октября»³⁸ и на одном из общих собраний выступал с докладом «О необходимости обязательного начального народного образования в России»³⁹.

Оппозиционно-революционный характер Государственный Думы стал причиной смещения акцентов в оценке перспектив деятельности первого народного представительства по «умиротворению России». Расчеты на патриархальность и монархизм крестьянства не оправдались и в Сибири. В I Думу из 15 избранных депутатов (до роспуска Думы выборы состоялась лишь в трех губерниях – Тобольской, Томской, Енисейской и Акмолинской области) по партийной принадлежности 1 являлся октябристом, 1 – сторонником партии демократических реформ, 9 – кадетами, 2 – трудовиками, 1 – социал-демократом и 1 был беспартийным⁴⁰. Из пяти депутатов-крестьян по Томской губернии, о которых «Томские губернские ведомости» сообщали, что они «не принадлежат и не принадлежали ни к какой партии» и «искренне преданы своему

³⁸ *Местная хроника*. Первое общее собрание членов томского отдела Союза 17 октября // Томские губернские ведомости. 1906. № 6. С. 4.

³⁹ *Местная хроника* // Томские губернские ведомости. 1906. № 13. С. 4; Также П.Т. Виноградовым была подготовлена работа «Начальное образование в Томской губернии в 1908 г. сравнительно с земскими губерниями и культурными странами мира» (Томские губернские ведомости. 1910. № 13. С. 4).

⁴⁰ *Родионов Ю.П.* Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные Думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 87.

царю»⁴¹, четверо поддержали конституционных демократов и только один – «Союз 17 октября».

Вслед за центральными газетами правого направления в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» стали размещаться критические материалы по отношению к Думе и положительные оценки ее роспуска: «В непрестанных заботах о преуспевании России Государь призвал избранных людей к единению с собою в законодательной работе и назвал их “лучшими людьми”. Но, к прискорбию, многие из этих людей оказались совсем не лучшими, а многие из них худшими. Произошла печальная ошибка. Эти люди оказываются дерзкими узурпаторами, с извращенными понятиями и злобными чувствами» (1906. № 38. 28 мая; перепечатка из «Киевлянина»); «Дума не оправдала ожидания русского народа, занялась не делом, нужным для истерзанного народа, чтобы залечить его раны, а желанием угодить героям бомб и браунингов, убийцам-разрушителям, освободить убийц от заслуженного наказания, отменив смертную казнь для палачей, которые ежедневно казнят лучших русских царских слуг» (1906. № 39. 31 мая); «Дума оказалась не Государственной, в широком смысле этого понятия, а узкопартийной. Такая Дума не могла внести успокоение в жизнь исстрадавшейся страны» (1906. № 54. 23 июля; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»).

В сентябре 1906 г. произошла смена редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей», вызванная попыткой консолидации в Томске правых монархических сил и их отмежеванием от «Союза 17 октября». Вначале газету повел чиновник особых поручений при губернаторе К.С. Нолькене Иван Евтихиевич Бицюк – подпоручик запаса и казначей губернского управления (участник Русско-японской войны), а затем неприменный член томского губернского управления по крестьянским делам, действительный статский советник Алексей Васильевич Дуров – один из первых среди учредителей «Русского народного общества за

⁴¹ *Томские губернские ведомости*. 1906. № 40. С. 3.

веру, царя и отечество». «Общество», устав которого был утвержден губернатором 12 сентября 1906 г., было образовано лицами, отошедшими от томского отделения партии октябристов⁴². Его целью провозглашалось «достижение мирным путем умиротворения России, установление в ней внутренней и внешней безопасности, устройство ее на благо всех русских граждан на основах истинной свободы народа и создания сильной и авторитетной власти»⁴³. С середины 1907 г. редактором неофициальной части стал Владимир Эдуардович Мейер – томский вице-губернатор в чине коллежского асессора.

Газета «Время», направление которой соответствовало программе «Союза 17 октября», также перешла под контроль «Русского народного общества» – с № 74 от 11 апреля 1906 г. вместо профессора Томского университета И.А. Базанова ее редакторами стали члены-учредители «Общества» – экстраординарный профессор Томского технологического института А.И. Ефимов и библиотечарь Томского университета коллежский асессор Н.В. Миницкий⁴⁴. Однако с декабря 1906 г. газета вновь стала печатным органом томских октябристов, во главе нее стал Е.Ф. Кудрявцев, редактировавший ранее в Красноярске либеральные газеты «Енисей» и «Сибирский край»⁴⁵.

Новое руководство неофициальной части «Томских губернских ведомостей» повело газету резко вправо. Основными источниками заимствования оценочных и аналитических статей стали черносотенные «Русское знамя», «Русская земля», «Московские ведомости» и примыкавшие к ним консервативные монархические «Харьковские губернские ведомости» и «Киевлянин». Резко возросло присутствие охранительно-патриотического «Нового времени» (табл. 14).

⁴² Л. Из хроники общественной жизни Сибири // Сибирские вопросы. СПб., 1906. № 6. С. 116.

⁴³ Там же. С. 115.

⁴⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. Л. 30–33 об.

⁴⁵ Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: идеология и политика. Томск, 1996. С. 145.

Т а б л и ц а 14

**Количество публикаций о революции 1905–1907 гг. и деятельности
Государственной Думы на страницах неофициальной части
«Томских губернских ведомостей» (23 ноября 1905 г.,
№ 43 – 30 декабря 1907 г., № 96)**

Источники публикаций	(23 ноября 1905 г., № 43 – 31 декабря 1906 г., № 99)	(3 января 1907 г., № 1 – 30 декабря 1907 г., № 96)
Ежедневный бюллетень Осведомительного бюро	1	8
«Московские ведомости»	1	31
«Русская земля»	1	55
«Русское знамя»	2	31
«Киевлянин»	6	58
«Варшавский дневник»		6
«Голос Москвы»		9
«Земля»		13
«Русская речь»		18
«Сибирская жизнь»	6	2
Редакционные (передовые) статьи	6	33
«Время»	6	5
«Колокол»	8	14
«Слово»	9	4
«Россия»	10	9
«Правительственный вестник»	13	5
«Харьковские губернские ведомости»	13	32
Другие губернские ведомости	20	1
«Новое время»	19	67
Другие издания	56	97
Местная хроника, корреспонден- денции и сообщения, письма	121	86
Центральные сообщения (телеграммы, официальные сообщения, заграничные из- вестия, статьи без указания источника заимствования)	364	132

Организаторами «освободительного кошмара» (1907. № 29. 15 апреля; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей») назывались евреи и «шабесгои», «глубоко невежественное и крайне безнравственное студенчество», «зарвавшаяся молодежь» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Русской земли»), «беспочвенная, праздная и суетящаяся интеллигенция» (1907. № 8. 28 января). Революционеры финансировались при помощи «глупых и случайных людей, из которых были выманены крупные деньги» и капиталов, которые «вкладывались в азартную спекуляцию в надежде на возвращение с огромными процентами» (1907. № 6. 21 января). Эпитеты, посредством которых описывались «левые», должны были создать образ малокультурного и социально опасного элемента: «герои из подворотни» (1907. № 16. 25 февраля; перепечатка из «Московских ведомостей»), «враги России и русского народа» (1907. № 12. 11 февраля), «прилично одетый молодой человек захватного тона» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Орловской Речи»), «социал-хулиганы» (1907. № 34. 9 мая; перепечатка из «Русской земли»), «пропагандцы» (1907. № 29. 15 апреля), «социал-погромщики» (1907. № 30. 18 апреля), «дикая революционная орда» (1907. № 32. 2 мая), «элементы низшей культуры» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Русской земли»), «взъерошенные друзья и бастующие школяры, орущие “отречемся от старого мира”» (1907. № 33. 6 мая). Их деятельность — пустопорожная и вредоносная: «болтовня» (1907. № 8. 28 января), «книжность и босяцкая беспочвенность» (1907. № 13. 14 февраля), «бунтания» (1907. № 18. 7 марта), «социальный вздор» (1907. № 21. 18 марта), «ограбные подвиги» (1907. № 62. 15 августа; перепечатка из «Русской земли»). Революционное студенчество обвинялось в пренебрежении к учебе, иждивенчестве, социальной безответственности: «Всем известно, что занимаясь серьезно, ни студентам, ни курсисткам времени на политические дела нет и быть не может, и невольно напрашивается вопрос: каких врачей, юристов, педагогов и ученых даст нам это поколение?» (1907. № 21. 18 марта; перепечатка из «Киевлянина»).

Подчеркивался высокий уровень насилия со стороны революционных сил. Хотя приводимую в издании цифру в 36 тыс. государственных служащих, погибших в ходе революционного террора (1907. № 33), следует считать завышенной (в 1906–1907 гг. погибло свыше 4 тыс. и было ранено около 5 тыс. чиновников⁴⁶).

Образ Думы уже не связывался с идеями «обновления» и «спасения» России. Это – «очаг смуты, грабежей и разбоев» (1907. № 46. 20 июня; перепечатка из «Харьковских ведомостей»), «еврейско-кадетский митинг», «сборище, выпущенных из подполья “социалов”» (1907. № 81), «...Ноев ковчег, этот библейский сбор всякой твари: чистой по паре, нечистой по семи пар, эта бессмысленная толпа друг на друга оскаливающих зубы людей, в лучшем случае ни к какому делу не пригодных, а в подавляющем большинстве феноменально невежественных и безграмотных» (1907. № 18. 7 марта; перепечатка из «Русского дела»).

Для дискредитации деятельности Думы делался упор на то, что она не способна представлять интересы коренного русского населения: «...в русской Государственной Думе нельзя сказать “Привисленские губернии”, чтобы не раздался крик “Царство Польское!”» (1907. № 30. 18 апреля); «...во время пламенной речи какого-то кавказского “человека” один русский крестьянин – депутат обратился к председателю Думы с просьбою: пригласить переводчика для перевода на русский язык непонятной для него речи...»; «...в Ташкенте был выбран в депутаты некий мулла... этот “депутат без языка”, при взгляде на показанные ему в “Родном слове” рисунки, мог только назвать “козлика”, воскликнув при этом радостно: “Бабашка! Бабашка!”» (№ 29. 15 апреля; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»).

Деятельность «левых» депутатов Думы первого и второго созывов оценивалась и высмеивалась как корыстная, неконструктивная, комичная: «Роль “законодателей”, щедро оплачиваемая к тому же десятирублевым суточным вознаграждением, которое, по сло-

⁴⁶ *Полиция и милиция России: страницы истории.* М., 1995. С. 85–86.

вам крестьян, никакой косовицей не заработаешь, роль очень лестная и приятная. Расстаться с этой ролью, получить деньги на обратный проезд в родные палестины и вернуться в “первобытное состояние” – перспектива не из приятных» (1907. № 21. 18 марта); «Шайка бунтовщиков, кричащая так, что потолки падают» (1907. № 22. 21 марта)⁴⁷; «Тщетно правые и умеренные призывают думских революционеров и “народную свободу” приняться за дело и не получать из казенного сундука за одну болтовню по 10 р. в сутки. “Социалы” и “трудовики” ни о каком труде не помышляют, а ведут войну с правительством... Два месяца бестолковой невежественной болтовни окончательно успели уже подорвать авторитет “законодателей”» (1907. № 30. 18 апреля).

Среди политических партий особой критике (практически в каждом номере) стали подвергаться кадеты. При их характеристике был взят разоблачительный тон. Это партия «политических недорослей» (1907. № 8. 28 января), «бунтовщическая партия» (1907. № 12. 11 февраля), «еврействующая» (1907. № 61. 12 августа), она усвоила «скверную и вздорную привычку говорить от имени всего народа» (1907. № 33. 6 мая). Лидеры партии – люди беспринципные и лицемерные. П.Д. Долгоруков, один из ее основателей, обвинялся в том, что «купив в Рузском уезде имение за 0,5 млн, хотел всучить его Крестьянскому банку за 1,2 млн рублей <...> Любому жиду можно поучиться у нашего родовитого князя, как наживать на рубль – два с полтиной!». Кадеты обвинялись в использовании «черного пиара»: перекупке бюллетеней, подстрекательстве детей красть бюллетени у своих родителей, выбрасывании кадетских списков в урны (1907. № 10. 4 февраля; перепечатка из «Русской земли»).

Томскому отделению партии кадетов также доставалось от «Томских губернских ведомостей»: «Опубликованный нашими “кадетами” список кандидатов в выборщики, можно сказать, блестящий: три купца (“целых” – вычеркнуто цензором), четыре про-

⁴⁷ Имеется в виду обвал потолка в Таврическом дворце, происшедший до открытия заседания утром 2 марта 1907 г.

фессора, а остальные – тоже “умственные интеллигенты”. Что в кадетском списке красуются имена четырех профессоров, – в этом, конечно, ничего удивительного нет. Но как в него попали трое купцов – это решительно непостижимо. Очевидно, у этих купцов, на (“на спине” – вычеркнуто) которых думают выехать поправевшие для виду кадеты, мало своей купеческой амбиции, а память у них, несомненно, короткая... Что-нибудь одно из двух: или (гг. Максимов, Житков и Толкачев – заменено на “эти купцы”) не сегодня-завтра откажутся от своих “капиталов” в пользу “трудящегося класса” и превратятся в настоящих “умственных интеллигентов”, или они играют роль ширмы, роль приманки, на которую наши кадеты рассчитывают словить голоса более умеренных элементов...» (1907. № 74. 26 сентября).

Воззвание революционеров к «народу» – это провоцирование стихийно-разрушительных инстинктов: «это тот “народ”, который устраивал “иллюминации” помещичьих усадеб, порол животы породистым лошадям и овцам и топил их в реке, швырял бомбы не только в “сатрапов”, но и в вагоны городских железных дорог, в женщин и детей, расстреливал из-за угла городских и солдат, грабил банки, кассы, почтовые конторы, рвал царские портреты, производил кошуновства в православных храмах, бастовал на фабриках и заводах, бастовал в школах, чуть-чуть не забастовал было в судах и даже в губернских управлениях и проч. и проч. и все-таки это не весь русский народ, а только “сливки” его, “лучшая”, “сознательная”, “мыслящая”, “оппозиционная” его часть» (1907. № 33. 6 мая).

Томск также был отмечен экспроприаторскими актами. 20 августа 1907 г. было совершено нападение на бухгалтера Томского технологического института Д.Н. Соковнина, однако ему удалось отбиться от нападавших (1907. № 64. 22 августа). Через два месяца, 20 октября, эта история получила трагическое продолжение. Соковнин был тяжело ранен и скончался в больнице, хотя «экс» закончился безрезультатно, поскольку нападавшие, сосредоточив свое внимание на сейфе, не посмотрели на стол, где и лежали подготовленные

для выдачи жалования конверты с деньгами (1907. № 81. 28 октября; № 82. 31 октября). После убийства Соковнина левые силы начали отрешиваться от прямого в нем участия и косвенного влияния. Местное отделение партии кадетов в Технологическом институте выразило порицание случившемуся и начало сбор подписей согласных с этим заявлением. На состоявшейся 25 октября студенческой сходке в Томском университете убийцы также были осуждены.

В октябристской газете «Время» в № 232 была опубликована статья «Октябрист», в которой павший от рук экспроприаторов изображался в качестве примера высоких душевных качеств людей, которые представляют партию октябристов. «Томские губернские ведомости» на этот счет резко возразили: «Мужество, каким обладал покойный герой долга Д.Н. Соковнин, вовсе не есть качество, присущее октябристам вообще. Наоборот, это люди именно робкие, пугающиеся как правых, так и левых... Но тот прием, к которому в данном случае прибегла газета “Время” для восхваления партии октябристов, кажется нам глубоко предосудительным и сугубо бестактным... Нет, не “октябрист” сказался в трагически погибшем Д.Н. Соковнине, а прежде всего честный и мужественный русский человек, свято исполнивший свой долг перед царем и Родиной» (1907. № 82. 28 октября). От бывшей октябристской направленности «Томских губернских ведомостей» не осталось и следа. Партия «центра» определялась как «общипанный хвост, жалко влачащийся за кадетами» (1907. № 53. 15 июля; перепечатка из «Нового времени»), а ее лидер обвинялся в «политической близорукости» (1906. № 93. 6 декабря; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»), клеймился как «московский подкадет», потворствующий революционным силам (1907. № 91. 2 декабря; перепечатка из «Нового времени»). Газета «Время» и ее редактор Е.Ф. Кудрявцев обвинялись в «левизне», следовании директивам столичных «заправил партии» (1907. № 48. 27 июня; № 49. 1 июля), в намеренных инсинуациях и нападках на деятелей томского «Общества за веру, царя и отечество» (1907. № 61. 12 августа).

Русский народ на страницах неофициальной части в период редакторства А.В. Дурова и В.Э. Мейера, как и при П.Т. Виноградове, продолжал изображаться как простой и бесхитростный, обманутый и ввергнутый в искушение революционными силами: «...добро-сердечные агитаторы обещают крестьянам в своих прокламациях сколько угодно чужой земли, а также клянутся в том, что после объявления республики бедных больше не будет» (№ 29. 15 апреля); «Насколько непрощенные “освободители” нравственно звероподобны, заносчивы, высокомерны, беспокойны и бестолковы, настолько народ, настоящий русский народ, богобоязнен, смирен, терпелив и мудр» (1907. № 33. 6 мая); «У Беранже есть песенка про фею Урганду, которая маленькой палочкой делала большие дела. “Только махнет ею, – мигом // Счастье прольется везде // Добрая фея, скажи нам, // Где твоя палочка, где?” Все политические партии уверяют, что эта палочка – у них, что только они умеют проливать... счастье». (1907. № 13. 14 февраля; перепечатка из «Русского знамени»); «Каждая новая революционная секта объявляла и впредь будет объявлять свою предшественницу обманщицей народа. Мне невольно припоминается песенка немецких крестьян по адресу их немецких же освободителей. Вот она: “Нам твердили: Вы будете богаты, // Вы сделаетесь счастливыми и уважаемыми, // Нам обещали довольство и счастье, // И вот мы остались в дураках. // Разве мы стали богатыми? // Господи, пожалей нас! // Мы потеряли и те крохи, что имели. // Теперь-то мы и стали бедными”» (1907. № 33. 6 мая). Социалисты обманывали крестьян возможностью узаконенного «черного передела»: «Партия народной свободы или партия неволи русского народа обещает всем обездоленным и угнетенным райское житье, новую жизнь, которая для крестьян, например, обязательно должна наступить вслед за производством в России колоссального грабежа, именуемого принудительным отчуждением частной земельной собственности...» (1907. № 33. 6 мая).

Очерк о вдове рабочего, которого «товарищи» увлекли в роковой поход к Зимнему дворцу, должен был вызвать у читателя негодова-

ние и жалость к поверившим в заведомо невыполнимые обещания: «...И как же мой покойник не хотел идти с ними. Да все равно его бы свои прикончили. Конец-то один был. Мой хозяин Царя-батюшку во как почитал! Детям всегда наказывал за Государя молиться. Товарищи-то ему все твердили: “Должен ты за общее дело идти. Если, дескать, что случится, то твоих детей и жену не оставим. А если наша возьмет, то будет рай на земле, а не житье” <...> А теперь они мне же, эти товарищи-то покойного, говорят: “Мало ль вас вдов шляется! Всем помогать и сил не хватит”. Эта встреча упала мне камнем на душу <...> Вспомнились бабочки, летящие на огонь, обжигающие крылышки и падающие на скатерть. Так и наши бедные русские люди, думалось мне, идут они из своих деревень в столицу на работу и здесь, как бабочки на огонь, попадают на удочку цветистых фраз и погибают, оставляя свои семьи на голодную, полную лишений и нищенскую жизнь» (1907. № 8. 28 января; перепечатка из «Колокола»).

Носителями рационального, державного и «истинно русского начала», естественно, выступали правительственные и правые монархические партии. «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций; им нужны великие потрясения, а нам нужна великая Россия» (1907. № 40. 30 мая) – речи П.А. Столыпина во II Государственной Думе занимали целые страницы «Томских губернских ведомостей» (1907. № 20. 14 марта; № 21. 18 марта; № 22. 21 марта; № 38. 23 мая; № 39. 27 мая; № 40. 30 мая). Томское «Русское народное общество за веру, царя и отечество» использовало официальную газету для разъяснения своей политической программы и обращений к населению губернии (1907. № 3. 10 января; № 20. 14 марта; № 25. 1 апреля), сообщений о собраниях «Общества» (1907. № 5. 17 января; № 11. 7 февраля; № 22. 21 марта; № 38. 23 мая и др.).

«Одни лишь мы, монархисты, идем на выборы с чистой совестью, безо всякой... предосудительной тактики и боремся одною лишь правдой против тысячи измышлений лжи, обмана и мошенничест-

ва» – так писали о себе томские правые (1907. № 10. 4 февраля). В период предвыборной кампании ведомости неоднократно зывали к избирателям: «Русские люди Томской губернии! Отнеситесь к предстоящим вам выборам с величайшим вниманием и осмотрительностью, ни на минуту не забывая о Боге, Царе и великой родине-матери. Сплотитесь, объединитесь в могучую русскую семью. Когда избранные вами в выборщики съедутся в Томск или найдут там уже достаточное число русских людей, объединившихся в Русское Народное Общество за веру, Царя и отечество, помните, что каждый патриот и верный сын Русской земли будет в Думе угрозой для врагов России. Такие русские люди, крепкие духом и разумом, уже попали туда и теперь. Поддержите их! Поддержите святое русское дело!» (1907. № 12. 10 января).

Во II Думе Сибирь представляло 20 человек (2 эсера, 3 народных социалиста, 3 социал-демократа, 3 трудовика, 4 кадета, 1 представитель партии демократических реформ, 4 беспартийных)⁴⁸. Такой «праздник на улице левых» (1907. № 12. 11 февраля) объясняли не предпочтением выборщиков, а «предвыборными проделками партии народной свободы» (1907. № 10. 4 февраля; перепечатка из «Московских ведомостей»), несовершенством избирательного закона, когда «города получили больше выборщиков, чем сельское население, которое избирало правых и умеренных» (1907. № 17. 28 февраля), абсентеизмом избирателей: «из 11 тыс. избирателей по городу Томску участие в выборах приняли лишь 5628» (1907. № 29. 15 апреля).

В период выборов в III Думу «Томские губернские ведомости» публиковали статьи о деятельности «Союза русского народа» и воззвания этой партии к избирателям, в которых в просторечном стиле разъяснялась текущая политическая ситуация: «Что сделала II Дума за 101 день своего существования? Ругани было много, а закона поч-

⁴⁸ Родионов Ю.П. Хроника избирательных кампаний в I и II Государственную Думу в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1994. С. 87.

ти что ни одного не вышло, разве только, что Дума из народной казны положила жалованья на житею своему председателю и секретарям, за безделье, по двенадцати и по шести тысяч рублей в год. Да было ли время Думе делом заниматься и о благе народа думать, когда туда забралась инородцы, изменники, предатели и невежды? <...> Сплачивайтесь, русские люди, примыкайте к “Союзу Русского Народа” и выбирайте в новую думу только честных, разумных и хорошо вам известных русских людей!» (1907. № 71. 15 сентября). Вместо несбыточных золотых гор «Томские губернские ведомости» неоднократно предлагали своим читателям ежедневный заработок 1 руб. 50 коп. на скоровязальных машинах от томского отделения С.-Петербургского товарищества вязальных изделий (1907. № 39. 26 мая).

С избранием новой Думы и завершением революции, вице-губернатор Мейер стремился придать официальной газете более привычный верноподданнический вид. Краткое сообщение «Местной хроники» о том, что «по случаю тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича 5 октября в Троицком кафедральном соборе будет отслужена литургия и торжественный молебен», было им собственноручно расширено за счет заметки о выпуске облигаций второго городского займа. В конечном виде в печать попала целая статья в духе уваровской триады: «По случаю дня тезоименитства Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича Великого князя Алексея Николаевича 5 октября в Троицком кафедральном соборе высокопреосвященным Макарием архиепископом Томским и Барнаульским была совершена божественная литургия и отслужен благодарственный молебен. В храме присутствовали: управляющий губернией И.Б. Маршанг, начальники отдельных частей и учреждений всех ведомств, офицеры воинских частей, расположенных в городе Томске, и множество народа.

После богослужения на Соборной площади состоялся парад войск местного гарнизона. Парад принимал генерал-майор Редько. В этот день город был украшен флагами, вечером зажжена иллюминация» (1907. № 76. 7 октября).

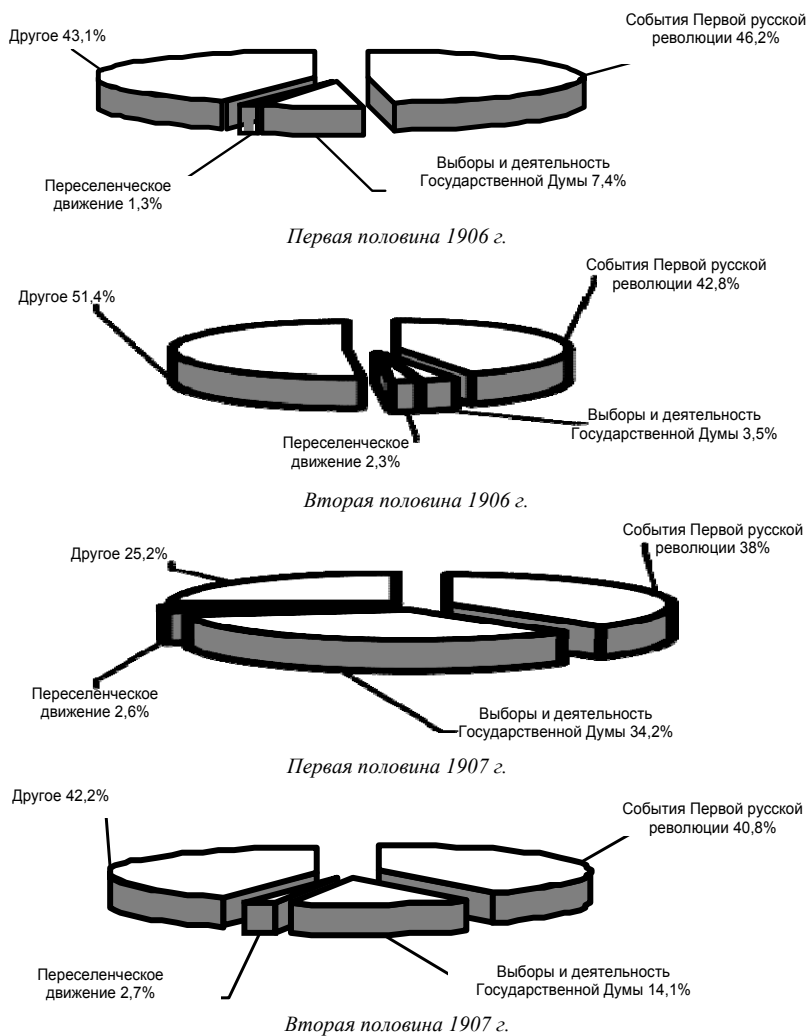


Рис. 17. Распределение публикаций по темам в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1906–1907 гг.⁴⁹

⁴⁹ Сообщения относились к темам единожды, исходя из содержания, заглавия и основной мысли статьи; объем сообщения не учитывался.

Цензором смягчались ставшие привычными антисемитские выпады. Так, в статье «Агония еврейского социализма», перепечатанной из «Русского знамени», им были сделаны такие правки: «жидовский социализм» – «еврейский социализм», «национализм победил жидовский международный социализм» – «национализм победил еврейский международный социализм», «жидовская жадность» – «ненасытная жадность», «...наши социал-демократы, особенно наиболее тупые между ними – большевики...» – «...наши социал-демократы, особенно наиболее неразвитые между ними – большевики...» (1907. № 79. 17 октября).

Итак, в период Первой русской революции «Томские губернские ведомости» наравне с другими органами печати, находившимися в ведении центральной и местной властей, были мобилизованы для трансляции идей самодержавия, православия и народности. Происходившие в стране события освещались с помощью телеграмм, официальных сообщений, статей из крупных изданий Европейской России. В условиях ускорения исторического времени правительству необходимо было контролировать информационное поле и предотвращать распространение слухов. В особенности это было важным для Сибири, в западную часть которой столичные газеты приходили через неделю, а в восточную – через 2–2,5 недели⁵⁰. За счет заимствований и перепечаток местные губернские ведомости становились зеркалом газет центральных, ретранслируя на регионы их содержание и формируя алармистские настроения.

С помощью материалов, предоставляемых «Осведомительным бюро», с конца 1906 г. в «Томских губернских ведомостях» регулярно стали публиковаться передовые статьи, оперативно освещавшие текущее политическое положение в стране и содержащие опровержения сообщений в частной печати. Несмотря на то, что значительную часть содержания неофициальной части составляли публикации о событиях в столицах, долю местных сообщений также следует признать достаточно высокой (18% в конце 1905 –

⁵⁰ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 70.

1906 г. и 12% в 1907 г.; см. табл. 14)⁵¹. Однако расширенная программа неофициальной части «Томских губернских ведомостей» была скорее программой «на вырост»⁵². Ввиду отсутствия авторов, увлечения полемическими материалами некоторые из заявленных в ней пунктов не получили полного самостоятельного выражения, появляясь лишь время от времени в виде единичных публикаций (например, «Крестьянское законоведение» или «Беллетристика: повести, стихотворения»).

С конца ноября 1905 г., в период редакторства цензора (затем инспектора) по печати в Томской губернии П.Т. Виноградова, «Томские губернские ведомости» приобрели октябристскую направленность, что придавало газете одновременно как проправительственное верноподданническое звучание, так и умеренно-либеральный оппозиционный к классическому неограниченному самодержавию оттенок. С сентября 1906 г. руководство ведомостями перешло в руки более правых консервативных сил – чиновников местной администрации (И.Е. Бицюк, А.В. Дуров, затем В.Э. Мейер), которые придали газете откровенно черносотенный характер.

В освещении деятельности российского парламента «Томские губернские ведомости» прошли два круга в соответствии с двумя предвыборными кампаниями. В отношении I Государственной Думы создавался ее положительный образ как учреждения, способного вывести страну из революционного кризиса. Результаты выборов определили смещение акцентов в отрицательную сторону и предопределили настороженное и критическое отношение к парламенту второго созыва, что выразилось и количественно – в со-

⁵¹ В табл. 14 учитывались только те публикации «Местной хроники», которые касались революционных событий в Томске и Томской губернии. Кроме того, при подсчете центральных сообщений каждая из телеграмм в рубрике «По России» учитывалась как одно сообщение, а они могли занимать до 1–1,5 страницы.

⁵² Жилыкова Н.В. Программа провинциальной дореволюционной газеты как средство самопрезентации издания // Журналистика в поисках моделей развития : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 27–30 октября 2011 г. Томск, 2011. С. 41.

крашении числа публикаций о созыве и деятельности Государственной Думы во второй половине 1906 г. вдвое против первой половины (от 7,4 до 3,5%; см. рис. 17). Неофициальную часть более чем на 50 % представляли местные публикации и материалы, не относящиеся к текущим политическим событиям. Период существования II Государственной Думы – пик публикаций о ее деятельности (34,2%; см. рис. 17), при этом ни одна из них не характеризовала ее положительно. Наконец, во второй половине 1907 г., с роспуском оппозиционного парламента, полемические статьи о партиях и депутатах (14,1%) вновь уступили место повседневным событиям городской и губернской жизни, другим политически нейтральным сюжетам (42,4%; см. рис. 17). Доля статей, посвященных таким взаимосвязанным сюжетам, как революция и русский народ, уменьшилась, больше внимания стало уделяться одержавшим победу промонархическим силам.

Первая русская революция освещалась с точки зрения таких оппозиционных пар, как законность / преступление, порядок / анархия, созидание / разрушение, монархисты / социалисты, крестьяне / горожане, обманутый народ / революционная интеллигенция.

В период приобретения неофициальной частью правой черносотенной окраски апелляция к рациональному мышлению читателя сменилась воздействием преимущественно на сферу эмоционального восприятия текста. В первой половине 1907 г. газета резко политизировалась (более 70% ее публикаций посвящались революционным событиям и революционному парламенту; см. рис. 17). В адрес революционных сил широко использовались характерная для оппонентов «слева» резкая риторика, откровенные ругательства и безапелляционные суждения. От умиротворения читателя газета, вслед за центральными черносотенными изданиями, перешла к разжиганию социальной и национальной розни. Получили развитие противопоставления, понимающиеся как полностью исключаящие друг друга: национальная история / западное влияние, русская государственность / враги России, неограниченное самодер-

жавие / парламентаризм, монархисты / немонархические партии (без значимых различий между социалистами, кадетами и октябристами), русские / нерусские (евреи, поляки, прибалты, кавказцы).

Несмотря на старания неофициальной части «Томских губернских ведомостей» склонить общественное мнение в пользу кандидатов от томского «Общества за веру, царя и отечество», в предвыборных кампаниях во II и III Государственные Думы победу одержали представители левого политического спектра. Такую ситуацию можно объяснить действительным возрастанием антимонархических и максималистских настроений в русском обществе, решающим значением городского этапа голосования, эффективной предвыборной деятельностью кадетов и социалистов. Либеральные и социалистические издания, заостряя внимание на действительных социальных противоречиях и несовершенствах российской политической системы, оперируя «мировыми проблемами» и идеями глобального общественного переустройства, переигрывали в информационном плане газеты официальные и официозные, призывавшие к спокойствию и порядку, т.е. по сути выступавшие против происходящих в стране перемен и за возвращение к дореволюционному статус-кво. Критика ветшающей на глазах уваровской триады приносила частным издателям значительные доходы, а доводы в пользу правительства могли их снизить. Приятно было примерить на себя и лавры борца с «угнетателями» и деспотическим режимом.

Кроме этих общих идейно-политических соображений, причинами неудач правых следует считать и общую оппозиционность носителей патриархального мировоззрения в Сибири к местному и далекому центральному начальству. «Сибиряк независим по отношению к властям и неуважителен к церкви» – такое заключение сделал командированный в 1896 г. в Сибирь для ознакомления с переселенческим делом статс-секретарь А.Н. Куломзин⁵³. В силу

⁵³ Блинов Н.В. К общественному движению в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2. С. 11.

преобладания здесь русского населения не находила широкой поддержки и антисемитская направленность черносотенного движения. В пропагандистских заявлениях правых отсутствовали внятные и близкие крестьянским и городским избирателям предложения об улучшении экономического положения населения восточной окраины, распространении на ее территорию системы земского самоуправления. Пугающим казался и рост переселенческого движения, в поддержку которого, в соответствии с партийной дисциплиной, были вынуждены выступать местные черносотенцы.

6.3. ОТ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ – К «ИЗВЕСТИЯМ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ» И «ГОЛОСУ СВОБОДЫ»

В межреволюционный период частная провинциальная периодика вышла на новый уровень. Так, в Красноярске «газеты в большинстве своем начали выходить ежедневно, большим форматом, с фотографиями, иллюстрациями, сообщениями собственных корреспондентов из Москвы и Петербурга»⁵⁴. В условиях роста влияния частных газет, имевших, как правило, либеральный и более левый характер, местные сибирские власти остро осознавали необходимость усиления неофициальной части вверенной их попечению правительственной газеты и выступали с соответствующими предложениями. Так, в конце 1912 г. губернатор Забайкальской области А.И. Кияшко обратился с иркутскому генерал-губернатору Л.М. Князеву с просьбой придать неофициальной части «Забайкальских областных ведомостей» литературно-публицистический вид. В качестве оснований для такого предложения приводились следующие обстоятельства: наличие двух оп-

⁵⁴ *Миханев А.П.* Периодическая печать Сибири начала XX века: к постановке проблемы // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 1999. № 1. С. 89–91.

позиционных ежедневных читинских газет «Забайкальская новь» и «Думы Забайкалья»; окраинный характер Забайкальской области с преобладающим инородческим и значительным ссыльным населением; соседство с Китаем и Монголией, где произошло «крушение монархических принципов»⁵⁵ (свержение династии Цин в 1911 г.)⁵⁶. В представлении не был отмечен, но, очевидно, подразумевался и подъем антимонархического движения в регионе и во всей стране в связи с Ленскими событиями. Иркутский генерал-губернатор, разделяя мнение о необходимости «иметь для населения Забайкальской области орган печати, правдиво и спокойно освещающий события местной жизни и деятельность правительства», вынужден был отказать Кияшко ввиду отсутствия средств на оказание газете ежегодной субсидии в 6,5 тыс. руб. Аналогичная просьба о расширении программы неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» была оставлена верховным правительством без удовлетворения и при предшественнике Князева – генерал-губернаторе А.Н. Селиванове⁵⁷.

Первая мировая война, как и предшествовавшая ей война с Японией, привнесла на страницы ведомостей известия о ходе военных действий, списки погибших и раненых, сообщения о призыве в действующую армию, объявления о пожертвованиях и благотворительных мероприятиях. Для оповещения сельского населения о положении на фронтах, а мобилизованных – о положении в родных местах ведомости могли рассылаться бесплатно, как это было с «Акмолинскими областными ведомостями». За период с 25 июля 1914 г. по 10 августа 1915 г. было отпечатано 2 920 000 экземпляров неофициальной части газеты и 2 555 000 из них были разосланы бесплатно по деревням области и в воинские части⁵⁸. Однако в связи с недостатком

⁵⁵ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 55–56 об.

⁵⁶ Последнее обстоятельство можно расценивать и как намек на возможное аналогичное развитие событий в России, и как своеобразного рода шантаж центрального правительства на предмет выделения средств из бюджета.

⁵⁷ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 61.

⁵⁸ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 66–66 об.

бумаги издание неофициальной части «Акмолинских областных ведомостей» с 10 августа 1915 г. было прекращено.

Тяжелое положение на фронте усиливало антивоенные и антиправительственные настроения в обществе, широкое распространение получали легальные и нелегальные оппозиционные издания. В начале 1916 г. советник Акмолинского областного правления В.С. Недашковский, наблюдавший за книжными и типографскими заведениями в области, отмечал, что «как Западная, так и Восточная Сибирь широкой волной наводняется современной печатью исключительно левого направления до социал-демократического включительно. Газеты по своему направлению правее «Нового времени» встречаются редко и то в небольшом числе экземпляров»⁵⁹. Функцию пропаганды консервативных и официозных взглядов могли взять на себя губернские ведомости как газета для сибирского крестьянства, которое, находясь в лучших материальных условиях, чем крестьянство по западную сторону Урала, было менее восприимчивым к революционным и социалистическим идеям: «Необходимо придти на помощь деревне и удовлетворить ее запросы, дав пищу уму, дабы разные нелепые слухи не волновали и не точили без нужды народное сердце»⁶⁰. Для того чтобы ведомости располагали оперативной информацией из центра и тем самым могли склонить предпочтения читателя в свою пользу, необходимо было организовать в Петрограде бюро печати, которое «передавало бы местным правительственным газетам вкратце справки о более крупных событиях жизни России, а также о мероприятиях высшего правительства»⁶¹. Недашковский рассчитал и примерную смету издания обновленных «Акмолинских областных ведомостей»: в год требовалось 27 840 руб., при выпуске 1 200 экземпляров при подписной цене в 6 р. и доходе от объявлений в 6 тыс. руб. дефи-

⁵⁹ РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 67 об.–68.

⁶⁰ Там же. Л. 70.

⁶¹ Там же. Л. 74.

цит составлял 14 640 руб. и мог быть покрыт только при финансовой помощи центрального правительства.

3–5 февраля 1916 г. в Петрограде прошел съезд редакторов и представлявших провинциальные казенные издания чиновников, организованный Главным управлением по делам печати во главе с сенатором В.Т. Судейкиным. Председательствующим на съезде был главный редактор «Правительственного вестника» князь С.П. Урусов. Вновь правительство ожидало ответа на вопрос, как разумнее и лучше поставить на местах губернские и областные ведомости. Министр внутренних дел А.Н. Хвостов в своем обращении к участникам съезда определял печать как «уши, глаза и щупальцы жизни» и отмечал два главных преимущества перед частной прессой – «непартийность» и «достоверная осведомленность из первых источников». Как и в 1901 г., основным был вопрос о расширении неофициальной части ведомостей как издания, способного на равных с частными газетами освещать местные интересы и нужды; в этой связи ожидалась материальная поддержка со стороны государства. В условиях войны новыми проблемами, ослаблявшими местный правительственный орган, стали дефицит бумаги и призыв в армию редакторов и типографских рабочих.

Присоединяясь к мнению Комиссии 1901 г., съезд выработал и два новых принципиальных положения для местного правительственного органа: издание его на местных языках на национальных окраинах и создание при «Правительственном вестнике» «осведомительно-литературного учреждения» для снабжения ведомостей, объединенных в несколько региональных групп, информацией и статьями. Кроме того, все средства, получаемые за объявления и подписку, должны были предназначаться для развития неофициальной части, без каких-либо перечислений в министерство внутренних дел. При недостаточности средств планировалось запрашивать пособия и ссуды у государственного казначейства и у «Правительственного вестника»⁶².

⁶² РГИА. Ф. 785. Оп. 1. Д. 356. Л. 4–13 об.

Однако постановления съезда 1916 г. ожидала аналогичная правилам об издании ведомостей Комиссии 1901 г. судьба – стать архивным документом по истории провинциальной правительственной печати. Итоговый протокол даже не был перепечатан набело и содержал рукописные правки на полях. Недостаток финансов, нежелание предоставить официальным органам большую самостоятельность вновь послужили препятствием к решительным изменениям в облике правительственной печати.

В послереволюционный период неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» на некоторое время сохранила свое общественно-политическое звучание. В самом первом номере 1908 г. в небольшой передовой «Томск, 2 января 1908 г.» возникшие общества и союзы призывались к тому, чтобы дать за прошедший год «отчет себе и людям в своей жизни и в своих поступках». Обращение дополнялось пространным указанием на нечестность тех, кто не желает быть «рабом отчета», – «это объясняется или непробудною ленью лиц, взявшихся не за свое дело, или освободительным направлением тех, которые под “свободой”, чаще всего разумеют бесконтрольность» (1908. № 1. 2 января).

Прошедший социальный катаклизм продолжал изображаться как временное отступление от русского исторического пути – «наваждение сатанинское» (1908. № 3. 9 января), «зловещий туман» (1908. № 9. 6 февраля), «буйное своеволие» (1908. № 15. 5 марта). Подводились неутешительные экономические итоги забастовочного движения (1908. № 13. 27 февраля) и аграрных беспорядков (1908. № 23. 2 апреля), отмечалась тенденция к резкому возрастанию преступности в «освободительные годы» (1908. № 18. 16 марта). В качестве причин «русской смуты» назывались «нравственное растление молодежи» (1908. № 8. 30 января), подстрекательство «развращенной и продажной» интеллигенции (1908. № 9. 6 февраля; перепечатка из «Русского знамени»), «еврействующая» русская печать (1908. № 45. 9 июля), «упадок уважения к старшим, к начальству и к порядку вообще» (1908. № 15. 5 марта), «порча

крови» в армии из-за смешения русских с инородцами (1908. № 12. 20 февраля). При характеристике роли в революции «интеллигентной молодежи» не прошел мимо редактора неофициальной части В.Э. Мейера и выход сборника «Вехи», откуда было позаимствовано мнение по этому поводу одного из авторов сборника – А.С. Изгоева (1909. № 43. 17 июня; перепечатка из «Харьковских губернских ведомостей»).

В соответствии с представлениями о несвойственности революционных идей «здоровой» массе русского населения народ изображался как отрезвляющийся и выздоравливающий от тяжелого разрушающего недуга: «...русские люди чуть не на краю гибели успели удержаться и дать отпор “деятельным преобразователям”» (1908. № 6. 23 января); «Сейчас не должно быть ни левых, ни правых, ни кадетов, ни союзников русского народа. Должны быть только русские граждане, горячо любящие свою Русь, своего Царя, свою Святую Веру» (1908. № 8. 30 января); «Ударит час, проснется и здоровая национальная мысль из-под гнета неудачно сложившихся наслоений, проснется со всей силой народной души» (1908. № 12. 20 февраля); «Рабочие не позволят теперь дурачить себя. Они хлопочут об улучшении своего быта, не желают крыть чужих крыш» (1908. № 45. 9 июля) и т.д. Аналогичные мысли проводились и в невзыскательных по поэтическому исполнению стихах⁶³. Сообщалось и о высочайшем помиловании лиц, участвовавших в

⁶³ «...Глянь, и теперь, – как в дни былые, – // На царстве смута разлилась, // И вновь крамольники лихие // Булат свой точат, притаясь... // На власть Цареву замышляют; // Хотят Русь в ключья разорвать; // На бунт голытьбу поднимают // И власть сулят Жиду отдать...» (*Муромцева Надежда*. Русскому народу // Томские губернские ведомости. 1908. № 5. С. 6); «Цела пропасть разных «истов» // По трущобам развелась, // И с шипеньем, и со свистом // По России расплзлась // И бушуют и ярятся // Против Бога и людей, // И из кожи лезут – тщатся // Яд разлить своих идей... // Все основы и законы, // Что без них и свет бы пал, // Эти века ветрогоны // Бьют, ломают наповал... // Бога, знать, они не знают, // Нипочем для них стал Царь, // Грабят, жгут и убивают, // Как встарь полчища татар (*Священник о. Вазилевич*. Современная песня // Томские губернские ведомости. 1908. № 15. С. 6).

антиреволюционных действиях, в том числе и в Томске (1908. № 10. 13 февраля; № 24. 6 апреля).

Укреплению монархического самосознания и православной веры должна была способствовать серия статей, посвященных кончине и жизненному пути отца Иоанна Кронштадтского, являвшегося активным сторонником неограниченной самодержавной власти и вошедшего на исходе своей жизни в «Союз русского народа» (1909. № 1. 4 января; № 8. 28 января; № 14. 22 февраля и др.). В продолжении правящей линии династии Романовых делался акцент на божественное провидение, а первыми детскими впечатлениями родившегося в 1904 г. цесаревича Алексея должны были стать простые солдатские рубахи, изготавливаемые императрицей-матерью, вид увечных воинов в Царскосельском лазарете и разговоры между царствующими родителями о забастовках и бунтах среди рабочих (1909. № 55. 29 июля). Правление Александра III и сама его личность рисовались как воплощение мирного, самобытного и постепенного пути развития России, которого не должны были поколебать никакие «модные западные веяния» (1909. № 64. 30 августа). Как нельзя кстати подоспело множество круглых дат из исторического прошлого России, которые могли отмечаться как в масштабе всей страны, так и локально, для пробуждения патриотических монархических чувств: 300-летие дома Романовых (1908. № 16. 9 марта; 1910. № 57. 4 августа), 300-летие созыва второго земского ополчения (1909. № 84. 11 ноября), 200-летие Полтавской битвы (1909. № 29. 26 апреля; № 35. 20 мая; № 40. 7 июня и др.), 100-летие присоединения Финляндии (1909. № 84. 11 ноября), 100-летие Отечественной войны 1812 г. (1909. № 22. 22 марта; 1910. № 67. 24 февраля), 50-летие отмены крепостного права (1910. № 71. 22 сентября; № 91. 8 декабря). Последняя дата внушала больше опасений в антиправительственных, чем в патриотических акциях (о чем из министерства внутренних дел губернаторам была циркулярно разослана секретная телеграмма). Однако в Томске этот день прошел спокойно и был отмечен шествием чле-

нов «Союза русского народа»⁶⁴. Был у томичей и собственный верноподданныческий праздник – в 1911 г. отмечалась 20-я годовщина посещения города Николаем II (по этому поводу Томская губернская типография отпечатала отдельную бесплатную брошюру тиражом 5 000 экземпляров)⁶⁵.

По-прежнему в «Томских губернских ведомостях» клеймились «освободительные» партии и их «главари» (1908. № 4. 16 января; № 5. 20 января; № 7. 27 января; № 22. 30 марта и т.д.). При этом при характеристике их современного положения был взят торжествующе-снисходительный тон: «...куда делись вольнолюбивые отцы [депутаты-священники] первых двух дум? Слава их погибла даже без всякого шума» (1908. № 18. 16 марта); «Очевидно, американцы готовы рукоплескать красным речам Милюковых, пожинать же их плоды не намерены, это ими великодушно предоставляется “варварской России”» (1908. № 20. 23 марта); «...в лице г. Милюкова была выставлена к позорному столбу и была подвергнута всенародному бичеванию та группа политических деятелей, которая в основу всей своей деятельности положила ложь, сплетню, клевету, смутьянство, мелкую и трусливую интригу...» (1908. № 29. 7 мая).

В то же время о дальнейших политических планах правых, которые, казалось, должны были праздновать победу, сообщалось лишь в рамках официальных реляций о торжественных собраниях и обращениях центрального и местного отделов «Союза русского народа» (1908. № 7. 27 января; № 9. 6 февраля; № 19. 19 марта; № 26. 23 апреля; № 57. 31 августа; № 59. 7 сентября). В отношении раскола «союзнического» движения приводилась точка зрения П.А. Мещерского, оценивавшего создание В.М. Пуришкевичем «Союза Михаила Архангела» как предательство общего дела спасения России (1908. № 23. 2 апреля). С 1908 г. томские монархисты обзавелись своим частным изданием – еженедельной газетой «Сибирская правда» и уже

⁶⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1366. Л. 46, 48–50, 57.

⁶⁵ Там же. Л. 20.

со второй половины 1908 г. публикации об их деятельности пропадают со страниц «Томских губернских ведомостей», а с 1909 г. — и присущая этому политическому движению риторика.

Актуальный земельный вопрос и вопрос о переселенческой политике освещались с позиций улучшения агротехники и распространения сельскохозяйственных знаний среди старожилов и переселенцев (1909. № 2. 7 января; № 4. 14 января; № 46. 28 июня; 1909. № 57. 5 августа; перепечатка из «Сельского вестника»), оказания им экономической и духовной (путем учреждения церковных приходов) помощи (1908. № 29. 7 мая; 1909. № 9. 1 февраля). По вопросам о выделении из общины отдельных земельных владений, налогообложения, предоставления ссуд печатались разъяснения от Главного управления земледелия и землеустройства (1909. № 15. 25 февраля; № 20. 15 марта; № 47. 1 июля; № 59. 12 августа и др.). О движении ходоков и переселенцев, выделяемых для них землях информировало Переселенческое управление (1909. № 23. 25 марта; № 30. 29 апреля; № 48. 5 июля; 1910. № 17. 3 марта).

Среди публикаций об экономическом развитии Сибири обращают на себя внимание те, в которых с тревогой сообщалось о росте влияния иностранного капитала, о мирном «завоевании Сибири» англичанами и американцами, обладающими большими, в сравнении с русскими, предпринимательскими способностями (1909. № 7. 25 января; № 10. 4 февраля). Статьи являлись перепечатками из центральных газет («Россия», «Колокол», «Новое время»), представлявших интересы московских торгово-промышленных кругов. Писали ведомости и о деятельности кредитных и потребительских кооперативов, рост которых был вызван переселенческим движением и общим послереволюционным экономическим подъемом.

В октябре 1908 г. томского губернатора К.С. Нолькена сменил Н.Л. Гондатти, и ведомости запестрили сообщениями, освещающими буквально каждый шаг нового начальника губернии: его прибытие, визиты, поездки, назначения (1908. № 68. 15 октября; № 69. 22 октября; № 72. 2 ноября; № 77. 19 ноября и т.д.). Супруга

губернатора М.М. Гондатти стала почетным председателем томского общества защиты женщин «Пчельник», находившегося ранее под покровительством ее предшественницы М.И. Нолькен. Среди прочих отделений губернского управления Гондатти посетил губернскую типографию и «изволил очень интересоваться ходом типографских работ, оборотами типографии, изданием губернских ведомостей и прочими подробностями типографского хозяйства» (1908. № 69. 22 октября).

Ряд статей неофициальной части за 1908–1910 гг. можно объединить темой моральных ценностей в жизни различных слоев современного русского общества: о высоком нравственном и образовательном уровне врача (1908. № 2. 6 января); о положении и значении полиции (1908. № 8. 30 января; № 46. 13 июля; 1909. № 48. 5 июля); о высоком предназначении женщины (1908. № 11. 17 февраля; перепечатка из «Волынской жизни»; 1910. № 26. 4 апреля); о воспитании новобранцев в армии (1908. № 44. 2 июля) и воинской дисциплине (1908. № 61. 17 сентября); о распространении среди всех слоев русского общества азартных игр (1908. № 17. 12 марта); о проституции (1908. № 36. 4 июня) и порнографии (1908. № 34. 25 мая; № 36. 4 июня; № 46. 13 июля); об отношении к образованию и материальном положении учащейся молодежи (1908. № 18. 16 марта; № 37. 8 июня; № 38. 11 июня; № 50. 30 июля); о воспитании подрастающего поколения и государственном (а не общественном) характере русской начальной школы (1909. № 26. 15 апреля; № 28. 22 апреля). Отдельной темой стали сообщения от Томского общества помощи заключенным и их детям «Патронат», деятельным организатором которого был Е.М. Баранцевич (1910. № 50. 11 июля; № 51. 14 июля; № 86. 21 ноября и т.д.; публикации продолжались до конца 1912 г.).

Широкое освещение получил вопрос о трезвенном движении и борьбе с алкоголизмом⁶⁶. Обсуждалась инициатива депутата

⁶⁶ Потребление спиртного в Томской губернии, по данным акцизного управления, в 1908 г. составляло 2 523 807 ведер (по расчету на 40°) на сумму 22 958 491 руб.

III Думы М.Д. Челышева (входившего в состав фракции «Союз 17 октября») о запрещении продажи спиртных напитков помимо казенных винных лавок (1908. № 13. 27 января), публиковались сообщения в поддержку этой инициативы (1908. № 13. 27 февраля; № 15. 5 марта), приговоры местных обществ о запрещении тайной продажи вина (1908. № 5. 20 января; № 13. 27 февраля). Ряд статей и заметок рассказывали о способах пропаганды трезвого образа жизни среди населения (1908. № 41. 22 июня; № 45. 9 июля; № 55. 20 августа; № 85. 17 декабря), о создании народных обществ трезвости (1908. № 46. 13 июля), о проведении первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством (1909. № 53. 22 июля). Этой проблеме была полностью посвящена неофициальная часть № 39 от 15 июня 1908 г., вышедшая как приложение к газете. В статьях «Пьяный бюджет», «Алкоголизм в среде духовенства», «Алкоголизм в средней школе» и других рисовалась безотрадная картина всепронизывающего характера этого порока, который, в том числе, рассматривался в качестве одной из причин, стимулирующих деятельность «борцов за свободу» (1908. № 42. 25 июня; № 50. 30 июля).

Таким образом, направление неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1908–1910 гг., избранное ее редактором вице-губернатором В.Э. Мейером, можно обозначить как «нравоучительное», в задачи которого входило «нравственное влияние» на читающее и слушающее население.

С октября 1911 г. неофициальная часть утратила свое самостоятельное значение и стала лишь структурным элементом газетного номера, по необходимости соответствия законодательно утвержденной программе. Актуальность противостояния антиправительственным силам снижалась год от года, число публикаций сокра-

58 коп. При населении в 2 753 326 человек на 1 душу приходилось 0,92 ведра (11,3 л), что ставило Томскую губернию по «питейной статистике» на пятое место после Иркутской (1,58 ведра), Черноморской (1,34 ведра), Екатеринославской (0,98 ведра) и Енисейской (0,98 ведра) губерний (Вс. С-ъ. Сколько, когда и как пьет Томская губерния // Томские губернские ведомости. 1909. № 82. С. 3).

шалось, а их содержание вновь все более приближало неофициальную часть к справочно-информационному уровню. Ее площадь, по расхожему выражению, сокращалась, как шагреневая кожа, в 1908 г. неофициальная часть по отношению к официальной составляла 31,8%, в 1909 – 24,5, в 1910 – 14,2, в 1911 – 15,4, в 1912 – 16%, а в среднем 6,5%. Покушение на П.А. Столыпина (1911. № 63. 4 сентября; № 64. 7 сентября; № 69. 25 сентября) и 300-летие дома Романовых (1912. № 90. 2 декабря; 1913. № 13. 17 февраля) были последними внутривластными событиями, освещенными на страницах неофициальной части. С № 37 от 22 мая 1916 г. «Томские губернские ведомости» вернулись к своей прежней дореволюционной периодичности – газета стала выходить один раз в неделю, по воскресеньям. Ни события Первой мировой войны, ни февральские дни в Петрограде никак не были отражены с правительственных позиций в местной официальной газете. Тираж «Томских губернских ведомостей» в 1913 г. составлял 840 экземпляров⁶⁷.

Февральская революция привела к смене власти в Томской губернии – томская городская дума образовала Временный комитет общественного порядка и безопасности, во главе которого встал адвокат Б.М. Ган⁶⁸. В Комиссариат по управлению Томской губернией вошли неперменный член томского губернского управления А.А. Барок, помощник заведующего переселения М.А. Воскобой-

⁶⁷ Кадетская «Сибирская жизнь» печаталась минимальным тиражом 7 300 экземпляров, социал-демократическое «Утро Сибири» – 2 500, октябристский «Томский вестник» – 750, орган томского отдела «Союза русского народа» «Сибирская правда» – 800, «Томские епархиальные ведомости» – 960 экземпляров (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735. Л. 350–352).

⁶⁸ Назначенный комиссаром Временного правительства в Томской и Енисейской губерниях Е.Л. Зубашев (в 1896–1907 гг. директор Томского технологического института, с 1906 г. – председатель Сибирского товарищества печатного дела) в мае 1917 г. на заседании Томского губернского народного собрания сложил с себя эти полномочия (*Петров К.В., Некрылов С.А.* Зубашев Ефим Лукьянович // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 127).

ников и присяжный поверенный П.В. Вологодский. Томский губернатор В.Н. Дудинский был арестован⁶⁹. Как лицо, «заподозренное в сношениях с германским правительством», аресту подвергся и советник губернского управления почетный мировой судья В.Э. Мейер, редактировавший неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» в 1907–1913 гг. (освобожден 22 апреля по причине отсутствия состава преступления)⁷⁰. С 20 апреля 1917 г. началась работа Томского губернского народного собрания – первого в России революционного органа власти, созданного на основе местных выборов. Во главе губернского Исполнительного Комитета собрания встал все тот же Б.М. Ган, чьи полномочия были подтверждены Временным правительством путем назначения его с 18 мая на должность томского губернского комиссара⁷¹.

Печатным органом новой революционной власти первоначально стали «Известия Томского временного комитета общественного порядка и безопасности», выходившие 3 раза в неделю и представлявшие собой листки с текстом в одну колонку. Они печатались в томской губернской типографии наряду с постановлениями Комитета и содержали в себе сообщения о его действиях. «Известия» распространялись бесплатно с призывом по прочтении передавать их друг другу⁷².

5 марта 1917 г. вышел последний номер (№ 10) «Томских губернских ведомостей», с № 11 от 12 марта газета сменила заголовок и стала выходить как «Известия Томской губернии» (до № 30 от 16 июля 1917 г.). Структура и содержание остались прежними, только на первой странице печатались воззвания от Временного правительства и от Комиссариата по управлению Томской губернии, распоряжения этих же органов открывали официальную

⁶⁹ ГАТО. Р. 166. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Д. 11. Л. 39.

⁷⁰ Там же. Д. 5. Л. 24; Р. 549. Оп. 1. Д. 16. Л. 10, 26.

⁷¹ Там же. Р. 1138. Оп. 1. Д. 18. Л. 2; Р. 549. Оп. 1. Д. 12. Л. 33.

⁷² В делах Государственного архива Томской области сохранились № 2, 3, 5 от 13, 15 и 19 марта 1917 г. (ГАТО. Р. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 104, 110; Д. 4. Л. 83).

часть. Несмотря на революцию, документы и вещи продолжали пропадать (и, видимо, даже чаще), наследники вызывались к установлению прав на имущество, военнообязанные объявлялись в розыск, чиновники переводились с должности на должность, ломбард продавал просроченные залого. Эта и подобная информация, совсем не отвечавшая революционному моменту, продолжала занимать печатные площади в условиях возраставшего дефицита бумаги.

С 25 марта 1917 г. Временный Комитет общественного порядка и безопасности приступил к изданию своей собственной полноценной газеты – ежедневных известий в четыре страницы под названием «Голос свободы». После выборов газета стала органом Томского губернского народного собрания и должна была рассылаться по тем же адресам, по которым ранее рассылались «Томские губернские ведомости»⁷³. В рекламном объявлении о подписке говорилось, что в «Голосе свободы» помещаются «статьи, отчеты, обзоры, хроника губернской жизни, телеграммы и политические фельетоны о революционном перевороте, новой власти, Учредительном Собрании и др.». С отменой цензуры сама необходимость в «программе издания» отпала, писать стало возможным обо всем (особенно показательной в этом отношении была концовка этого предложения – «и др.», немислимая в дореволюционный период).

Редактором «Голоса свободы» стал секретарь Комитета Модест Бонифатьевич Шатилов⁷⁴. Он также вошел в информационное бю-

⁷³ ГАТО. Р. 549. Оп. 1. Д. 24. Л. 8. Подписная цена на «Голос свободы» устанавливалась 1 руб. 10 коп. за 1 месяц, 3 руб. 20 коп. за 3 месяца, 6 руб. за 6 месяцев и 11 руб. за 12 месяцев. В нарастающем хаосе нужно было быть большим оптимистом, чтобы объявлять о годовой подписке. Редактор «Вестника Томской губернии», издаваемого в 1919 г. в период существования правительства А.В. Колчака, уже не был так уверен в стоимости типографских работ и бумаги, а также в прочности политического режима, определяя плату за получение газеты лишь на месяц (ГАТО. Р. 1362. Оп. 1. Д. 374. Л. 49).

⁷⁴ М.Б. Шатилов (1882–1933 ?) родился в с. Смоленское Бийского округа Томской губернии, учился в Томском духовном училище, затем в Томской духовной се-

ро (вместе с В.Е. Волжанином, В.К. Гоштовтом и И.П. Кожиковым), целью которого было оповещение граждан о постановлениях Комитета, подготовка и рассылка его сообщений в газеты губернии. Во время участия М.Б. Шатилова в съезде союза городов, проходившем в г. Камень, обязанности редактора исполняли члены Томского губернского исполкома В.М. Бархатов⁷⁵ (№ 73 от

минарии. В 1904 г. поступил на юридический факультет Томского университета, который окончил в 1909 г. Служил помощником крестьянского начальника в Змеиногорском, Бийском и Барнаульском уездах Томской губернии, затем при-
сжным поверенным. В 1914–1916 гг. – редактор-издатель ежемесячного литературного и общественно-политического журнала «Сибирский студент», в 1915 г. – издатель газеты «Сибирская мысль». После Февральской революции вступил в партию эсеров, вошел в состав Томского временного комитета общественного порядка и безопасности, затем в Томский губернский исполнительный комитет (избранный 18 мая Томским губернским народным собранием) в качестве товарища председателя исполкома Б.М. Гана. В ноябре 1917 г. от коренного населения Горного Алтая Шатилов был избран членом Всероссийского Учредительного собрания. В декабре 1917 г. на Чрезвычайном Сибирском областном съезде вошел в состав Временного Сибирского областного совета, 26 января 1918 г. вместе с другими депутатами арестован по постановлению Исполкома Совета рабочих и красноармейских депутатов. Находился в заключении до 3 февраля 1918 г. После падения советской власти 30 июня 1918 г. был назначен министром туземных дел во Временном Сибирском правительстве. 21 сентября 1918 г. подписал прошение об отставке. После восстановления советской власти отошел от политической деятельности, в 1920–1922 г. работал в Томском университете на кафедре «Туземное право и быт». В 1921 г. поступил на историческое отделение историко-филологического факультета. В 1922–1933 гг. Шатилов – директор открытого в Томске краевого музея, организатор и участник этнографических экспедиций. В 1933 г. обвинен в контрреволюционной деятельности и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. В 1959 г. посмертно реабилитирован. С 2011 г. имя М.Б. Шатилова присвоено Томскому областному краеведческому музею (ГАТО. Р. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 22, 45, 45 об.; Р. 815. Оп. 5. Д. 604; Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 49; *Памятная книжка Томской губернии* на 1915 г. Томск, 1915. С. 109, 152; *Периодическая печать Сибири* (вторая половина XIX века – февраль 1917 г.): Указатель газет и журналов / сост. Е.Н. Косых, И.Г. Мосина. Томск, 2001. С. 31, 33; *Бондаренко А.А., Нам И.В.* Шатилов Михаил Бонифатьевич // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города / под ред. Н.М. Дмитриенко. Томск, 2004. С. 416).

⁷⁵ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 49.

28 июня; № 75 от 1 июля и № 123 от 29 августа) и В.П. Денисов (№ 74 от 29 июня)⁷⁶.

Нагрузка на губернскую типографию возросла многократно – приходилось печатать не только «Известия Томской губернии» и «Голос свободы», но и обращения к гражданам Томской губернии, бланки и формы для новых властных учреждений, избирательные бюллетени политических партий (для выборов в народное собрание), газету местного крестьянского отделения социалистов-революционеров «Крестьянский союз» и газету Совета офицерских депутатов томского гарнизона «Гражданин офицер». Работали в ночную смену, не хватало наборщиков, за помощью в тиражировании постановлений Томского губернского народного собрания приходилось обращаться к Товариществу сибирского печатного дела⁷⁷. Типографские материалы и топливо «отпускались» из частных магазинов. Для получения бумаги и типографской краски отправлялись запросы в Петроградский бумажный комитет (с оплатой «живыми деньгами»). В июне было принято решение о расширении сметы на издание газеты, закупке для нее новых шрифтов и стереотипного оборудования⁷⁸. 24 мая 1917 г. Исполнительный Комитет Томского народного собрания предложил губернскому управлению принять «экстренные меры» к освобождению помещения (две комнаты), занимаемого редакционной конторой бывших «Томских губернских ведомостей», для редакции «Голоса свободы»⁷⁹.

Главным органом местной официальной газеты был «Вестник Временного правительства», ежедневная газета, сменившая «Правительственный вестник». В ней публиковались обращения Временного правительства, отчеты о его заседаниях, законы и законопроекты, распоряжения, дипломатические ноты, информация с

⁷⁶ ГАТО. Р. 549. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Р. 1138. Оп. 1. Д. 13. Л. 21; Д. 14. Л. 49.

⁷⁷ Там же. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 20, 39, 47, 51, 83; Д. 18. Л. 7, 62, 65, 86, 96.

⁷⁸ Там же. Д. 14. Л. 20, 39, 47, 51, 83; Д. 18. Л. 7, 62, 65, 86, 96; Р. 166. Оп. 1. Д. 11. Л. 188, 240, 253, 311; *Голос свободы*. Томск, 1917. № 57. С. 2.

⁷⁹ ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

фронтов. 1 июля 1917 г. товарищем министра внутренних дел Д.М. Щепкиным губернским комиссарам был отправлен запрос о положении, занимаемом губернскими ведомостями в качестве местного официального органа, и о возможных предположениях относительно их преобразования. Министерство констатировало, что и в настоящее время Временное правительство еще более, чем до революции, «нуждается в современном обнародовании правительственных мероприятий», а характер губернских ведомостей изменился настолько, что «является сомнение, удовлетворяет ли этот официальный орган тем требованиям, которые к нему предъявляет закон о порядке обнародования правительственных распоряжений». На это Б.М. Ган ответил, что содержание отдельного печатного органа губернского комиссариата совершенно неинтересно для населения, а изменение его при бедности провинции газетными работниками невозможно. Томский губернский комиссар считал необходимым прекратить издание «Известий Томской губернии» и вместо них издавать земскую «беспартийную» газету, в которой бы и публиковалась вся исходящая от центральной и местной власти информация с популярным объяснением цели распоряжения и возможных последствий его точного исполнения, а казенные и частные объявления размещались бы на последней странице. Такой газетой должен был стать «Голос свободы». Штат служащих газетного стола упразднился, и все средства, поступавшие от объявлений, как и долги губернского управления и других лиц и учреждений, передавались в ведение новой редакции. Н.Г. Гусельников, проработавший в должности редактора «Томских губернских ведомостей» и начальника газетного стола более 30 лет, был отправлен в отставку, управляющим типографией стал М.Я. Тернер⁸⁰.

В № 30 «Известий Томской губернии» от 16 июля 1917 г. сообщалось об упразднении газеты как отдельного издания (не отве-

⁸⁰ ГАТО. Р. 166. Оп. 1. Д. 11. Л. 165–166 об.; Д. 57. Л. 10 об.; Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 93, 95–96.

чающего «потребностям и духу времени»), и объединении ее с «Голосом свободы» как общественно-политической народной газетой, в которой содержание прежних «Известий» было вынесено в официальный отдел на последнюю страницу. С 1 августа 1917 г. под № 100 (1) газета стала выходить ежедневно как «Голос свободы (Известия Томской губернии)», с 8 августа – с двойной нумерацией: № 106 – «Голос свободы» и № 31 – «Известия Томской губернии» (с № 179 (104) от 12 ноября 1917 г. газета издавалась нерегулярно).

В качестве источников заимствования статей и передовых выступали столичные эсеровские («Земля и воля», «Воля народа», «Труд»), меньшевистские («Новая жизнь», «Рабочая газета») и большевистские газеты («Социал-демократ», «Вперед»), а также «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» и «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов». Из местных газет есть ссылки на меньшевистскую газету «Единение» (Иркутск), эсеровский «Наш голос» (Красноярск), «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов», социал-демократический «Голос Сибири» (Новониколаевск) и «Знамя революции» – орган Томского Совета рабочих и солдатский депутатов⁸¹. О томской и общесибирской проблематике писали солдат Дм. Гр. Деев, солдат Петр Гладышев, А. Иванов, С. Кириллов, Л. Зятяжнов, Ф. Шевцов, З.Н. Анин, А. Сатонин, Н. Боровников, И. Ховес, П. Бельков, М. Торопов, А. Ефимов, Н. Леонов, А. Разанов, Е. Антонов, П. Маслов, Д. Федоров, Г. Гуркин, Ив. Копаев, П. Лашенков, В. Нагнибеда, Н. Рожков, П. Воеводин, Ив. Евсенин, К. Васьков, П. Коваленко, Ф. Бондарчук.

В первые месяцы издания «Голоса свободы» Февральская революция осмысливалось как рубежное, эпохальное событие в русской истории, навсегда отделившее ее темное прошлое от светлого

⁸¹ О политической направленности газет Сибири см.: *Косых Е.Н.* Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 г.). Указатель газет и журналов. Изд-е доп. и испр. Томск, 2009.

будущего: «свободная жизнь» (№ 4. 30 марта), «день рождения русской свободы» (№ 27. 2 мая), «солнце свободы» (№ 45. 26 мая. перепечатка из «Земли и воли»), «свободное общество» (№ 48. 29 мая), «новые формы жизни» (№ 51. 2 июня), «благотворный воздух свободы» (№ 54. 6 июня) и т.д. Перед новой властью вставали такие задачи, как «политическое просвещение народа» (№ 49. 31 мая), преобразование армии на демократических началах (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Рабочей газеты»), «уничтожение обломков старого строя и очагов черносотенства» (№ 46. 27 мая), «перераспределение производительных сил» (№ 46. 27 мая; перепечатка из «Единения»), «спасение страны от экономической катастрофы» (№ 49. 31 мая). При этом постоянно подчеркивалось, что Временное правительство должно действовать под неослабным давлением со стороны революционных масс, социалистических партий и Советов.

«Живому», «новому» уступало место «старое», «отжившее» – монархический режим, как и историческое прошлое России, описывались исключительно в негативных дискредитирующих выражениях (преимущественно эмоциональных, обобщенных, не подкрепленных логико-фактической аргументацией): «...ничтожные фигуры вроде Алексея Михайловича, или просто деспоты, как Николай I, крестьян не интересуют...», «монархизм крестьянства подрывался в самом корне на местах грабительской политикой администрации и дворянства» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Воли народа»); «Уже к 18 годам он [Александр II] истощил себя пьянством, развратом и бессонными ночами, проводимыми в кутежах и картежной игре. Впоследствии он проиграл в карты американцам Аляску...» (№ 66. 20 июня); «...верные рабы Николая II гноили десятки тысяч лучших людей в ссылке, тюрьмах и на каторге...» (№ 47. 28 мая); «...Россия была лишь жирным пирогом, кормившим бесчисленную свору царской фамилии, чиновников и дворян» (№ 48. 29 мая); «При царском правительстве солдат представлял из себя беспрекословного забитого раба, которым распоряжались по своему усмотрению и по произволу...» (№ 53. 4 июня);

«Одним из устоев царской власти была висельница и ее спутник – палач» (№ 61. 14 июня). Недавние участники политической жизни страны – «правые», «октябристы», «прогрессисты» – определялись как «палеоантропологические породы», «помпейские остатки» (№ 49. 31 мая); гласные дореволюционной томской городской думы как «старые безответственные заправила города», «бывшие все-сильные» (№ 52. 3 июня). Люстрации после опубликования членских списков были подвергнуты участники «Союза русского народа» (№ 145. 28 сентября; № 146. 29 сентября).

Если на первых порах продовольственный кризис и неудачи на фронте можно было объяснять «предательской политикой» царских министров и непригодностью Николая II к управлению страной, то в дальнейшем о самодержавии как теме для критики практически забыли и основной мишенью стала буржуазия: «...наша буржуазия не в состоянии преодолеть свою классовую ограниченность» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Рабочей газеты»); «Если капиталисты не идут ей [революции] навстречу добровольно, она должна наложить на них свою руку» (№ 49. 31 мая); «Народ голодает <...> а между тем буржуазия расточает народное богатство и производственные силы страны для удовлетворения всяких своих причуд и прихотей» (№ 51. 2 июня); «Буржуазия дезорганизовывает производство и усиливает разруху, и без того дошедшую до крайности» (№ 76. 2 июля) и т.д.

Как всегда доставалось кадетам – сторонникам капиталистических порядков и продолжения войны до победного конца, которых революция «отбросила на то место, где находилась черная сотня» (№ 28. 3 мая). Милюков рассматривался как «главный идейный вождь захватного русского империализма» и изображался исключительно как отрицательная фигура (№ 49. 31 мая; перепечатка из «Земли и воли»; № 53. 4 июня и др.). Печатным органам, поддерживавшим «народную свободу» («Русские ведомости», «Речь»), отказывалось в возможности объективного взгляда на происходящие политические события. «Кадетствующая» «контрреволюци-

онная» «Сибирская жизнь» критиковалась не только за вылитые «ушаты грязи на революционный народ» и «поток обывательской желчи, ненависти и брюзжания», но и по вполне прозаической причине – нежелании Сибирского общества печатного дела безвозмездно поделиться бумагой с социалистическими газетами (№ 51. 2 июня). 8 июля 1917 г. «Сибирской жизни» со стороны новой власти был объявлен бойкот (№ 90. 20 июля).

О войне «Голос свободы» писал как об империалистической и грабительской, в духе Циммервальдского объединения участников II Интернационала (№ 46. 27 мая; перепечатка из «Земли и воли»; № 49. 31 мая; перепечатка из «Новой жизни»; № 157. 12 октября). Вслед за эсеровскими и меньшевистскими газетами отрицались аннексии и контрибуции, но доказывалась необходимость «оборончества»: «русская свобода находится под угрозой иноземного штыка» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Земли и воли»); «Нам не нужен мир [сепаратный], который придавит Россию и сделает ее неспособной к развитию и процветанию» (№ 48. 29 мая; перепечатка из «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»).

Если проследить эволюцию отношения «Голоса свободы» к Временному правительству, то от его безусловной поддержки как легитимного органа власти в марте – апреле 1917 г. оно к концу июня изменилось до критического. В передовой «Томск, 28 июня» прямо утверждалось: «Временное правительство, состоящее в большинстве своем из представителей капиталистической и помещичьей буржуазии, не в силах решительно и твердо проводить в жизнь требования трудового народа во всем их объеме» (№ 73. 28 июня). Министры-социалисты определялись как «адвокаты хозяйских интересов» – «зовут себя все они социалистами, но не защищают социализм, не представляют интересы рабочих, а являются к нам ходатаями за “бедных” промышленников» (№ 74. 29 июня). Фигура А.Ф. Керенского как «представителя демократии», «министра-революционера» (№ 45. 26 мая; перепечатка из «Земли

и воли»; № 57. 9 июня; перепечатка из «Новой жизни») после корниловского мятежа хотя и не подвергалась прямой критике, перестала появляться в передовых и проблемных статьях (о председателе Временного правительства упоминалось лишь в официальных сообщениях).

С конца мая «Голос свободы» стал акцентировать тревожные настроения по поводу будущего России и Сибири, на читателя повеяло безысходностью ситуации (что контрастировало с уверенным тоном большевистской печати, предлагавшей конкретные и радикальные меры). Например, в передовой «Томск, 30 мая» отказ союзников от заключения мира без аннексий и контрибуций рассматривался как «угроза бесконечной войны, которая убьет нашу родину, погубит добытые нами свободы... Неужели нет выхода у нас? Неужели мы бессильны?» (№ 48. 29 мая).

В статье «Почему нет хлеба, одежды и обуви» (№ 52. 3 июня) в качестве основной причины такой ситуации, естественно, называлась война, но не предлагалось каких-либо действий к исправлению ситуации, а в завершении делался вывод, который никак не мог вызвать оптимизма у читателя: «...от недели к неделе, от месяца к месяцу будет все меньше и меньше этих предметов». Пожалуй, только в статье «С фронта (из писем сибиряка)» (№ 51. 2 июня) сибирского писателя, уроженца Томской губернии Г.Д. Гребенщикова был взят успокоительный тон, автор, приводя факты из собственного опыта, пытался опровергнуть «все крики о развале армии, о безобразиях на железных дорогах, об анархии» как сплетни и клевету на русскую демократию со стороны буржуазной печати, в том числе и местной («Сибирская жизнь», «Иркутская жизнь» и др.).

В отчете о первом месяце работы Томского городского народного собрания говорилось, что оно «вполне справится со всеми возложенными на него обязательствами, оно выяснит финансово-денежную сторону в городской отчетности и сумеет вывести город из состояния хронической дефицитности, оно не забудет трудя-

щиеся массы и интересы последних положит в основу своей деятельности» (№ 52. 3 июня). Но такой уверенности не было у жителей Томска. Слова официальной власти о том, что «приняты все меры к обеспечению города самыми необходимыми продуктами питания и топлива», по негласному закону всех революций как раз и означали, что продовольственный и топливный кризис будут только усиливаться.

Статья «В хвостах», написанная на основе впечатлений от городских очередей за продуктами, должна была вызывать у читателя размышления о необходимости успокоиться и терпеть, но на деле лишь печатно воспроизводила озлобленность и ожесточение, которые нарастали против новой власти с каждым днем: «Мясной хвост. Настроение кровожадное. Холодно и скучно ожидать. В ход пускаются языки, редкий молчит. Слышно: “Ну и времячко... порядки... все забрали... все съели... все за себя... грабители... а ведь все было... куда девалось..., знамо дело... Все – Ган... доберутся <...> в воздухе висит лишь крепкая брань, свидетельствующая о том, что люди часто взвинчивают сами себя, не отдавая себе отчета ни в том, что говорят, ни в том, что творят. А пора бы немного поразмыслить» (№ 160. 15 октября). Не внушали уверенности в завтрашнем дне и статьи «Паралич власти» (№ 53. 4 июня) и «У грани» (№ 157. 12 октября). В последней европейская часть России рассматривалась как территория «своя», оказавшаяся в тяжелой ситуации, но одновременно и как «чужая», откуда исходила опасность для Сибири: «Страна – у грани бедствий. Развал хозяйственный, финансовое банкротство, крах транспорта – все это теперь уже не пустые страхи. Черный призрак голода, беспорядка и анархии надвигается к нам с Запада, из-за Урала вместе с тысячами семей беженцев... измученных солдат и т.д.».

Местные события орган Томского губернского народного собрания освещал достаточно полно, и по газете можно составить их подробную хронику. Публиковались стенограммы заседаний Томского губернского народного собрания (по вопросу о формах зем-

лепользования, состоянии народного образования, о железных дорогах и т.д.), сообщалось об организации и деятельности народных собраний в селах и городах губернии, о деятельности Томского Совета рабочих и солдатских депутатов, работе Сибирского областного съезда, подготовке и выборах в Учредительное собрание. Необходимо отметить, что в животрепещущем для всей страны и для сибирских крестьян вопросе о земле «Голос свободы», как и Исполнительный Комитет Томского губернского народного собрания, следовали за официальной позицией Временного правительства, запрещавшего самовольные захваты земель до созыва Учредительного собрания. При этом газетные публикации описывали главным образом ситуацию в европейской части страны, хотя для Сибири был актуальным вопрос не о частновладельческих, а о кабинетских землях, а также вопрос о дальнейшем продолжении переселенческой политики.

В рубриках «Хроника», «По Сибири», «По революционной Сибири» содержались мелкие сообщения, представлявшие важнейший интерес для повседневной жизни рабочих, служащих, крестьян и других слоев населения: о борьбе со спекуляцией и самогонованием, о размерах максимальной наценки на товары, о распределении топлива, о сборах и платежах, об организации профессиональных союзов и потребительских кооперативов, о закрытии «домов терпимости» и трудоустройстве их служительниц, об открытии историко-филологического и физико-математического факультетов Томского университета и т.д.

Обстановка в городе вынуждала принимать исключительные меры. Народная милиция, пришедшая на смену упраздненной полиции, находилась еще в стадии формирования. Освобождение заключенных, зачисленных в Томский гарнизон, привело к резкому росту преступности. Первоначально амнистированные пообещали Исполнительному Комитету Совета солдатских депутатов, что они будут сами бороться с людьми из «своей среды», совершавшими преступления, будут «идти рука об руку с Сове-

том солдатских депутатов в борьбе со всякими темными силами, угрожающими свободе русского народа, которого мы являемся несчастными детьми» (№ 51. 2 июня). Однако такой «успокоительный ответ», несмотря на цветистый слог, не давал томичам гарантии безопасности. В ночь со 2 на 3 июня в городе было введено военное положение – проведены аресты и облавы (задержано около 2 300 человек, при этом с обеих сторон были убитые и раненные), после 22 ч введен комендантский час, запрещались собрания, спектакли и другие публичные мероприятия (№ 53. 4 июня). Вечером 7 июня режим военного положения был отменен, в томские тюрьмы вновь возвратилось до 1 тыс. человек, необоснованно задержанными оказались около 500 гражданских лиц (№ 56. 8 июня).

Как и другие провинциальные газеты периода революции, «Голос свободы» был сопричастен вопросам мирового масштаба, не связанным с текущей политической и экономической жизнью Сибири. Так, 27 мая 1917 г. в редакцию газеты поступила просьба о напечатании протеста против вынесения австрийскому социалисту Ф. Адлеру смертного приговора: «Томский губернский исполнительный комитет протестует с глубоким негодованием против акта смертной казни, позорящего все человечество и отвергнутого Российским Временным Правительством»⁸². Несмотря на призывы Комитета к спокойствию «Голос свободы» № 47 от 28 мая вышел со строкой на развороте: «Граждане, на улицу! Протестуйте против смертного приговора Фридриху Адлеру!»⁸³. Дело «застрель-

⁸² ГАТО. Р. 1138. Оп. 1. Д. 14. Л. 48.

⁸³ Лозунги, напечатанные крупным шрифтом и выносимые в разворот «Голоса свободы», публиковались регулярно и соответствовали значению текущего политического момента: «Да здравствует демократическая республика!» (№ 4. 30 марта); «Боритесь против политики завоеваний!» (№ 27. 2 мая); «Привет несущим мир трудящимся всего мира!» (№ 63. 16 июня); «Привет городскому народному собранию!» (№ 32. 7 мая); «Поддержка займа будет укреплением наших финансов!» (№ 80. 7 июля); «Да здравствует единение революционной демократии!» (№ 86. 14 июля); «Долой буржуазную контрреволюцию, долой травлю социали-

щика в борьбе за братство народов» (Ф. Адлер в 1916 г. застрелил министра-президента Австро-Венгрии Карла фон Штюргка) должно было стать поводом для организации в Томске митинга и шествия к площади Свободы (бывшая Новособорная). В № 48 от 29 мая помещалась «Сказка о воде» американского социалиста-утописта Э. Беллами, в которой в образно-наивной форме рассказывалось о «хитрых капиталистах», которые до появления «агитаторов» наполняли резервуар водой, покупая у слабого разумом народа ведро воды за одну монету, а продавая за две (отсюда выводились понятия «рынок», «прибавочная стоимость», «кризис перепроизводства» и, наконец, «социализм»).

Отвлеченными не только от современной, но и будущей социальной действительности были рассуждения о задачах грядущих революционных преобразований, мыслимые как грандиозные и потому кажущиеся неосуществимыми не только читателю, но даже и их пропагандистам. Например, в передовой «Томск, 31 мая» писалось следующее: «Ведь перед нами территория, охватывающая шестую часть суши, полтораста миллионов, сотни племен. И этот многоплеменный народ, почти вчера еще живший “в вечном мраке”, подобно мифическим киммерийцам Гомера, сегодня призван к государственному строительству в формах и пределах, которых не знает ни одна передовая демократия Запада» (№ 49. 31 мая). Или, например, в статье о перевоспитании

стов!» (№ 86. 14 июля); «К спокойствию, граждане! Объединяйте силы против грозящей стране опасности!» (№ 84. 12 июля); «Граждане! Жертвуйте ненужное Вам железо для ремонта сельскохозяйственных машин!» (№ 90. 20 июля); «Все, кто за волю, за землю, за вольный труд, кто хочет новую жизнь строить сам, для того пришло время работы и решительной работы. Все за работу по организации выборов в Учредительное Собрание!» (№ 97. 28 июля); «Да здравствует великая российская республика!» (№ 128. 5 сентября); «Граждане! Если вы не хотите гибели свободы и родины, боритесь против предателей и провокаторов, против слепых обывателей, зовущих к беспорядкам» (№ 168. 25 октября); «Спасение страны и революции – в мудром спокойствии, стойкости и выдержанности!» (№ 170. 27 октября).

заклученных говорилось, что общество должно «приложить все усилия к тому, чтобы вырвать с корнем весь яд порока из их душ и насадить на место порока благотворное семя просвещения и благовоспитанности... Тюрьма должна быть не складочным местом отбросов общества, а горном, в котором преступники, под благотворным действием теплого отношения к ним человечества, должны расплавляться и выливаться в формы добропорядочных людей» (№ 54. 6 июня).

Будущее обновление России мыслилось скорее в категориях веры, чем рациональных возможностей, при этом очевидно было, что полный разрыв с прошлым невозможен, основные недостатки русского общества никуда не делись, а благополучно перешагнули из февраля в «дни свободы»: «Беспорядок и хаос, царившие при старом режиме, продолжаютс я и поныне» (№ 52. 3 июня); «Старая власть сдана в архив, а старые порядки по-прежнему процветают» (№ 54. 6 июня; перепечатка из «Голоса Сибири»); «...прошло некоторое время и опять началось беспробудное пьянство. Со всех концов Сибири идут тревожные известия о развитии самогонного производства» (№ 60. 13 июня); «Низкий культурный уровень массы – тяжкое наследие прошлого...» (№ 157. 12 октября; перепечатка из «Новой жизни»).

События октября 1917 г. в «Голосе свободы» освещались негативно – как большевистский переворот, узурпация власти наиболее радикальной социалистической партией под прикрытием Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Если в марте – мае деятельность социал-демократов во главе с В.И. Лениным оценивалась положительно (перепечатки из большевистского «Социал-демократа»), то в конце сентября – начале октября возможность свержения демократического Временного правительства стала оцениваться как авантюра, создающая угрозу контрреволюции и препятствующая передаче власти Учредительному Собранию. Декреты «рабоче-крестьянского правительства» (которое на именовалось всегда в кавычках) подвергались резкой критике.

«Государственная разруха и безвременье» (№ 184. 30 ноября) уже не могли быть преодолены в масштабах всей страны и с помощью центрального правительства, публикуемые решения Сибирского областного съезда явственно указывали на отделение Сибири от России путем создания собственных органов управления. Неясность ситуации в столице приводила к тому, что в газете до 4 ноября помещались распоряжения уже свергнутого Временного правительства и речи А.Ф. Керенского, в которых В.И. Ленин рассматривался как государственный преступник. «Конец 1917 года и начало 1918 года встречается в атмосфере острой борьбы между Учредительным Собранием и Советом народных комиссаров – между плодом февральской революции и порождением октябрьской революции. Этим рельефно (выпукло) намечаются два пути – “путь жизни и путь смерти”», – такие неутешительные итоги для будущего страны подводились в последнем номере «Голоса свободы» от 31 декабря 1917 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Годовые комплекты «Томских губернских ведомостей» представляют собой своеобразный гипертекст, содержащий в себе историю региона и историю самого издания. В системе периодической печати ведомости занимали место в ряду как правительственных, так и провинциальных газет. Неофициальная часть несла в себе типичный для губернских ведомостей контент, следуя в информировании и оценке событий за центральными официальными и официальными изданиями, она освещала события местной жизни, исторические, этнографические, экономические и иные локальные сюжеты. Созданные, как и другие ведомости Европейской России и Сибири, по инициативе верховной власти как регионально-циркулярное издание, «Томские губернские ведомости» в своей неофициальной части были поддержаны местными интеллектуальными силами, также испытывавшими потребность в «своей» газете. Так, предпринятые государством меры к усилению централизации в управлении посредством создания общеимперской сети официальных газет способствовали преодолению централизма и актуализации местной проблематики в российской периодической печати.

На страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» были осуществлены первые реконструкции историко-культурного пространства региона его жителями, попытки самоидентификации провинции (формулирования местных нужд и интересов), опыты печатной фиксации своего прошлого и настоящего. Такая самопрезентация, конечно, носила ограниченный и избирательный характер (в зависимости от доступных источников, выходящих из общего ряда повседневности событий, личных впечатлений и убеждений автора), однако же способствовала формированию представлений о Сибири, создавала некий коллективный образ современного и прошлого «сибиряка» – русского, инородца,

крестьянина, горожанина, землепроходца, казака, ссыльнопоселенца.

В отличие от частных провинциальных газет (которых были единицы), официальная газета рассылалась по всем сибирским и российским губерниям, что делало возможным рассказать о своем крае, городе, о пережитом или разысканном в архиве, да и заявить о собственном существовании и владении литературным словом не только на местном уровне, но и в масштабах всей страны (в России традиционно был высок авторитет пишущего и печатающегося в газетах и журналах человека). Сибирь оставалась *terra incognita* не только за ее пределами, но и для живущих в ней. Эта нераспаханная в исследовательском смысле целина делала ценным каждое слово, каждое наблюдение, каждый документ об ее истории, природе и населении. Над сибирским автором не довлели ни масштабное общероссийское прошлое (как это было в Киеве, Владимире, Рязани или Архангельске), ни уже сложившаяся исследовательская традиция с авторитетными мнениями и трудами. В научном открытии Сибири, в создании ее текстов, образов и мифологем можно было самому стать таким первооткрывателем и авторитетом (какими в изучении Сибири стали Н.Г. Потанин, Н.М. Ядринцев, Н.А. Костров, В.И. Вербицкий).

Круг читателей «Томских губернских ведомостей» пополнялся за счет читающих (и слушающих) городских и сельских обывателей, до появления «Епархиальных ведомостей» заметно участие в наполнении газеты священнослужителей, но основным «потребителем» был государственный служащий – законопослушный и политически умеренный чиновник (включая учителей и врачей), из этой же среды выходили и авторы – наиболее образованные и социально активные представители своего слоя.

В первые годы издания неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» не просто сообщала определенную информацию, будь то исторические очерки, городские известия, архивные документы или путевые заметки, она стала площадкой для литера-

турного творчества, обмена впечатлениями, мыслями и мнениями, заявлений местной администрации. Общественная позиция газеты отличалась умеренностью формулировок, склонностью к фактографической описательности. Социальные конфликты присутствовали лишь схематично, главным образом по управленческой линии: крестьяне – сельская администрация, население – чиновники, губернатор – чиновники. Деятельность православных миссий в отношении раскольников и инородческого населения показывалась в официальном формальном ключе, с точки зрения благих попечительных мер, приобщения к духовным и материальным благам православной цивилизации.

В таком виде газету застали Н.Г. Потанин и Н.М. Ядринцев, начав усиливать и развивать на ее страницах идею об особом положении Сибири, усиливая критический характер публикаций, высказываясь в категориях идеи прогресса как переноса на территорию восточной окраины форм общественной и экономической жизни Европейской России. Своеобразной идеей-символом, служением которой областники полагали приблизить светлое будущее Сибири, стал сибирский университет (разрабатывались также и такие идеологемы, создающие позитивный образ Сибири, как «сибирский характер», «сибирские богатства», «молодое сибирское поколение»). В необходимости поступательного развития Сибири областники были близки мнению, существовавшему и в правительственных кругах (вопрос об открытии университета был в конечном итоге решен именно правительством), но в своих публикациях они делали акцент именно на местную интеллигенцию как руководящую этим процессом силу и местную печать как независимый общественный институт. В отличие от предшествовавших и последующих публикаций в период работы в неофициальной части газеты областников ни слова не говорилось о «благодетельном начальстве», его начинаниях и деятельности.

При отсутствии частной прессы неофициальная часть официальной газеты должна была сыграть роль информационного канала

для формулирования и пропаганды идей «сибирского патриотизма», стать координатором в объединении сибирской молодежи как в самой Сибири, так и в университетских городах России (Петербург, Москва, Казань). Деятельность Н.Г. Потанина и Н.М. Ядринцева – короткая и яркая страница истории «Томских губернских ведомостей» (конец 1864 – середина 1865 г.), первое серьезное проявление «сибирской идентичности» со стороны местного образованного меньшинства, которое взяло на себя роль руководителя еще не сформированного сибирского общественного мнения по поводу насущных проблем и будущих перспектив развития региона. Газета (как и «тайная организация» по отделению Сибири от России) стала своеобразной интеллектуальной игрушкой в руках молодой сибирской интеллигенции. Внимательными читателями областнических статей оказались не сибиряки, а следователи (по служебному заданию) и исследователи (печати и общественной мысли Сибири).

Деятельность Н.А. Кострова как основного автора неофициальной части в 1866–1881 гг. можно оценивать не только как ответственное и тщательное следование своим должностным обязанностям, но и как реализацию идеи служения сибирскому краю и печатному слову. Неофициальная часть газеты приобрела характер печатного органа томского статистического комитета, публикуя этнографические, исторические и статистические материалы, которые и поныне присутствуют в научном обороте со ссылкой на первоисточник – «Томские губернские ведомости». Стали использовать страницы томской газеты благотворительные, православные, коммерческие и другие томские и общероссийские общественные объединения для публикации своих отчетов, обращений, списков участников.

Если в областнический период неофициальная часть пыталась заглянуть в будущее, то в период работы в ней Кострова газета по большей части была обращена в прошлое. Неофициальная часть стала нейтральной по отношению к местной общественной жизни,

ограничиваясь лишь информационными сообщениями, не прибегая к дискуссии, оценочным суждениям и проблемной передовой как полемическим формам подачи материала. Читатель рассматривался лишь как пассивный слушатель, принимавший (или не принимавший) предоставляемый к его сведению материал. В то же время усилилось значение «Томских губернских ведомостей» как зеркала общероссийских и прежде всего официальных изданий. Посредством телеграмм Русского телеграфного агентства и перепечаток из «Правительственного вестника» первая томская газета стала информировать читателя о некоторых мировых, европейских и общероссийских событиях. Выполняя свою функцию местной правительственной газеты, неофициальная часть от лица властей освещала события, связанные с покушениями на Александра II, приводила реакцию на них местного общества.

В условиях капитализации газетного дела, роста конкуренции со стороны частных изданий, носящих умеренно-либеральный или откровенно «обличительный» оппозиционный характер, местные власти предпринимали шаги к усилению контроля над информационным пространством, обеспечению лояльности «домашних» печатных органов, а также осуществляли меры к обновлению содержания губернской официальной газеты для роста ее влияния и коммерческого успеха, для сообщения читающей публике точки зрения властей на местные события и ответов на критические замечания других изданий. Не были в этом отношении исключением и «Томские губернские ведомости». В 1882–1883 гг. неофициальную часть газеты возглавил Е.В. Корш, получивший эту должность по инициативе томского губернатора В.И. Мерцалова. Выделенная в отдельное издание неофициальная часть приобрела характер большой региональной газеты универсального характера, сочетавшей в себе обширный местный новостной блок с сообщениями о событиях в городе, других городах и селах губернии и Сибири, в России и за рубежом (чередa новостных телеграмм о столичных и заграничных событиях структурно и содержательно

формировала потребность в аналогичной значимой для провинциального читателя местной новостной ленте).

В период редакторства Корша была налажена широкая связь газеты с читателями, выступавшими в роли корреспондентов, возобновлено дискуссионное публицистическое начало, вновь появились статьи и заметки по общесибирской проблематике. При этом материалы, публикуемые в «Томских губернских ведомостях» как официальном местном органе, использовались такими авторитетными частными газетами, как «Восточное обозрение» и «Сибирская жизнь». Если последние звали к борьбе, выносили на свои страницы образы «униженных и оскорбленных», а деятельность местной администрации воспринимали с точки зрения «презумпции виновности», то неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» сосредоточивалась на воспроизведении вереницы текущих фактов повседневности, делала акцент на возможных конструктивных путях сотрудничества, объединения инициатив и усилий местного общества, городской думы и губернских властей. Позиция ядринцевского «Восточного обозрения» привела к закрытию обновленной неофициальной части «Томских губернских ведомостей». На долгие двадцать лет (1884–1904 гг.) она превратилась в справочно-рекламное приложение к официальной части.

Очевидно также, что перспективам развития неофициальной части ведомостей (и не только в Томске) препятствовало сложное материально-техническое положение губернской типографии, сочетавшей исполнение обязательных (часто не оплачиваемых в срок) заказов с коммерческой деятельностью (на доходы от которой претендовали министерство внутренних дел и губернское правление) и испытывавшей конкуренцию с быстро растущим частным полиграфическим сектором.

Кадровый голод, зависимость направления неофициальной части от конкретных сотрудников, переменчивая позиция администрации (позиция томских губернаторов к «своей» газете всегда была благожелательной, но не всегда заинтересованной), цензурные

одергивания из Петербурга делали путь как томских, так и других губернских и областных ведомостей волнистым, как заголовок одного из номеров неофициальной части. Однако рамки первоначально дозволенной программы оказывались пластичными и не становились непреодолимой преградой для деятельности редакторов, авторов и корреспондентов, принимавших на себя таковые обязанности по назначению, служебной необходимости или по личному убеждению и стремившихся сделать неофициальную часть интересной и полезной для читателя. Так, неофициальная часть «Томских губернских ведомостей», в сущности, обязана своей историей трем деятельным, творческим (в современном звучании – креативным) личностям – Д.Л. Кузнецову, Н.А. Кострову и Е.В. Коршу. Помимо этих трех «К», работавших, главным образом, в одиночку, знали ведомости и пример дружного творческого коллектива (правда, всего из двух человек) – общественная и научная биографии Н.Г. Потанина и Н.М. Ядринцева открываются работой в первой томской газете. Необходимо также отметить, что из 14 редакторов неофициальной части «Томских губернских ведомостей», чей образовательный уровень был установлен, 8 имели высшее, 3 – незаконченное высшее, 2 – среднее образование и только один был без такового (см. прил. 1).

Неофициальная часть губернской газеты, задуманная правительством как «довесок» к части официальной (ради которой и появились на свет законоположения 1830 и 1837 гг.), могла не выходить за пределы краеведческого и статистического отдела, а могла и развиваться до уровня общественно-политической газеты. Невозможно было предугадать, как сложится судьба «провинциальных братьев». Их программа могла быть расширена (по разрешению министерства внутренних дел, ходатайству губернатора или просто де-факто без какого-либо дозволения) или сужена (из-за цензурного предупреждения или смены редактора), газету мог ждать коммерческий успех или прозябание, она могла «держат удар» частной прессы или быть задвинута ею на второй план. Из

унифицированного типового издания вырастали разнообразные, непохожие друг на друга по структуре и содержанию региональные варианты, лишь в общих чертах обнаружившие сходство с первоначальным проектом (что породило в исследовательской литературе дискуссию о типологии официальных губернских изданий). Скорее государство было готово следовать за ведомостями (сдерживая их информационное внимание или, напротив, не мешая развиваться), чем ведомости следовали за государством с постоянной оглядкой на законодательные и цензурные ограничения (речь, скорее, могла идти о самоцензуре).

В результате к началу XX в. обнаружилась парадоксальная ситуация: те ведомости, которые усиливали неофициальную часть, заводя в газете непредусмотренные законом рубрики (театральная критика, местная хроника, корреспонденции, фельетон, смесь и т.д.), заслужили внимание и одобрение Главного управления по делам печати, мнение их редакторов в 1901 г. было затребовано столицей в качестве основания для возможного реформирования сектора правительственных изданий. Ведомости же, следовавшие законодательным рамкам и потому не получавшие цензурных взысканий, оказались в ряду аутсайдеров.

Однако предложения о придании губернским ведомостям независимого от губернского правления и губернской типографии характера, о допущении публикации в них критических статей в отношении правительственной политики и деятельности местных властей, о расширении целевой аудитории неофициальной части за счет крестьянства не нашли поддержки в министерстве внутренних дел. Финансовые затраты превышали возможную пользу; сомнений в эффективности деятельности официальной прессы не было только у ее редакторов. Законодательные основания для провинциальных государственных газет так и не были обновлены в соответствии с изменившимися общественно-политическими обстоятельствами, они по-прежнему, в зависимости от конкретных условий, продолжали представлять собой различные по уровню содержания и влияния издания.

В условиях Первой русской революции царское правительство для стабилизации обстановки в стране и поднятия своего авторитета наряду с прочими средствами мобилизовало и казенную печать. Возможность влиять посредством печатного слова на общественные настроения и проводить целенаправленную политику и контрполитику в отношении оппозиции была осознана на самом высоком уровне. Монологичный характер властных импульсов по отношению к управляемым уступал место попыткам наладить диалог с ними. Исторически пресса в России возникла как зависимая от власти, но с ее развитием сама власть стала зависеть от прессы. За общественное мнение, которое до революции можно было игнорировать, стало необходимым бороться.

На своем региональном участке информационной войны расширенная неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» стала выполнять идеологическую функцию, сочетая в себе информацию и оценочные суждения о революционных событиях как в Центральной России, так и в Томске, городах и селах губернии. Целью местной правительственной газеты (выходившей уже не один, а два раза в неделю) стали антиреволюционная пропаганда, противостояние радикальным общественным настроениям и призыв к мирному реформаторскому решению политических и социально-экономических проблем в рамках традиционного религиозно-монархического мировоззрения.

В партийном смысле газета прошла путь от октябристской (с ноября 1905 г.) к черносотенной (с сентября 1906 г.), и если бы об истории Первой русской революции предстояло судить только по «Томским губернским ведомостям», то можно было бы говорить о всеобщей поддержке самодержавной власти и неприятии социалистической идеологии. Однако результаты пропагандистской работы местной официальной газеты в «умственном центре Сибири» были невелики. Правые монархические силы на итоговых выборах в I, II и III Государственную Думу потерпели поражение. Кроме определивших такую ситуацию общественно-политических фак-

торов, следует отметить и запоздалое осознание правительственными кругами (при том немногими его дальновидными представителями) необходимости развития сети собственных казенных изданий как общеимперского информационного проекта.

До Первой русской революции Главное управление по делам печати выстраивало отношения с частными изданиями преимущественно в охранительном, «обезвреживающем» направлении. Борьба с «крамолой» путем цензурных ограничений, штрафов, недопущения новых и закрытия прежних изданий была важнее, чем развитие и расширение собственного правительственного сегмента периодики, способной объяснять подданным действия власти, полемизировать с политическими оппонентами, выстраивать диалог с читателями.

К газете, в том числе и местной официальной, читателя и подписчика необходимо приучать. Для этого правительству необходимо было довериться, наконец, местным редакторам губернских и областных ведомостей, поддержать их инициативы (чего не было сделано в 1901 г.), отставив мелочную опеку и попытки стерилизовать печатное слово (запрет в ведомостях на полемику, критику, личное мнение, памфлет и сатиру). Внезапное, в пожарном порядке, расширение программы ведомостей мало способствовало мирному обновлению и противостоянию революционному экстремизму. Когда власть проявила готовность к диалогу, слушателей у нее не оказалось. Создать головное центральное оперативное и профессиональное правительственное издание, свободное от бюрократических проволочек, не стесненное в средствах и пользующееся доверием общества, так и не удалось.

В послереволюционный период, в 1908–1910 гг., неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» на некоторое время сохранила свое общественно-политическое звучание (скорее, по инерции предшествующих событий). Несмотря на созданный за год до революции, в феврале 1916 г., второй съезд представителей местных казенных газет, предложения по улучшению их издания

сохранились лишь в виде итоговой декларации, новое революционное потрясение царское правительство встретило вновь с «заржавленным арсеналом».

Если газета не поспевала за быстротекущим историческим временем, то время само видоизменяло газету и вносило в нее новое содержание. «Томские губернские ведомости» в ходе Февральской революции стали «Известиями Томской губернии», а затем слились с «Голосом свободы» как официальной газетой новой революционной власти в Томске и Томской губернии – Временного Комитета общественного порядка и безопасности, затем Томского губернского народного собрания. Необходимость в собственном ежедневном печатном органе была очевидной – историческое время убыстрялось, и население должно было оперативно информироваться о постановлениях и распоряжениях новой власти (которые частные газеты размещали не всегда вовремя или произвольно располагая на страницах). Будучи правопреемником Томского губернского управления, новые демократические органы «унаследовали» занимаемые им помещения и губернскую типографию.

Основной (общественно-политический) раздел «Голоса свободы» носил умеренно-социалистический характер; можно выразиться даже более определенно – был органом томских эсеров и меньшевиков. В числе депутатов и в составе исполнительного комитета губернского народного собрания преобладали представители этих партий. К социалистам-революционерам принадлежал и редактор газеты М.Б. Шатилов, сам определявший ее направление очень своеобразно – как издаваемую в «беспартийно-социалистическом духе». Областные идеи как реакция на «большевистский переворот» были представлены в «Голосе свободы» материалами о деятельности Сибирского областного съезда в октябре 1917 г.

Кредит общественного доверия к новой официальной революционной прессе, занявшей место прежней официальной консервативной, был быстро исчерпан (возможно, недоверие к печат-

ным органам Временного правительства выросло из недоверия к каким-либо официальным органам вообще). На смену имперскому проекту центральной и региональной правительственной печати пришел советский проект, демонстрировавший и развивавший наиболее жесткие формы коммуникации власть – общество, характерные для предшествовавшего периода: монополизация печатного слова, жесткая цензура, монологичность, организационное и содержательное огосударствление прессы, ликвидация оппозиционных изданий и репрессии против их сотрудников. Сравнительный анализ двух моделей правительственной печати – императорской и советской России – представляется весьма плодотворным исследовательским пространством для выявления и характеристики некоторых устойчиво воспроизводящихся в нашей стране особенностей исторического развития.

РЕДАКТОРЫ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ
«ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» (1857–1917 гг.)

Редактор	Чин и должность	Образование	Период работы
1	2	3	4
Мещерин Федор Семенович ¹	Статский советник, директор Томской мужской гимназии и директор училищ Томской губернии	Московская духовная академия, магистр богословия	1857. № 1. 15 августа – 1859. № 14. 3 апреля
Попов Михаил Логинович ²	Статский советник, директор Томской мужской гимназии и директор училищ Томской губернии	Санкт-Петербургский главный педагогический институт, старший учитель	1859. № 15. 10 апреля – 1861. № 51. 29 декабря
Русанов Илья Федорович	Губернский секретарь, столоначальник Томской экспедиции о ссыльных	Горыгорецкий земледельческий институт в Могилевской губернии (неполный курс)	1862. № 1. 5 января – 1862. № 51. 28 декабря
Кузнецов Дмитрий Львович ³	Титулярный советник, учитель русской словесности Томской мужской гимназии	Казанская духовная академия, кандидат богословия	1863. № 1. 4 января или с № 36. 13 сентября – 1865. № 35. 10 сентября
Николаев Александр Романович	Коллежский ассессор, секретарь Томской губернской строительной комиссии	Казанский университет, кандидат камеральных наук	1865. № 36. 17 сентября – 1866. № 10–11 11 и 18 сентября

1	2	3	4
Стефанов Николай Ильич ⁴	Коллежский секретарь (с 5.08.1866 г. – титулярный советник, с 5.08.1869 – коллежский асессор, с 5.08.1873 – надворный советник), начальник газетного стола, смотритель губернской типографии, редактор официальной части «Гомских губернских ведомостей»	Томская губернская гимназия	1866. № 12–13 25 марта и 8 апреля – 1868. № 20. 24 мая; 1868. № 37. 20 сентября – 1873. № 30. 4 августа; 1877. № 20. 21 мая – 1880. № 12. 22 марта; 1880. № 18. 10 мая – 1880. № 25. 28 июня
Смирнов В.	?	?	1868. № 21. 31 мая – 1868. № 36. 15 сентября
Парфианович Иосиф Афанасьевич	Коллежский регистратор, начальник газетного стола, смотритель губернской типографии, редактор официальной части «Гомских губернских ведомостей»	Минская губернская гимназия, Петербургский университет (неполный курс)	1873. № 31. 11 августа – 1877. № 19. 14 мая
Вольский О.	Канцелярский служитель, столоначальник Томского губернского правления	?	1880. № 13. 29 марта – 1880. № 17. 3 мая; 1881. № 9. 28 февраля – 1881. № 10. 7 марта
Тихомандрицкий Николай Федорович	Канцелярский служитель, начальник газетного стола, смотритель губернской типографии, редактор официальной части «Гомских губернских ведомостей»	?	1880. № 26. 5 июля – 1880. № 29. 26 июля

1	2	3	4
Сухопаров Николай Иванович	Канцелярский служитель, начальник газетного стола, смотритель губернской типографии, редактор официальной части «Томских губернских ведомостей»	Томская духовная семинария, Казанский университет (неполный курс)	1880. № 30. 2 августа – 1881. № 8. 21 февраля
Горт-де-Гротт Карл Карлович	Действительный студент (с 17.03.1882 – губернский секретарь), чиновник особых поручений без содержания. С 4.03.1881 – начальник газетного стола, смотритель губернской типографии, редактор официальной части «Томских губернских ведомостей»	Петербургский университет, юридический факультет, действительный студент	1881. № 11. 14 марта – 1882. № 10. 6 марта
Без указания редактора			1882. № 11. 13 марта – 1882. № 12. 20 марта
Корш Евгений Валентинович	Помощник ревизора томской контрольной палаты	Петербургский университет, юридический факультет, кандидат	1882. № 13. 27 марта – 1883. № 4. 27 января
Васильев Николай Евгеньевич	Начальник газетного стола, смотритель губернской типографии, редактор официальной части «Томских губернских ведомостей»	Барнаульское окружное училище	1883. № 5. 3 февраля – 1884. № 1. 5 января ⁵

1	2	3	4
Поникаровский И. В.	Начальник газетного стола, смотритель губернской типографии (?), редактор официальной части «Томских губернских ведомостей»	?	1884. № 2. 12 января – 1886. № 10. 6 марта
Гусельников Николай Григорьевич	Канцелярский служитель (с 1915 г. – коллежский асессор, чиновник особых поручений). Заведующий газетным столом, редактор официальной части «Томских губернских ведомостей»	Без образования («воспитание получил при родителях»)	1886. № 11. 13 марта – 1905. № 42. 17 ноября; 1914. № 1. 1 января – 1917. № 10. 5 марта
Виноградов Павел Тимофеевич	Статский советник, инспектор по делам печати, для поврежденных и неповрежденных изданий в Томской губернии	Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет, действительный студент	1905. № 43. 23 ноября – 1906. № 67. 6 сентября
Бицюк Иван Евтихийевич	Подпоручик запаса, чиновник особых поручений, казначей губернского управления	?	1906. № 68. 10 сентября – 1906. № 70. 17 сентября; 1906. № 85. 8 ноября – 1906. № 90. 26 ноября

1	2	3	4
Дуров Алексей Васильевич	Действительный статский советник, неприменный член Томского губернского управления по крестьянским делам	Санкт-Петербургский земледельческий институт	1906. № 71. 20 сентября – 1906. № 84. 4 ноября;
Мейер Владимир Эдуардович	Коллежский асессор (с 1911 – надворный советник), председатель Томского губернского управления (вице-губернатор)	?	1906. № 91. 29 ноября – 1907. № 49. 1 июля
Загряжский Александр Георгиевич	Полковник, председатель Томского губернского управления (вице-губернатор)	?	1907. № 50. 4 июля – 1913. № 13. 17 февраля
			1913. № 14. 21 февраля – 1913. № 97. 29 декабря

¹ С № 43 от 24 октября 1858 г. цензурировать неофициальную часть газеты стал томский губернатор А.Д. Озерский, и фамилия Ф.С. Мещерина исчезла со страниц газеты, но, вероятно, он продолжал исполнять обязанности редактора неофициальной части вплоть до выхода на пенсию в 1859 г.

² М.Л. Попов был назначен директором томской гимназии 7 апреля 1859 г. Возможно, он сменил Ф.С. Мещерина и на посту редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей». Однако это лишь предположение. Возможно, должность редактора неофициальной части исполняли чиновники губернского правления А.И. Лалетин и А.Ф. Мещерин, бывшие в 1858–1862 гг. редакторами официальной части «Томских губернских ведомостей».

³ Фактически редактор неофициальной части ведомостей Д.Л. Кузнецов стал указываться с № 36 от 13 сентября 1863 г. Возможно, он начал исправлять эту должность с первого номера 1863 г. Под фамилией редактора располагалась надпись: «Напечатано с разрешения цензуры в Томской губернской типографии».

⁴ С 14 февраля 1864 г. Н.И. Стефанов был назначен редактором, начальником газетного стола и смотрителем типографии губернского правления. Однако функции редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей» он стал выполнять с № 12–13 от 25 марта – 8 апреля 1866 г., о чем и было указано в газете.

⁵ Фактически неофициальную часть «Томских губернских ведомостей» до № 37 от 28 сентября 1883 г. продолжал редактировать Е.В. Корш.

**«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» (1857–1917):
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГАЗЕТЕ**

Год	Кол-во номеров в год	Место хранения номеров полного комплекта неофициальной части	День выхода	Формат газетного блока, см	Объем официальной части в газетных листах	Объем неофициальной части в газетных листах	Общий объем газетных в газетных листах	Нумерация страниц	Верстка	Кол-во страниц в номере
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1857	19	РНБ: 4, 6, 13 (содержатся в официальной части 1857 г.)	Пятница	30,5 × 21	176 (96,2%)	7 (3,8%)	183	Сквозная (для неоф. части начала нумерация до страницы 3, затем в виде отдельных листов без указания страниц)	2 вертикальные колонки	От 5 до 14
1858	51	НБ ТГУ: 1–3, 5–29, 34, 36, 37, 38, 40–49. НГО НБ: 1–16, 18–20, 22–32, 34–48, 49, 50–51. РНБ: 33	Пятница	28 × 21	687 (62,6%)	410 (37,4%)	1 097	Сквозная	2 вертикальные колонки	От 4 до 26

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1859	51	НГО НБ: 2-21, 23-24, 27-29, 31-36, 38-42, 44. РНБ: 1, 22, 25, 26, 30, 37, 43, 45-51	Пятница	27,5 × 21	643 (62,1%)	392 (37,9%)	1 035	Сквозная	2 вертикальные колонки	От 7 до 20
1860	52	НБ ТГУ: 30-52. НГО НБ: 1, 3-7, 9-17, 20-23, 25-36, 38-44, 47-52. РНБ: 2, 18, 19, 24	Пятница	27,5 × 21,5	724 (65%)	390 (35%)	1 114	Сквозная	2 вертикальные колонки	От 6 до 9
1861	50	НБ ТГУ: 5-12, 15-50. НГО НБ: 1-51	Пятница	26,5 × 21,5	385 (50,5%)	377 (49,5%)	762	Сквозная	2 вертикальные колонки	От 4 до 8
1862	51	НБ ТГУ: 1-13. БАН: 14-51	Пятница	26,5 × 21	703 (63,7%)	401 (36,3%)	1 104	Сквозная (отдельная для оф. и неоф. частей)	2 вертикальные колонки	От 8 до 26
1863	51	НБ ТГУ: 3-27, 31-36, 38-42, 44-45, 47, 50. НГО НБ: 1-51	Пятница	29,5 × 21,5	744 (67,5%)	359 (32,5%)	1 103	Сквозная (отдельная для оф. и неоф. частей)	2 вертикальные колонки	От 3 до 24
1864	51	НБ ТГУ: 7-8, 11-14, 32-38, 40-44, 46-50. НГО НБ: 1-19, 22-24, 26-41, 44-51	Пятница	26,5 × 21	386 (51,7%)	361 (48,3%)	747	Сквозная (отдельная для оф. и неоф. частей)	2 вертикальные колонки	От 4 до 12

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1865	51	НБ ТГУ: 1-4, 7-19, 23-27, 31-34, 37-44, 46-51. НГО НБ: 1-27, 30(31)-34, 36-43, 46-49. № 28/29 – не найден	Пятница	27 × 21,5	724 (68,4%)	334 (31,6%)	1 058	Раздельная (для оф. и неоф. частей)	2 верти- кальные колонки	От 10 до 32
1866	50	НБ ТГУ: 1-8, 10-40, 48-50. НГО НБ: 18-20, 25-27, 30, 32-39, 42, 48. БАН: 9, 41, 43-47	Пятница	25,4 × 21 № 1-16	158 (67,5%)	76 (32,5%)	234	№ 1-16 Раздельная (для оф. и неоф. частей)	2 верти- кальные колонки	От 16 до 20
				43 × 26,5 № 17-50	238 (78%)	67 (22%)	305	№ 17-51 Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)		
1867	51	НБ ТГУ: 2-4, 6, 8, 10-20, 22-33, 35-41, 43-50. НГО НБ: 2, 4, 5, 10, 19, 20, 22, 27, 28, 30-33, 46-51. БАН: 1, 7, 9, 21, 34, 42	Пятница	42,6 × 26	293 (70%)	125 (30%)	418	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	Раздельная (неоф. часть со- вместно с оф.)	От 6 до 12
1868	51	НБ ТГУ: 1-35, 37-50. НГО НБ: 1, 8-10, 16-17, 20-34, 37, 39-42, 45. БАН: 36, 51	Пятница	42,4 × 26	362 (68,8 %)	164 (31,2 %)	526	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	2 верти- кальные колонки	От 6 до 16

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1869	51	НБ ТГУ: 1–3, 5–31, 33–44, 46–51. НГО НБ: 4–10, 12, 17– 19, 26–27, 34, 36, 42, 48. БАН: 32, 45	Пятница	42 × 25,5	294 (61,6%)	183 (38,4%)	477	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	2 верти- кальные колонки	От 6 до 12
1870	51	НБ ТГУ: 1–51	Пятница. С № 4 от 24 янва- ря – по субботам	43 × 26	322 (61,2%)	204 (38,8%)	526	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	2 верти- кальные колонки	От 6 до 18
1871	51	НБ ТГУ: 2, 4–51. НГО НБ: 2–51. БАН: 1	Суббота	51,5 × 35	181 (59,2%)	125 (40,8%)	306	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 10
1872	52	НБ ТГУ: 1–52. НГО НБ: 1–14, 16–25, 27–52	Суббота	42 × 26,4 № 1–6 50 × 34,5 № 7–52	41 (85%) 199 (72,1%)	7 (15%) 77 (27,9%)	48 276	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1873	51	НБ ТГУ: 1–51. НГО НБ: 1–51	Суббота	50 × 34,5	171 (62,4%)	103 (37,6%)	274	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1874	51	НБ ТГУ: 1–46, 48–51. НГО НБ: 1–35, 37–51	Суббота	50,5 × 34,5	176,5 (61,7%)	109,5 (38,3%)	286	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1875	51	НБ ТГУ: 1–51	Суббота	50 × 32,7	189 (65,2%)	101 (34,8%)	290	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1876	51	НБ ТГУ: 3–29, 31–51. НГО НБ: 1–23, 31–51. БАН: 30	Суббота	51,5 × 34	196 (73,1%)	72 (26,9%)	268	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1877	52	НБ ТГУ: 1–52	Суббота	47,5 × 33,5	208 (66%)	107 (34%)	315	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1878	52	НБ ТГУ: 2–38, 40–51. НГО НБ: 1–51	Суббота	50 × 34	168 (63,6%)	96 (36,4%)	264	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1879	51	НБ ТГУ: 1–42, 44–51. НГО НБ: 1–51	Суббота	48,5 × 33	172 (68%)	80 (32%)	252	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1880	51	НБ ТГУ: 1–20, 22–50. БАН: 21, 51	Суббота	48,5 × 33	162 (59%)	112 (41%)	274	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 8

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
1881	51	НБ ТГУ: 1–51	Суббота	48,5 × 33	141 (57,5%)	104 (42,5%)	245	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 вертикальные колонки	От 4 до 8	
1882	551	НБ ТГУ: 1–13	Суббота.	51 × 33,5	37 (63,8%)	21 (36,2%)	58	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 вертикальные колонки	От 4 до 6	
		НБ ТГУ: 14–51. НГО НБ: 14–51	С № 17 от 29		апреля – по чет- вергам	208 (28,1%)	532 (71,9%)	740	Сквозная (раздельно для оф. и неоф. час- тей)	2 вертикальные колонки	От 16 до 24 (с № 14 нуме- рация для каждой колон- ки на листе)
		С № 14 от 10 апреля неофициальная часть издавалась отдельно от официальной									
1883	51	НБ ТГУ: 1–36. НГО НБ: 1–36	Четверг	31,5 × 22 № 1–4 31,5 × 24 № 5–51	181 (36,7%)	312 (63,3%)	493	Сквозная (раздельно для оф. и неоф. час- тей)	2 вертикальные колонки	От 10 до 18 (нуме- рация для каждой колон- ки на листе)	

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
		НБ ТГУ: 37–51. НГО НБ: 37–51. С № 37 от 22 сентября неофициальная часть издавалась совместно с официальной			84 (67,2%)	41 (32,8%)	125	Сквозная (неоф. часть совместно с оф.)		От 6 до 12 (нуме- рация для каждой колон- ки на листе)
1884	51	НБ ТГУ: 1–45, 47–51. НГО НБ: 16, 27–29, 33–34, 35, 37–43, 45– 46, 48	Четверг	33,5 × 25,5	406 (59,5%)	276 (40,5%)	682	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	2 верти- кальные колонки	От 8 до 16 (нуме- рация для каждой колон- ки на листе)
1885	51	НБ ТГУ: 1–51. НГО НБ: 5, 9–40, 47	Четверг	33,5 × 25,5	415 (68,7%)	189 (31,3%)	604	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	2 верти- кальные колонки	От 8 до 20 (нуме- рация для каж- дой колонки на листе)

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1886	51	НБ ТГУ: 1–51. НГО НБ: 7–13, 19–51	Четверг	33,5 × 25,5	461,5 (72,8%)	172,5 (27,2%)	634	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	2 вертикальные колонки	От 8 до 20 (нумера- ция для каж- дой колонки на листе)
1887	552	НБ ТГУ: 1–52	Четверг	35 × 26 № 1–12	267 (61,5 %)	167 (38,5 %)	434	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	2 вер- тикальные колонки	От 8 до 16 (нумера- ция для каждой колон- ки на листе)
				43 × 29,5 № 13–52				Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	
1888	51	НБ ТГУ: 1–51. НГО НБ: 19–22, 24– 28, 30–44, 46–51	Четверг	43 × 29,5	246 (73%)	90 (27%)	336	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 10 (нумера- ция для каждой колон- ки на листе)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1889	51	НБ ТГУ: 1-51. НГО НБ: 1-51	Четверг	43 × 29,5	252 (64,3%)	140 (35,7%)	392	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 10
1890	51	НБ ТГУ: 1-51	Четверг	43 × 29,5	278 (75%)	93 (25%)	371	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 6 до 10
1891	51	НБ ТГУ: 1-51	Четверг	44,5 × 29,3	230 (70,1%)	98 (29,9%)	328	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 2 до 12
1892	52	НБ ТГУ: 1-52. НГО НБ: 1-39, 41, 43-52	Четверг	43,5 × 28,5 № 1-27 39,5 × 28,5 № 28-52	104 (57%) 119 (59,5%)	78 (43%) 81 (40,5%)	182 200	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 6 до 12
1893	51	НБ ТГУ: 1-51. НГО НБ: 1-43	Четверг	39,5 × 29	214 (56%)	168 (44%)	382	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	3 верти- кальные колонки	От 4 до 12
1894	51	НБ ТГУ: 1-51	Четверг	43 × 34	208 (58,8%)	146 (41,2%)	354	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 6 до 12

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1895	51	НБ ТГУ: 1–51	Четверг	43 × 34	186 (58,1%)	134 (41,9%)	320	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 6 до 10
1896	51	НБ ТГУ: 1–51. НГО НБ: 6–23, 25–51	Четверг	43 × 34	240 (69,8%)	104 (30,2%)	344	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 10
1897	51	НБ ТГУ: 1–51	Четверг	43 × 34	232 (66,7%)	116 (33,3%)	348	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 6 до 10
1898	52	НБ ТГУ: 1–52	Четверг	43 × 34	196 (62,4%)	118 (37,6%)	314	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 6 до 8
1899	51	НБ ТГУ: 1–32, 34–51. НГО НБ: 2, 4–51	Четверг	43 × 34	162 (59%)	114 (41%)	276	Раздельная (неоф. часть совм. с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1900	51	НБ ТГУ: 1–51. НГО НБ: 1–21, 23–24, 26–51	Четверг	43 × 34	179,5 (49,6%)	182,5 (50,4%)	362	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 10
1901	51	НБ ТГУ: 1–51. НГО НБ: 1–49	Четверг	43 × 34	195 (65%)	105 (35%)	300	Раздельная (неоф. часть совм. с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1902	51	НБ ТГУ: 1-47, 49-51. НГО НБ: 1-6, 8-9, 11-36, 38-51	Четверг	43 × 34	248 (57,7%)	182 (42,3%)	430	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1903	51	НБ ТГУ: 1-50. НГО НБ: 1-3, 5-41, 43-51	Четверг	43 × 33	189 (63%)	111 (37%)	300	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 6 до 10
1904	52	НБ ТГУ: 1-20, 22-28, 30-52. НГО НБ: 1-14, 16-52	Четверг	44 × 34	176 (66,2%)	90 (33,8%)	266	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1905	52	НБ ТГУ: 2-14, 16-17, 19-25, 27, 29, 30, 31, 33-36, 38-43, 46-50. НГО НБ: 1-42, 44-48, 50-51. БАН: 52	Четверг. С № 43 от 23 ноября – по сре- дам и воскре- сеням	44 × 32,5	176 (60,7%)	114 (39,3%)	290	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1906	99	НБ ТГУ: 1-51, 53-80, 82-99. НГО НБ: 2-40, 51, 56-58, 68, 70-86, 88-89, 92-94, 96-99. БАН: 52	Среда, воскре- сенье	44,5 × 32,5	247 (59,7%)	167 (40,3%)	414	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 14

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1907	96	НБ ТГУ: 1–70, 72–94, 96. НГО НБ: 4–45, 47–63. БАН: 71, 95	Среда, воскре- сенье	44,5 × 32,5	295 (55,8%)	234 (44,2%)	5530	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1908	88	НБ ТГУ: 2–88. БАН: 1	Среда, воскре- сенье	44,5 × 32,5	352 (68,2%)	164 (31,8%)	516	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8
1909	97	НБ ТГУ: 2–97. НБ НГО: 1–7, 9–20, 51–97	Среда, воскре- сенье	46 × 32	376 (75,5%)	122 (24,5%)	498	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 2 до 10
1910	96	НБ ТГУ: 1–95. НБ НГО: 1–9, 11–34, 36–37, 39–56, 65–77, 79–91, 93–94. БАН: 96	Среда, воскре- сенье	46 × 32	477 (85,8%)	79 (14,2%)	556	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 12
1911	94	НБ ТГУ: 2–94. БАН: 1	Среда, воскре- сенье	47 × 32	423 (84,6%)	77 (15,4%)	500	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 12
1912	97	НБ ТГУ: 1–95, 97. БАН: 96	Среда, воскре- сенье	47 × 32	465 (90,1%)	51 (9,9%)	516	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 4 до 8

Продолжение прил. 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1913	97	НБ ТГУ: 1–97	Среда, воскре- сенье	47 × 32	466 (91,7%)	42 (8,3%)	508	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 2 до 8
1914	101	НБ ТГУ: 1–101	Среда, воскре- сенье	47 × 32	469 (96,9%)	15 (3,1%)	484	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 2 до 10
1915	101	НБ ТГУ: 1–101	Среда, воскре- сенье	47 × 32	452 (95 %)	24 (5 %)	476	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 2 до 8
1916	68	НБ ТГУ: 1–67. БАН: 68	Среда, воскре- сенье С № 37 от 22 мая только по воскре- сеньям	43,7 × 31,6; 48 × 32,8; 44,5 × 32,8	283 (94%)	17 (6%)	300	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 2 до 10
1917	10	НБ ТГУ: 1. БАН: 2, 9–10. РНБ: 3–8	Воскре- сенье	45,7 × 32	56 (96,6%)	2 (3,4%)	58	Раздельная (неоф. часть совместно с оф.)	4 верти- кальные колонки	От 2 до 6

Примечание. НБ ТГУ – Научная библиотека Томского гос. ун-та; НГО НБ – Новосибирская гос. обл. научная библиотека; БАН – Библиотека Академии наук (С.-Петербург); РНБ – Российская национальная библиотека (С.-Петербург).

Приложение 3

**ГАЗЕТНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ О ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ РЕФОРМЕ ГУБЕРНСКИХ
И ОБЛАСТНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ (АПРЕЛЬ – ИЮЛЬ 1901 г.)**

Газета	Заголовки статьи	Подпись	Отношение к реформе		Фрагмент текста
			Одобрение, оптимизм, конструктивные предложения	Критика, пессимизм	
1	2	3	4	5	6
«Россия». № 696	«Чем они не могут быть...»	Далин		—	«Нет, не могут быть губернские ведомости проводниками всякой культурной идеи, не могут они даже хотя бы только и просто отражать местную жизнь с необходимой правдивостью. Все это может быть делом только частного издания...»
«Новости дня». № 6391	«Интересы дня»	В. В-нъ	+		«Ведомости, если их надлежало бы поставить, должны явиться примером спокойной, справедливой в своих суждениях и отзывах газеты, ставящей себе одну цель – выяснение всего специального значения местных интересов в согласии с интересами общегосударственными»
«Русское слово». № 94	«Еще о губернских ведомостях»	Свой			«Губернские ведомости не могут пользоваться свободой критики. Могут ли они обсуждать с известной прямотой какой-нибудь вопрос в духе, не согласном с взглядами на этот вопрос центрального ведомства, могут ли они свободно разбирать и освещать новое мероприятие, законодательный акт?»

1	2	3	4	5	6
«Русское слово». № 95	«О Губернских ведомостях»	Свой		–	«...реформа губернских ведомостей сильно задержала бы рост провинциальной печати и создала бы нежелательную монополию печатного слова»
«Россия». № 701	«Чем они должны быть...»	Далин		–	«...пусть лучше губернские ведомости будут только губернскими ведомостями, а газеты пусть издаются не губернским начальством, пусть и редактируются, и составляют не чиновниками (хотя бы и по вольному найму), а свободными писателями»
«Русское слово». № 92	«Губернские ведомости»	Свой		–	«...в их [губернских ведомостях] существовании есть серьезное зло; прежде всего они, несомненно, тормозят развитие частной периодической печати...»
«Могилевские губернские ведомости». № 22			+		«...мы с глубокой признательностью вспоминаем <...> наших почтенных корреспондентов, являвшихся выразителями местных нужд и сделавших “Могилевские губернские ведомости” местным органом. Им мы обязаны авторитетным признанием полезности наших ведомостей»
«Могилевские губернские ведомости». № 23			+		«Сознательно относящийся к делу редактор губ. вед. смотрит на свои обязанности гораздо шире, в особенности если он знает свой край: пред его кругозором встает такая масса серьезных вопросов по выяснению духовных и материальных нужд населения, что критика, может быть, и не всегда удачных, но, во всяком случае, вредных и скоропереходящих распоряжений местной администрации, при наличности вопросов первой важности, совсем не входит в его программу»

1	2	3	4	5	6
«Новое время». № 9022				–	«Везде в этих городах [откуда прибыли редакторы неофициальных частей], местная печать представлена ведомостями, которые конечно, следует отнести к суррогатам гласности»
«Новости». № 98	«Среди обывателей»			–	«...скупно, очень скудно и даже для здоровья небезопасно читать постоянно и подолгу губернские ведомости»
«Бессарабец». № 94				–	«...не позднее бы было создать условия, при которых частная печать могла бы выполнить эту культурную миссию; а неизменно производимые затраты, какие вызвало бы издание "Губернских ведомостей", употребить на содержание отдельных цензоров»
«Россия». № 705	«Наши корреспонденты. Губернские ведомости и губернские статистические комитеты»	N.N.	+		«Задача "Губ. вед." – служить местным губернским органом для изучения губернии, органом для местного статистического комитета, который, по идее его учреждения, должен составлять как бы местное <i>ученое</i> общество губернии...»
«Волгарь». № 97	«Губернские ведомости»		+		«...губернские ведомости и губернские типографии далеко не составляют тормоза частным издательским или типографским предприятиям в провинции»
«Южанин». № 93				–	«Губернским ведомостям лучше всего оставаться тем же официальным органом для печатания распоряжений, циркуляров и движений по службе, каковым они и были до сих пор»
«Бессарабские губернские ведомости». № 81	«Еще по вопросу о реформе губернских ведомостей»	Б. Богданович	+		«Харьковские, вятские, полтавские, кубанские, ломжинские и еще некоторые другие ведомости насчитывают своих подписчиков тысячами только потому, что увеличили свои неофициальные отделы»

1	2	3	4	5	6
«Биржевые ведомости». № 97	«К реформе губернских ведомостей»	Бывший редактор		–	«Искусственное развитие неофициального отдела губернских ведомостей может сослужить лишь очень дурную службу серьезному делу насаждения провинциальной печати <...> От “губернской” же литературы избави нас Бог...»
«Южный край». № 6990				–	Приведен большой фрагмент из статьи «Биржевые ведомости» (№ 97). В завершении делается вывод: «Пока губернские ведомости будут оставаться казенным органом, руководимым губернскими чиновниками, больше помышляющими о типографских суммах, чем об интересах их подневольных подписчиков, – надежды на их прогресс не много»
«Санкт-Петербургские ведомости». № 105	«По предпологаемой реформе “Губернских ведомостей”»	Александр Коротнев		–	«... почти за три четверти века своего существования ведомости ни на шаг не подвинулись вперед в смысле своего внутреннего содержания, которое по-прежнему почти целиком исчерпывается правительственными распоряжениями, объявлениями о перемещении чиновников, сообщениями о пожарах по губернии и т. п.»
«Приднепровский край». № 1163	«К вопросу о преобразовании губернских ведомостей»			–	Выдержки из статьи про губернские ведомости в «Новом времени» (№ 9022)
«Новости дня». № 6406		С. О.	+		«... никто и не говорит о том, что среди “губернских” литераторов сидят какие-нибудь гении, какие-нибудь выдающиеся мудрецы. Нужно лишь, чтобы оказались самые простые, честные люди, умеющие грамотно выражать свои мысли и понимающие местные нужды»

1	2	3	4	5	6
«Курьер». № 109	«Реформа губернских ведомостей»		+		«Собравшейся комиссии, следовательно, предстоит обсудить прежде всего именно вопрос об условиях, тормозящих развитие губернских ведомостей. При устранении этих условий они явятся столь же желанным гостем читателя, как и всякая частная газета...»
Приложение к «Вятским губернским ведомостям». № 43	«Реформа губернских ведомостей»	Н. Озеров	+		«Хорошо поставленная губернская газета делается необходимым для каждого грамотного жителя губернии и послужит целям самообразования, а с ним и росту губернии и подъему сил и способностей населения»
«Приазовский край». № 103	«Владикавказ»	Г. Хмаров	+		«... некоторым губернским ведомостям удается по интересу и количеству материала несколько не уступать даже более или менее солидным частным провинциальным органам»
«Пермские губернские ведомости». № 88	«Ведают ли, что творят?»	Старый провинциальный журналист	+		«... частная печать, так несется сама и все себе без всяких исключений выдающая похвальный лист, приговаривая в то же время официозную к смертной казни, разве в силах доказать, что слово <i>частный</i> равнозначает слову – <i>частный</i> <...> Я понимаю так: если вам, столичным генералам от литературы, так дороги судьбы частной провинциальной печати, то пожалуйста сюда работать, вы нужны, страшно нужны. Но вы не пойдете, я знаю это хорошо, лично с некоторыми из вас беседы вел на сей счет; вам расстаться с Невским и прочим комфортом – ни за что невозможно»

1	2	3	4	5	6
Приложение к «Вятским губернским ведомостям». № 46	«Еще к вопросу, нужны ли губернские ведомости»	Совершенно верно	+		«Нет, не уничтожения губернских ведомостей следует желать, а допущения сдачи их в аренду частным лицам, хотя бы и с казенными типографиями вместе»
«Олонцкие губернские ведомости». № 46	«Комиссия по пересмотру действующих правил об издании губернских ведомостей»		+		«Эта комиссия оставит, несомненно, большой след в истории губернских ведомостей. Имевшие счастье участвовать в ней редакторы ведомостей увезли с собою, в свои провинциальные углы, самые радужные надежды относительно будущего того дорогого дела, которому они служат...»
«Пермские губернские ведомости». № 89	«К вопросу о реформе губернских ведомостей»		+		Выдержки из статьи про губернские ведомости в «Новостях днях» (№ 6406)
«Саратовские губернские ведомости». № 31	«О губернских ведомостях»	Ред.	+		«... наша печать точно испугалась, услышав о заботах правительства иметь такую газету, и тотчас забила тревогу, доказывая и ненужность, и бесполезность такой реформы <...> Уж не чуёт ли она в губернских ведомостях опасного конкурента своим издательским аппетитам? Не боится ли, что в ее кармане убавятся подписные рубли? <...> Пора бы уже понять, что дело не в чиновнике, а в <i>человеке</i> , что и не чиновник-литератор может быть великая бездарность, дрянь и пустомеля, и что, наоборот, литератор-чиновник может оказаться на высоте писательского звания и с большим талантом и умением вести газету»

1	2	3	4	5	6
«Новое время». № 9047	«Ни газета, ни приказ» (Корреспонденция «Нового времени»)			–	«Издание губернских ведомостей, будучи вполне обеспечено в материальном отношении казенными объявлениями, тормозит местные газеты всевозможными путями...»
«Биржевые ведомости». № 134	«Казенная газета и губернская типография»	В. Исполатов		–	«...они [корреспонденты в губернские ведомости] служат прекрасным средством для самовосхваления разных губернских деятелей из “начальства” их подчиненными, и случается, что такие реклады способны даже повышению в служебной карьере»
«Саратовские губернские ведомости». № 38	«Еще о губернских ведомостях»	Ред.	+		«Газета [губернские ведомости] должна быть проводником в местную жизнь <i>здоровых, трезвых и честных</i> взглядов, заботиться о разных сторонах <i>общего блага</i> и <i>порядка</i> в жизни»
«Уфимские губернские ведомости». № 135			+		«Выработанные комиссией правила имеют в виду создание в провинции таких печатных органов, которые являлись бы чуждыми всякой тенденциозности и служили бы целям народного просветительным»
«Санкт-Петербургские ведомости». № 178	«Губернские земские ведомости»	Провинциал		–	«Губернским ведомостям их неофициальная часть совершенно не нужна, они не знают, что с ней делать? И отлично, – отдайте эту часть земским работникам»

Научное издание

Шевцов Вячеслав Вениаминович

**«ТОМСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
(1857–1917 гг.) В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
И ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СИБИРИ**

Редактор – К.Г. Шилько
Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки О.А. Пчелинцев

Подписано к печати 15.05.2012 г. Формат 60х84¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Times.

Усл. печ. л. 24,4.

Тираж 300 экз. Заказ № .

*В оформлении книги использованы фотографии Томского губернского правления
(в здании которого находилась губернская типография), номера
«Томских губернских ведомостей» и ее преемников –
«Известий Томской губернии», «Голоса свободы»*

Отпечатано на оборудовании
редакционно-издательского отдела
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4. Оф. 011
Тел. 8+(382-2)–52-98-49

ISBN 978-5-94621-350-9



9 785946 213509 >